

Языки народов России

Н.Ф. Яковлев

***СИНТАКСИС
ИНГУШСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА***

МОСКВА
Academia

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Проф. Н. Ф. Яковлев

При участии А.С.Бекова, С.И.Озиева и Л.И.Ахриева

СИНТАКСИС
ИНГУШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Москва
«ACADEMIA»
2001

*Издание осуществлено по инициативе
председателя правительства Республики Ингушетия
Ахмета Псаевича Мальсагова и при финансовой поддержке
министра образования Республики Ингушетия
Сергея Магомедовича Чапанова*

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор
М.Е.Алексеев

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор
И. Ю. Алироев
доктор филологических наук, профессор
А. К. Шагиров

Яковлев Н.Ф. Синтаксис ингушского литературного языка.
Под ред. М. Е. Алексеева. М.: Academia, 2000. 472 с.

Книга представляет собой описание синтаксической структуры ингушского литературного языка, осуществленное автором в 30-е гг., не потерявшее научного значения и в наши дни. В монографии дается классификация и характеристика структурных и функциональных типов предложения, определяется статус членов предложения, выявляется роль согласования, порядка слов и других средств синтаксической связи в формировании предложения. Подробно исследовано функционирование в ингушском языке различных видов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Книга предназначена для специалистов-кавказоведов, аспирантов и студентов.

ISBN 5-87444-036-6

© Институт языкознания РАН, 2001 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. Синтаксис простого предложения	6
Задачи и метод синтаксического исследования	5
Отношение синтаксиса к другим отделам грамматики	6
Способы выражения синтаксической формы.....	7
Историческое развитие способов выражения синтаксической формы.....	9
ГЛАВА 1. Синтаксис простого предложения в целом ...	11
Определение предложения	10
Развитые и неразвитые предложения	13
Бессубъектные (безличные) предложения	19
Интонация предложения	20
Порядок слов в предложении.....	26
Силовое синтаксическое ударение.....	28
Типы предложения.....	32
ГЛАВА 2. Связь слов в простом предложении	46
Главные члены предложения	46
Сказуемое	46
Подлежащее	51
Прямое дополнение	55
Активный строй переходного предложения	56
Связь слов в предложении	67
Обороты или конструкции предложения	75
Обобщенные обороты	93
Процессные обороты.....	98
Схема развития оборотов.....	141
Залоги глагола	145
Второстепенные члены предложения	147
Косвенное дополнение.....	147
Родительное дополнение при дополняемом и определе- ние при определяемом.....	147
Обстоятельственные слова	195
Обстоятельство места	195
Обстоятельство времени.....	223
Обстоятельство образа действия или качества действия	223
Обстоятельство причины	232

Обстоятельство цели.....	234
Обособленные члены предложения	236
Слитное предложение, или предложение с однородными членами	251
ЧАСТЬ II. Синтаксис сложного предложения	269
ГЛАВА 1. Сложносочиненное предложение.....	269
ГЛАВА 2. Сложноподчиненное предложение	276
ГЛАВА 3. Сложноподчиненное предложение, включающее причастное придаточное предложение	290
ГЛАВА 4. Масдар как придаточная форма	356
ГЛАВА 5. Прочие типы объектных по значению придаточных предложений.....	372
ГЛАВА 6. Обстоятельственные придаточные предложения	396
ГЛАВА 7. Условные и уступительные придаточные предложения	450
ГЛАВА 8. Сложноподчиненное предложение с несколькими придаточными.....	463

ЧАСТЬ I. СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Задачи и метод синтаксического исследования. Синтаксис изучает типы предложений в целом, связь слов в простом предложении и связь слов и предложений в сложном предложении.

Предложения, даже если они состоят из одних и тех же слов и имеют одни и те же главные и второстепенные члены, могут изменять свою форму и иметь различное значение (примеры см. ниже на стр. 31 и сл.). Эта форма всего предложения в целом называется типом предложения и выражает различное отношение содержания речи к действительности.

Исследовав формы предложения в целом, мы переходим к изучению внутреннего состава предложения, т. е. к изучению различных форм связи слов внутри предложения. Предложение состоит из отдельных слов. Слова, из которых оно состоит, называются членами предложения. Члены предложения бывают главными и второстепенными. В ингушском языке связи слов в предложении выражаются как их порядком, интонацией, различными способами ударения (логического), так и морфологическим оформлением, т. е. их окончаниями, префиксами и т. д. Следовательно, когда мы изучаем связь слов в предложении, мы должны изучать и все способы выражения этой связи в отдельных словах. Поэтому в синтаксисе мы должны исследовать и те элементы, которые изучает морфология. Разница заключается в том, что морфология изучает слово и его формы изолированно, вне связи его с другими словами, синтаксис же изучает эти формы всегда только как выражение связи слов между собой — в составе предложения. Изучение внутреннего состава предложения — изучение связи слов в предложении — составляет вторую главу нашего синтаксиса.

После изучения простого предложения мы переходим к исследованию сложного предложения. Сложное предложение отличается от простого тем, что в его состав входят не только слова, но и целые предложения (главные и придаточные). Эти "предложения в предложении" играют роль таких же членов сложного предложения, как и отдельные слова. Таким образом, синтаксис сложного предложения изучает не только форму предложения в целом и связь слов, из которых оно состоит, но и связи одного или нескольких предложений, входящих в состав

сложного предложения. Вследствие этого исследование сложного предложения представляет собой более сложную задачу, чем исследование простого предложения. Для решения этой задачи мы придерживаемся следующей точки зрения: предложения, из которых состоит сложное предложение, независимо от их внутреннего словарного состава, представляют собой такие же члены сложного предложения, как и слова. Следовательно, придаточные предложения в основном мы считаем сложными по своему составу членами главного предложения и классифицируем их по той же системе, что и простые его члены – слова. Синтаксис сложного предложения составляет третью главу нашего исследования.

Метод синтаксического исследования основан на том, что предложение представляет собой отражение и определенного реального содержания, и мысли. Различные оттенки этой мысли и подробности этого реального содержания выражаются различными формами отдельных слов и целых предложений, входящих в состав данного предложения и, наконец, формой всего этого предложения в целом. Изучить и понять единство формы и содержания в предложении можно только исторически, исследуя историческое развитие формы предложения на основе развития того содержания, которое вложено в него жизнью. Такое изучение неминуемо выходит за пределы не только синтаксиса, но и языка вообще. Оно выводит нас в историю общества. История развития производительных сил и производственных отношений, история развития общества в целом и классовой борьбы в нем в конечном счете дают и речи, и всякому предложению их содержание. Всякая языковая форма, как это мы увидим дальше, вырастает из реального содержания речи, какой бы далекой от этого содержания, на первый взгляд, она ни казалась. Только исходя из этого положения мы можем правильно понять и объяснить любую грамматическую форму, в том числе и синтаксическую. Однако, всюду, где это позволяют сделать проделанные исследования, мы постараемся давать историческое объяснение ингушских синтаксических форм.

Отношение синтаксиса к другим отделам грамматики. Синтаксис представляет собой лишь один из отделов грамматики, т. е. науки о строе данного языка. Вместе с тем синтаксис представляет собой самый сложный и первый по порядку исследования отдел грамматики. Элементы, которые изучаются всеми остальными отделами грамматики, входят и в синтаксис. Нель-

зя изучать предложение и связь слов в нем, не исследуя морфологических элементов, т. е. различных окончаний или префиксов отдельных слов, которые зачастую и выражают эти связи. Следовательно, синтаксис исследует и те элементы, которые входят в морфологию. Но синтаксис изучает их иначе. Синтаксис изучает морфологические элементы только как выражение связи слов в предложении. Поэтому в синтаксисе объясняется подлинный смысл существования морфологических элементов в языке. Ибо и слова, и их морфологическое оформление, и звуки в языке существуют только как способы отражения действительности и мысли. Действительность же и мысль могут быть выражены только в форме предложений. Поэтому синтаксис представляет собой тот отдел грамматики, в котором раскрывается подлинный смысл существования всех других элементов грамматики. И слова, и значимые части слов (семы), и формы слов, и звуки, из которых они состоят, все это находит свое оправдание и объяснение только в предложении. Только в нем все эти элементы получают свое полное развитие и приобретают свое полноценное значение. Таким образом, синтаксис представляет собой и первую, основную, и последнюю, завершающую часть грамматического исследования. Всякое научное доказательство существования тех или иных значений слова, тех или иных форм этого слова (например, тех или иных частей речи, падежей, форм спряжения и т. д.) мы можем найти только в синтаксисе, т.е. в предложении или в сочетании слов, из которых состоит предложение. Такие мало изученные языки, как ингушский, следует изучать начиная с синтаксиса, так как в них часто приходится заново устанавливать или доказывать существование тех или других грамматических категорий. Поэтому мы и начинаем наше исследование ингушского языка с синтаксиса.

Синтаксис представляет собой единство (синтез) всех остальных отделов грамматики, единство и лексики, и семантики (учения о составе слова), и морфологии, и фонетики, единство, которое выражается в формах предложения. В этом смысле семантика и морфология представляют собой отражение синтаксиса в отдельном слове. Фонетика (учение о фонеме) представляет собой отражение морфологии в звуках. Лексика представляет собой отражение реального содержания речи в отдельном слове. В этом смысле слово можно назвать зародышевым, неразвитым предложением.

Способы выражения синтаксической формы. Вообще в языке существует пять способов выражения не только синтаксической, но

и грамматической формы вообще. Эти способы следующие: интонация, порядок слов, так называемое логическое ударение, добавление служебных слов или служебных частиц и, наконец, морфологическое оформление отдельных слов. В различных языках эти формы употребляются по-разному. В общем, однако, можно сказать, что в наиболее развитых языках – в языках нашей эпохи – в той или иной мере представлены все эти пять способов оформления.

Интонацией называется повышение или понижение музыкального тона, т. е. голоса, на протяжении отдельного предложения. Под порядком слов мы понимаем тот порядок, в котором располагаются слова – члены предложения. Смысловое подчеркивание отдельного слова в предложении, т. е. перенесение внимания на одно из слов, составляющих предложение, называется “логическим” ударением в том случае, если оно выражается в усилении голоса, т. е. в более громком произнесении данного слова. Обычное название этого ударения, однако, неудачно. В нем в сущности нет ничего логического. Логическое ударение представляет собой просто грамматическую форму, служащую для смыслового подчеркивания, т. е. для перенесения внимания на одно из слов в предложении. Поэтому будет правильнее назвать этот род ударения, в отличие от ударения в слове (лексического ударения), – синтаксическим ударением. Помимо этих способов выражения грамматической формы предложения, изменение форм предложения в целом достигается добавлением в его состав тех или иных служебных слов или частиц, например, частиц отрицания, различных усилительных частиц и т. д. Под служебными словами и частицами мы понимаем здесь лишь те грамматические элементы, которые в данном языке хотя бы условно считаются отдельными словами (т.е. пишутся отдельно или через дефис). Этим служебные слова и частицы отличаются от морфологических элементов, входящих в состав отдельного слова, т.е. от суффиксов, окончаний, префиксов и т. д.

Наконец, под морфологическим оформлением отдельного слова мы понимаем нераздельные части данного слова, входящие в его состав и придающие ему тот или иной оттенок значения. Сюда относятся словообразовательные и словоизменятельные суффиксы (т. е. суффиксы и окончания) и словообразовательные и словоизменятельные префиксы, т. е. приставки и префиксы¹.

¹ В скобках мы приводим терминологию, принятую в школьных грамматиках.

Итак, для того, чтобы изменить форму предложения, не меняя полноточных слов, входящих в его состав, мы можем изменить или интонацию, или порядок слов, или поставить синтаксическое ударение на каком-либо слове, или добавить служебные слова и частицы, или, наконец, изменить морфологическое оформление отдельных слов, в связи с чем в данном предложении изменится их связь. Все эти способы синтаксического оформления существуют одновременно и в ингушском языке. Они могут применяться или все одновременно, или каждый по отдельности, или, наконец, в различных сочетаниях друг с другом. Применение этих многообразных и взаимонезависимых способов оформления предложения и создает в языке то богатство форм речи, с помощью которого люди имеют возможность отражать все богатство тончайших оттенков мысли. Разумеется, перечисленные нами способы появились в человеческом языке не одновременно. Они развивались в различные исторические эпохи на основе развития общества. Поэтому-то в различных языках эти способы представлены не одинаково и применяются различным образом.

Историческое развитие способов выражения синтаксической формы. Наиболее древними способами выражения синтаксической формы являются интонация и порядок слов. В языках, не имевших морфологии, т. е. в древнейшую эпоху развития человеческой речи, интонация и порядок слов являлись единственными способами выражения связи слов в предложении. Языки этого строя принято называть аморфными (бесформенными). Следы аморфного строя сохраняются до сих пор в таких языках, как китайский. В дальнейшем из интонации развивается синтаксическое ударение и появляются служебные слова и частицы. Наконец, последним из этих способов исторически развивается морфологическое оформление отдельного слова. Морфология отдельного слова развивается уже в весьма определенную эпоху: еще в первобытной общине. После появления языков с морфологией (полисинтетических, агглютинативных и флективных) оформление отдельного слова становится одним из основных способов синтаксического оформления. В таких современных языках, как ингушский, морфология в качестве способа выражения синтаксической формы играет важнейшую роль. Можно сказать, что в этих языках синтаксис стал в своей основе морфологическим. Наряду с этим, сохраняются, однако, и все остальные способы выражения синтаксической формы. Они

существуют наряду и одновременно с морфологией отдельного слова. В тех случаях, когда синтаксические связи выражены морфологически, остальные способы оформления отступают как бы на второй план. При более внимательном анализе, однако, мы можем заметить, что наряду с морфологическим выражением таких синтаксических форм, как подлежащее, сказуемое, прямое дополнение и т.д., для их оформления имеет значение также и порядок слов и интонация. В редких случаях, однако, когда с помощью морфологии нет возможности выразить синтаксическую форму, на первый план выступает значение порядка слов и интонации. Эти случаи мы наблюдаем даже в русском языке, например, при совпадении именительного и винительного падежей единственным способом различения подлежащего и прямого дополнения служит порядок слов. Аналогичные случаи имеют место и в ингушском языке, например, когда подлежащее и прямое дополнение оба стоят в именительном падеже (см. ниже стр. 96). По сравнению с русским языком в ингушском наряду с этим сохраняются более ясные следы аморфного строя. В особенности отличается этим ингушский глагол, который зачастую не выражает никакой морфологической связи, никакого согласования сказуемого с прямым дополнением или с подлежащим, например, в тех случаях, когда глагол не имеет изменения по классам. Следовательно, ингушский язык, обладая в некотором отношении богато развитой морфологией (ср. склонение), наряду с этим сохраняет и ясные пережитки аморфности (ср. спряжение).

ГЛАВА 1. СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЦЕЛОМ

Определение предложения. Существует довольно много определений предложения, которые употребляются в школьных учебниках грамматики. К таким определениям относятся, например: "Предложение есть мысль, выраженная словами", "Предложение есть словесное выражение мысли", "Слово или сочетание слов, выражающее мысль, есть предложение"¹, "Предложение есть законченная мысль, выраженная одним или

¹ См. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, 6-е изд., М., 1918. Предисловие, стр. 29.

несколькими словами”, “Слово или группа слов, выражающая законченную мысль, называется предложением”¹, “Сочетание слов или отдельное слово, выражающее законченную мысль, называется предложением”.² Эти определения предложения неудовлетворительны с научной точки зрения. Основным их недостатком является то, что они не отделяют предложения от тех форм речи, которые состоят из многих предложений, например, от абзаца, статьи, книги. Отдельная законченная мысль может выражаться и на деле всегда выражается не только отдельным предложением, но и абзацем, статьей и целой книгой. Следовательно, эти формы выражения отдельной законченной мысли также подходят под приведенные выше определения. В то же время и отдельное слово, взятое вне предложения, выражает или может выражать какую-то отдельную мысль, какое-нибудь отдельное понятие. Правда, эта мысль или понятие не вполне развито. Но и отдельное предложение может содержать в себе мысль тоже не вполне законченную, не вполне развитую. Следовательно, вышеприведенные определения предложения не проводят точной и ясной границы между теми формами речи, которые больше предложения, и теми ее формами, которые меньше предложения. Таким образом, с теоретической точки зрения эти определения предложения являются научно необоснованными и теоретически неправильными.

Единственно правильное, подлинно научное определение предложения дано В. И. Лениным в его заметках «К вопросу о диалектике»: “... в *любом* предложении можно (и должно), как в “ячейке” (“клеточке”), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав, таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика”. В этих немногих словах Ленин дал единственно правильное определение предложения. Ленин определяет здесь предложение как элемент познания, мышления, но и язык представляет собой то же самое мышление, лишь в особой его форме. Поэтому все, что говорит Ленин о предложении как элементе мышления, целиком относится к предложению как элементу речи. Для того, чтобы она была понятной, меньше одного предложения сказать нельзя. Обычно

¹ См. Шапиро А. Б. Грамматика, ч. II, Синтаксис. Учебник для неполной средней и средней школы, М., 1935 г., стр. 5.

² Бархударов С. Г. Грамматика русского языка, ч. II. Синтаксис. Учебник для неполной средней и средней школы. М., 1938 г., стр. 3.

³ Ленин В. И., Собр. соч. т. XIII, стр. 303

мы говорим и пишем многими предложениями. Однако, состоит ли наша речь из одного или нескольких предложений. Состоят ли эти предложения из одного или нескольких слов, являются ли они простыми или сложными, – предложение по отношению к речи действительно является простейшей, элементарнейшей ее частицей. Ленин сравнивает предложение с ячейкой, с клеточкой, имея в виду живую клеточку как простейшую неделимую частицу, которая входит в состав всякого живого организма. Подобно тому, как всякий живой организм состоит из живых клеточек, подобно этому и наше мышление, и наша речь состоит из отдельных предложений. Подобно тому, как по отношению к живому организму клеточка является простейшей и неделимой частицей, подобно этому и предложение является простейшей неделимой частицей и мысли, и речи. Могут возразить, что предложение можно разделить на слова, и, таким образом, наша речь окажется состоящей будто бы не из предложений, а из слов. Но любая элементарная частица органического или неорганического вещества, возьмем ли мы клеточку организма или молекулу какого-либо вещества, тоже состоит из многих элементов. Мы можем выделить в живой клеточке ядро, оболочку, протоплазму и т. д., мы можем разложить молекулу воды на атомы водорода и кислорода, но эти отдельные элементы не дают еще ни живого организма, ни воды. Точно так же и предложение. Мы можем разложить любое предложение на слова, а слова – на слоги, слоги на звуки и т. д. При таком разложении, однако, мы уже не получим ни речи, ни мысли в собственном смысле слова. Следовательно, несмотря на то, что предложение, как и всякая элементарная частица (клеточка, молекула и т. д.), может иметь различный состав и поддается дальнейшему разложению, те элементы, которые получаются в результате этого разложения (слова, семы, слоги, звуки), уже не составляют речи и не являются простейшими элементами речи и мысли. Они являются простейшими элементами, существующими лишь в составе самого предложения.

Мыслить и говорить меньше одного предложения нельзя. Следовательно, всякая мысль и всякая речь состоит только из целых предложений. Таким образом, предложение – это “ячейка” (“клеточка”) – простейшая частичка и мысли и речи. Таково единственно верное, подлинно научное определение предложения, данное Лениным.

Благодаря этому определению предложения мы можем провести точную и ясную границу между самим предложением и элементами, входящими в его состав, с одной стороны, и между предложением и теми формами речи, которые состоят из многих предложений, с другой. По отношению к абзацу, книге, статье предложение является элементарной неделимой частицей, отражающей мысль. По отношению же к слову, семе, слогу и фонеме предложение представляет собой хотя и многосоставное, но цельное и неделимое единство. Все элементы, из которых состоит предложение, получают полное свое развитие и действительное содержание только в предложении. Ни слова, ни семы, ни фонемы не имеют в речи самостоятельного существования. Следовательно, предложение есть простейшая форма речи, с помощью которой может быть выражена мысль. Предложение есть простейшая частица, с помощью которой происходит общение между людьми на каком-либо языке. Поэтому исследование грамматики удобнее начинать с предложения.

Развитые и неразвитые предложения. В школьной грамматике предложения делят на полные и неполные, распространенные и нераспространенные. Полным называют предложение, в котором налицо все главные члены, а неполным – такое, в котором отсутствует один из главных членов. Нераспространенным предложением называют такое, в котором нет второстепенных членов, а распространенным – предложение с второстепенными членами. Эта классификация предложения обращает слишком большое внимание на форму и оставляет в тени подлинное развитие содержания и мысли. По этой классификации, предложение, состоящее из одного слова, например: *Идет* является неполным, потому что в нем нет подлежащего (подлежащее подразумевается). Таким же неполным является и предложение *Смеркается*, в котором тоже нет подлежащего (хотя в этом случае оно не подразумевается). Однако, если вместо предложения *Идет* – сказать *Он идет*, т. е. полное предложение, мы все равно не получим действительной полноты мысли. Больше того, мы можем сказать, что предложение *Он идет* не полнее, чем предложение *Идет*, так как подлежащее ясно выражено уже в этом втором предложении с помощью личного окончания глагола. Наоборот, предложение *Смеркается*, хотя и является неполным по этой терминологии, но с точки зрения содержания выражает более полно развитую мысль. Несколько иное соответствие между мыслью и содержанием мы наблюдаем в ингушском языке

ке. Предложение, состоящее из одного слова-сказуемого, здесь часто является действительно весьма неполным, неясным по своему содержанию. Например: *Воада*. Если взять это предложение вне связи с другими, то его можно понимать и как “Иду”, и как “Идешь”, и как “Идет” и как “Еду”, и как “Едешь”, и как “Едет”, так как ингушский глагол имеет изменение по лицам. Однако, в этом предложении вследствие того, что данный ингушский глагол имеет изменение по классам (родам), точнее, чем в русском языке, выражен род подлежащего (подразумевается в качестве подлежащего мужчина). Если взять ингушский глагол-сказуемое, не изменяющийся по классам, то такое предложение в одно слово становится еще более неясным по содержанию, например, *Оах*. Это может значить: “Пашу”, “Пашешь”, “Пашет”, “Пашем”, “Пашете”, “Пашут”. Неясно также, относится ли подлежащее к мужчинам, женщинам или еще к какому-нибудь классу вещей и природы. Следовательно, в ингушском языке наличие подлежащего при глаголе-сказуемом в тех случаях, когда он не изменяется по классам, имеет большее значение для полноты мысли, чем в русском языке.

Во всяком случае мы видим, что разница между полным и неполным предложениями весьма условна. Не всякое неполное предложение становится полным по мысли при включении в него подразумеваемого главного члена. Это имеет действительное значение только в тех случаях, когда, как это мы наблюдаем в ингушском языке, отдельно сказанное слово-сказуемое совсем не выражает формы подлежащего. Добавление подлежащего в предложение в этом случае действительно развивает мысль, делает эту мысль более полной. Например: *Колхознико оах* ‘Колхозник пашет’. Нельзя сказать того же о русских предложениях *Идет, Он идет*. Возьмем еще один пример: *1937-ча шера 12-ча декабре массава а СССР-а Верховни Совете харжсамашка!* ‘12-го декабря 1937 года все на выборы в Верховный Совет СССР!’ Грамматически это предложение считается, конечно, неполным, так как в нем отсутствует сказуемое. Однако с точки зрения полноты развития мысли и реальности содержания к этому предложению вряд ли можно что-нибудь добавить. Если, подчиняясь правилам школьной грамматики, включить в это предложение недостающее сказуемое: *2лоу* ‘идите’, то мы получим вместо большей полноты мысли искажение смысла, так как вместо формы всенародного лозунга, всенародного призыва, получится простое повелительное предложение с гораздо более

слабым, повелительным значением. В ингушском языке можно в этом случае употребить форму категорического повелительного наклонения *гIолва* 'да пойдете', но и эта форма тоже не передаст точно значение всенародного лозунга, так как имеет оттенок простого категорического приказа. В последнее время и в ингушском языке для передачи лозунгов начинают употреблять предложения без глагольного сказуемого под влиянием русского синтаксиса. Итак, мы видим, что в некоторых случаях грамматически неполные предложения передают мысль и необходимые ее оттенки более полно, чем так называемые полные предложения.

Сказанное нами относится и к делению предложений на нераспространенные и распространенные. Нераспространенное и неполное предложение иногда в одном слове выражает всю полноту мысли, ср. рус. *Рассвело* – *Са хиннад* или ингуш. *Яьчий* 'Погода испортилась'. Точно также для полноты мысли иногда второстепенный член предложения важнее главного. Все эти наблюдения над предложениями показывают, что существующая грамматическая классификация предложений – деление их на полные и неполные, распространенные и нераспространенные – является чисто условной. Она принимает во внимание лишь форму, но не действительное содержание и полноту мысли.

Подлинное развитие и полноту мысли в предложении мы получим только тогда, когда постараясь предложение с неясным, неточным содержанием превратить в точное, верное и полное отражение действительности. Только в этом смысле и можно говорить о развитии предложения. В теоретическом отношении поэтому лучше делить предложения на развитые и неразвитые по мысли. Например, в ответ на вопрос:

– *Фун ду Ia?*

– Что делаешь?

говорят:

– *Воада.*

– Иду || еду.

– *Мила воада?*

– Кто идет || едет?

– *Со.*

– Я.

Такие предложения в одно слово называются словами-предложениями. Они возможны только в связной речи, обычно в диалоге, так как иначе их смысл остался бы неясным и неполным. Однако любое из этих предложений можно довести до полного развития, до полной ясности мысли, например:

- *Со вода.*
- *Я иду || еду.*
- *Со театре воада.*
- *Я иду в театр.*
- *Со тахан театре воада.*
- *Я сегодня иду в театр.*
- *Со тахан цунца театре воада.*
- *Я сегодня иду в театр с ним || с ней.*
- *Со тахан цунца театре воада пьесага хьажа.*
- *Я сегодня иду с ним || с ней в театр смотреть пьесу.*
- *Со тахан цунца Нохч-ГалгIайн театре воада пьесага хьажа.*
- *Я сегодня иду с ним || с ней в Чечено-Ингушский театр смотреть пьесу.*
- *Со тахан цунца Нохч-ГалгIайн театре воада «Асет» яхача пьесага хьажа.*
- *Я сегодня иду с ним || с ней в Чечено-Ингушский театр смотреть пьесу «Асет».*
- *Со тахан Маржанаца Нохч-ГалгIайн театре воада «Асет» яхача пьесага хьажа.*
- *Я сегодня иду с Маржан в Чечено-Ингушский театр смотреть пьесу «Асет».*
- *Со тахан Маржанаца Нохч-ГалгIайа театре воада яздархочун Музаева «Асет» яхача пьесага хьажа.*
- *Я сегодня иду с Маржан в Чечено-Ингушский театр смотреть пьесу писателя Музаева «Асет».*

Возьмем еще один пример:

- *Фу ду промыслашка?*
- *Что делают на промыслах?*
- *Мехдаьтта доаккх.*
- *Добывают нефть.*

- Болхлоша мехкдаътта доаккх.
- Рабочие добывают нефть.
- Болхлоша промыслашка мехкдаътта доаккх.
- Рабочие на промыслах добывают нефть.
- Шолжа-ГПалий тIарча болхлоша промыслашка мехкдаътта доаккх.
- Грозненские рабочие на промыслах добывают нефть.
- Шолжа-ГПалий тIарча болхлоша Нови промыслашка мехкдаътта доаккх.
- Грозненские рабочие на Новых промыслах добывают нефть.
- Шолжа-ГПалий тIарча болхлоша Нови промыслашка дукха мехкдаътта доаккх.
- Грозненские рабочие на Новых промыслах много добывают нефти.
- Шолжа-ГПалий тIарча болхлоша Нови промыслашка дукха а, чехка а мехкдаътта доаккх.
- Грозненские рабочие на Новых промыслах и много, и быстро добывают нефти.
- Шолжа-ГПалий тIарча болхлоша Нови промыслашка дийнахь-буси кхо эзар тонн гаргга мехкдаътта доаккх.
- Грозненские рабочие на Новых промыслах добывают в сутки около трех тысяч тонн нефти.
- Шолжа-ГПалий тIарча болхлоша Нови промыслашка а, Стари промыслашка а, МагIалбике а, Баьна промыслашка а дийнахь-бус итт эзар тонн гаргга мехкдаътта доаккх.
- Грозненские рабочие и на Новых промыслах, и на Старых промыслах, и на Малгобеке, и на Беноевских промыслах добывают в сутки около десяти тысяч тонн нефти.

Еще пример:

- Фуй уж?
- Что это?
- Сомати ба.
- Фрукты (есть).
- Хьанаб?
- Чьи?
- Колхоза.

- Колхозные.
- *Колхоза сомаш ба.*
- Колхозные фрукты.
- *Колхоза бешамашка сомаш ба.*
- В колхозных садах есть фрукты.
- *Колхоза бешамашка дукха сомаш ба.*
- В колхозных садах много фруктов.
- *Тха колхоза бешамашка дукха сомаш ба.*
- В наших колхозных садах много фруктов.
- *Ахки-Юртарчатхан колхоза бешамашка дукха сомаш ба.*
- В наших ахки-юртовских колхозных садах много фруктов.
- *Ахки-Юртарча Чкалова цIерагIча тха колхоза бешамашка дукха сомаш ба.*
- В садах нашего ахки-юртовского колхоза имени Чкалова много фруктов.
- *Ахки-Юртарча Чкалова цIерагIча тха колхоза бешамашка дукха а, дика а сомаш ба.*
- В садах нашего ахки-юртовского колхоза имени Чкалова много хороших (и многие и хорошие) фруктов.
- *Ахки-Юртарча Чкалова цIерагIча тха колхоза бешамашка ба дукха а, дика а сомаш: Iажааш, кхорааш, хьачааш и ш. кх.*
- В садах нашего ахки-юртовского колхоза имени Чкалова много хороших фруктов: яблоч, груш, слив и т. д.

Эти примеры показывают нам настоящее развитие мысли в предложении до законченной полноты и конкретности. При этом слова, имеющие двоякое или вообще неясное значение (*воада, цунца, доаккх, дукха, колхоза* и т. д.) в менее развитых предложениях, получают более точное значение или заменяются более точными словами. В этом смысле можно назвать менее развитые предложения, в особенности предложения в одно слово, безразлично-абстрактными, неопределенно-абстрактными по содержанию, а более развитые предложения – реально-определенными и конкретными¹.

¹ См. Маркс К. Введение к критике политической экономии, 1935, – стр. 25–28 и др.

Бессубъектное (безличное) предложение. Подлинные бессубъектные, или, как их иначе называют, “безличные” предложения мы имеем в следующих примерах на ингушском языке:

Ара баьдъеннай.

На дворе стемнело.

Селхан кхаьллаяр.

Вчера было облачно, пасмурно.

Тахан йийкхай.

Сегодня прояснилось.

Ара мелъеннай.

На дворе потеплело.

Ара гIора яьй || гIоръеннай.

На дворе подморозило.

Ара шелъеннай.

На дворе похолодало.

ЦIагIа йIохъеннай.

В доме потеплело.

АргIе яьчай.

На Алхон-Чуртском хребте пошел дождь || погода испортилась.

Примеры, которые мы привели, состоят из предложений, грамматически хотя и неполных, но выражающих, однако, полно развитую мысль и притом таких, которые не могут быть пополнены подлежащими без искажения их значения. Ингушские бессубъектные предложения, в отличие от русских, не выражают формы лица подлежащего и лишь в части случаев выражают форму класса (рода) подлежащего. Таким образом, “безличный” характер ингушских предложений грамматически выражен яснее, чем в русском языке.

В нижеследующих примерах мы имеем в ингушском языке субъектные предложения, в то время как в русском им соответствуют безличные:

Са хиттад.

Рассвело.

Буквально: Свет стал.

Са хул.

Светает.

Буквально: Свет становится.

Ди даьннад.

День настал.

Де доал.

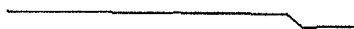
День настаёт.

В этих предложениях, которые представляют собой непреходящий оборот, подлежащие словесно выражены: *де* 'день', *са* 'свет'.

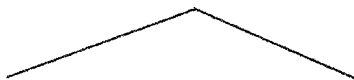
Интонация предложения. Интонацией называется повышение и понижение голоса (точнее: его музыкального тона) при произношении предложения. Интонация представляет собой одну из грамматических форм, оформляющих предложение. Несомненно, что в каждом языке существует большое богатство интонационных форм предложения. Исследовать все это богатство в пределах данной грамматики не представляется возможным. Поэтому мы ограничимся здесь примерами на некоторые наиболее типичные ингушские интонации. Мы изображаем интонацию чисто условным схематическим способом – в виде движения черты.

1. **Повествовательная интонация.** В утвердительном и отрицательном ингушском предложении интонация имеет ровный низкий тон на протяжении всей фразы и понижение на ее конце. Это понижение начинается большей частью с предпоследнего слога последнего слова, которое является обычно сказуемым. В русском же повествовательном предложении голос повышается на первой части предложения и понижается на второй. Схематически это различие русской и ингушской интонации можно изобразить следующим образом:

ингушский язык:

русский язык:

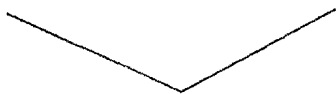
2. **Вопросительная интонация.** В ингушском вопросительном предложении голос на протяжении предложения имеет ровный высокий тон, который большей частью на предпоследнем слоге последнего слова (обычно сказуемого) повышается, а затем по-

нижается и на последнем слоге его падает ниже первоначального уровня. В русском вопросительном предложении голос понижается на первой его части и повышается на второй:

ингушский язык:

русский язык:

3. Вопросительная интонация с оттенком удивления. В ингушском предложении, выражающем вопрос с оттенком удивления, голос сохраняет на протяжении предложения ровный высокий тон, на предпоследнем же слоге последнего слова (сказуемого) обычно повышается и еще раз повышается на последнем его слоге. Параллельно этому типу возможна и другая разновидность (вариант) вопросительной интонации с оттенком удивления: на третьем от конца предложения слоге голос понижается. Это понижение сохраняется до начала последнего слога, на котором музыкальный тон резко повышается. Следовательно, вопрос с оттенком удивления на ингушском языке имеет два одинаково возможных типа интонации. В русских предложениях того же типа мы имеем интонацию, в основном такую же, как и при простом вопросе, но во второй части предложения круче идущую на повышение:

ингушский язык:

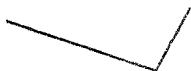
1-й вариант:

2-й вариант:

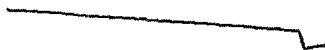

русский язык:

4. **Повелительная интонация.** В ингушском повелительном предложении с оттенком восклицания голос сохраняет на протяжении предложения сначала низкий ровный тон, который понижается большей частью только на последнем слоге последнего слова (обычно сказуемого). При этом все предложение и в особенности сказуемое произносится с большей силой выдыхания (экспирации), чем это при обычном повелительном предложении. В русском повелительном предложении с оттенком восклицания голос резко повышается только на сказуемом, в каком бы месте оно ни находилось. В начальной же части русского предложения голос остается на уровне низкого тона, а после сказуемого он резко падает ниже этого уровня:

ингушский язык:

русский язык:

Таковы четыре выбранных нами типа ингушской интонации. Следует заметить, что в большинстве случаев ингушское повествовательное (т.е. утвердительное и отрицательное) предложение отличается от вопросительного и повелительного морфологически – особыми окончаниями сказуемого. В небольшом числе случаев, однако, форма ингушского глагола-сказуемого может совпадать как в произношении, так и на письме во всех приведенных нами типах предложения. В этих случаях единственным способом различения четырех типов ингушского предложения остается интонация. Эти случаи особенно ценны для нас, так как в них интонация звучит и улавливается ухом особенно отчетливо. Приведем здесь примеры именно на эти случаи.

Отметим, что вопрос с оттенком удивления в ингушском языке выражается только интонационно.

Интонация ингушского предложения

Хьо школе деша вагIа.

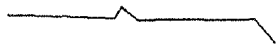
Ты в школе учишься

Хьо школе деша вагIа?

Букв. Ты в школе учиться сидишь.¹

Ты в школе учишься?

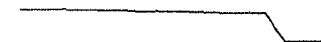
Хьо школе деша вагIа?!

Ты в школе учишься?!

Хьо школе деша вагIа!

Ты в школе учись!

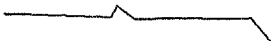
Хьона бераиш деза.

Ты любишь детей.

Хьона бераиш деза?

Ты любишь детей?

Хьона бераиш деза?!

Ты любишь детей?!

Хьона бераиш деза!

Ты люби детей!

Интонационное ударение. Кроме случаев, когда интонация придает форму всему предложению в целом, она употребляется

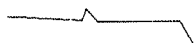
¹ Так как в данном предложении мы имеем составное глагольное сказуемое (слова *деша вагIа* выражают по существу одно понятие, хотя формально *вагIа* и не является вспомогательным глаголом), то интонационное повышение или понижение голоса начинается здесь в начале этого составного сказуемого, т.е. с четвертого от конца предложения слога.

также для смыслового выделения того или иного слова в предложении. В этом случае интонация по своему значению равнозначна так называемому логическому ударению (см. ниже). Это применение интонации мы называем интонационным ударением в отличие от силового (экспираторного) ударения. Интонационное ударение может ставиться на любом слове в предложении, за исключением того, на которое падает фразовое изменение интонации (т. е. обычно за исключением последнего слова в предложении – сказуемого). Приведем пример для того, чтобы дать понятие об интонационном ударении:

Со городе вода. Я еду в город.

В данном примере ни одно из слов не выделено с помощью интонационного ударения. Ниже слова, на которые падает интонационное ударение, мы отмечаем двойным знаком ударения:

Со го́роде вода.

Я еду в го́род.

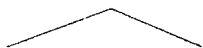
Со го́роде вода.

Я еду в город.

Со городе во́да, шу цIaɣIa Iuɣ.

Я еду в город, (а) вы оставайтесь дома.

Как мы уже указывали, в приведенных нами примерах, за исключением последнего, на сказуемом нельзя поставить интонационного ударения, так как на нем в данном типе предложения (повествовательном) голос должен понижаться, а интонационное ударение требует повышения голоса на ударяемом слове. Однако в последнем примере на слове-сказуемом *воада* 'еду' стоит интонационное ударение. Оно возможно здесь потому, что данное слово стоит в середине сложносочиненного предложения. В ингушском языке в этом случае (при противопоставлении двух главных предложений) отсутствует союз, соответствующий русскому союзу *а*, противопоставление же двух

частей сложносочиненного предложения достигается в ингушском языке исключительно интонацией: на первом сказуемом голос повышается, что одновременно выражает и интонационное ударение и противопоставление первого предложения второму.

Мы приводили выше различные интонации в предложениях, в которых сказуемое стоит на своем обычном месте – в конце. Можно задать вопрос, что будет происходить с интонацией предложения в том случае, если сказуемое в ингушском языке будет стоять не в конце предложения. Другими словами, необходимо выяснить, связано ли интонационное повышение или понижение тона в ингушском предложении всегда со сказуемым, или оно связано с последним словом в предложении, независимо от того, является ли это слово сказуемым или нет. Чтобы решить этот вопрос, приведем примеры:

Хьона бераиш диэза.

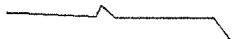
Ты детей любишь.

Диэза хьона бераиш.

Любишь ты детей.

Хьона бераиш диэза?

Ты детей любишь?

Диэза хьона бераиш?

Любишь ты детей?

Хьона бераиш диэза?!

Ты любишь детей?!

Диэза хьона бераиш?!

Любишь ты детей?!

Хьона бераиш диэза!

Ты люби детей!

Диэза хьона бераиш!

Люби ты детей!

Из приведенных примеров мы можем сделать вывод, что только в повествовательном предложении интонационное понижение тона всегда связано с концом предложения и не зависит от места сказуемого. Во всех остальных типах предложения главное интонационное изменение тона всегда сохраняется на сказуемом и, следовательно, зависит от его места во фразе.

Порядок слов в предложении. Слова как в ингушском, так и в русском предложении располагаются в определенном порядке. Следует отличать обычный порядок слов в предложении от его изменения или инверсии. В русском языке обычно принято считать порядок слов в предложении свободным. На деле это, однако, не так. Кажущаяся свобода изменения порядка слов в русском предложении является далеко не безразличной для мысли. С помощью изменения обычного порядка слов достигается изменение оттенков одной и той же мысли как в русском, так и в ингушском предложении. Следовательно, изменение порядка слов как в русском, так и в ингушском предложении представляет собой стилистический прием, который должны умело и сознательно применять авторы.

Обычный порядок слов в русском предложении следующий:
подлежащее – сказуемое – прямое дополнение.

Остальные члены предложения помещаются или перед сказуемым, или после прямого дополнения.

Обычный порядок слов в ингушском предложении следующий:

подлежащее – прямое дополнение – сказуемое.

Остальные члены предложения ставятся или между подлежащим и прямым дополнением (большей частью косвенные дополнения), или между прямым дополнением и сказуемым (большей частью обстоятельства).

Указанный здесь обычный порядок слов можно свободно изменять как в русском, так и в ингушском языке. Однако эти изменения в обоих языках всегда связаны с передачей тончайших оттенков мысли. В ингушском предложении сказуемое при переносе на него главного внимания (т. е. при смысловом его подчеркивании) ставится в самом начале предложения, а подлежащее в этом случае – обычно непосредственно за ним.

Обычный порядок слов:

Хьо селхан городе вар.

Ты вчера был в городе.

Хьо базар тIа воада.

Ты идешь на базар.

Инверсия сказуемого:

Вар хьо селхан городе.

Был ты вчера в городе.

Воада хьо базар тIа.

Идешь ты на базар.

При инверсии сказуемого смысловое ударение ставится на сказуемом, т.е. на него переносится главное внимание говорящих.

При инверсии сказуемого возможен любой порядок других членов предложения за исключением одного случая. Подлежащее не может быть поставлено в самом конце предложения (после прямого дополнения и всех второстепенных членов) в том случае, если сказуемое стоит в предложении на первом месте. Такое расположение подлежащего во всяком случае неупотребительно, например:

(Вар селхан городе хьо).

(Воада базар тIа хьо).

За этим ограничением все остальные способы расположения слов в ингушском предложении одинаково возможны, но далеко не одинаковы по оттенкам значения. В общем можно сделать следующий вывод. Любое слово в ингушском языке может быть поставлено перед сказуемым, стоящим на его обычном месте, и сказуемое может быть поставлено после любого члена предложения, стоящего как на его обычном, так и на необычном месте. Слово, стоящее перед сказуемым, принимает на себя смысловое ударение:

Хьо селхан городе вар.

(Именно) В городе ты был вчера.

Хьо городе селхан вар.

(Именно) Вчера ты был в городе.

Селхан городе хьо вар.

Был вчера в городе (именно) ты или:

Хьо вар селхан городе.

(Именно) Ты был вчера в городе.

Городе вар хьо селхана.

(Именно) В городе был ты вчера.

Селхан вар хьо городе.

(Именно) Вчера был ты в городе.

В случае переноса сказуемого к началу предложения смысловое подчеркивание предшествующего слова сильнее, потому что одновременно с ним подчеркивается и сказуемое (см. выше):

Хьо селхан вар городе.

Хьо городе вар селхан.

Селхан городе вар хьо.

Селхан городе хьо вар.

Городе селхан хьо вар.

Вар селхан хьо городе.

Вар городе хьо селхана.

Из последних четырех примеров мы видим, что в ингушском предложении, кроме главного смыслового ударения на одном из этих слов, может появиться и второстепенное ударение на другом слове. Это второстепенное смысловое ударение появляется или после подчеркнутого сказуемого, или в середине предложения перед подчеркнутым словом. Наличием второстепенного смыслового ударения объясняется изменение порядка других членов предложения (сверх тех, которые поставлены перед сказуемым). В приведенных выше примерах главное смысловое ударение отмечено подчеркиванием слова + полужирный шрифт, а второстепенное – полужирным шрифтом.

Смысловое ударение на одном из слов ингушского предложения, которое достигается с помощью изменения порядка слов или инверсии, мы называем **порядковым ударением**. Порядковое ударение представляет собой одну из разновидностей так называемого логического или синтаксического (фразового) ударения. Его не следует смешивать с другими разновидностями этого ударения – интонационным “логическим” ударением и экспираторным “логическим” ударением (см. ниже).

Силовое синтаксическое ударение. Помимо подчеркивания слова способом повышения голоса (интонационное ударение, см. выше) и способом постановки слова перед сказуемым (порядковое ударение, см. выше), в ингушском языке существует еще смысловое подчеркивание слова путем простого усиления голоса на нем. В этом случае одно из слов в предложении – то, на котором стоит силовое ударение, – произносится громче остальных, например:

С'о̃ городе воада.

Я̃ еду в город.

Со го́роде воа́да.

Я еду в го́род.

Со городе воа́да.

Я е́ду в город.

Силовое синтаксическое ударение по своему значению равнозначно как интонационному, так и порядковому ударению. Оно может совпадать с ними, что обычно имеет место в разговорной речи, или, что случается реже, может не совпадать с другими типами синтаксического ударения.

Можно отметить, что в приведенных примерах силовое синтаксическое ударение в том случае, если оно стоит на двухсложном или многосложном слове, представляет собой как бы двойное ударение: помимо обычного для ингушского языка ударения на первом слоге в слове, слово, имеющее на себе силовое синтаксическое ударение, приобретает второе ударение на последнем своем слоге.

Удвоительное (редупликационное) синтаксическое ударение. Сверх приведенных нами типов синтаксического ударения, в ингушском языке имеется еще один специально ему свойственный тип. Он выражается весьма своеобразно: в подчеркиваемом слове удваивается последний согласный основы. Если в данной основе последний согласный вообще удвоен, то удваивается предшествующий ему согласный или смысловое ударение выражается каким-либо иным способом. Этот способ ударения, свойственный ингушскому, чеченскому и некоторым другим яфетическим языкам, мы называем удвоительным, или редупликационным ударением. Смысловой оттенок, появляющийся в результате такого ударения, несколько отличается от смыслового оттенка при иных способах логического ударения. Удвоительное ударение выражает не просто смысловое подчеркивание слов, но, кроме того, оно усиливает в том или ином отношении значение этого слова (например, усиливает степень качества, силу действия, уточняет место или время и т. д.).

До сих пор факт существования удвоительного ударения в ингушском языке не был изучен. Приводим на это ударение ряд примеров. По-русски удвоительное ударение можно перевести или удвоением соответственного слова или добавлением различных усилительных частиц:

Удвоительное ударение

Хий йисте латташ дар тхо.

Мы стояли на краю (берегу) реки.

Хий йистте латташ дар тхо.

Мы стояли на самом берегу (у самого края) реки.

Со кийча ва.

Я готов.

Со кийчча ва.

Я уже совсем готов.

Хала дехъа ваьлар со хих.

С трудом перебрался я через реку.

Халла дехъа ваьлар со хих.

С (большим) трудом перебрался я через реку.

Ялатех йиза амбараи я колхоза.

Амбары, полные (наполненные) зерна, есть у колхоза.

Ялатех йизза амбараи я колхоза.

Амбары, полным-полные (полные до краев) зерна, есть у колхоза.

ЙИайха сискал йиар оах.

Мы ели горячий сыскал.

ЙИайхха сискал йиар оаха.

Мы ели горячий-прегорячий сыскал (чурек из кукурузной муки).

Шаьра аре я Шин-Аргла-Юкье.

Равнина (ровное поле) в Алхан-Чуртской долине.

Шаьрра аре я Шин-Аргла-Юкье.

Ровное-преровное поле в Алхан-Чуртской долине.

Долакха-Юрта юхе гЮлла доагла ГПалми, Мочкый-Юрта-м юххе гЮлла доагла из.

Камбилевка протекает || проходит близко к селению Долаково, а к Базоркину она протекает совсем близко (т. е. возле самого селения).

Делкыйга цагла хургва со.

В полдень я буду дома.

Делкыйга цагла хургва со.

Я буду дома в самый полдень (точно в полдень, минута в минуту).

Бокъала яхий Ia?

Правду (ли) ты говоришь? // серьезно (ли) ты говоришь?

Бокъала яхий Ia?

(Неужели) правду ты говоришь? // неужели серьезно ты говоришь?

Цо цига кIезига дийцар.

Он там мало рассказывал.

Цо цига кIеззига дийцар.

Он там совсем мало рассказывал.

Тхо цига дIадаьхкар.

Мы туда пришли.

Тхо цигга дIадаьхкар.

Мы как раз туда пришли.

Сона хьалхашка хьавола.

Подойди (и встань) передо мной.

Сона хьалххашка хьавола.

Подойди (и встань) как раз передо мной (прямо, точно, близко-близко, вплотную передо мной).

Заметим, что удвоительное ударение в словах, имеющих в основе два гласных подряд, выражается в удвоении крепкого приступа второго гласного (гласный в начале слога в ингушском языке всегда имеет крепкий приступ, т. е. звук, аналогичный арабской гамзе). Крепкий приступ гласного в ингушском письме никак не обозначается (за исключением случая, когда в слове мы имеем рядом два гласных “о” и “а” разных слогов). Удвоенный же крепкий приступ, который следовало бы фонетически писать через *ъъ*, изображается сейчас через один твердый знак – *ъ*, например:

Тоъал.

Тоъъал

Достаточно.

Вполне достаточно.

Даал (произносится *даъал*).

Даъал (произносится *даъъал*).

Еды достаточно.

Еды вполне достаточно.

Типы синтаксического ударения. Подведем итог всему сказанному о способах синтаксического ударения в ингушском языке. Прежде всего о самом названии. Обычно в русских грамматиках принято называть смысловое ударение на одном

из слов в предложении “логическим” ударением. Выше мы уже отмечали неправильность такого названия. Так называемое логическое ударение является одной из грамматических, точнее, синтаксических форм, оформляющих данное предложение. В русском языке это ударение может быть или силовым (экспираторным, т. е. выдыхательным) или интонационным. Тот же самый оттенок значения может быть выражен в русском языке и изменением порядка слов в предложении – вынесением подчеркиваемого слова в самое начало предложения. Последний способ смыслового подчеркивания мы называем, в отличие от первых двух, порядковым ударением.

В ингушском языке существует как силовое, так и интонационное ударение. Наряду с ними существует также порядковое ударение. Все эти три вида ударения выражают в сущности одно и то же – простое перенесение внимания на ударяемое слово. По-русски это можно передать описательно, путем добавления слов *именно*, *...а не кто другой*, *...а не что другое* и т. п. В качестве особенности ингушского языка в нем существует еще своеобразный способ смыслового подчеркивания – удвоительное ударение. Удвоительное ударение обычно соединено с силовым и, как мы видели, имеет несколько иной оттенок значения. Оно не только подчеркивает в предложении слово, но и придает усилительный оттенок самому значению отдельного слова.

Хотя название “логическое” ударение и является общепринятым, в научном отношении оно не совсем верно. Поэтому мы сочли более правильным назвать как силовое, так и другие виды смыслового ударения различными типами синтаксического ударения в ингушском и русском языках. Термин “синтаксическое ударение” в научном отношении является более правильным. Все эти типы ударения представляют собой грамматические, а не чисто логические формы. Поэтому некоторые ученые называют их “фразовым ударением”. Синтаксическое ударение, таким образом, представляет собой как бы ударение в предложении в целом. Ударение в отдельном слове, в отличие от синтаксического ударения, мы называем словесным, или лексическим ударением.

Типы предложения. Если взять ингушское предложение в целом, предложение как нераздельное единство, то можно прийти к выводу, что независимо от слов, из которых состоит это предложение, независимо от того, как эти слова связаны друг с другом в предложении, существует еще форма предложения в це-

лом. Эта форма выражает отношение содержания речи к действительности. Она выражает, например, существует или не существует факт, о котором говорится в предложении, желателен или нежелателен факт, осуществимый или неосуществимый, должен или не должен он быть выполненным и т. д. Эта форма предложения в целом называется типом предложения. Предложение, состоящее из одних и тех же слов, из одних и тех же главных и второстепенных членов, может изменить свой тип при полном сохранении связи и синтаксической роли слов, входящих в его состав. Это мы постараемся показать на примерах.

Типы предложения в ингушском языке следующие:

I. *Реальное утвердительное предложение* выражает то, что данный факт существует в действительности:

Оаи тахан кIа оард.

Вы сегодня молотите пшеницу.

Хьо кхоана школе вода.

Ты завтра идешь в школу.

Колхозхой аха болх.

Колхозники едут пахать.

Цар хиш дохк.

Они пускают воду (буквально: воды) для полива.

II. *Реальное отрицательное предложение* выражает то, что данный факт не существует в действительности. В отличие от чеченского языка в ингушском языке реальное отрицательное предложение выражается всегда с помощью присоединения к сказуемому отрицательного суффикса *-ц*, *-ац*. Этот суффикс исторически представляет собой отрицательную частицу *ца*, слившуюся с глагольной основой превратившуюся в суффикс. Следовательно, в ингушском языке существует специальная морфологическая форма сказуемого для выражения отрицательных предложений.

Оаи тахан кIа ардац.

Вы сегодня не молотите пшеницу.

Хьо кхоана школе водац.

Ты завтра в школу не идешь.

Колхозхой аха болхац.

Колхозники не едут пахать.

Цар хиш ца дахкац.

Они не пускают воду (для полива).

III. **Вопросительное предложение** выражает незнание и желание узнать то, что существует в действительности, без всяких предположений со стороны спрашивающего:

Оаи тахан кIа оардий?

Вы сегодня молотите пшеницу?

Хьо кхоана школе водий?

Ты завтра в школу идешь?

Колхозхой аха болхий?

Колхозники пахать едут?

Цар хиш дохкий?

Они воду (для полива) пускают?

IV. **Отрицательно-вопросительное предложение** выражает такой вопрос, при котором спрашивающий больше склонен предполагать отсутствие в действительности данного факта или склонен ожидать отрицательного ответа.

Оаи тахан кIа ардаций?

Вы сегодня пшеницу не молотите?

Хьо кхоана школе водаций?

Ты завтра в школу не идешь?

Колхозхой аха болхаций?

Колхозники пахать не едут?

Цар хиш дахкаций?

Они воду не пускают (для полива)?

V. **Нереально-желательное предложение** выражает, во-первых, такое желание говорящего, которое оказывается большей частью неосуществленным в действительности или вообще невыполимым:

Оаи селхан кIа аьрда далара!

Ах, если б вы вчера пшеницу молотили!

Колхозхой аха болхаи балара!

Ах, если бы колхозники пахать ехали (сейчас)!

Цар кхоана хиш дохкардалара!

Ах, если бы они завтра воду для полива пустили!

Этот тип предложения в обычной речи употребляется чаще в усилительной форме, т. е. с добавлением усилительных частиц и междометий, что резче подчеркивает сильное желание говорящего:

Эх! Маркс х!ана сона юххе валара-кх, ер ший керта б!арга-шта го!

О, если бы Маркс был теперь рядом со мною, чтобы видеть это своими собственными глазами!¹.

Оаи селхан к!а аьрда далара-кх || далар-кха!

Ах, если бы только вы вчера пшеницу молотили!

Колхозхой аха болхаи балара-кх || балар-кха!

Ах, если бы только колхозники пахать ехали (сейчас)!

Цар кхоана хиш дохкаргдалар-кха!

Ах, если бы только они завтра воду для полива пустили!

Во-вторых, *нереально-желательное предложение* может выражать и такое желание говорящего, которое является осуществимым на деле. В этом случае данное предложение выражает также просьбу в форме пожелания.

Оаи тахан к!а оарддалара!

Ах, молотили бы вы сегодня пшеницу.

Колхозхой кхоана аха болхбалара.

Ах, поехали бы колхозники завтра пахать.

Цар кхоана хиш дохкдалара.

Ах, пустили бы они воду для полива завтра.

И в этом случае желательное предложение, как и в предыдущем, обычно употребляется в речи в усилительной форме, т. е. с добавлением усилительных частиц и междометий, что резче подчеркивает сильное желание говорящего.

Оаи тахан к!а оарддалар-кха!

Ах, хоть бы молотили вы сегодня пшеницу!

Колхозхой кхоана аха болхбалар-кха!

Ах, хоть бы поехали колхозники пахать завтра!

¹ Из предисловия Ф. Энгельса к Коммунистическому манифесту. М., 1938. – С. 18.

Цар кхоана хиш дохкдалар-кха!

Ах, хоть бы пустили они воду для полива завтра!

VI. *Подтвердительное предложение* выражает подтверждение существования факта. Этот тип предложения часто используется для успокоения другого лица и приобретает успокоительный оттенок. В ингушском языке, в отличие от чеченского, этот тип предложения образуется путем добавления в предложение вопросительного по форме союза *ма* 'как; ведь'. Однако, в этом случае союз *ма* приобретает значение подтвердительной частицы.

Оаш-м кIа оардий тахан.

Вы ведь сегодня пшеницу молотите.

Со-м кхоана школе ма водий.

Я ведь завтра в школу иду.

Цар-м кхоана хиш ма дожий.

Они ведь завтра воду пускают.

VII. *Отрицательно-подтвердительное предложение* выражает подтверждение того, что факт не существует в действительности.

Оаша-м мича оард кIа тахан.

Вы-то ведь не сегодня молотите пшеницу.

Со-м кхоана мича вода аха.

Я-то ведь завтра не еду пахать.

Оаш-м селхан мича дехкад хиш.

Вы-то ведь вчера не пустили воду.

Как видим из примеров, в состав отрицательно-подтвердительного предложения добавляется вопросительное наречие *мича* 'куда', которое здесь, однако, приобретает значение отрицательно-подтвердительной частицы.

VIII. *Реально-желательное предложение* в случае, если оно употребляется в простом главном предложении, выражает такое желание говорящего, которое на деле вполне осуществимо.

Оаш тахан кIа оардаргдар.

Молотили бы вы сегодня пшеницу.

Колхозхой кхоана аха гIоаргбар.

Поехали бы колхозники завтра пахать.

Цар кхоана хиш дохкаргдара.

Пустили бы они воду (для полива) завтра.

Оаха дергдар уж балхаи.

Мы бы выполнили эти работы.

Аз яздергар из книжка.

Я бы написал эту книгу.

Обычно этот тип предложения употребляется в качестве главного предложения нереального условного периода (см. ниже, стр. 453).

IX. Подтвердительно-отрицательный вопрос выражает такой вопрос, при котором спрашивающий ожидает подтверждения того, что данный факт не существует в действительности, в чем спрашивающий уверен.

Шу-х мича доахк кIа арда?

Вы-то ведь не молотите пшеницу?

Хьо-х мича вода кхоана аха?

Ты-то ведь не едешь завтра пахать?

Хиш-х мича дох оаи?

Воду-то ведь не пускаете вы?

Как и в отрицательно-подтвердительном, и в этом типе предложения употребляется вопросительное наречие *мича* “куда” в значении отрицательно-подтвердительной и вопросительной частицы. Собственно форма вопроса в этом случае выражается лишь с помощью интонации.

X. Повелительное предложение выражает приказание, просьбу или призыв. В ингушском языке повелительное предложение имеет несколько разновидностей, отличающихся друг от друга как по форме сказуемого, так и по оттенкам значения.

A. Простое повелительное предложение выражает просьбу, приказание или призыв без всякого иного оттенка значения.

Оаи тахан кIа арда.

Молотите сегодня пшеницу.

Хьо кхоана аха гIо.

Ты завтра иди пахать.

Оаи хIанз хиш дахка.

Вы теперь пускайте воду (для полива).

Несколько иное значение приобретает простое повелительное предложение при включении в него личных местоимений второго лица (ед. и мн. числа) *хъайна, шоашита*. В этом случае повелительное предложение выражает разрешение и может быть названо повелительным предложением с разрешительным оттенком.

Оаш тахан кIа арда шоашита.

Молотите-ка себе сегодня пшеницу.

Пушай себе вы сегодня пшеницу молотите.

Хъо кхоана аха || гота гIо хъайна.

Иди-ка ты себе завтра пахать!

Пушай себе завтра ты пойдешь пахать.

Б. Поручительно-повелительное предложение выражает просьбу или приказ в форме поручения, которое должно быть выполнено в отсутствие говорящего:

Оаш тахан кIа ардалаш.

(В мое отсутствие) вы сегодня пшеницу молотите.

Хъо кхоана аха || гота гIолахъ.

(В мое отсутствие) ты завтра иди пахать.

Массане-а хиш дахкааш.

(В мое отсутствие) все вы воду пускайте.

В. Безотлагательно-повелительное предложение выражает приказание или просьбу, которые должны быть выполнены сейчас же, без промедления.

Хъо аха || гота гIол.

Ты (тотчас же) иди пахать.

Iа кIа ардал.

Ты (сейчас же) пшеницу молоти.

Оаш хIанз хиш дахкал.

Вы (тотчас же) воду (для полива) пускайте.

Особый оттенок этого типа предложения получается при включении в него возвратно-притяжательных местоимений второго лица (ед. и мн. числа). В этом случае безотлагательно-повелительное предложение выражает просьбу в вежливой форме и может быть названо безотлагательно-повелительным предложением с просительным оттенком.

Оаш тахан кIа ардал шоай.
Молотите-ка вы сегодня пшеницу.

Хьо кхана аха гIол хъай.
Пойди-ка ты завтра пахать.

Массане-а хиш дахкал шоай.
Пушайте-ка вы все воду (для полива).

Г. *Категорическое повелительное* предложение выражает категорическое приказание или пожелание общеобязательного характера.

Дийца-аьнна фуд хьона.
Берза кIаза Iургара ма яйла.

Аьлан бер агара ма далда
Что тебе сказать-рассказать?

Волчонок из норы да не выйдет.
Княжий ребенок из колыбели да не выйдет (поговорка).

Оаш тахан кIа оардалда!
Что б вы сегодня пшеницу молотили!

Хьо кхоана аха || гота гIолва!
Что бы ты завтра пахать ехал!

Цар массане-а хиш дохкалда!
Что б они все воду (для полива) пускали!

Как видим, типы целых предложений в ингушском языке выражаются большей частью особыми формами глагола-сказуемого. Мы можем сказать, что большинство типов ингушского предложения выражено морфологически, т. е. изменением формы одного из слов, входящих в его состав, а именно изменением формы сказуемого. В редких случаях тип предложения может быть выражен и лексически, т. е. путем добавления какого-нибудь служебного слова или частицы (таковы, например, VII и IX типы предложения). Наконец, еще реже тип предложения выражается одной интонацией. Так, кроме морфологической формы вопроса в ингушском языке существует чисто интонационная его форма (примеры см. на стр. 23). В этом случае вопрос выражается одним повышением голоса на сказуемом, которое имеет ту же морфологическую форму, что и в реальном утвердительном или отрицательном предложении. Чисто интонационной формой может быть выражен и вопрос с

оттенком удивления (примеры см. выше, на стр. 19). Итак, наиболее употребительными в ингушском языке способами оформления типа предложения являются морфологический и отчасти лексический и интонационный способы. Синтаксическое ударение и изменение порядка слов применяются здесь исключительно для смыслового подчеркивания слова в предложении (примеры см. выше, стр. 26).

Если сравнить ингушский язык с чеченским, то следует отметить, что в ингушском больше морфологически выраженных типов предложения, чем в чеченском. Это увеличение происходит за счет отрицательных типов предложения, которые в ингушском выражаются с помощью суффиксального оформления сказуемого, тогда как в чеченском они образуются путем добавления служебного слова – отрицания *ца* – в состав предложения перед сказуемым. Зато разновидностей повелительного предложения в ингушском меньше, чем в чеченском, главным образом, благодаря отсутствию специальной формы сказуемого для выражения просительного-повелительного оттенка.

Следует отметить особенности употребления отрицания *ма* 'не' в перечисленных типах ингушского предложения. Эта частица употребляется во всех типах повелительного предложения, а также в различных типах желательного предложения.

Шу тІехъа ма диса!

Вы не опаздывайте!

Шу тІехъа ма дусдалара!

Ах, не опоздали бы вы!

Шу тІехъа ма дисадалара!

Ах, если бы вы не опоздали!

Отрицание *ца* при глаголах, как мы уже говорили, употребляется в ингушском языке только суффиксально, т. е. в виде окончания *-ац*.

Со городе водац.

Я не иду в город.

Аз хабар дувцац.

Я не разговариваю.

Со вІохлац.

Я не могу согреться.

Со гаьна валац.
Я далеко не ухожу || не уйду.

Со цунга хъажаци.
Я не смотрю на него.

Со арахъа Iац.
Я на дворе не сижу || не остаюсь.

Ер тхацига || тханцига вагIац,
Он не идет к нам.

Сона из вовзац.
Я его не знаю.
Он мне незнаком.

Из вижа аллац.
Он не лежит.

Цар да цкаккха-а аькхе водацар.
Их отец никогда не ходил на охоту.

Цу жа Iуно е зурма а локхацар, е или а алацар.
Этот чабан ни на зурне не играл, ни песен не пел.

Байнача бетта йоачаи иштта каст-каста хилацар.
В прошлом месяце дождь || снег шел не так часто.

Кагий долаи тхо харцахъа лелацар.
Когда мы были молоды, мы не шалили.

Паччахъа заман чухъ || замалахъ къахъегамхой атта бахацар.
В царское время трудящимся не легко жилось.

Разнообразие типов повелительного предложения представляет собой своеобразную особенность как ингушского, так и чеченского языка. Большинство этих разновидностей выражается морфологически. Формы сказуемого в повелительных предложениях все, за исключением категорической повелительной, имеют одни вторые лица, как повелительное наклонение глагола вообще. Форма категорического повелительного предложения, в отличие от этого, употребляется со всеми лицами и в ингушском языке имеет изменение по классам (родам): *гIолва*, *гIойла*, *гIолба*, *гIолда*. В чеченском языке закрепились лишь одна форма сказуемого в категорическом повелительном предложении – *гIойла*, которая представляет собой не что иное, как перестановку звуков из *гIолья*.

Наклонения. Особые формы глагола-сказуемого, употребляемые в синтаксисе для выражения различных типов предложения, в морфологии называются наклонениями глагола. Большинство наклонений ингушского глагола-сказуемого имеет изменение по временам. Не изменяются по временам лишь нереальное-условное и разновидности повелительного наклонения. Следовательно, в ингушском языке будет столько наклонений, сколько в нем отдельных морфологических форм глагола-сказуемого для выражения типов предложения. Наоборот, те типы предложения, которые выражаются чисто интонационно или путем добавления служебных слов или частиц, не образуют наклонений глагола-сказуемого. Приводим здесь таблицу всех форм сказуемого-глагола, которые выражают типы ингушского предложения, с изменением этих форм по трем наиболее употребительным временам: настоящему, прошедшему совершенному и будущему действительному.

Служебные слова и частицы. Кроме перечисленных выше форм предложения в целом различные оттенки значения могут выражаться в предложении с помощью служебных частиц и служебных слов. Об употреблении частиц, выражающих отрицание, мы уже говорили выше. Кроме них в ингушском языке существуют следующие служебные частицы: *кха, кх, х, м, ма, тиз, тизэх, тизш, тизша*. До сих пор вопрос о точном значении этих частиц оставался неразработанным. Поэтому мы считаем необходимым дать здесь примеры употребления каждой из перечисленных нами частиц в отдельности.

1. Частица *кха, кх*:

Со городе гIоргва-кх.

Я в город все-же || все-таки поеду.

А я в город поеду.

Иэзар-кха аьккхий аьшк, тизхар-кха Терсмайл-тур.

Вытянул-то аккинское железо, ударил-то Терсмаильской шашкой

(из народной песни).

Аьравалар-кха из Харачой Заьламха.

Выехал-то этот харачойский Зелимхан (из народной песни).

ГIоргва-кх со городе.

Ведь я поеду в город.

Поеду же я в город.

Формы сказуемого, выражающие типы простого предложения

Типы	Реально-утвердительный	Реально-отрицательный	Вопросит. (и успокоительный)	Отрицательно-вопросительный	Нереально-желательный	Реально-желательный
Времена						
Настоящее время	Вода. Болх бу	Водац Болх бац	Водий Болх бой	Водаций Болх баций	Вод(а)валар а Болх бубалара	ГПоргвар Болх бергбар
Прошедшее время	Вахав Болх баьб	Вахавац Болх баьбац	Вахавий Болх баьбий	Вахавеций Болх баьбеций	Вахавалара Болх баьбалара	
Будущее действительное	ГПоргва Болх бергба	ГПоргвац Болх бергбац	ГПоргвий Болх бергбий	ГПоргвеций Болх бергбеций		

Настоящее время	Повелительный			
	Простой	Поручительно-повелительный	Безотлагательно-повелительный	Категорически повелительный
	ГПо Болх биз	ГПолахь Болх беллахь	ГПол Болх бел	ГПолва Болх белба

Из городе вахав-кх.
А он уехал в город.
Он все же уехал в город.

Вахав-кх из городе.
Поехал же он в город.
Ведь он поехал в город.

Как видно из примеров, частица *кха / кх* имеет два значения. При обычном порядке слов предложения, т. е. когда эта частица стоит при сказуемом в конце предложения, она выражает противопоставление данного предложения другим главным предложениям и переводится на русский язык союзами *а, а все же, все-таки*. В случае инверсии сказуемого, т. е. постановки его на первом месте в предложении, эта же частица соответствует русским подтвердительным частицам *ведь, же*. Вообще частица *кха / кх* употребляется всегда при глаголе-сказуемом (за исключением инфинитива) и может быть названа частицей противопоставления и подтверждения.

2. Частица *ха, х*.

Хьо-х мича вода городе?
Ты ведь не едешь в город?

Деша-х мича вахав хьо городе?
Учиться ведь не поехал ты в город?

Тахан-х мича воал хьо городе?
Сегодня ведь не едешь ты в город?

Из примеров мы видим, что в отличие от частицы *кха / кх*, частица *ха, х* употребляется не при глаголах (при именах, местоимениях и т. п.), а также при неопределенном наклонении глагола (инфинитиве). По своему значению она является подтвердительной частицей и соответствует русским частицам *ведь, же*.

3. Частица *м, ма, ам*:

Со-м тахан городе вода.
Я-то еду сегодня в город.
Я ведь еду сегодня в город.
Еду же я сегодня в город.

Со тахан городе ваха-м вода, фу хургда-м хац.
Идти-то я иду сегодня в город, что будет-то не знаю.

Из примеров мы видим, что частица *м, ма* употребляется обычно не при глаголе-сказуемом в его спрягаемой форме, но может употребляться при неспрягаемых формах глагола, например, при глагольных корнях, неопределенной форме глагола и т. д. По своему значению эта частица ближе всего соответствует русской частице *-то*, т. е. выражает оттенок противопоставления и смыслового подчеркивания. Она может выражать также и подтверждение, приближаясь по смыслу к русским частицам *ведь, же*.

4. Частица *тиэ*.

Саварбик воагIаргвий-тиэ соца?
Поедет-то ли Саварбек со мной?

ВоагIаргва-тиэ Саварбик а.
Поедет-то и Саварбек.
Да, Саварбек тоже поедет.

Частица *тиэ*, как это показывают примеры, может употребляться как в вопросе, так и в ответе на вопрос. По значению в первом случае она соответствует русской вопросительной частице *ли*, в ответе же выражает утвердительность и приближается по значению к русскому утвердительному ответу *да*.

5. Частица *техь, теш*.

Из воагIаргвий-техь || теш соца?
Поедет-то ли он со мной?

Из приведенного примера можно видеть, что частицы *техь, теш* употребляются только в вопросительных предложениях. Они придают вопросу оттенок сомнения в том, существует ли данный факт в действительности. Следовательно, они близки по своему значению к русским вопросительным частицам *ли, не ли* и могут быть названы сомнительно-вопросительными частицами.

Что касается чеченской усилительной частицы *а* и вопросительной частицы *ца, ц*, то в ингушском языке эти частицы не употребительны.

ГЛАВА 2. СВЯЗЬ СЛОВ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Главные члены предложения. Главными членами предложения в ингушском языке являются: сказуемое (предикат), подлежащее (субъект) и прямое дополнение (объект).

Сказуемое. Слово, которое выражает в предложении общее по отношению к отдельному, в частности, действие или состояние по отношению к лицу, действующему или переживающему состояние, называется сказуемым. Сказуемое легко определить в ингушском языке по форме: оно меняет свои окончания или присоединяет различные служебные слова и частицы в зависимости от типа предложения (см. выше стр. 31 и сл.).

Сказуемое или предикат – важнейший из членов предложения. Предложение без сказуемого вообще исторически невозможно. В современном ингушском языке, однако, в ряде случаев предложение, состоящее из одного слова (не глагола) удобно считать не сказуемым в том случае, если при этом слове нельзя поставить глагол-связку *да* в одной из ее форм и можно поставить иной легко подразумеваемый глагол:

Тахан городе мала вода?

Сегодня в город кто идет|| едет?

Со. || Со вода.

Я. || Я иду, еду.

В данном примере в школьной грамматике слово *со* следует считать подлежащим, так как при нем легко подразумевается глагол-сказуемое *воада*. Исторически, т. е. по своему происхождению, и по интонации слово *со* является (являлось) и в этом случае сказуемым.

Наоборот, во всех тех случаях, когда при слове-предложении можно поставить связку *да* в одной из ее форм, это слово следует считать сказуемым, к какой бы части речи оно ни принадлежало:

– *МалагIа ва шух Махьмад?*

– Кто (который есть) из вас Магомет?

– *Со ва.*

– Я (есть).

– *МалагIа?*

— Кто, кто?

— Со.

— Я.

— Хьой?

— Ты ли?

— Со.

— Я.

В предложениях, выраженных одним словом *со*, легко подразумевается связка *ва*. Поэтому эти слова-предложения следует считать одновременно и сказуемыми. В ингушском языке в некоторых сравнительно нечастых случаях употребляется именное сказуемое с пропуском связки *да* “есть”. В этих случаях форма сказуемого выражается только порядком слов и интонацией (порядковое и интонационное сказуемое). Такое оформление сказуемого с пропуском связки преобладает в русском языке. В ингушском оно имеется даже в народной речи, как это видно из приводимых примеров. Бессвязочное именное сказуемое в современном ингушском литературном языке получает все более широкое распространение в связи с переводом русских бессвязочных и безглагольных предложений, например, лозунгов. Приведем примеры.

Сихал – сонтал, сабар – кхетам (кица).

Несдержанность – глупость, выдержка – разум (пословица).

Хазал – делккълца, дидал – валлалца (кица).

Красота – (только) до полудня, доброта – до (самой) смерти (пословица).

1937-ча шера 12-ча декабре массова-а СССР-а Верховни Совете харжсамашка!

12 декабря 1937 года все на выборы в Верховный Совет СССР!

Кердача толамышка хьалха дIа!

Вперед, к новым победам!

Несомненно, что все приводимые нами предложения представляют собой вполне законченные и полно развитые мысли. В первом из этих примеров определение сказуемого не представляет никакой трудности, так как к словам *сонтал*, *кхетам* можно добавить связку *я*, *ба*. Следовательно, данные слова пред-

ставляют собой сказуемые не только интонационные и порядковые, но и морфологически выраженные (именные сказуемые). То же можно сказать и о втором примере. Что касается двух последних примеров, то в них как в ингушском, так и в русском языке сказуемое не может быть определено путем добавления в предложение какого-либо подразумеваемого глагола (*гIолва, долле* и т. п.). И в русском языке добавление глагола *идите* не спасает положения. При всех этих добавлениях коренным образом меняется оттенок мысли, выражаемый данными предложениями, следовательно, мы должны считать, что в этих случаях сказуемое выражено не морфологически, а исключительно интонационно и порядком слов. В первом примере таким сказуемым является слово *харжсамашка* “на выборы”, а во втором предложении – *хьалха* “перед”. Таким образом, с точки зрения теоретической и в этого рода предложениях (безглагольных) сказуемое не отсутствует.

Сказуемое бывает *простое и составное, именное и глагольное*. Простым называется сказуемое, состоящее из одного слова (отрицания и служебные частицы в расчет при этом не принимаются). Чаще всего этим словом-сказуемым бывает глагол (в нижеследующих примерах сказуемые выделены полужирным шрифтом):

Простое глагольное сказуемое.

Берзо а даац кхехкадаь (поговорка).

И волк не ест жареное (о недоваренном угощении).

ЮвргIага хьежже, бахийта ког (пословица).

По одеялу растягивай ногу.

Простое сказуемое, как мы видели выше, может быть выражено также именем или местоимением обычно со связкой *ба* (реже с пропуском связки). В этом случае сказуемое состоит из двух слов – имени и связки и может быть названо именным составным сказуемым.

Именное составное сказуемое.

Мехка а хур ловзар да.

То, что случается по (всей) стране, есть гуляние (пословица).
 (“На миру и смерть красна”).

Металлех керттердар аьшк да.

Главнейший из металлов есть железо.

Аьшк – металлех керттердар да.
Железо есть главнейший из металлов.

Милитаризм тIом ба, социализм машар ба.
Капитализм есть война, (а) социализм есть мир.

Хьо цогал дала а, цогала цIог со а да (пословица).
Если ты – лиса, (то) лисий хвост – я (есть).
("Ты хитер, а я еще хитрее").

ХIанззалца хиннача массойолча обществай истори-классий кьовсама истори дар.

История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов (К. Маркс, Ф. Энгельс. Коммунистический манифест, 1938 г. стр. 27).

Советски Социалистически Республикай Союз – болхлоий ахархойи социалистически паччахьалкхе я.

Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян (Сталинская Конституция, ст. 1).

Ер дилла тух санна дира я.

Этот суп (похлебка) солон, как соль (о чересчур соленом кушанье).

Из саг уст санна чIоагIа ва.

Этот человек крепок как бугай || бык.

Тхо виь ва.

Нас четверо. Буквально: Мы есть четверо.

Связка *да* в составе именного сказуемого согласуется в классе с именной частью сказуемого в том случае, если эта именная часть выражена именем существительным, в остальных случаях связка согласуется в классе с подлежащим.

Наж я.

но: *Наж дахча да.*

Дуб (есть).

Дуб – (есть) дерево.

Дахча да.

Ер дахча – наж я.

Дерево (есть).

*Это дерево – (есть)
дуб.*

Дрова (есть).

БIаьринг я.

БIаьринг дахча да.

Орешник (есть).

Орешник – (есть)
дерево.

Ер дахча баъллаң я.

Это дерево – (есть)
орешник.

В приведенных примерах слева мы видим согласование связки по классу (роду) с теми словами, которые в правом столбце служат подлежащими в предложениях, следовательно, в примерах правого столбца, где мы имеем бесспорное именное сказуемое, связка согласуется не с подлежащим, а с именной частью сказуемого.

Са вара бахъан карандаш ба.

Карандаш есть причина моего прихода.

Я пришел из-за карандаша.

Карандаш са вара бахъан да.

Карандаш – есть причина моего прихода.

Из этих примеров видно, что связка согласуется в классе непосредственно с именной частью сказуемого, которая в первом примере выражается словом *карандаш*, а во втором примере – словом *бахъан*.

Е дахча нажсан да.

Это дерево – дубовое.

Е дахча баъринга да.

Это дерево – ореховое.

В этих двух примерах связка *да* согласуется по классу с подлежащим *дахча*, так как именная часть сказуемого выражена относительным прилагательным (форма родительного падежа).

Вспомогательный глагол-связка в ингушском языке стоит всегда после именной (также и глагольной) части составного сказуемого.

В редких случаях, как мы видели уже выше, в ингушском языке употребляется именное сказуемое без связки, как это имеет место и в русском языке. Напомним уже приводившиеся нами выше примеры, взятые из народной речи:

Сихал – сонтал, сабар – кхетам.

Несдержанность – глупость, выдержка – разум (пословица).

Хазал – делккълца, дикал – валлалца

Красота – (только) до полудня, доброта – до (самой) смерти (пословица).

В последнем примере в качестве сказуемого без связки употреблена одна из форм местного падежа (форма предела, см. ниже, стр. 431), которая образована от глагольного корня (*валлалца*) и от имени существительного (*делккълца*). Этот пример доказывает, что в качестве интонационного сказуемого в ингушском языке может стоять любая именная или наречная форма и любая часть речи. В этом случае постановка связки при сказуемом в ингушском языке вообще невозможна. Таким образом, бессвязочное именное сказуемое без связки существует в ингушском языке в различных формах, а не только в форме именительного падежа имени, что характерно для составного именного сказуемого. Кроме того, бессвязочное именное сказуемое издавна используется в народной ингушской речи, даже в таких формах архаического языка, как пословицы. В настоящее же время именное сказуемое без связки начинает все шире употребляться под влиянием русского синтаксиса.

Составное сказуемое может быть и глагольным. В этом случае оно может состоять из двух слов.

Глагольное составное сказуемое

ВорхI сахъат даьлча, со гIулакхе водаш ва.

В семь часов я (обычно) иду на службу.

Со музей гIоргъолаш ва.

Я (обязательно когда-нибудь) схожу в музей.

Подлежащее (грамматическое), или грамматический субъект, имеет в ингушском языке две формы: продуктивную (переходную) и непродуктивную (непереходную). Продуктивное подлежащее стоит в активном падеже и употребляется только в переходном предложении. Оно выражает лицо или предмет, продуктивно действующий, т. е. такой, который исторически был непосредственным производителем (субъектом производства). Поэтому при продуктивном подлежащем всегда может стоять прямое дополнение, т. е. исторически название продукта или предмета труда, а впоследствии также объекта действия вообще. Продуктивное подлежащее может стоять лишь при глагольном сказуемом (во всех последующих примерах продуктивное подлежащее выделено полужирным шрифтом).

Хозача дешо Гургара лехъ баьккхаб (пословица).

Красивое слово выманило змею из норы.

Хозача дешо лахка лоам бошбаьб (пословица).

Красивое слово растопило высокую гору.

Дахчан пхьаро мебель ю.

Столяр || плотник делает мебель.

Нанас дулх кхехкаду || кхехко.

Мать варит мясо.

Сесаго коч тег.

Жена || женщина шьет рубаху.

Саго болх бу.

Человек (делает работу) работает.

Аз книжка деш.

Я книгу читаю.

Вай колхозаша аре дика а оах, чехка ялат чу а дахъ.

Наши колхозы хорошо пашут поле и быстро убирают хлеб.

Болхлошеи ахархошеи социализм чIоагIа хIалъю.

Рабочие и крестьяне крепко || прочно строят социализм.

Следовательно, во всех случаях, когда в предложении подлежащее стоит в продуктивной форме (активном падеже), в том же предложении или имеется налицо, или подразумевается прямое дополнение. Кажущееся исключение из этого правила представляют собой следующие примеры:

Адамо садоах пехкашца.

Человек дышит легкими.

Аз селхан сакъийрдар.

Я вчера веселился.

Вай массане а къахъег.

Все мы трудимся.

Аз радиого ладийгIар.

Я слушал радио.

Во всех приведенных предложениях не может употребляться прямое дополнение, несмотря на то, что подлежащее в них стоит в активном падеже. В этом случае мы имеем, таким образом, переходное подлежащее, при котором отсутствует прямое до-

полнение. Исторически, однако, во всех этих предложениях было налицо прямое дополнение, которое в современном языке вошло в состав сказуемого в виде односложного неформленного корня с именным значением. Корень *са* имеет значение “душа, дыхание”. Корень *къа* имеет значение “труд”, а корень *ла* в последнем примере имеет значение “ухо”. Все эти корни некогда были прямыми дополнениями в переходных предложениях. Например, *къахъег* первоначально значило “трудом живем, трудом кормимся” (ср. выражение *дика хъег* ‘хорошо кормится’) и т. д. Следовательно, и здесь исторически мы имеем настоящее продуктивное подлежащее, а все предложение в целом по своему происхождению представляет собой переходный оборот (см. ниже, стр. 78). *ЛадийгIар* от *ладувгIа* ‘слушай’ первоначально значило ‘ухо спрятал’ (ср. *ладуогIа е урс маькха тIа* ‘слушай, воткни этот нож в хлеб’); *садоах* от *садаха* ‘дыши’ первоначально значило ‘много дыхания добывай’ (ср. *даккха* ‘добудь’, *даха* ‘добывай, добудь’ [много] – множественная форма к первому глаголу); *сакъийрдар* от *сакъерда* ‘гуляй, веселись (на вечеринке)’ первоначально обозначало “душу усладил” (ср. *хъайна дола хIама ма дика къерд Ia* ‘как ты хорошо выбираешь [приятное] что-нибудь для себя’; *ма хоза къерд из барцкъа* ‘как красиво блестит эта одежда’ и т. д.).

Архаическая форма продуктивного подлежащего. Активный падеж, в котором стоит продуктивное подлежащее, в отдельных случаях имеет архаическую форму с окончанием *-а*. Эта форма может употребляться от отдельных имен существительных наряду с обычной формой активного падежа (окончание *-о*), а в немногих случаях – и как единственная его форма. Как мы увидим это ниже (см. стр. 58), архаическая форма продуктивного падежа совпадает с такой же формой творительного, дательного и местного падежей.

Iатта (Iатто) шура лу.

Корова дает молоко.

Истара (истаро) гота оах.

Бык землю (буквально: плуг) пашет.

ГIомара (гIомаро), хий санна, Ia чудуаргдаларе,

КIоажсама (кIоажсамо), цIи санна, Ia дIэцаргдаларе,

Хьога ала дош дара са.

Если бы ты выпитала, как песок воду,

Если бы ты приняла, как трут огонь,
Было бы к тебе мое слово (народная песня).

Наха, болх а бийя, салоI.

Люди, поработав, отдыхают.

Непродуктивное подлежащее выражает лицо или предмет действия и при таком действии, которое не может иметь ни продукта труда, ни объекта вообще. Следовательно, непродуктивное подлежащее употребляется только в непереходном предложении и стоит в именительно-винительном падеже. При таком подлежащем в предложении обычно не бывает и не подразумевается прямого дополнения (исключение составляет только обобщенно-переходный оборот (см. ниже стр. 94). В качестве сказуемого при нем употребляются непереходные глаголы. Таким образом, при именном сказуемом, а также при таком глагольном сказуемом, которое выражает состояние, может стоять только непродуктивное подлежащее (во всех последующих примерах непродуктивное подлежащее подчеркнуто):

Дахчан пхъар дахча да вахав.

Столяр || плотник пошел за древесиной (принести древесину).

Нани гIанда тIа Iохайна ягIа.

Мать сидит (находится сидящей) на стуле.

Кхалсаг — колхозашка боккха низ ба.

Женщина в колхозах большая сила.

Кагий нах — вай хурнбараи ба, вай дега йIовхало я, новкъостий.

Молодежь — наша будущность, наша надежда, товарищи.

Адам — общественни хъайба да.

Человек — общественное животное.

Со дешархо ва.

Я — ученик.

Приведенные примеры показывают, что ряд глагольных сказуемых, выражающих не только состояние, но и настоящее действие, имеет при себе непродуктивную форму подлежащего (ср. 1-й и 5-й примеры). Это связано с тем, что многие глаголы, выражающие действие, являются в то же время и непереходными (например, все глаголы, обозначающие движение в пространстве и т. д., см. ниже, стр. 83).

Непродуктивное
подлежащее

Со цу новкъа вахара.
Я пошел по этой дороге.

*Машина бIаь километр
цу новкъа яхай.*
Машина прошла 100
километров по этой дороге.

Тхо болх беш да урда.
Мы (вообще) занимаемся
работой в поле.

Продуктивное
подлежащее:

Из беррига никъ бир аз.
Я проделал всю эту (ту) дорогу.
Я прошел всю эту дорогу.

Машина бIаь километр никъ баьб.
Машина сделала 100 километров
пути (буквально: машина сделала
путь в 100 километров).

Оаха беш болх ба урда тIа || кхай тIа.
Мы заняты (данной) работой в поле.

Оаха болх бу урда тIа || кхай тIа.
Мы делаем работу || работаем в поле.

Эти примеры показывают, что даже в тех случаях, когда в русском языке могут быть образованы от одного и того же глагола-сказуемого обе формы – переходная и непереходная, в ингушском языке обычно употребляются совершенно различные глаголы. Исключение представляет собой только обобщенно-переходный оборот, с помощью которого переходное предложение превращается в непереходное (см. последние примеры).

Прямое дополнение, или объект, выражает продукт или предмет труда, а также вообще лицо или предмет, подвергающийся действию (объект действия). Грамматическое прямое дополнение имеет в ингушском языке всегда форму именительного-винительного падежа и употребляется лишь в переходных предложениях. Сказуемое-глагол согласуется с прямым дополнением в классе (роде). Таким образом, во всех тех случаях, когда подлежащее стоит в активном падеже (переходный оборот), сказуемое грамматически согласуется не с подлежащим, а с прямым дополнением. На этом основании прямое дополнение и следует считать, наряду с подлежащим, одним из главных членов ингушского предложения. Примеры употребления прямого дополнения указаны на стр. 51. В частности в предложении: *Дахчан пхъаро мебель ю* сказуемое *ю* согласовано в классе не с подлежащим *пхъаро* (класс *ву*), а с прямым дополнением *мебель* (класс *ю*), равно как в предложении *саго болх бу* сказуемое *бу*

согласуется в классе с прямым дополнением *болх* (класс *бу*), а не с подлежащим *саго* (класс *ву*).

Активный строй переходного предложения. При синтаксическом разборе ингушского предложения до последнего времени обыкновенно считали подлежащим только то слово, которое стоит в именительно-винительном падеже (так называемом “цIераяр”). Такой синтаксический разбор не был основан на какой-либо синтаксической теории, так как ингушский язык, как и чеченский язык, до сих пор не имел разработанного синтаксиса, если не считать нескольких замечаний на этот счет у З. Мальсагова¹. Таким образом, это определение подлежащего было принято скорее в силу известной традиции. Следовательно, определяемое лишь по форме, но не по содержанию ингушское подлежащее совпадало с действительным подлежащим только в случае непереходного предложения, в котором подлежащее стоит в ингушском языке в именительно-винительном падеже. В переходном же предложении, где ингушское подлежащее стоит в активном падеже, подлежащим считалось до сих пор не фактическое подлежащее, т.е. слово, выражающее лицо действующее, а прямое дополнение. На практике это не могло не приводить к нелепым выводам и своего рода грамматическим курьезам. Так, в предложении: *Комбайно хьакха а хьокх, арда а оард* ‘комбайн и косит, и молотит’ при таком разборе совсем не оказывалось подлежащего и это предложении считалось “безличным”, а в предложении *Истол дахчах ду* ‘из дерева стол делают’ подлежащим оказывалось слово *истол*. Точно так же в предложении *Аз истол ду* ‘я делаю стол’ подлежащим считали слово *истол*, а слово же *аз* определялось как “пояснительное”. При этом активный падеж подлежащего на основании грамматики З. Мальсагова (который в этом отношении лишь продолжал традицию Услара²) считался творительным падежом, тогда как отдельно существующий в ингушском языке подлинный творительный (творительно-сопроводительный) падеж определялся как союзный.

Такой грамматический разбор предложения лишал ингушей возможности не только правильно понимать строй своего родного языка, но и делать точный и правильный перевод ингушских предложений на русский язык. Так, например, предложе-

¹ Мальсагов З. К. Ингушская грамматика. Владикавказ, 1925. - С. 31.

² Услар П. К. Этнография Кавказа, в. II, Чеченский язык, Тифлис, 1888.

ние *Юрто лаьтта аьхад* 'селение вспахало землю' переводилось буквально "селением земля вспахалась"¹, вышеприведенное предложение *Комбайно хьакха а хьокх, арда а оард* по этой системе переводили "комбайном косится и молотится", предложение *Аз истол ду* переводили "мною делается стол" и т. д. Одним словом, переходные ингушские предложения всюду переводились русским страдательным оборотом, хотя в ингушском, как и во многих других восточных языках, не существует собственно настоящего развитого страдательного оборота.

Это неправильное понимание конструкции ингушского переходного предложения приводило не только к теоретической путанице, но имело и имеет серьезные практические последствия. Во-первых, при таком понимании строя ингушского предложения и при таком способе перевода его на русский язык для массы ингушей сильно затрудняется правильное усвоение русского языка. Это одна из причин, серьезно мешающих распространению знания русского языка в Ингушетии. По этой причине в устах многих ингушей, желающих сознательно подойти к изучению русского языка, еще и сейчас звучит искаженная русская речь. Следует отметить, что эта путаница за годы существования ингушской письменности в особенности поощрялась лингвистами, которые проводили ее и по отношению к чеченскому языку.

Вопрос о подлежащем и о "пассивном" (т. е. страдательном) строе в ингушском, так и в чеченском языках имеет свою историю. Признание подлежащим только слова, стоящего в именительном падеже и в связи с этим определение строя ингушского переходного предложения как пассивного впервые было предложено Усларом по отношению к чеченскому языку. П. К. Услар, знаменитый исследователь кавказских языков, работавший в 60-х годах прошлого столетия, сделал неправильное предположение, что в чеченском языке совсем нет действительного оборота, так называемой активной конструкции (см. ниже, стр. 132). Для своего времени (середина XIX века) работы Услара были крупным шагом вперед в области изучения кавказских языков, но это не значит, что Услар был свободен от ошибок. Он был не одинок в таком объяснении своеобразного строя, которым отличаются многие не только яфетические, но и другие языки.

¹ Мальсагов З. К. Ингушская грамматика... - С. 31.

Своеобразный строй ингушского, чеченского и других яфетических языков, палеоазиатских языков, а также баскского языка, языка вершиков, американо-индейских языков не имеет ничего общего с пассивной конструкцией, существующей в европейских языках.

Сущность активного строя ингушского переходного предложения как раз и заключается в том, что лицо действующее или предмет действующий в нем и по форме, и по мысли является субъектом. По мысли он представляет собой всегда лицо или предмет не просто действующий, но продуктивно действующий, т.е. такой, действие которого имеет продукт труда, позднее исторически превратившийся в языке в грамматическую форму объекта вообще. По форме продуктивное подлежащее в ингушском, чеченском и других яфетических языках отличается тем, что стоит всегда в особом свойственном только продуктивному подлежащему падежу – активном падежу (дераяр). Этот падеж служит **исключительно** для оформления продуктивного подлежащего. Никакого иного значения и синтаксического употребления активный падеж в ингушском, как и в чеченском языке не имеет. Если бы он являлся творительным (орудным) или каким-либо одним из европейских косвенных падежей, как это хотят видеть сторонники пассивного строя яфетических языков, то несомненно употребление активного падежа для выражения подлежащего было бы лишь одним из случаев употребления этого падежа и при том – случаем не основным. Так, в ингушском языке дательный падеж употребляется, между прочим, и для выражения субъекта при глаголах со значением “сознавать”, “чувствовать” и др. (см. ниже стр. 85). Это употребление ингушского дательного падежа представляет собой лишь один из случаев его применения. Гораздо чаще дательный падеж употребляется в основном своем несубъектном значении – для выражения субъекта общения или обмена, а также лица (предмета), в пользу которого совершается действие. Точно также и в русском языке творительный падеж употребляется для выражения субъекта в страдательном обороте. Но этот случай употребления творительного падежа является далеко не единственным. Наряду с этим русский творительный падеж применяется и в основном своем значении – в значении формы орудия, с помощью которого совершается действие – и во многих других значениях. В противоположность этому активный падеж в ингушском, чеченском и вообще в тех яфетических языках, в которых он существует как специальный падеж, употребляется только в значении продуктивного подлежащего и, кроме этого, никаких иных значений не имеет. Следовательно, активный падеж представляет собой не что иное, как специальный способ оформления продуктивного подлежащего и только продуктивного подлежащего.

В ингушском языке активный падеж резко отличается по своему значению и употреблению от творительного падежа. Творительный падеж, по недоразумению названный Усларом, а вслед за ним и В. Мальсаговым – падежом сопроводительным или союзным, по своему основному значению представляет собой падеж, специально выражающий форму орудия. В ингушском, как и в некоторых других языках, например, в марийском, немецком и т.д. эта же форма служит также для выражения совместности или сопровождения. В русском языке это значение передается тоже творительным падежом с предлогом *с*. Следовательно, близкая связь по значению орудной и сопроводительной формы не представляет особенности только ингушского или чеченского языка, она характерна для многих языков, в том числе и для русского. Однако, творительный падеж во всех языках мы должны определять по основному первоначальному его значению – значению орудия.

Творительный падеж существует в ингушском языке независимо от активного и резко отличается от него по своему употреблению. В творительном падеже в ингушском языке нельзя поставить название члена общества в значении субъекта (ср. ниже, стр. 137). Как мы увидим в дальнейшем, настоящая страдательная (пассивная) конструкция, если и существует в ингушском языке, то лишь в зачаточной форме. Блестящим подтверждением правильности положения Энгельса является тот факт, что в ингушском языке в творительном падеже мы можем поставить названия предметов и всего, что относится к классу природы, но мы не можем поставить в этом падеже название члена общества – человека ни в значении орудия, ни в значении логического субъекта. Именно поэтому подлинная пассивная конструкция и невозможна в ингушском языке (подробнее о пассивной конструкции см. стр. 131).

Мне могут возразить, что в ингушском, также как и в чеченском языке существуют случаи совпадения особой архаической формы активного падежа (которая образуется от названий некоторых частей тела, орудий и домашних животных) с такой же архаической формой творительного падежа (образуемой от тех же названий). Если в чеченском языке действительно существуют крайне редкие случаи совпадения активного падежа с творительным в одинаковой архаической форме (см. «Синтаксис чеченского языка», стр. 49), то в ингушском языке такого совпадения мы вообще не наблюдаем. В ингушском языке нет случаев, когда от одного и того же слова можно было бы образовать архаическую форму в двух значениях – и творительного и активного падежа. Зато в ингушском языке те слова, которые образуют архаическую форму в значении активного падежа, не могут выступать в этой форме в значении творительного падежа и, наоборот, те слова, которые образуют архаическую форму

творительного падежа, не употребляются в этой форме со значением активного падежа. Таким образом, единство происхождения только этих двух падежей – активного и творительного опровергается материалами ингушского языка. Больше того, в ингушском языке та же архаическая форма употребляется и в значении дательного падежа. Это еще убедительнее подтверждает наше предположение о том, что архаическая форма активного и творительного падежей на самом деле является пережитком некогда существовавшей общей формы всех косвенных падежей. Таким образом, по материалам ингушского языка (как и чеченского) не активный падеж происходит от творительного, а все косвенные падежи происходят путем диалектического раздвоения из единой общей формы косвенного падежа.

Приведем примеры архаической формы активного, творительного, местного и дательного падежей в ингушском языке.

1. Архаическая форма активного падежа

Мухкара (мухкаро) хоадаваьв из.	Геамозиса (геамазисо) се кIериз яьй.
Ножик обрезал его.	Буйволица телку принесла.
Лампа (лампо) сердал ю.	Ворда (вордо) лозаваьв из.
Лампа дает свет.	Арба его ушибла.
Тха Iамта (Iамто) духса шура лу.	Iасилга (Iасилго) шура юь.
Наша корова дает много молока.	Теленок сосет молоко.

2. Архаическая форма творительного падежа

Кулга (кулгаца) маха говза боаккх Маржана.

Рукой хорошо шьет Маржан.

3. Совпадение архаической формы активного и местного падежей

Со говра (говра тIа) хицра.	Лоро лерга (лерга чу) боамби беллар.
Я сел на лошадь.	Врач вложил в ухо ватку.
Но: Со говраца вахар.	Бларга (бларга чу) хIама дахар Сул-
Я поехал на лошади (лошадью).	тана.

В глаз Султана что-то попало.

4. Совпадение архаической формы дательного и местного падежей

Бларга (бларга) дика хIама гуш вацар Муса, лораша тоавалица.

Муса хорошо не видел глазами, пока врачи не вылечили его.

Таким образом, в ингушском языке архаическая форма косвенных падежей употребляется в общем реже, чем в чеченском. При этом архаическую форму могут иметь в общем те категории имен существительных, что и в чеченском – названия некоторых домашних животных (говр 'лошадь', етт 'корова', уст 'бык, вол'), названия некоторых членов и органов тела (кулг 'рука', ког 'нога', лерг 'ухо', бларг 'глаз'), некоторые названия орудий и оружия (мангал 'коса', топ 'ружье', кьоалам 'карандаш') и некоторые другие отдельные слова (басар 'краска' и т. п.). Зато в ингушском языке значение архаической формы шире, чем в чеченском. Она употребляется в значении активного, творительного, местного и дательного падежей и

отчасти может заменять собой некоторые местные формы с послелогоми. Таким образом, архаическая форма этих косвенных падежей объединяет в себе несколько падежных значений. Ничего специфически орудного (творительного) в этой форме нет. Она представляет собой просто остаток одного из древних, в современном языке почти утраченных падежей, который объединял несколько теперешних падежных значений (ср., например, общий косвенный падеж в черкесских языках). Существование этого совпадения не только не доказывает происхождения активного падежа от творительного, но служит, напротив, доказательством первоначального существования менее дифференцированного склонения, в ингушском языке – склонения, в котором существовало меньшее количество падежей, чем сейчас. При этом некогда существовавший предполагаемый нами общий косвенный падеж путем раздвоения развился в современный активный, творительный, местный, дательный и, вероятно, некоторые другие падежи. Разумеется, этот первоначальный общий косвенный падеж не был ни творительным, ни активным, ни местным, ни дательным, а каким-то иным по своему значению и употреблению падежом.

Подводя итог всему вышесказанному, мы должны прийти к заключению, что правильное решение вопроса о форме подлежащего в ингушском языке имеет существенно важное значение для дальнейшего развития и роста ингушской письменности и ингушского литературного языка. Если признать подлежащим в ингушском языке прямое дополнение, как это было до сих пор, то это не дает возможности ингушам правильно осознать национальные особенности своего родного языка, ставит ингушский язык и мышление ингушей (понятие субъекта) в изолированное от других народов положение и не дает возможности ингушам легко усваивать русский и другие европейские и национальные языки. Словом, в этом случае, мы пойдем по осужденному историей пути врагов народа. Единственно правильным, подлинно научным решением этого вопроса будет признать в ингушском языке подлежащим то, что понимается под подлежащим во всех остальных литературных языках. Подлежащее есть грамматическая форма, выражающая лицо или предмет действующий. Следовательно, подлежащее, прежде всего, следует определять по значению. Нас могут упрекнуть, что такое решение вопроса основывается только на формах мышления, на логике. Однако, к такому же выводу приводит и правильное понимание грамматической формы ингушского предложения в его историческом развитии. В самом деле, активный падеж в ингушском языке есть падеж подлежащего не только потому, что он всегда выражает лицо действующее, но и потому, что этот падеж представляет собой специфическую грамматическую форму продуктивного подлежащего и упо-

требуется исключительно для выражения этого подлежащего. Этот закон не имеет никаких исключений ни в ингушском, ни в чеченском языке. Следовательно, в этих языках активный падеж, наряду с именительным, является вторым падежом для подлежащего не только по своему значению, но и по самой своей форме. Отсутствие согласования с ним сказуемого (переходного глагола) в классе возмещается именно этим обстоятельством – специфически субъектным значением самого активного падежа. Подлежащее здесь выражено не согласованием сказуемого, а падежным окончанием. Кроме того, для ингушского языка согласование в классе с одним из главных членов предложения вообще не характерно. Большое количество глаголов здесь совсем не имеет согласования в классе. В этих случаях сказуемое не согласуется ни с подлежащим, ни с прямым дополнением. Следовательно, и здесь форма подлежащего и прямого дополнения выражены исключительно падежными формами этих главных членов предложения. Признание активного падежа специальной грамматической формой ингушского продуктивного подлежащего представляет собой единственно правильное решение вопроса об ингушском подлежащем. Отсюда с необходимостью вытекает и признание в ингушском предложении третьего главного члена – прямого дополнения. Прямое дополнение потому является главным членом ингушского предложения, что во всех тех случаях, когда согласование по классу возможно, глагол-сказуемое всегда согласуется в переходном предложении с прямым дополнением. Кажущееся исключение из этого правила представляет собой употребление мер и чисел в форме именительно-винительного падежа в качестве определения (см. ниже стр. 193). С этим именительно-винительным падежом сказуемое никогда не согласуется в классе. Исключение это лишь кажущееся, потому что по истории своего происхождения именительно-винительный падеж времени, меры и количества не является прямым дополнением и наряду с этим падежом в переходном предложении всегда может быть поставлен другой именительно-винительный падеж для выражения прямого дополнения. С этим именительно-винительным падежом прямого дополнения и будет обязательно согласовываться тот глагол-сказуемое, который может иметь формы классов.

Признание в ингушском предложении трех главных членов не осложняет школьного преподавания ингушской грамматики. К выделению прямого дополнения ингушские учителя и все грамотные ингуши уже привыкли, так как до сих пор оно выделялось как подлежащее. Кроме того, прямое дополнение как грамматическое отражение продукта труда и в дальнейшем объекта вообще представляет собой настолько важную категорию мышления, что его следовало бы выделять в школьном преподавании не только ингушского,

но и русского языка. Это обстоятельство имело бы огромное значение для умственного развития учащихся.

Своеобразный строй ингушского предложения – связь между продуктивной (активной) формой подлежащего и продуктивностью действия, между непродуктивной (пассивной) формой подлежащего и непродуктивностью действия, между продуктивной формой пассивного подлежащего и формой объекта, пассивной по самому существу дела – все это с неизбежностью заставляет признать, во-первых, что ингушское переходное предложение является активным по строю, во-вторых, что прямое дополнение представляет собой один из главных членов ингушского предложения.

Это явление представляет собой результат более древнего строя ингушского языка, при котором грамматические формы остаются ближе связанными с реальным содержанием речи, чем в позднейшие эпохи языкового развития. Тот же вывод можно сделать и в отношении всех яфетических языков, имеющих своеобразный активный строй переходного предложения и особую форму для продуктивного подлежащего, независимо от различных грамматических способов ее выражения (яфетические языки Дагестана, кабардинский, адыгейский, абхазский и абазинский и др.).

Прямое дополнение в значении орудия. Во многих случаях мы находим в ингушском языке прямое дополнение, которое по своему реальному содержанию является орудием:

Аз тахан мангал хьакхар.

Аз тхосай дакъа мангалца хьакхар.

Буквально: Я сегодня косой потер || подвигал.

Я выкосил наш участок косой.

Я сегодня занимался покосом.

Лоамароши марс хьокх.

Я сегодня (сено) покосил.

Горцы (вообще) жнут серпом (буквально: серп трут || серп двигают).

Аз мангалца йол хьакхар.

Лоамароши кIа марсаца хьокх.

Я накосил сено косой.

Горцы жнут пшеницу серпом.

Аз тхосай дакъа тIа мангал хьакхар.

Са говро гота оах.

Я на нашем участке косил (косой потер || подвигал).

Моя лошадь пашет землю (буквально: пашет плуг).

Мы видим, что в приведенных примерах слова *мангал* ‘коса’ и *марс* ‘серп’ в соединении с глаголом *хьакха* || *хьакха*, который имеет много значений (‘тереть, гладить, двигать’ и т. д.), сливаются с этим глаголом в одно понятие: *мангал хьакха* ‘косить’, *марс хьакха* ‘жать’ и т. д.

Цо мотт лебу.

Он (вообще) говорит.

Он владеет языком (своим или чужим).

Цо мотт лебац.

Он (вообще) не говорит.

Он не владеет языком.
Хъавола, мотт бувца.
Иди сюда, говори.

Цо дика бувц мотт.
Он хорошо владеет языком.

Цо хоза бувц мотт.
Он красиво говорит.

Мотт ца ховчар кулгаца мотт бувц.
Немые руками разговаривают.

Цо меттаца дуви.
Он языком (что-то) рассказывает.

Аз жІалена гІадж техар.
Я ударил собаку палкой.
Буквально: Я ударил по собаке палку.

Ахьмада устагІанна шалта хъекхар.
Ахмад прирезал || зарезал барана кинжалом.
Буквально: Ахмад резанул кинжал(ом) по барану.

Бага гІадж Іотта езар цунна (поговорка о болтуне).
В рот надо было ткнуть его палкой.
Буквально: В рот бы ему палку ткнуть.

Аз пхъагала топ кхессар.
Я выстрелил из ружья по зайцу.
Буквально: Я бросил ружье (ружьём) по зайцу.

Аз пхъагала топ техар.
Я ударил из ружья в зайца.
Буквально: Я ударил ружье по зайцу.

Аз топаца пхъагал йийра.
Я убил || застрелил из ружья зайца.
Я убил ружьём зайца.

Аз жІовнаца хъастам техар.
Я забил гвоздь молотком.

Аьшка пхъаро аьшках жІов техар.
Кузнец ударил по железу молотком.
Буквально: Кузнец ударил молот в железо.

Аьшка пхъаро жІовнаца аьшк тоадир.

Кузнец выправил железо молотком.

Аз пхъагала топ хъожаыира.

Я нацелился ружьем в зайца.

Я направил ружье в зайца.

Аз говр хехкар.

Я поскакал на лошади.

Я погнал лошадь вскачь.

Со говраца вахар.

Я на лошади || лошастью поехал.

Аз машина хъехкар.

Я помчался на машине.

Я погнал машину.

Со машинаца вахар.

Я поехал на машине || машиною.

Аз Iурга гIадж Iеттар.

Я сунул палкой (палку) в нору || в дыру.

Аз тетена берте герми еллар.

Я заткнул затычкой горло кубышки.

Буквально: Я воткнул затычку в горло кубышки.

Аз шушанна берте герми еллар.

Я заткнул || закупорил горлышко бутылки пробкой.

Аз цIен юкье герми хъекхар.

Я тер по полу тряпкой.

Буквально: Я тер тряпку по полу.

Аз гермеца цIен юкъ цIенийир.

Я вытер пол тряпкой.

Аз маха боаккх.

Я шью (иглой).

Буквально: Я иглу вытаскиваю.

Аз маъхаца тег.

Я иглой шью.

Аз пазата булавка беллар.

Я носки подколол булавкой.

Буквально: Я в носки заколол впереди закалываемую иголку.

ЙоЮ кертах ехк еллар.

Девушка заколола волосы гребнем.

Буквально: Девушка заколола гребень в голову.

Аз дахчах диг техар.

Я ударил || рубанул топором по дереву.

Буквально: Я в дерево топор ударил.

Аз догарца дахча хоададир || даьккхар.

Я срубил || перерубил дерево топором.

Аз херх хьекхар.

Я пилил.

Буквально: Я водил пилу (пилой).

Аз херхаца дахча хоададир.

Я перепилил дерево пилой.

Аз оалхазара кхера кхесса || техар.

Я бросил || ударил камень в птицу.

Аз пена топпар хьоах.

Я мажу глину по стене.

Аз топпарца хьоах пен.

Я обмазываю стену глиной.

Приведенные примеры говорят, что прямое дополнение в значении орудия употребляется при переходных глаголах со значением “тереть, мазать, бить, бросать, совать, втыкать, колоть” и т. п. Смысловое прямое дополнение ставится в этом случае в дательном, реже – в местном падеже. Таким образом, в приведенных примерах мы имеем грамматическое прямое дополнение, которое является смысловым (орудным) дополнением. По своему значению смысловое орудное дополнение несколько отличается от грамматического орудного дополнения. Оно имеет менее определенное орудное значение, исторически развивающееся из значения прямого дополнения. В некоторых случаях все предложение с орудным дополнением в именительном падеже отличается от параллельно приводимого нами предложения с настоящим творительным дополнением тем, что действие в предложениях первого рода приобретает оттенок незакоченности. Предложения со смысловым орудным дополнением в именительном-винительном падеже отличаются также тем, что в их состав нельзя включить смысловый объект в форме именительно-винительного падежа. В некоторых случаях име-

нительно-винительное орудное дополнение сливается со сказуемым в одно понятие и даже в одно слово-понятие. Ср., например: *мотт буца*, *мангал хьокха*, *катуоха* и т. д.

Употребление орудного по смыслу дополнения в грамматической форме прямого дополнения не представляет собой специфической особенности одного ингушского языка. Так, например, в марийском мы имеем при глаголах с такими же приблизительно значениями прямое дополнение в форме марийского винительного падежа, но в значении орудия.

С п и с о к

глаголов, имеющих при себе именительно-винительный падеж в значении творительного (орудного)

Аха – паши.

Ютта – тычь.

Туоха – ударь.

Дехка – свяжи.

Бетта – бей.

Диз – посеи.

Хьожсае – направь, прицель.

Дувца – разговаривай.

Йолла – заткни.

Кхосса – брось, кинь.

Хохка – гони, скачи.

Баккха – добудь, достань.

Хьакха – обмажь (глиной стену).

Связь слов в предложении. Связь слов в предложении может быть прямая, или непосредственная, и непрямая, или опосредованная. Прямой связью мы называем связь между главными членами предложения, также связь между сказуемым и теми второстепенными членами, которые непосредственно к нему относятся (например, связь между сказуемым и обстоятельственными словами, между сказуемым и косвенными дополнениями, за исключением притяжательного дополнения). Непрямой, или опосредованной между членами предложения мы называем связь, существующую между одним из вышеуказанных членов предложения, за исключением глагольного сказуемого, и относящимся к нему определением или притяжательным дополнением.

Слово, к которому относится определение, называется его определяемым, а слово, к которому относится притяжательное

дополнение, называется его дополняемым. Следовательно, опосредованной связью слов в предложении мы называем связь между определением и определяемым, а также между притяжательным дополнением и дополняемым. В ингушском языке дополнение при дополняемом и определение при определяемом в ряде случаев недостаточно отграничены друг от друга, не вполне дифференцированы. Относительное определение и притяжательное дополнение при дополняемом в ряде случаев имеют одно и то же грамматическое оформление – родительный падеж имени существительного (см. ниже стр. 175). Эти случаи можно условно назвать недифференцированным определением. Примеры на указанные нами здесь связи слов (как прямые, так и опосредованные) мы приводим ниже при синтаксическом разборе предложения.

Синтаксический разбор предложения. Итак, в ингушском предложении три главных члена – сказуемое, подлежащее и прямое дополнение. Прямое дополнение бывает лишь в переходных предложениях. При практическом школьном разборе предложения следует начинать его со сказуемого, как с того слова, которое легче всего найти в ингушском предложении. Вслед за сказуемым нужно находить подлежащее, а вслед за подлежащим – прямое дополнение (если данное предложение является переходным). После определения всех главных членов предложения следует находить второстепенные его члены: в первую очередь – выражающие прямую связь слов (обстоятельные слова и самостоятельные косвенные дополнения). Наконец, в самом конце синтаксического разбора следует находить слова, состоящие в опосредованной связи с другими членами предложения – определение при определяемом и притяжательное дополнение при дополняемом. При школьном разборе предложения обе эти категории можно не отделять одну от другой и определять как определения при определяемых. Приводим примерный синтаксический разбор простого ингушского предложения (см. табл.).

Развитие форм субъекта, объекта и предиката. Следует отличать грамматический субъект, т. е. форму подлежащего, грамматический объект, или форму прямого дополнения, и грамматический предикат, т. е. форму сказуемого, как от логического субъекта, объекта и предиката, т. е. от этих форм в мышлении, так и от реальных субъекта, объекта и предиката, т. е. от этих

понятий в действительной жизни¹. Нет никакого сомнения, что грамматические формы, также как и формы мышления, представляют собой формы, исторически развивающиеся, отражающие действительную жизнь общества и порожденные развитием производительных сил и производственных отношений. Вырастая из реального содержания материальной деятельности людей, эти формы в дальнейшем отходят от этого реального содержания и вступают в противоречие с ним. На основании исследования многих яфетических и других языков мы можем прийти к выводу, что в первобытной общине на известной ступени ее развития (первобытная коммуна, род) благодаря непосредственной связи языка и мышления с материальной деятельностью людей логические и грамматические формы вообще в неизмеримо большей степени, чем в классовом обществе, совпадали с реальным их содержанием. Для этой эпохи развития языка и мышления (примерно к концу эпохи дикости, по Энгельсу) мы можем предположить следующую связь между этими формами и материальной производственной деятельностью и производственными отношениями общества того времени²:

¹ Мы имеем здесь в виду реальное соответствие понятия, которое можно было бы назвать реалией - термином, принятым в филологии. Реалией называют вещественное соответствие слова и понятия, проще говоря, вещь (вещи), соответствующую слову-понятию.

² Для предшествующей эпохи, судя по материалам акад. Мещанинова, использовавшего факты одного из языков северо-западных индейцев Северной Америки (язык немепу из группы сахаптин в Северной Колумбии), и принимая во внимание остатки общего оборота и залога в кабардинском, адыгейском и др. языках, мы должны предположить еще более древнее совпадение и по грамматической форме и по мысли нераздвоенных субъекта и объекта примерно на средней ступени дикости (см. Н. Яковлев. Краткая грамматика кабардинского языка, в. I, Ворошиловск, 1938, стр. 24—26). В качестве такого объекта, сливающегося воедино с субъектом, здесь еще выступает отражение продукта (объекта) труда в его непосредственном виде (сравни кабардинские примеры). Вот что пишет ак. Мещанинов о спряжении в языке немепу: "Собственность объединяется с самим владельцем; поэтому глагол оформляется объективными частицами, согласованными в лице не с объектом, а с собственником объекта" (См. Мещанинов И.И. Новое учение о языке. Л., 1936, стр. 81) и еще: "При отождествлении в языке немепу владельца с владеемым предметом, что формально приводит к согласованию глагола с собственником объекта, все построенные в которых субъект действует на принадлежащий ему объект, ока-

Развитие форм грамматического и логического субъекта, объекта и предиката и тех же понятий в действительной жизни общества.

	Субъект	Объект	Предикат
Реальный	Непосредственный производитель	Продукт или предмет труда	Процесс производства
Логический	Субъект в мышлении – человек	Объект в мышлении – природа	Предикат в мышлении: общее по отношению к отдельному (в частности, действие по отношению к лицу или предмету действующему)
Грамматический	Подлежащее	Прямое дополнение	Сказуемое

жуются непереходными” (там же, стр. 84). Таким образом, смысловой объект собственности в языке немепу осознается как неотделимая часть соответствующего смыслового субъекта собственности. Это же соотношение в других языках и в иную эпоху приводит к возникновению особой категории притяжательных местоименных аффиксов — к притяжательным органической принадлежности” (см. Яковлев Н., Аш-хамаф Д. Краткая грамматика адыгейского языка, Краснодар, 1930, стр. 58).

IX	Вай	VII	мехк- дайттан	X VIII V промыслай	VI II болхолои Подлежа- щее (продук- тивное) VI	XI укх	XII IV шера	XV мехк- дайтта	XVI XIII даккхара	XIV III план III прямое допол- нение XIV Опреде- ление (по смыслу: притяжатель- ное допол- нение)	I техк- хоа- чаиный
IX	Рабочие	IX VII наших	VII Опреде- ление	X VIII V нефтяных промыслов		XI в этом	XII IV году	XV допол- нение I перевы- полнили	XVI дополня- емое III план	XVI XIII добы- вания	X нефти

VII Вай	VIII II колхозо- ша II Подлежа- щее	IX ужх	X V шера V Обстоя- тельство времени	XI целача	XII VI комбайнаша IV Косвенное дополнение	XV ишай	XVI XIII колхозай	XIV III ялалтин III Прямое дополнение	IV дыка IV Обстоятель- ство образа действия	I чулайдай I Сказуемое
VII Определе- ние VII наши	VIII Определя- емое VIII II колхозы	IX Опреде- ление IX в этом	X Опреде- ляемое V году	XI Опреде- ление XI новыми	XII Определяемое XII комбайнами	XIV III хлеба	XIII Опре- деление XV своих	XIV Опреде- ляемое XVI XIII колхозов	IV хорошо	I убрали

Таким образом, грамматический субъект (подлежащее), который выражает лицо действующее как разновидность отдельного по отношению к общему, и логический субъект, субъект в мышлении, т. е. человек, первоначально соответствовали непосредственному производителю в реальной жизни и были его отражением в сознании и языке. Точно так же грамматический объект (прямое дополнение) и логический объект, объект в мышлении, т. е. природа и все созданное трудом человека, вначале являлись непосредственным отражением существовавшего в действительной жизни продукта или предмета труда. Наконец, грамматическое сказуемое (грамматический предикат) и логический предикат (предикат в мышлении), который первоначально обозначал общее по отношению к отдельному в одной из его теперешних разновидностей – действию (вначале, конечно, производственном), являлись отражением в мышлении и языке реального процесса производства, как он существовал в действительной жизни общества.

В ингушском, и в русском языках образуются специальные глагольные формы, придающие любому глаголу оттенок состояния. Таковы, например, в русском языке – формы страдательного оборота и залога, а в ингушском языке – формы производно-непереходного оборота и залога, которые можно было бы назвать оборотом и залогом состояния (см. ниже стр. 100).

Особенно яркие примеры противоречия между формой и содержанием в предложении мы находим в существовавшем до революции языке буржуазии.

Промышленнико мехкдаьтта доаккх.

Промышленник добывает нефть.

Фабриканто мебель ю.

Фабрикант изготавливает мебель.

В этих предложениях грамматический и логический субъект (*промышленнико, фабриканто*), стоящий в продуктивной форме, противоречит реальному субъекту – субъекту производства (*болхлочо*).

Мехкдаьтта промышленника кулгаца доаккх.

Нефть добывается промышленником.

Мебель фабриканта кулгаца еш я.

Мебель изготавливается фабрикантом.

В этих предложениях, которые представляют собой возможный способ выражения страдательного оборота в языке буржуазии, грамматический субъект (*мехкдаьтта, мебель*) противоречит логическому субъекту (*промышленника кулгаца, фабриканта кулгаца* – буквально: руками промышленника, руками фабриканта) и оба оказываются в противоречии с реальным субъектом производства (*болхлочо*).

Болхлоша мехкдаьтта доаккх.

Рабочие добывают нефть.

Болхлошо мебель ю.

Рабочий изготавливает мебель.

В данных предложениях, существовавших и ранее наряду с буржуазным способом выражения и ставших сейчас в стране социализма единственной формой выражения мысли и действительности, формы языка и мышления (грамматический и логический субъект) полностью совпадают с тем, что существует в действительности, т. е. с реальным субъектом производства.

Мехкдаьтта болхлоу кулгаица доаккхаш да.

Нефть добывается рабочими.

Мебель болхлочун кулгаца еш я.

Мебель изготавливается рабочим.

В данных предложениях, могущих существовать в современных языках народов СССР, логический и реальный субъект (*болхлоу кулгаца, болхлочун кулгаца* – буквально: руками рабочих, рукою рабочего) совпадают, но оба противоречат грамматическому субъекту (*мехкдаьтта, мебель*). Этот способ выражения сохраняется, потому что он необходим и в языке социалистического общества, так как внимание здесь переносится на объект мысли и производства и, в связи с этим, действию, которое выражается глаголом, придается форма, приобретающая смысловой оттенок состояния (сложное глагольное сказуемое).

Примеры этого рода из языка буржуазии можно было бы умножать до бесконечности. В языках капиталистического общества конфликт между языком буржуазии и действительностью вызывается классовым господством эксплуататоров, насильственно навязывающих свои формы языка и мышления всему обществу. В языках социалистического общества, в СССР, эти буржуазные способы выражения полностью ликвидированы вместе с породившими их эксплуататорскими класса-

ми. Однако некоторые остатки старых дореволюционных способов выражения сохраняются и до сих пор, правда, лишь в виде пережитков, обреченных на исчезновение. Так, можно еще изредка услышать такие выражения, как:

Архитекторо цIенош ду.
Архитектор строит дом || здание.

Инженеро мехдаьтта доаккх.
Инженер добывает нефть.

В этих предложениях, конечно, нет того непримиримого противоречия с действительностью, как в приведенных выше, но и они являются неправильно отражающими действительность.

Обороты или конструкции предложения. Оборотом или конструкцией предложения называется форма связи главных членов предложения между собой. Таким образом, в ингушском языке мы имеем столько оборотов, сколько в нем существует грамматических способов согласования сказуемого с подлежащим и прямым дополнением и грамматических форм для выражения смыслового (логического) подлежащего и смыслового (логического) прямого дополнения. Изучение оборотов или конструкций ингушского предложения составляет одну из важнейших частей синтаксиса этого языка. Не имея ясного представления об оборотах, нельзя правильно построить ингушское предложение или разобрать и понять его строй.

I-II. Непереходный и переходный обороты. В ингушском языке существуют два основных оборота: непереходный (непродуктивный) и переходный (продуктивный). Непереходный оборот выражает такое действие, которое не имеет продукта труда или объекта вообще. Поэтому в непереходном обороте не может стоять ни по форме, ни по смыслу прямое дополнение. В этом обороте, следовательно, имеется только два главных члена предложения: сказуемое и подлежащее.

Переходный оборот выражает действие, имеющее продукт труда или вообще объект. Следовательно, в переходном предложении всегда имеется налицо или подразумевается прямое дополнение. Таким образом, в переходном обороте три главных члена предложения: сказуемое, подлежащее и прямое дополнение.

Непереходный оборот

Переходный оборот:

Со хьож.

Аз болх бо.

Я смотрю.

Я работаю (дело делаю).

Автобус дАйода.

Автобус уходит.

Автобусо из никъ пхе сахъата бу.

Автобус проделывает эту дорогу
в пять часов.

Трактор ремонте латт.

Трактор стоит на ремонте.

Трактора аре оах.

Трактор поле пашет.

Непереходный оборот отличается от переходного следующими признаками:

1. В непереходном обороте два главных члена предложения: подлежащее и сказуемое, а в переходном – три: подлежащее, прямое дополнение и сказуемое (независимо от того, налицо ли все эти главные члены в данном предложении или часть из них подразумевается).

Непереходный оборот

Переходный оборот:

Хьо улл.

Ты лежишь.

Іа газета деш.

Ты читаешь газету.

2. В непереходном обороте подлежащее стоит в именительном-винительном падеже, а в переходном – в специальном падеже для переходного подлежащего – активном, в именительном-винительном же падеже стоит прямое дополнение.

Непереходный оборот

Переходный оборот:

Болхлой заводе болх.

Рабочие идут на завод.

Болхлоша заводе болх бу.

Рабочие работают (делают
работу) на заводе.

3. Сказуемое в непереходном обороте согласуется в классе с подлежащим, а в переходном обороте – с прямым дополнением. Разумеется, это относится лишь к тем глаголам, которые вообще могут иметь согласование по классу; глаголы же, не имеющие такого согласования, не согласуются ни с подлежащим, ни с прямым дополнением:

Непереходный оборот

Переходный оборот

Со вода.

Я (мужчина) иду.

Болх бу.

Работу делают || делает.

Хьо йода.

Ты (женщина) идешь.

Стол ду.

Стол делают || делает.

Хьо вода.

Бензин доаккх.

Ты (мужчина) идешь.

Со ва.

Это я (мужчина).

Со я.

Это-я (женщина).

Тхо да.

Это мы.

Уж ба.

Это они.

Бензин делают || делает

Аз болх бу.

Я (мужчина) работу делаю.

Аз болх бу.

Я (женщина) работу делаю.

Оаха ду.

Мы делаем.

Цар бу.

Они делают.

Первое исключение из этого правила составляют предложения, в которых сказуемое исторически включило в свой состав прямое дополнение в виде неоформленного корня. В такого рода переходных предложениях только два главных члена: сказуемое и продуктивное подлежащее (в активном падеже), прямое же дополнение исторически подразумевается в сказуемом:

Адамо садоах пехкашца.

Человек дышит легкими.

(другие примеры см. на стр. 52).

Второе исключение из этого правила составляют предложения с составным именным сказуемым. Связка *да* (вспомогательный глагол “быть”) в такого рода предложениях согласуется не с подлежащим, а с именной частью сказуемого в том случае, если эта часть выражена в сказуемом именем существительным в именительно-винительном падеже; в остальных случаях связка согласуется по общему правилу с подлежащим:

Ер дахча – наж я.

Это дерево – дуб.

Ер дахча – ножсан да.

Это дерево – дубовое.

Ер дахча – бIаьринг я.

Это дерево – орешник.

Ер дахча – бIаьринга я.

Это дерево – ореховое.

Ер дахча – дуа эсти да.

Это дерево – кизил.

Ер дахча – дуача эсте да.

Это дерево – кизилковое.

Глаголы-сказуемые в непереходном и переходном обороте (т. е. непереходные и переходные глаголы) в ингушском языке не отличаются друг от друга ни различными типами спряжения, ни различием принципов согласования. Как в числе непереходных, так и переходных глаголов-сказуемых имеется ряд глаголов, изменяющихся по классам, и ряд глаголов, такого изменения не имеющих:

Непереходный оборот

*Колхозхой дика а, самукъа
а бах.*

Колхозники и хорошо, и весело
живут.

Колхозхой болх ца беш Iац.
Колхозники без дела
(свободными) не сидят.

Трактор кхай тIа йода.
Трактор на поле идет.

Трактор тхов кIел латт.
Трактор стоит под навесом.

Переходные обороты

Колхозхоша болх дика бу.

Колхозники хорошо работают
(работу делают).

Колхозхоша ялат чехка оард.
Колхозники быстро молотят
хлеб.

Тракторо фургон юг.
Трактор ведет || везет фургон.

Тракторо чехка оах.
Трактор быстро пашет.

С п и с о к

важнейших непереходных глаголов
(Форма повелительного наклонения)

Дага – гори.

Дада – беги.

Дала – выходи, закончись.

Дажа – пасись.

Гелло – похудей.

Лата – подерись.

Далла – продолжайся.

Такха – ползи.

Даржа – распространись,
развернись.

Дарста – разжирей.

Лувча – искупайся.

Ловза – поиграй, позабавься.

Дижа – ложись, ляг.

Гуллиз – соберись.

Патта – встань, поднимись.

Дехкевала – раскайся.

Эккха – лопни, перепрыгни.

Ювжа – щипи, дери (о ране).

Алла – лежи.

Саца – остановись.

Дата – свернись, створожись
(о молоке).

Тарка – качнись, колыхнись.

Тига – поддайся, позволь,
согласись.

Иэша – недоставай, будь
побежденным, уступи.

<i>Іама</i> – учись.	<i>Диса</i> – останься.
<i>Іиз</i> – сиди, пребывай, оставайся (о человеке).	<i>ГІуо</i> – пойди, уйди.
<i>Іаха</i> – помычи; поблей, порычи, поржи, погуди.	<i>Хьажса</i> – посмотри.
<i>Ахка</i> – лежите (о многих).	<i>Хьизэжа</i> – посматривай.
<i>Велха</i> – плачь.	<i>Іовза</i> – пищи.
<i>Виэла</i> – смейся.	<i>Шарша</i> – скользи.
<i>Ыда</i> – бегай.	<i>Ласта</i> – повернись.
<i>Дизга</i> – звени, пой (о птицах), гуди.	<i>Къа́ста</i> – будь отделяющим ся, отличным; разборчивым.
<i>Дерза</i> – повернись, вернись, поправься.	<i>Мотта</i> – думай, полагай.
<i>Кха́ча</i> – достигни, добудь, прибудь.	<i>Ха́да</i> – оторвись.
<i>Кхиэра</i> – побойся.	<i>Тиэша</i> – поверь.
<i>Кхиэта</i> – пойми.	<i>Туола</i> – будь победителем.
<i>Лаза</i> – заболи.	<i>Дуола</i> – слезь.
<i>Ла́тта</i> – стой.	<i>Іоха́</i> – садись.
<i>Лачкъа</i> – спрячься.	<i>Хаба</i> – съежься.
<i>Лиэга</i> – падай, роняйся.	<i>Хьада</i> – помчись, побеги, убеги, прибеги.
<i>Лиэла</i> – ходи, гуляй.	<i>Хиэта</i> – покажись.
<i>Лиэ</i> – говори, бранись; умри.	<i>Хила</i> – будь, стань, сделайся.
<i>Ва́ха</i> – живи.	<i>Хаза</i> – услышь.
<i>Ваха</i> – пьяней.	<i>Ла́</i> – пожелай, захоти.
	<i>Довза</i> – будь знакомым.
	<i>Тиэ</i> – перестань

С п и с о к важнейших переходных глаголов (Форма повелительного наклонения)

<i>Йоае</i> – потуши, потеряй.	<i>Дила</i> – вымой.
<i>Дойта</i> – покажи.	<i>Дизкха</i> – отплати, отомсти.
<i>Да</i> – принеси, приведи.	<i>Дувла</i> – растягивай (кожу).
<i>Дайта</i> – заставь принести, привести, придти.	<i>ДуогІа</i> – посади (растение), вкопай в землю.
<i>Даа</i> – ешь.	<i>Йолла</i> – вонзи, воткни.
<i>Ала</i> – скажи.	<i>Іотта</i> – всунь, сунь.
<i>Лиэ</i> – дай.	<i>Аййиэ</i> – подними.
<i>Арда</i> – молоти.	<i>Хьа́ста</i> – поласкай.
<i>Даста</i> – развяжи.	<i>Йохка</i> -- продай.
<i>Дига</i> – уведи, поведи.	<i>Уоза</i> – потяни.

Диэ́къя – раздели.
Детта – ударяй; дои.
Дехка – завяжи, привяжи.
Иэ́ца – возьми, купи.
Диэ́ша – прочти, выучи.
Дувца – рассказывай.
Яэ́диэ – пиши.
Кха́ба – выкорми, накорми.
Кха́лла – укуси, вкуси, кусни.
Кхосса – брось, кинь.
Кхолла – создай.
Хувца – обменяй.
Лодувзла – послушай,
 прислушайся.
Лаха – поищи.
Диэ – делай; посеи; убей.
Да́ккха – добудь, извлеки.
А́та – раздробь, растолки,
 побей.
А́ха – паши.
Дахкийта – заставь прийти,
 пришли.
Дахкийта – заставь принести
 приплод (у животных)
А́хка – копай.
Х́уо – понеси, унеси, повези,
 увези.
Кечде || кий́че – приготовь.
Гулдиэ – собери.
Датта – испеки, изжарь.
Дотта – налей.
Догда́ха – надейся.
Ха́тта – спроси.
Елла – открой.
Йилла – положи, поставь.

Олла – повесь.
Йотта – полей.
Шелдиэ – охлади.
Ла́ца – схвати, поймай.
Лакха – поиграй (на
 музыкальном инструменте).
Мала – пей.
Х́ьякха – потри, погладь,
 помажь; распили, скоси,
 обтеши.
Иайта – заставь пребывать,
 сидеть.
Ювда – сожми, сдави.
Ювшиа – пожуй.
Такха – погаси долг.
Тасса – урони, зацепи.
Таркадиэ – качни, колыхни.
Тиэ́га – сшей.
Тиэ́да – разрежай, режь.
Тилла – надень (на голову).
Туо́ха – ударь, побей.
Тладита – прими.
Дита – оставь, покинь, брось.
Лалла – погони, угони,
 пригони.
Диэ – сломай.
Дохка – продай.
Дувха – одень (на тело).
Х́яха – помажь, смажь.
Да́рда – порежь, изрежь на
 куски.
Ха́хка – поскачи, помчись,
 понесись.
Х́ьюокха – покажи.
Длохдиэ – согрей.

Помимо этого, в ингушском языке имеются отдельные глаголы, которые приобретают значение то непереходное, то переходное. Эти глаголы в современном языке составляют редкое исключение. Мы имеем здесь дело с пережитком глубочайшей старины (архаизмом), когда непереходное и переходное предложение, а в связи с этим и непереходный и переходный залог

в глаголе еще не были разграничены, раздвоены на два противоположных значения. Таким образом, в этих глаголах следует видеть остаток первоначально общего оборота и, соответственно, залога. Различия в значениях переходной и непереходной формы этих глаголов, очевидно развилось из некогда единого общего значения, путем раздвоения слов понятия. В силу теоретического интереса, который представляет это явление, приводим здесь все известные нам глаголы этого рода примеры на различные случаи их употребления.

Глаголы, употребляемые как в непереходном,
так и в переходном залоге

(форма повелительного наклонения)

Непереходный залог

Оагабиэ – сотрясись, дрогни.

Харца – опрокинься, перевернись.

Диза – наполнись, насыться.

Йожа – упади.

Ага – дрогни, колыхнись (о вехе,
ветке)

Переходный залог

Оагабиэ – встряси.

Харца – переверни.

Диза – наполни.

Йожа – запряги.

Ага – оббей (обнови)
жернов.

Употребление повелительного наклонения в предложениях

Оагабиэ, мохк! Сотрясись,
земля!

Харца, ворда! Перевернись,
арба!

Йиза, кИудал! Наполнись,
кувшин!

Йожа, га! Упади, деревце!

Іа оагабиэ Іаж. Потруси
яблоню.

Іа харца барцкѣаш.
Ты перемени белье.

Оаш йиза шоайн кИудалаш!
Наполните ваши кувшины!

Йожа Іа говр. Запряги ты
лошадь.

Употребление настоящего времени в предложениях

Мохк оагабу.

Земля сотрясается.

Ворда харц. Арба
опрокидывается.

Из ворда харцаргѣ. Эта
арба опрокинется.

КИудал хих юз. Кувшин
наполняется водой.

Аз оагабу Іаж.

Я встряхиваю яблоню.

Аз сискал хоарцаю. Я перево-
рачиваю кукурузный чурек.

Оаха йол хоарцоргѣ кхоана.
Завтра мы перевершим ||

перевернем сено.

ЙоЮ юз кИудал хих. Девушка
наполняет кувшин водой.

Употребление прошедших времен в предложениях

<i>Лоам ворда каст-каста</i> <i>харцар.</i>	<i>Цо каст-каста барцкъаш хо</i> <i>арцар.</i>
В горах арба часто опрокидывалась.	Он часто менял белье.
<i>Са ворда хаьрцар селхан.</i>	<i>Цо барцкъаш хаьрцар.</i>
Моя арба опрокинулась вчера.	Он переменил белье
<i>Са говр цаьхха ежар.</i>	<i>Оаха фургонах говр ежар.</i>
Моя лошадь внезапно упала.	Мы запрягли лошадь в фургон.
<i>Ханз со йизай.</i>	<i>Цо кIудал йизай хьеIача хих.</i>
Теперь я насытилась.	Она наполнила кувшин чистой (отстоянной) водой.
<i>Са бIарга ногIар аьгар.</i>	<i>Аз хьайра аьгар.</i>
Мое веко дрогнуло.	Я оббил жернов молотком.

Из примеров видно, что формы всех приводимых глаголов, за исключением глагола *харца* 'опрокинься, перевернись; пере-мени, переверни', как в непереходном, так и в переходном их значении совершенно одинаковы. Глагол же *харца* имеет разные формы в настоящем времени и производных от него временах (будущем и прошедшем несовершенном). Здесь, кстати, заметим, что нелабиализованная (неогубленная) форма настоящего времени в ингушском и чеченском языке как раз и встречается в подавляющем большинстве случаев в глаголах непереходных.

Все приведенные глаголы в их непереходной и переходной форме имеют также ясную историческую связь по значению, за исключением глагола *йуожса* 'упади; запряги'. По-видимому, первоначальная связь этих двух слов-понятий объясняется исторически существовавшим способом запрягания еще не вполне одомашненных животных.

III. Оборот с дательным субъектом представляет собой по смыслу переходный оборот. Смысловое (логическое) подлежащее в нем стоит, однако, в дательном падеже, а смысловой (логический) объект – в именительно-винительном падеже. Так как в данном обороте форма продуктивного подлежащего (активный падеж) заменена дательным падежом, то грамматически мы должны считать, что подлежащим в нем является по форме именно смысловой (логический) объект, логический же

субъект представляет собой косвенное (дательное) дополнение. Таким образом, оборот с дательным субъектом сходен по своей форме с непереходным оборотом, но по значению представляет собой оборот переходный.

В качестве глагола-сказуемого в обороте с дательным субъектом употребляется весьма ограниченная группа глаголов со значением “чувствовать”, “сознавать” и некоторыми другими. Таких глаголов в ингушском языке около двух десятков. В их числе имеются очень употребительные глаголы, как например, “видеть”, “знать”, “желать”, “любить” и т. д. Приводим список глаголов-сказуемых, при которых употребляется оборот с дательным субъектом.

Глаголы-сказуемые, требующие дательного субъекта:

Гуо – будь видным, видь (видно).

Хаза – будь слышным (слышно), услышь.

Хизта – кажись, покажись.

Хá – будь известным (известно), узнай.

Лá – (хочется) пожелай, желай.

Довза – будь знакомым, ознакомься; изучи.

Мотта – думайся, думай.

Дизза – будь любимым. люби, нравься; будь нужным (нужно)

Мега – будь к лицу, будь подходящим, будь годным.

Тоъа – будь достаточным (достаточно), хватай (хватает кому-нибудь).

Иъша – будь в недостатке, будь необходимым, нужным, надобным (необходимо, нужно, надобно).

Корадиэ – будь найденным, попадайся; найди.

Кюрдадиэ – будь надоевшим, надоедай.

Къáста – отделись, отличись; различись; определись; разберись в чем-нибудь.

Тá – будь к лицу, будь подходящим, подходи, нравься; будь удачным (везет), удавайся.

Íáма – учись.

Дицлиэ – будь забытым, забудь.

Тарлиэ – будь показавшимся (показалось); обознайся, ошибайся.

Дагадá – будь припомнившимся, вспомни, припомни.

Из этого числа некоторые глаголы могут иметь при себе субъект не только в дательном, но и в именительном или родительном падежах с измененным оттенком значения. Рассмотрим

<i>Іама</i> – учись.	<i>Диса</i> – останься.
<i>Іиэ</i> – сиди, пребывай, оставайся (о человеке).	<i>ГІуо</i> – пойди, уйди.
<i>Іаха</i> – помычи; поблей, порычи, поржи, погуди.	<i>Хъажэ</i> – посмотри.
<i>Ахка</i> – лежите (о многих).	<i>Хъиэжэ</i> – посматривай.
<i>Велха</i> – плачь.	<i>Іовза</i> – пищи.
<i>Виэла</i> – смейся.	<i>Шарша</i> – скользи.
<i>Ыда</i> – бегай.	<i>Ласта</i> – повернись.
<i>Диэга</i> – звени, пой (о птицах), гуди.	<i>Къа́ста</i> – будь отделяющим ся, отличным; разборчивым.
<i>Дерза</i> – повернись, вернись, поправься.	<i>Мотта</i> – думай, полагай.
<i>Кха́ча</i> – достигни, добудь, прибудь.	<i>Ха́да</i> – оторвись.
<i>Кхиэра</i> – побойся.	<i>Тиэша</i> – поверь.
<i>Кхиэ́та</i> – пойми.	<i>Туола</i> – будь победителем.
<i>Лаза</i> – заболи.	<i>Дуола</i> – слезь.
<i>Ла́тта</i> – стой.	<i>Іохá</i> – садись.
<i>Лачкъа</i> – спрячься.	<i>Хаба</i> – съежься.
<i>Лиэга</i> – падай, роняйся.	<i>Хъада</i> – помчись, побегии, убегии, прибеги.
<i>Лиэла</i> – ходи, гуляй.	<i>Хиэ́та</i> – покажись.
<i>Лиэ</i> – говори, бранись; умри.	<i>Хила</i> – будь, стань, сделайся.
<i>Ва́ха</i> – живи.	<i>Хаза</i> – услышь.
<i>Ваха</i> – пьяней.	<i>Ла́</i> – пожелай, захоти.
	<i>Довза</i> – будь знакомым.
	<i>Тиэ</i> – перестань

С п и с о к

важнейших переходных глаголов
(Форма повелительного наклонения)

<i>Йоае</i> – потуши, потеряй.	<i>Дила</i> – вымой.
<i>Дойта</i> – покажи.	<i>Диэкха</i> – отплати, отомсти.
<i>Да</i> – принеси, приведи.	<i>Дувла</i> – растягивай (кожу).
<i>Да́йта</i> – заставь принести, привести, придти.	<i>ДуогІа</i> – посади (растение), вкопай в землю.
<i>Даа</i> – ешь.	<i>Йолла</i> – вонзи, воткни.
<i>Ала</i> – скажи.	<i>Іотта</i> – всунь, сунь.
<i>Лиэ</i> – дай.	<i>Аййиэ</i> – подними.
<i>А́рда</i> – молоти.	<i>Хъа́ста</i> – поласкай.
<i>Да́ста</i> – развяжи.	<i>Йохка</i> – продай.
<i>Дига</i> – уведи, поведи.	<i>Уоза</i> – потяни.
<i>Диэкъа</i> – раздели.	<i>Олла</i> – повесь.

Детта – ударяй; дои.
Дехка – завяжи, привяжи.
Иэца – возьми, купи.
Диэша – прочти, выучи.
Дувца – рассказывай.
Яздиэ – пиши.
Кхáба – выкорми, накорми.
Кхáлла – укуси, вкуси, кусни.
Кхосса – брось, кинь.
Кхолла – создай.
Хувца – обменяй.
ЛодувзIа – послушай,
 прислушайся.
Лаха – поищи.
Диэ – делай; посеи; убей.
Дáккха – добудь, извлеки.
Ата – раздробь, растолки,
 побей.
А́ха – паши.
Дахкийта – заставь прийти,
 пришли.
Дахкийта – заставь принести
 приплод (у животных)
А́хка – копай.
Хьюо – понеси, унеси, повези,
 увези.
Кечде || кийчде – приготовь.
Гулдиэ – собери.
Датта – испеки, изжарь.
Дотта – налей.
Догдáха – надейся.
Хáтта – спроси.
Елла – открой.
Йилла – положи, поставь.

Йотта – полей.
Шелдиэ – охлади.
Лáца – схвати, поймай.
Лакха – поиграй (на
 музыкальном инструменте).
Мала – пей.
Хьякха – потри, погладь,
 помажь; распили, скоси,
 обтеши.
Иайта – заставь пребывать,
 сидеть.
Иовда – сожми, сдави.
Ювиша – пожуй.
Такха – погаси долг.
Тасса – урони, зацепи.
Таркадиэ – качни, колыхни.
Тиэга – сшей.
Тиэда – разрежай, режь.
Тилла – надень (на голову).
Туоха – ударь, побей.
ТIадита – прими.
Дита – оставь, покинь, брось.
Лалла – погони, угони,
 пригони.
Диэ – сломай.
Дохка – продай.
Дувха – одень (на тело).
Хьяха – помажь, смажь.
Дáрда – порежь, изрежь на
 куски.
Хахка – поскачи, помчись,
 понесись.
Хьюокха – покажи.
ДIохдиэ – согрей.

Помимо этого, в ингушском языке имеются отдельные глаголы, которые приобретают значение то непереходное, то переходное. Эти глаголы в современном языке составляют редкое исключение. Мы имеем здесь дело с пережитком глубочайшей старины (архаизмом), когда непереходное и переходное предложение, а в связи с этим и непереходный и переходный залог в глаголе еще не были разграничены, раздвоены на два проти-

воположных значения. Таким образом, в этих глаголах следует видеть остаток первоначально общего оборота и, соответственно, залога. Различия в значениях переходной и непереходной формы этих глаголов, очевидно развилось из некогда единого общего значения, путем раздвоения слов понятия. В силу теоретического интереса, который представляет это явление, приводим здесь все известные нам глаголы этого рода примеры на различные случаи их употребления.

Глаголы, употребляемые как в непереходном,
так и в переходном залоге

(форма повелительного наклонения)

Непереходный залог	Переходный залог
<i>Оагабиэ</i> – сотрясись, дрогни.	<i>Оагабиэ</i> – вытряси.
<i>Харца</i> – опрокинься, перевернись.	<i>Харца</i> – переверни.
<i>Диза</i> – наполнись, насыться.	<i>Диза</i> – наполни.
<i>Йожа</i> – упади.	<i>Йожа</i> – запряги.
<i>Ага</i> – дрогни, колыхнись (о веке, ветке)	<i>Ага</i> – обей (обнови) жернов.

Употребление повелительного наклонения в предложениях

<i>Оагабиэ, мохк!</i> Сотрясись, земля!	<i>Іа оагабиэ Іаж.</i> Потруси яблоню.
<i>Харца, ворда!</i> Перевернись, арба!	<i>Іа харца барцкѣаш.</i> Ты перемени белье.
<i>Йиза, кІудал!</i> Наполнись, кувшин!	<i>Оаш йиза шоайн кІудалаш!</i> Наполните ваши кувшины!
<i>Йожа, га!</i> Упади, деревце!	<i>Йожа Іа говор.</i> Запряги ты лошадь.

Употребление настоящего времени в предложениях

<i>Мохк оагабу.</i>	<i>Аз оагабу Іаж.</i>
Земля сотрясается.	Я встряхиваю яблоню.
<i>Ворда харц.</i> Арба опрокидывается.	<i>Аз сискал хоарцаю.</i> Я перево- рачиваю кукурузный чурек.
<i>Из ворда харцаргѣя.</i> Эта арба опрокинется.	<i>Оаха йол хоарцоргѣя кхоана.</i> Завтра мы переворошим перевернем сено.
<i>КІудал хих юз.</i> Кувшин наполняется водой.	<i>ЙоІо юз кІудал хих.</i> Девушка наполняет кувшин водой.

Употребление прошедших времен в предложениях

*Лоам ворда каст-каста
харцар.*

В горах арба часто
опрокидывалась.

Са ворда хаьрцар селхан.

Моя арба опрокинулась вчера.

Са говр цаьхха ежар.

Моя лошадь внезапно упала.

ХІанз со йизай.

Теперь я насытилась.

Са бІарга ногІар аьгар.

Мое веко дрогнуло.

*Цо каст-каста барцкъаи хо
арцар.*

Он часто менял белье.

Цо барцкъаи хаьрцар.

Он переменял белье

Оаха фургонах говр ежар.

Мы запрягли лошадь
в фургон.

Цо кІудал йизай хьеІача хих.

Она наполнила кувшин
чистой (отстоенной) водой.

Аз хьайра аьгар.

Я оббил жернов молотком.

Из примеров видно, что формы всех приводимых глаголов, за исключением глагола *харца* 'опрокинься, перевернись; пере-мени, переверни', как в непереходном, так и в переходном их значении совершенно одинаковы. Глагол же *харца* имеет разные формы в настоящем времени и производных от него временах (будущем и прошедшем несовершенном). Здесь, кстати, заметим, что нелабиализованная (неогубленная) форма настоящего времени в ингушском и чеченском языке как раз и встречается в подавляющем большинстве случаев в глаголах непереходных.

Все приведенные глаголы в их непереходной и переходной форме имеют также ясную историческую связь по значению, за исключением глагола *йуожа* 'упади; запряги'. По-видимому, первоначальная связь этих двух слов-понятий объясняется исторически существовавшим способом запрягания еще не вполне одомашненных животных.

III. Оборот с дательным субъектом представляет собой по смыслу переходный оборот. Смысловое (логическое) подлежащее в нем стоит, однако, в дательном падеже, а смысловой (логический) объект – в именительно-винительном падеже. Так как в данном обороте форма продуктивного подлежащего (активный падеж) заменена дательным падежом, то грамматически мы должны считать, что подлежащим в нем является по форме именно смысловой (логический) объект, логический же субъект представляет собой косвенное (дательное) дополнение. Таким образом, оборот с дательным субъектом сходен по своей

форме с непереходным оборотом, но по значению представляет собой оборот переходный.

В качестве глагола-сказуемого в обороте с дательным субъектом употребляется весьма ограниченная группа глаголов со значением “чувствовать”, “сознавать” и некоторыми другими. Таких глаголов в ингушском языке около двух десятков. В их числе имеются очень употребительные глаголы, как например, “видеть”, “знать”, “желать”, “любить” и т. д. Приводим список глаголов-сказуемых, при которых употребляется оборот с дательным субъектом.

Глаголы-сказуемые, требующие дательного субъекта:

Гуо – будь видным, видь (видно).

Хаза – будь слышным (слышно), услышь.

Хизта – кажись, покажись.

Хá – будь известным (известно), узнай.

Лá – (хочется) пожелай, желай.

Довза – будь знакомым, ознакомься; изучи.

Мотта – думайся, думай.

Диэза – будь любимым, люби, нравься; будь нужным (нужно)

Мега – будь к лицу, будь подходящим, будь годным.

Тоя – будь достаточным (достаточно), хватай (хватает кому-нибудь).

Иэша – будь в недостатке, будь необходимым, нужным, надобным (необходимо, нужно, надобно).

Корадиэ – будь найденным, попадайся; найди.

Клордадиэ – будь надоевшим, надоедай.

Къáста – отделись, отличись; различись; определись; разбейсь в чем-нибудь.

Тá – будь к лицу, будь подходящим, подходи, нравься; будь удачным (везет), удавайся.

Íáма – учись.

Дицилэ – будь забытым, забудь.

Тарлиэ – будь показавшимся (показалось); обознайся, ошибайся.

Дагадá – будь припомнившимся, вспомни, припомни.

Из этого числа некоторые глаголы могут иметь при себе субъект не только в дательном, но и в именительном или родительном падежах с измененным оттенком значения. Рассмотрим с этой точки зрения сначала глагол *диэза*. Разница в согласовании по классам и в оттенках значений этого глагола при

употреблении его в непереходном обороте и в обороте с дательным субъектом видна из следующих примеров:

Со кхоана юрта ваха виэза.

Мне следует завтра поехать в селение.

Са кхоана юрта ваха виэза.

Мне необходимо завтра поехать в селение.

Я должен завтра поехать в селение.

Хьо цигара дIавала виэза.

Тебе следует оттуда уйти.

Хьа цига виси || Ииэ виэза.

Тебе необходимо остаться там.

Хьо болх баь вала виэза.

Тебе следует закончить работу.

Хьа болх баь вала виэза.

Тебе необходимо закончить работу.

Ты должен закончить работу.

Следующие глаголы-сказуемые могут иметь при себе субъект не только в дательном, но и в именительном или родительном падеже:

Дизза – будь необходимым, долженствуй (с родительным).

Та – мирись, будь примиренным.

Иэша – будь побежденным.

Иама – изучай, учись.

Мега – ладь (с кем-нибудь); (с родительным) сходи с рук, будь дозволенным.

Тарле – ладь (с кем-нибудь); будь подобным, уподобься.

Вообще все глаголы, которые могут иметь субъект в дательном падеже, можно подразделить на две группы. К первой группе мы относим первые восемь глаголов, приведенных на стр. 87, – *гуо, хаза, хиэта, ха, ла, ловза, мотта, дизза*. Все они по значению выражают различные слова-понятия из области деятельности чувств или сознания. Во вторую группу включаются все остальные глаголы с трудно определенной общей категорией значения. Формальное различие между глаголами первой и второй группы обнаруживается при образовании от оборота с дательным субъектом других производных оборотов (дательнопобудительного и т. п., см. стр. 122).

Глаголы-сказуемые, требующие дательного субъекта и составляющие первую группу в отношении образования этих производных форм имеют сходство с переходными глаголами. Глаголы же, входящие в состав второй группы, имеют в этом отношении сходство с непереходными глаголами-сказуемыми.

Оборот с дательным субъектом

Сона а дайнад кино «Чапаев».

И я видел кино(картину) «Чапаев».

Колхозхошта дика хон юрта боахама артела устав.

Колхозникам хорошо известен устав сельскохозяйственной артели.

Колхозники хорошо знают устав сельскохозяйственной артели.

Сона дукхаза яйнай комбайн.

Я много раз видел комбайн.

Колхозхой берашта а хов дахчан пандар лакха.

И колхозные дети умеют играть на горской балалайке.

Ачалкхера къавгача дийнахь Бешлоам гу тхона.

В ясный день из Ачалуков мы видим Казбек.

Хьона газет дизша хов.

Ты умеешь читать газету.

Шолха атта хоз тхона Буро тIара гудокааш.

В Шолхи мы легко слышим гудки с Орджоникидзе.

Тхона радио чугIолла новкъоста Сталина къамаьл хозар.

Мы слышали по радио речь товарища Сталина.

Эрсий алапаш латиний алапел дукка а аттагIа хет тхона.

Русский алфавит кажется нам гораздо легче латинского.

Сона болх бе лов.

Я хочу работать.

Сона хоз пандара ашараш.

Мне слышны звуки гармошки.

Сона вай депутата къамаьл хозар.

Мне была слышна речь нашего депутата.

Доахан артела членашта дика хьаьлий довз.

Членам животноводческих артелей знакомы хорошие коровы.

Сона из дика вовз.
Я хорошо знаю его.

Вай кIа хьокхарг хиннад мотт сона.
Я думаю, что пора косить нашу пшеницу.

Сона мотт, тахан из болх баь вай даргда.
Мне думается || я думаю, мы сегодня закончим эту работу.

Тхона колхоза аренашка хтийкъа ялаташ дайнад.
Нам видны на колхозных полях урожайные хлеба.

Сона колхоза вахар дизза.
Мне нравится жизнь в колхозе.

Колхозхошта ялат чудерзо комбайн йизза.
Колхозникам нужен комбайн для уборки урожая.
Колхозники нуждаются в комбайне, чтобы убрать урожай.

Сона Орджоникидзе ваха машина йизза.
Мне нужна машина ехать в Орджоникидзе.

Вайна бизза воай кагий нах.
Мы любим нашу молодежь.

Сона мен ер пальто.
Это пальто годится мне.
Мне подходит это пальто.

Из даьтта даа мегад.
Это масло для еды не годится.

Нокхарий мозашта зизаи дола моттиг йизза меда даккха.
Пчелам нужна местность с цветами, чтобы набрать мед.

Сона е маьчаи тоь || тоьаргья.
Я удовлетворен этими чувяками.
Меня удовлетворяют эти чувяки.

ЧоагIа лов тха дешархошта экскурсе баха.
Нашим ученикам очень хочется поехать на экскурсию.

Гармхера кхача а, климат а тайнад сона.
Мне подходит и армхинская пища, и климат.

Ши тонна кIора тоь тхона цхьан Iай.

Две тонны угля хватает нам на одну зиму.

АлгазтIа бахарашта нокхарий тов.
Алгастинцам удастся пчеловодство.

Наха чIоагIа тови да тха юртсовета председателя гIулакхаи.
Людям очень нравится отношение || обхождение председате-
ля нашего сельсовета.

Цирке хоза хет сона.
В цирке мне кажется весело (красиво).

Берашта кIордадаьд чухъ Iе.
Детям надоело сидеть (в комнате).

Сай бIарга саьнаица дика къаст сона йоазув.
Через мои очки я хорошо разбираю письмо.

Тахан догIа да мег.
Сегодня, наверное, пойдет дождь.

Е гом а, йIовхал а, кIордаяьй-кх сона.
Мне надоела эта пыль и жара.

Тиркал дехьарча наха доахан тов.
Затеречным жителям подходит || удастся (водить) рогатый
скот.

Колхоза ялатаи кхычарел дикагIа хилларца къаст бIаргана.
Глаз хорошо отличает колхозный урожай от иного благода-
ря его хорошему качеству.

Сона таханара ди дIайха хийтар.
Мне сегодняшний день показался жарким.

Цунна из ахча теад.
Ему достаточно этих денег.
Ему хватит этих денег.

Цкъа теха шод шера тоь дикача динна (пословица).
Одного удара плети хватит на год хорошему коню.

Вайна дика кадраш эш.
Нам нужны || необходимы хорошие кадры.

Колхозникашта керда мехкдаьтта корадаьд.
Колхозникам попалась новая нефть.
Колхозники нашли новую нефть.

Колхозхошта тов трактораицца, комбайнаицца болх бар.
Для колхозников удача работать с тракторами, с комбайнами.
Колхозникам нравится работа с тракторами, с комбайнами.

Сона колхозе тов.
Мне везет в колхозе.

Сона колхозе болх тов.
Мне удастся работа в колхозе.

Сога дика тов фуражка.
Мне хороша эта фуражка.
На мне хорошо сидит эта фуражка.

Три выше перечисленных нами оборота – непереходный, переходный и оборот с дательным субъектом представляют собой основные конструкции ингушского предложения. Основными мы их должны признать потому, что все остальные обороты и производные формы глагола-сказуемого в них (залог) образуются от этих трех. Так от указанных трех оборотов можно, прежде всего, образовать соответственно три оборота, которые мы называем обобщенными.

Обобщенные обороты. От непереходного оборота образуется обобщенно-непереходный оборот, от переходного оборота – обобщенно-переходный и от оборота с дательным субъектом – обобщенно-дательный оборот. Все обобщенные обороты имеют один общий смысловой оттенок. Они выражают действие, которое понимается как обычное занятие субъекта, как его профессиональное занятие или же как обычное действие субъекта вообще. Приводим здесь схематическую таблицу образования трех обобщенных оборотов.

Образование обобщенных оборотов от основных.

А. Основные обороты:

Непереходный

Переходный:

Со лел.

Аз болх бу.

Я хожу, гуляю (в данный

Я делаю работу, работаю (в

отдельный момент и вообще).

данный отдельный момент
и вообще).

Оборот с дательным субъектом

Сона говр гу.
(Мне видима лошадаь)
Я вижу лошадаь

Б. Обобщенные обороты.

Мое занятие – работать.

Мои глаза различают лошадь.

В этих примерах мы видим, что при образовании обобщенных оборотов от переходного и от оборота с дательным субъектом, косвенные падежи, выражающие подлежащее (активный или дательный падеж) заменяются именительно-винительным падежом. Следовательно, во всех обобщенных оборотах подлежащее имеет непродуктивную форму, т. е. стоит в именительно-винительном падеже. Обобщенно-непереходный оборот сохраняет свою непереходную форму и значение. Обобщенно-переходный же и обобщенно-дательный обороты остаются переходными по смыслу, но становятся непереходными по форме (ср форму подлежащего). В этих двух последних оборотах, наряду с подлежащим в именительно-винительном падеже, сохраняется и прямое дополнение, которое тоже стоит в именительно-винительном падеже. Следовательно, в двух данных оборотах ингушское предложение включает в себя два именительно-винительных падежа, которые непосредственно связаны по форме и по значению со сказуемым. Сказуемое во всех трех обобщенных оборотах представляет собой составное глагольное сказуемое, в состав которого входит деепричастие соответствующего времени и связка *да* 'есть'. Если деепричастие образовано от глагола,

имеющего изменение по классу, то обе части составного сказуемого согласуются каждая с одним из именительно-винительных падежей. Деепричастие согласуется с прямым дополнением, а связка – с подлежащим. Таким образом, обобщенно-переходный и обобщенно-дательный обороты в ингушском, как и в чеченском языке, представляют собой единственный в этих языках пример двойного согласования сказуемого и с подлежащим и с прямым дополнением. Превращение активного падежа в именительно-винительный и согласование с ним связки при образовании обобщенно-переходного оборота является лишним доказательством того, что активный падеж в ингушском предложении (продуктивная форма подлежащего) действительно представляет собой подлинное подлежащее (и по своему значению и по форме).

В некоторых случаях согласование сказуемого-глагола не дает возможности отличить прямое дополнение от подлежащего. Это бывает в обобщенно-переходном и обобщенно-дательном обороте в том случае, если и подлежащее и прямое дополнение принадлежат к одному и тому же грамматическому классу. Например:

Со хьо гуш ва.

Хьо со гуш ва.

Я тебя вижу (способен видеть). Ты меня видишь (способен видеть).

Я тебя разбираю глазами. Ты меня разбираешь глазами.

В этих примерах лишь порядок слов помогает отличить именительно-винительный падеж подлежащего от такого же падежа прямого дополнения. В литературном ингушском языке в подобных случаях следует принять за правило, что подлежащее должно стоять на первом месте в предложении, а прямое дополнение на втором. Следовательно, порядок слов в ингушском предложении, который обычно мы можем свободно менять, в данном редком случае становится единственным способом выражения формы подлежащего и прямого дополнения. Аналогичные случаи мы встречаем и в русском языке, когда благодаря совпадению форм винительного падежа с именительным, только порядок слов придает грамматическую форму подлежащему и прямому дополнению, ср., например:

Камень дробит дерево.

Дерево дробит камень.

Приведем примеры на обобщенные обороты:

Непереходно-обобщенный оборот:

Милиционер уж наькъаш къастача латташ ва.

Милиционер (обычно) стоит на этом перекрестке.

Милиционер уж наькъаш къастача латташ ва.

Милиционер (обычно) стоял на этом перекрестке.

Милиционер уж наькъаш къастача латтаргволаш ва.

Милиционер (вообще) будет стоять на этом перекрестке.

Дешархой Iай школе ухаиш ба.

Ученики зимой (обычно) ходят в школу.

Дешархой Iай школе иха ба.

Ученики зимой (обычно) ходили в школу.

Дешархой Iай школе ухаргболаш ба.

Ученики теперь (вообще) будут ходить в школу.

Колхоза доахан лелор иий доаханца эрки лоам, Iай арахъа вахаиш ва.

Колхозный животновод (обычно) живет со своим скотом летом в горах, (а) зимой на плоскости.

Колхоза доахан лелор иий доаханца эрки лоам, Iай арахъа ваьха ва.

Колхозный животновод (обычно) жил со своим скотом летом в горах, (а) зимой на плоскости.

Колхоза доахан лелор иий доаханца эрки лоам, Iай арахъа вахаргволаш ва.

Колхозный животновод (вообще) будет жить со своим скотом летом в горах, (а) зимой на плоскости.

Итак, мы видим, что обобщенно-непереходный оборот отличается от непереходного оборота особыми формами для всех трех основных времен. Главнсе отличие этих форм заключается в том, что они представляют собой составные глагольные сказуемые. В форме будущего действительного времени такое составное сказуемое состоит даже из трех слов – причастие данного глагола-сказуемого, деепричастие вспомогательного глагола “быть” и связка (независимо от способа написания этих форм).

Переходно-обобщенный оборот

Алмаз кузга хоадоиш да.

Алмаз предназначен резать стекло.

Алмаз имеет назначение резать стекло.

Назначение алмаза – резать стекло.

Алмаз кузга хоададаъ да.

(Данный) алмаз (уже когда-нибудь) резал стекло.

(Данный) алмаз (уже) был в работе по резке стекла.

Алмаз кузга хоадоргдолаш да || хоададоргдолаш да.

(Данный) алмаз (вообще, действительно, обязательно) будет резать стекло.

Ер барзкъа дика лелаиш я.

Эта одежда (вообще) носится хорошо.

Эту одежду (вообще) бережно носят.

Ер барзкъа леладаъ я.

Эта одежда (уже) ношена.

Со книжкаш язедеш ва.

Я занимаюсь писанием книг.

Я (вообще) пишу книги.

Со аре оахаш ва.

Я (вообще) пашу поле.

Я занимаюсь распашкой поля.

Из этих примеров видно, что обобщенно-переходный оборот, будучи образованным от переходного оборота, имеет для всех трех основных времен глагола-сказуемого форму, отличную от переходного оборота. Основное отличие этих форм состоит в том, что глагол-сказуемое в этом обороте представляет собой составное глагольное сказуемое, обычно состоящее из двух слов. Кроме того, глагол-сказуемое в обобщенно-переходном обороте имеет двойное согласование – с подлежащим и с прямым дополнением в связи с тем, что подлежащее меняет свою продуктивную форму (активный падеж) – на непродуктивную (именительно-винительный падеж).

Обобщенно-дательный оборот

Вай гуш да Ia гарга кхачар.

Мы видим, что зима подошла || зима на пороге.

Дешархой дешара шу dIадоладар ловиш ба.

Ученики желают, чтобы начался учебный год.

Колхозхой шоай труд-депош дукха хилар диэзаш ба.

Колхозники желают, чтобы их трудодни умножились.

Из примеров видно, что логическое подлежащее оборота с дательным субъектом в обобщенно-дательном обороте (датель-

ный падеж) приобретает форму непродуктивного подлежащего (именительно-винительный падеж), а грамматическое подлежащее оборота с дательным субъектом превращается в прямое дополнение. Сказуемое и в обобщенно-дательном обороте имеет составную глагольную форму, причем обе части сказуемого имеют одновременно двойное согласование – с подлежащим и прямым дополнением.

Итак, мы можем сделать общий вывод, что все обобщенные обороты имеют составное глагольное сказуемое и подлежащее в непродуктивной форме (именительно-винительный падеж). Таким образом, переходные по смыслу обобщенные обороты становятся непереходными по форме.

Процессные обороты. Процессные обороты в ингушском языке образуются только от переходных по смыслу оборотов, т. е. от переходного оборота и оборота с дательным субъектом. При их образовании подлежащее сохраняет форму основного оборота (активный падеж подлежащего в продуктивной форме или дательный падеж логического подлежащего). Сказуемое во всех процессных оборотах является составным глагольным сказуемым в той же форме, что и в обобщенных оборотах (т. е. деепричастие спрягаемого глагола и связка). Обе части этого составного сказуемого имеют только одинарное согласование, так как в этих оборотах мы имеем лишь один именительно-винительный падеж (падеж подлежащего в процессно-дательном обороте и падеж прямого дополнения в процессно-переходном). В этом отличие данной конструкции от конструкции обобщенных оборотов.

Процессные обороты по своему смыслу весьма близки обобщенным. Первые отличаются от вторых лишь некоторым оттенком значения. Процессные обороты выражают нахождение субъекта в процессе действия, причем этот процесс занимает не длительный промежуток времени (до и после известного конкретного момента). Процессные обороты следует переводить по-русски с добавлением слов: “занимается, занят, находится в процессе действия”.

Процессно-переходный оборот

Болх аз беш ба.

Я занят (данной) работой.

Я нахожусь в процессе (данной) работы.

Книжкаш аз язدهш я.

Я занят писанием (данных) книг.

Я взялся писать (данные) книги.

Кузга алмазо хоадош да.

Стекло режется алмазом.

Алмаз способен (пригоден, может) резать (данное) стекло.

Кузга алмазо хоададаь да.

(Данное) стекло порезал (именно) алмаз (а не что иное).

(Данное) стекло порезано (именно) алмазом.

Кузга алмазо хоадоргдолаш да || хоададергдолаш да.

Стекло будет резаться алмазом.

(Данное) стекло можно будет резать алмазом.

Алмаз (вообще) способен будет резать (данное) стекло.

Из примеров видны некоторые особенности процессных оборотов, отличающие их от обобщенных. Прямое дополнение (в процессно-дательном – подлежащее) приобретает оттенок определенности, т. е. выражает отдельное понятие. Для передачи этого оттенка мы добавляем в русских переводах слово “данный”. Составное сказуемое в процессном обороте редко употребляется на своем обычном месте – в конце предложения. Оно ставится или между подлежащим и прямым дополнением или в конце предложения, но с постановкой подлежащего перед ним. Таким образом, вместо *алмазо кузга хоададаь да* говорят *алмазо хоададаь да кузга* или *кузга алмазо хоададаь да*. Если же в предложении появляется такой порядок слов: *алмазо хоадош – кузга да* или *аз язدهш – книжка да*, то в этом случае мы будем иметь сложноподчиненное предложение, в котором деепричастные формы не входят в состав сказуемого в главном предложении, а представляют собой придаточные формы сказуемых, заменяющие причастие (см. ниже стр. 346). Следовательно, в приведенных предложениях слова *кузга да*, *книжка да* представляют собой составные именные сказуемые, а все предложение можно перевести по-русски следующим образом: “То, что режется алмазом, есть стекло; то, что режет алмаз, есть стекло”; “То, что пишется мною, есть книга; то, что я пишу, есть книга”.

Процессно-дательный оборот

МогIалбикера Моздоке гуш я тхона.

С Малгобека нам (обычно) виден Моздок.

С Малгобека мы (обычно) видим Моздок.

МогІалбике хьалхарча заман чухь цхьаккха а вышка яйнаяц наха.
На Малгобеке в прежнее время не было видно ни одной
вышки || люди не видели ни одной вышки.

Укх хи тІа, шу даьлча, вайна гургйолаш я гидростанци.
На этой реке мы будем видеть через год гидростанцию.

Ер гІулакх сона дика хови да.
Это дело мне хорошо известно.

Ер гІулакх сона дика хайна да.
Это дело мне было хорошо известно.

Ер гІулакх сона дика ховргдолаш да, бутт баьлча.
Это дело мне будет хорошо известно через месяц.

Дешархошта лови да дешара шу дІадоладалар.
Ученикам желательно, чтобы начался учебный год.

Тха бригаданна хетаи да ше кхычарел кадай хилар.
Нашей бригаде кажется, что она быстрее, чем другие.

Царна хозаи я заводера гудокаи.
Им слышны (обычно) гудки с завода.

Колхозхошта дизаи да шоай трудденои дукха хилар.
Колхозники желают, чтобы у них было много трудней.

Из примеров видно, что в процессно-дательном обороте смысловое подлежащее (логический субъект) сохраняет свою форму дательного падежа. Подлежащим остается логический объект. Сказуемое имеет, как и в обобщенных оборотах, составную глагольную форму (в будущем времени – из трех составных частей, которые пишутся в два слова).

По оттенку значения процессно-дательный оборот может выражать нахождение в процессе действия или занятость каким-либо действием, но наряду с этим – также и обычное действие или занятие, т. е. по смыслу совпадать с обобщенно-дательным оборотом.

Итак, процессные обороты, в отличие от обобщенных, образуются лишь от тех основных, которые являются переходными по форме и по значению или только по значению (т.е. от переходного оборота и оборота с дательным субъектом).

Производные обороты. Исторически развившись, непереходный и переходный обороты должны были сейчас же развить

производные формы превращения непереходности в переходность и переходности в непереходность. Формой, превращающей непереходный оборот в переходный, является производно-переходный оборот, а формой, превращающей переходный в непереходный, является производно-непереходный оборот. Следовательно, производно-переходный оборот является по происхождению непереходным, но представляет собой по смыслу оборот переходный; по форме связи слов (главных членов) в предложении этот оборот тоже полностью совпадает с переходным. Единственное отличие его от переходного оборота состоит в том, что глагол-сказуемое в производно-переходном обороте исторически образовался путем слияния основы непереходных глаголов-сказуемых с глаголом *да* || *диэ* 'делать' в одно слово. Например, от непереходного глагола-сказуемого *бажа* 'паси' образуется производно-переходный глагол *боажабе*¹ || *боажо* 'паси', от непереходного глагола *лиэла* 'ходи' образуется производно-переходный *лиэлае* || *лиэло* 'води' и т. д. Таким образом, производно-переходный оборот за редкими исключениями образуется от непереходных глаголов. Для того чтобы дать понятие об образовании производно-переходных глаголов от непереходных, приводим ниже список таких глаголов.

Производно-непереходный оборот сходен по своему образованию с производно-переходным, но противоположен ему по своему значению. Глагол-сказуемое в производно-непереходном обороте исторически образовался из слияния основы соответствующего переходного глагола с глаголом *дала* 'давать', который и придает этому сказуемому значение состояния. Подлежащим в этом обороте служит смысловое прямое дополнение (логический объект), смысловое же подлежащее (логический субъект) стоит в этом обороте в форме косвенного – местного дополнения. По-русски производно-непереходный оборот переводится с добавлением слов *удается, в силах, в состоянии* или простым непереходным глаголом и т. д. Таким образом, ингушский производно-непереходный оборот выражает действие в форме состояния или в форме возможности.

Особую разновидность производно-непереходного оборота мы имеем в том случае, если он образован от оборота с датель-

¹ Параллельно приведенным формам неопределенного наклонения, которые исторически являются более правильными, в литературном языке употребляются также *диэ* 'делай', *боажа биз* 'паси', *лиэла йиэ* 'води'.

ным субъектом. В этом случае мы имеем две разновидности производно-непереходного оборота, различаемые по грамматической форме смыслового подлежащего (логического субъекта). Поэтому данную разновидность производно-непереходного оборота лучше выделить, назвав ее производно-дательным оборотом (подробнее см. стр. 110).

Приведем примеры на производные обороты.

1. Образование производно-переходного оборота

Непереходный оборот Производно-переходный оборот

Говр лел.

Аз говр лелаю.

Лошадь ходит.

Я лошадь вожу.

Производно-переходный оборот

Колхозий доахан луша дика доажаду.

Пастухи хорошо пасут колхозный скот.

Вай школаика дешархоша шоай урокаи дика Иоамаю || Иоамаду.

В наших школах ученики хорошо учат уроки.

Колхозхоша шоай хаттахъа дерзаду ялаташ чу.

Колхозники своевременно убирают хлеб.

Паччахъалькьено къахъегамхошта масса а тайна товараи лотаттаду магазиника.

Государство обеспечивает трудящимся все сорта товаров в магазинах.

Школаика дешархоша дисциплина дика лелаю.

Ученики в школах поддерживают дисциплину.

Бригадир ший бригадан членаи шоай балхаика дIахъожабу.

Бригадир распределяет членов своей бригады каждого на его работу.

Колхозаша хъалххе дIакъоастаду фу || дIаде ялат.

Колхозы заранее выделяют семенной хлеб фонд || семенное зерно.

Школе дежурне гургал бетт.

В школе дежурный звонит в звонок.

Хъехархочо хъалххе кийчъю урокаи.

Учитель заранее подготавливает уроки || подготавливается к урокам.

Вайн Цича Эскаро эиоргба вай доазол дехъара моастагIий.
Наша Красная Армия победит наших зарубежных врагов.

Колхозхоиша дика кхеду доахан.
Колхозники хорошо разводят скот.

Накъостий, ручкаш, каьгIаташ кийчде.
Товарищи, приготовьте ручки, бумагу (бумаги).

1. Образование производно-непереходного оборота от переходного

Переходный оборот	Производно-непереходный оборот
-------------------	--------------------------------

<i>Аз болх бу.</i>	<i>Сога болх булу.</i>
<i>Я работаю.</i>	<i>Мне удастся работать.</i>
<i>Буквально: Я работу делаю.</i>	<i>Я в состоянии работать.</i>

Производно-непереходный оборот

Колхозхоиша машинаиша балхаш дика дулу.
Колхозникам хорошо удастся работать машинами.

Заводерча болхлоиша шоай балха нормаш тIех кхоачаишьюеишай.
Заводским рабочим удалось перевыполнить нормы своей работы.

Промысле болхлоиша дийнна вышка кхычахъа йохъаелар.
Рабочим на промыслах удалось перенести (с места на место) вышку в целом виде.

Говзача яздархочунга дика или доаккхалу.
Искусный писатель может писать хорошие песни.

Тхога болх дика булу.
Мы в состоянии хорошо работать.
Нам удастся хорошо работать.

Тха хъехархочун йоазув массанега а атта дешалу.
Почерк нашего учителя все легко разбирают.
Всем легко удастся читать почерк нашего учителя.

Вай республике дикача трактористага шовзткъеитт а кхы дукхагIа а гектар оахалу дийнахъ.

Хорошим трактористам удастся в нашей республике пахать по пятьдесят и более гектаров в день.

Тха колхоза конюхага дукха говраш дика кхоабалу.

Конюху нашего колхоза удастся хорошо ходить за многими лошадьми || обслуживать многих лошадей.

Шолжа-Гіалій тІарча болхлошка ухк шера дукха мехкдайт-та доаккхаделар.

Грозненским рабочим в этом году удалось добыть много нефти.

Дикача бурон мастерашка сов кІоарга а, чехка а тохалу бурув.

Хорошим мастерам бурения удастся очень глубоко и быстро бурить(скважину).

Говраица атта оахалу цамцари лаьтта.

Рыхлую землю легко удастся пахать лошадьё.

Кердача Іунга а боажалу божса шаьрача ара.

Новому пастуху удастся пасти скот на равнине.

Вордаица а доалу ялаташ цІа.

И на арбах (арбами) можно возить хлеб домой.

Вай мехка массанхьа а дохкалу хиш.

По нашей земле || стране всюду можно провести воду (для орошения).

Хьеха а, дийьха а, дахчах атта дулу кораи, палараи.

И из липовой, и из сосновой древесины легко удастся делать окна, двери.

Тхона газетаи дешалу.

Мы можем || мы в состоянии читать газеты.

ЧІоагІача сагага дизá гали айдулу.

Сильный человек в состоянии поднять полный мешок.

В приведенных примерах сказуемое-глагол в составе производно-переходного оборота в подавляющем большинстве случаев образовано от глагола-сказуемого в простом непереходном обороте путем слияния его с глаголом *да || диз* 'делать'. Именно этот глагол "делать" и превращает непереходное значение глагола в переходное.

Приведем примеры образования глагольных форм.

Непереходные глаголы Производно-переходные глаголы

<i>Дажа</i> – пасись.	<i>Доажда</i> ¹ <i>доажо</i> – пасти.
<i>Иама</i> – учись.	<i>Иоамада</i> <i>Иоамо</i> – учить, изучать.
<i>Дэрза</i> – поправляйся, поворачивайся.	<i>Дерзада</i> <i>дерзо</i> – вылечить.
<i>Латта</i> – стой.	<i>Лоаттада</i> <i>латто</i> – заставлять быть в наличии.
<i>Лела</i> – ходи, гуляй.	<i>Лелада</i> <i>лело</i> – носить, возить, проводить в жизнь и т.д.

Данную форму производно-переходного глагола в редких случаях можно образовать также от переходных глаголов. Например:

Переходный	Производно-переходный
<i>Хьакха</i> – потри, помажь, погладь; обтеш; скоси; сожни; причеши.	<i>Хьокхаде</i> – мни, разминай.

В этих случаях вместо ожидаемого значения двойной переходности производно-переходная форма получает смысл простой переходности, но с измененным оттенком значения.

В редких случаях производно-переходные глаголы образованы от именных основ, например:

Именная основа	Производно-переходный глагол
<i>Кийча</i> – готовый.	<i>Кийчаде</i> – приготовить.
или от основ, в настоящее время исчезнувших:	
<i>КЙорда</i>	<i>КЙордада</i> <i>кЙордо</i> – надоесть, наскучить.

Яз (ср. *йоазув* – письмо). *Язда* – писать.

Если рассмотреть примеры производно-непереходного оборота, то увидим, что в большинстве случаев производно-непереходные глаголы-сказуемые образуются от переходных. Они состоят из основы переходного глагола и вспомогательного глагола *дала* 'давать', который и придает вновь образованной глагольной основе значение непереходности. Например:

Переходный глагол	Производно-непереходный глагол
-------------------	--------------------------------

¹ Параллельные литературные формы: *доажадиэ*, *Иоамадиэ*, *дерзадиэ*, *лоаттадиэ*.

Деккха – добывай,
извлекай.

Дизша – читай.

Аха – паши.

Кха́ба – корми,
ухаживай.

Иэца – бери, покупай.

Доаккхадала – быть в состоянии
получить, извлекать, добыть.

Дизшадала – разбирать, быть в
состоянии читать.

Оахадала – быть в состоянии пахать.

Кхоабадала – быть в состоянии
кормить.

Иэцадала – быть в состоянии
купить.

В редких случаях производно-непереходный оборот может быть образован от непереходного. Таких случаев, однако, гораздо больше, чем случаев образования производно-переходного глагола и оборота от переходного. При образовании производно-непереходного оборота от непереходного конструкция предложения полностью совпадает с непереходной конструкцией (подлежащее в именительно-винительном падеже).

Производно-непереходный оборот, образованный от непереходного

Со каст-каста вохалу кино.

Мне часто удается ходить в кино.

Колхозий жа лоам дика доажалу.

Колхозным баранам хорошо удается нагуливаться || откармливаться в горах.

Колхозные бараны хорошо нагуливаются || откармливаются в горах.

Со некаца Тийркал дехъа воалалу.

Я в состоянии вплавь переправиться на ту сторону Терека.

Таким образом, производные обороты в отношении форм глагола-сказуемого образуют не только парные образования “непереходный – производно-переходный глагол” и “переходный – производно-непереходный”, но и систему тройных образований, как, например: “непереходный – производно-переходный – производно-непереходный глагол” или “переходный – производно-непереходный – производно-переходный глагол”. Это можно видеть из следующих примеров:

Парные образования глаголов

Непереходный

Производно-переходный

<i>Вуола</i> – приди.	<i>Воалиэ</i> – будь в состоянии придти.
Переходный	Производно-непереходный
<i>Арда</i> – обмолооти.	<i>Оардалиэ</i> – будь в состоянии обмолотить

Тройные глаголы образования глаголов

Непереходный	Производно-переходный	Производно-непереходный
<i>Кхиэра</i> – бойся.	<i>Кхиэрадиэ</i> – испугай.	<i>Кхиэралиэ</i> – испугайся.
<i>Глатта</i> – раскройся, поднимись, встань.	<i>Глоттадиэ</i> – подними, поставь, раскрой.	<i>Глатта</i> – будь в состоянии подняться, поднять.
<i>Туола</i> – победи.	<i>Туолавиэ</i> – дай победить.	<i>Туолавиэ</i> – будь в состоянии дать победить.
Переходный	Производно-непереходный	Производно-переходный
<i>Хьакха</i> – погладь, помажь, дотронься. потри, обтеши; скоси, сожни; причеши.	<i>Хьокхалиэ</i> – коснись,	<i>Хьокхадиэ</i> – мни, разминай.
<i>Доккхийдиэ</i> – радуйся.	<i>Доккхийделиэ</i> – будь в состоянии радовать.	<i>Доккхийдедиэ</i> – радуй.
<i>Лиз</i> – говори.	<i>Лизлиэ</i> – будь в состоянии говорить.	<i>Лиздиэ</i> – заставь говорить, обмани.
<i>Мала</i> – пей.	<i>Молалиэ</i> – будь в состоянии пить.	<i>Моладиеэ</i> – пои.
<i>Даа</i> – ешь.	<i>Дуалиэ</i> – будь в состоянии есть кормить.	<i>Дуадиэ</i> – корми.

(Еще примеры см. на стр. 110).

Интересно, что производно-непереходная форма глагола-сказуемого тройных глагольных образований относится одинаково как к основной, так и к производно-переходной по смыслу форме: *молалиэ* ‘будь в состоянии пить, поить’; *дуалиэ* ‘будь в

состоянии есть, кормить'; *лиэлиэ* 'будь в состоянии говорить, обмануть' и т. д.

В тех случаях, когда оба глагола произведены от неглагольной или неизвестной по происхождению основы, производные формы образуют парные глагольные образования (по типу "производно-непереходный – производно-переходный глаголы").

Парные образования глаголов
от именных и подобных им основ

Основа	Производно-переходный	Производно-непереходный
<i>Яз (йоазув)</i>	<i>Яздиэ</i> – напиши.	<i>Язлиэ</i> – будь в состоянии написать.
<i>Ког</i>	<i>Когдиэ</i> – сломи.	<i>Коглиэ</i> – будь в состоянии сломать, сломаться.
<i>Кеч</i>	<i>Кечдиэ</i> – приготовь.	<i>Кечлиэ</i> – будь в состоянии приготовить, приготовиться.
<i>Хаба</i>	<i>Хобадие</i> – мни.	<i>Хобалиэ</i> – будь в состоянии мять.

Приведем примеры на употребление глагольных образований этого рода:

Производно-переходный Производно-непереходный
Колхозхоша бIаьстан юххье арара болх болабу.

Колхозники ранней весной начинают полевую работу.

Колхозхошка арара болх бIаьстан юххье болабу.

Колхозникам полевую работу удастся начать ранней весной.

Вай яздархоша стахановхой дика хоастабу.

Наши писатели хорошо хвалят стахановцев.

Цу яздархочунга стахановхой дика хоасталу.

Этому писателю хорошо удастся похвалить стахановцев.

Оаха тхоай арара ялаташ цIена хьалохьаду.

Мы без потерь (чисто) собрали хлеб с наших полей.

Тхога тхоай ялаташ цIена хьалохьалу.

Нам удастся без потерь (чисто) собрать свой хлеб.
Беш лелаечо Іажаши маьлхе бокъабу.

Садовод сушит яблоки на солнце.

Беш лелаечунга Іажаши маьлхе бокъалу.

Садоводу удастся сушить яблоки на солнце.

Вай кхальнаха кІомал хи чу тІоадабу.

Наши женщины мочат коноплю в воде.

Вай кхальнахага кІомал хи чу тІоадалу.

Нашим женщинам удастся мочить коноплю в воде.

Вай ЦІеча Эскаро моастагІий изшабу.

Наша Красная Армия побеждает врагов.

Вай ЦІеча Эскарга моастагІий изшалу.

Наша Красная Армия в состоянии победить врагов.

Из примеров видно, что производно-непереходный оборот в том случае, когда он не имеет логического субъекта, превращается в настоящий непереходный оборот и по смыслу, и по форме. Смысловое прямое дополнение (логический объект) становится в нем подлежащим, а сказуемое-глагол делается равным по смыслу русскому непереходному (по форме также возвратному) глаголу. Этот факт лишний раз подтверждает правильность нашей мысли о том, что производно-непереходная форма оборота и глагола представляет собой развитие переходности в непереходность.

Кроме того, в ингушском языке может быть образована также форма производно-непереходного залога от производно-переходной его формы. Например:

<i>Яздиэ</i>	<i>Язлиэ</i>	<i>Яздиэлиэ</i>	<i>Язвиелиэ</i>
Пиши.	Запишись,	Будь в состоянии	Будь в состоя-
	подпишись.	писать.	нии записать,
			подписать (людей).

<i>Изшадиэ</i>	<i>Изшалиэ</i>	<i>Изшадиэлиэ</i>
Победи,	Будь в состоянии	Будь в состоянии
одолей.	уступить, одолеть.	одолеать, победить.

<i>ТІоададиэ</i>	<i>ТІоадалиэ</i>	<i>ТІоададиэлиэ</i>
Мочи.	Мокни, Будь в со-	Будь в состоянии
	стоянии мочить.	мочить.
<i>Дуадиэ</i>	<i>Дуалиэ</i>	<i>Дуадиэлиэ</i>

Корми.	Будь в состоянии есть, кормить.	Будь в состоянии кормить.
Моладиэ	Молалиэ	Моладиэлиэ
Пои.	Будь в состоянии пить, напивайся.	Будь в состоянии поить.

Необходимость образования такой вдвойне производной формы вызвана, по-видимому, тем обстоятельством, что обычная производно-непереходная форма двусмысленна по своему значению – она может выражать как переходное, так и непереходное по своему содержанию (но не по форме, которая всегда остается непереходной) действие (ср. примеры на стр. 102). Для более точного выражения непереходного по содержанию и непереходного по значению действия и образуется данная производная форма. Приведем примеры ее употребления:

Вдвойне производный производно-непереходный оборот

Колхозий ара́ра болх б́лаьстан юххье болабулу.

Колхозную полевую работу удастся начать ранней весной.

Беи лелаечунга Ёажаш маьлхе бокъалу || бокъабулу.

Садоводу удастся сушить яблоки на солнце.

Вай кхальнахага Ќомал хи чу т́лоадалу || т́лоадабулу.

Наши женщины мочат коноплю в воде.

Вай Ц́еча Эскарга моастаѓий эшалу || эшабулу.

Наша Красная Армия в состоянии победить врагов.

Для сравнения приводим здесь примеры на употребление простой производно-непереходной формы, которая в бессубъектных предложениях приобретает значение простой переходности:

Колхозий ара́ра болх б́лаьстан юххье болабулу.

Колхозная полевая работа начинается ранней весной.

Ёажаш маьлхе бокъалу.

Яблоки сушатся на солнце.

Ќомал хи чу т́лоадалу.

Конопля мокнет в воде.

Моастаѓий эшалу.

Враги оказываются побежденными.

Приведем несколько примеров образования производно-непереходного оборота от оборота с дательным субъектом. Уже в приведенных выше примерах последние два представляют собой формы, образованные от этого оборота. Напомним, что оборот с дательным субъектом является переходным по смыслу, хотя смысловое подлежащее (логический субъект) стоит в нем в дательном падеже (см. стр. 86).

Глаголы, при которых употребляется дательный субъект, как мы уже отмечали, делятся на две группы. В соответствии с этим и производно-непереходный оборот от оборота с дательным субъектом, или, как мы его называли проще, производно-дательный оборот, имеет две формы. В случае образования производно-дательного оборота от глаголов первой группы смысловое подлежащее (логический субъект) в нем сохраняет форму дательного падежа. Этим данная разновидность производно-дательного оборота отличается от всех остальных производных оборотов. Приведем примеры:

Суона наггахь хоалу аренгахьа борзалой.

Мне иногда удастся видеть || я иногда замечаю в поле волков.

Дика гЛулакхаи наха дезалу.

Хорошее обращение нравится || в состоянии нравиться || может нравиться людям.

Впрочем, бывают и исключения:

Сага мундах адам мотталу гаьнара.

Человеку издали чучело кажется (может показаться) человеком.

В случае образования производно-дательного оборота от глаголов второй группы смысловое подлежащее (логический субъект) принимает обычную для этого оборота форму местного падежа.

Вай Ціеча Эскарга мостагІий эшалу.

Наша Красная Армия в состоянии победить решительно всех врагов.

Вай боккхийча нахага дика говр кьохсталу.

Нашим старикам удастся различить хорошую лошадь.

Тха колхоза пхьарага нохараи, фургонаи, вордаи тоалу.

Наш колхозный кузнец в состоянии починить плуги, фургонны, арбы.

Подведем итог всему вышесказанному. Производные обороты вообще богато развиты, как в ингушском, так и в чеченском языке они представляют собой интересную особенность этих языков, проливающую свет на происхождение переходного и непереходного оборота и глагола. Производно-переходный оборот вообще образуется от непереходного, но в редких случаях и от переходного. Производно-непереходный оборот образуется как от переходного, так и от непереходного, а также от оборота с дательным субъектом. Эти три разновидности производно-непереходного оборота отличаются друг от друга по различным формам логического субъекта (смыслового подлежащего). Производно-непереходный оборот, образованный от непереходного, имеет грамматическое подлежащее по значению равное логическому субъекту в именительно-винительном падеже, наконец, производно-непереходный оборот, образованный от оборота с дательным субъектом, при глаголах-сказуемых первой группы может иметь логический субъект в дательном падеже, а в том случае, когда в нем служат глаголы второй группы, он имеет логический субъект, как обычно, в местном падеже. Грамматический же субъект в производно-непереходном обороте, образованном от оборота с дательным субъектом стоит в именительно-винительном падеже и представляет собой по значению логический объект (смысловое прямое дополнение).

Приводим ниже перечень форм образования сказуемых-глаголов в производных оборотах. Производные обороты, образуемые от непереходных глаголов, чаще всего имеют обе формы глагола-сказуемого: и производно-переходную, и производно-непереходную. Таким образом, непереходный глагол обычно образует как производно-непереходную, так и производно-переходную форму (см. табл. I). Реже встречаются такие непереходные глаголы, от которых образуется лишь одна производная форма – непереходная (см. таб. II). Наконец, еще реже от непереходного глагола может быть образована одна производно-переходная форма (см. таб. III). Непереходные глаголы, от которых вообще нельзя образовать производных форм, представляют собой то же редкое исключение (см. таб. IV). В качестве материала для таблиц мы использовали, главным образом, те глаголы, которые собраны в словаре Услара¹. Об об-

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа, вып. 2, Чеченский язык, Тифлис, 1888.

разовании производных глагольных форм от переходных глаголов см. ниже стр. 117.

Табл. 1.

Образование обоих производных залогов
от непереходного залога
(форма повелительного наклонения).¹

Непереходный	Производно- переходный	Производно- непереходный
<i>Да́га</i> – гори.	<i>Доагаде</i> – сожги.	<i>Доагале</i> – будь в состоянии сжечь.
<i>Дада</i> – беги. <i>Додаде</i> – унеси	<i>Додале</i> – будь бегом.	<i>Додале</i> – будь в состоянии бежать.
<i>Да́жа</i> – пасись.	<i>Доажаде</i> – паси.	<i>Доажале</i> – будь в состоянии пастись, пасти.
<i>Да́лла</i> <i>валла</i> - продолжайся.	<i>Доалладиэ</i> <i>воаллавиз</i> дай продолжаться.	<i>Доаллале</i> – будь в состоянии продолжаться.
<i>Дата</i> – свернись, створожись свернуться, (о молоке), створожиться сваляйся (о войлоке). сваляться (войлоку).	<i>Дотаде</i> – дай	<i>Дотале</i> – будь в состоянии свернуться.
<i>Да́ржа</i> – распространись, развернись.	<i>Доаржаде</i> – распро- страни, разверни.	<i>Доаржале</i> – будь в состоянии развернуть, развернуться.
<i>Дарста</i> – разжирей.	<i>Дорстаде</i> – сделай жирным, откорми.	<i>Дорстале</i> – будь в состоянии откор- мить, разжиреть.
<i>Да́ха</i> – живи.	<i>Доахаде</i> – оживи.	<i>Доахале</i> – будь в состо- янии жить, оживить.
<i>Гятта</i> – встань, поднимись. подними.	<i>Гюттаде</i> – <i>Гюттале</i> – дай встать, встать.	<i>Гюттале</i> – будь в состоянии

¹ Дифтонг *из* в производных формах передается буквой *е*.

<i>Делха</i> – плачь.	<i>Делхаде</i> – дове́ди до слёз.	<i>Делхале</i> – будь в состоянии довести до слёз, плакать.
<i>Диэла</i> – смейся.	<i>Диэладе</i> – рассмеши.	<i>Диэлале</i> – будь в состоянии смеяться.
<i>Ыда</i> – бегай.	<i>Удаде</i> – носи бегом.	<i>Удале</i> – будь в состоянии бегать, носить бегом.
<i>Иувжа</i> – растрав- ляйся (о ране).	<i>Иувжаде</i> – щипи, дери	<i>Иувжале</i> – будь в состоянии драть, растравляться.
<i>Ылла</i> – лежи.	<i>Иулладе</i> – укладывай, держи лежа.	<i>Иуллале</i> – будь в состоянии лежать, укладывать.
<i>Саца</i> – остановись.	<i>Соцаде</i> – останови.	<i>Соцале</i> – будь в состоянии остановиться, остановить.
<i>Такха</i> – ползи.	<i>Токхаде</i> – волочи, тащи по земле.	<i>Токхале</i> – будь в состоянии ползти, волочить.
<i>Тарка</i> – качнись.	<i>Торкаде</i> – качни.	<i>Торкале</i> – будь в состоянии качнуться, качнуть.
<i>Тиэша</i> – поверь.	<i>Тиэшаде</i> – уверь, сделай верящим.	<i>Тиэшале</i> – будь в состоянии поверить, сделать верящим.
<i>Туоладе</i> – будь побеждающим.	<i>Туоладе</i> – победи.	<i>Туолале</i> – будь в состоянии победить.
<i>Досса</i> – слезь.	<i>Доссаде</i> – ссади.	<i>Доссале</i> – будь в состоянии ссадить, слезть.
<i>Юха</i> – сядь.	<i>Юхоаде</i> – посади.	<i>Юхоале</i> – будь в состоянии сесть, посадить.
<i>Хаба</i> – съежься.	<i>Хобаде</i> – заставь сьежиться.	<i>Хобале</i> – будь в состоянии сьежиться, заставить сьежиться.
<i>Хада</i> – рвись.	<i>Хоададе</i> – рви.	<i>Хоадале</i> – будь в состоянии рвать, рваться.
<i>Хаза</i> – услышь.	<i>Хозаде</i> – доведи до слуха.	<i>Хозале</i> – будь в со- стоянии услышать, довести до слуха.

<i>Хъажа</i> – посмотри.	<i>Хъожаде</i> – направь, нацель.	<i>Хъожале</i> – будь в состоянии направить, нацелить, смотреть.
<i>Цховза</i> – пищи.	<i>Цховзаде</i> – заставь пицать.	<i>Цховзале</i> – будь в состоянии пицать, заставить пицать.
<i>Шарша</i> – скользи.	<i>Шаршаде</i> – заставь скользить.	<i>Шаршале</i> – будь в состоянии скользить, заставить скользить.
<i>Дека</i> — звени, пой (о птицах), гуди.	<i>Декаде</i> – звони (во что-л.), заставь петь (птицу), заставь гудеть.	<i>Декале</i> – будь в состоянии звенеть, петь (о птицах), звонить, заставить петь (птицу), гудеть.
<i>Дерза</i> – вернись, повернись; поправься.	<i>Дерзаде</i> – верни, ворота, поверни; поправь.	<i>Дерзале</i> – будь в состоянии вернуться; воротить, поправить, поправиться.
<i>Иэша</i> – недовставай; будь побежденным, уступи.	<i>Иэшаде</i> – делай побежденным, одолей; делай недостающим.	<i>Иэшале</i> – будь в состоянии уступить, одолеть.
<i>Дижжа</i> – ложись, ляг.	<i>Дужаде</i> – уложи.	<i>Дужале</i> – будь в состоянии лечь, уложить.
<i>Кхача</i> – достань, добудь.	<i>Кхоачаде</i> – заставь достать, добыть.	<i>Кхоачале</i> – будь в состоянии достать, добыть, заставить достать, добыть.
<i>Кхера</i> – побойся.	<i>Кхераде</i> – испугай.	<i>Кхерале</i> – будь в состоянии побояться, бойся, будь в состоянии испугать
<i>Кхета</i> – пойми, попадайся.	<i>Кхетаде</i> – дай понятие, надоумь, вразуми.	<i>Кхетале</i> – будь в состоянии понять, дать понятие.
<i>Лаза</i> – заболей.	<i>Лозаде</i> – сделай боль, доставь боль.	<i>Лозале</i> – будь в состоянии болеть, заставь болеть.

<i>Лата</i> – подерись.	<i>Лотаде</i> – заставь подраться, страви, натрави.	<i>Лотале</i> – будь в состоянии подраться, сравить, зажечься.
<i>Латта</i> – стой.	<i>Лоаттаде</i> – держи стоймя, заставь стоять.	<i>Лоаттале</i> – будь в состоянии стоять, держать стоймя.
<i>Лажкѡа</i> – спрячься.	<i>Ложкѡаде</i> – спрячь, укради.	<i>Ложкѡале</i> – будь в состоянии спрятать- ся, спрятать, украсть.
<i>Лега</i> – падай, копай, роняйся (вертикально, сверху вниз с промежутками).	<i>Легаде</i> – роняй.	<i>Легале</i> – будь в состоянии падать, ронять.
<i>Лела</i> – ходи, гуляй.	<i>Леладе</i> – води, носи.	<i>Лелале</i> – будь в состоянии ходить, водить, носить.
<i>Лиэ</i> – говори, бранись.	<i>Лиэде</i> – заставь говорить, обмани.	<i>Лиэле</i> – будь в состоянии говорить, заставить говорить, обмануть.
<i>Лувча</i> – искупайся.	<i>Лувчаде</i> – искупай.	<i>Лувчале</i> – будь в состоянии искупаться, искупать.
<i>Ловза</i> – поиграй, позабавься.	<i>Ловзаде</i> – заставь поиграть, поиграй (чем-нибудь).	<i>Ловзале</i> – будь в состоянии поиграть, заставить поиграть.
<i>Іама</i> – поучись	<i>Іоамаде</i> – поучи (другого), поучи (что-нибудь).	<i>Іоамале</i> – будь в состоянии поучиться, поучить.
<i>Махка</i> – полейся.	<i>Мохкаде</i> – полей.	<i>Мохкале</i> – будь в состоянии полить, политься.
<i>Іиэ</i> – сиди, пребывай, оставайся (о человеке).	<i>Іиэде</i> – оставь сидеть, пребывать.	<i>Іиэле</i> – будь в состоянии сидеть, оставаться, пребывать
<i>Ыхка</i> – лежи (о многих).	<i>Ухкаде</i> – укладывай (многих).	<i>Ухкале</i> – будь в состоянии лежать,

<i>Дуоладе</i> – начинайся, углубись (в дело).	<i>Дуоладе</i> – начни.	укладывать (многих). <i>Дуолале</i> – будь в состоянии начать.
<i>Дала</i> – выйди.	<i>Доалале</i> – выведи.	<i>Доалале</i> – будь в состоянии вывести, выйти.

Табл. II.

Образование производно-непереходного залога от непереходного залога

Непереходный	Производно-непереходный
<i>Дехкевала</i> – раскайся.	<i>Дехкевоалале</i> – будь в состоянии раскаяться.
<i>Гуо</i> – пойди.	<i>Вохале</i> – будь в состоянии пойти.
<i>Эккха</i> – лопни; перепрыгни.	<i>Эккхале</i> – будь в состоянии лопнуть, перепрыгнуть.
<i>Ха</i> – узнай.	<i>Хоале</i> – будь в состоянии узнать.
<i>Хизта</i> – (по)кажись.	<i>Хизтале</i> – будь в состоянии казаться.
<i>Хила</i> – будь, стань, сделайся.	<i>Хулале</i> – будь в состоянии становиться.
<i>Ла</i> – желай, хоти.	<i>Лоале</i> – будь в состоянии хотеть, желать.
<i>Мотта</i> – думай, полагай.	<i>Моттале</i> – будь в состоянии думать, полагать.
<i>Дала</i> – останься (о человеке и предмете).	<i>Доалале</i> – будь в состоянии остаться.
<i>Дала</i> – кончи (выйди).	<i>Доалале</i> – будь в состоянии кончить, выйти.

Табл. III.

Образование производно-переходного залога от непереходного залога (Форма повелительного наклонения)

Непереходный	Производно-переходный
	<i>Доахъадиэ</i> – отморозь.

Табл. IV.

Глаголы непереходного залога, не образующие производных залогов

Тига – поддайся, согласишься, начинай (с другим глаголом).

Дуола – привыкни, свыкнись, приходи.

Производные обороты, которые образуются от переходных глаголов, имеют в подавляющем большинстве случаев имеют лишь одну производную форму – производно-непереходную (см. табл. V). В редких случаях от переходного глагола-сказуемого можно образовать две формы – производно-непереходную и производно-переходную (см. табл. VI). Наконец, некоторое количество ингушских глаголов-сказуемых представляют собой лишь формы производных залогов (производно-непереходного и производно-переходного), не имея формы соответственного основного залога (т. е. простой непереходной или переходной формы). В эту группу глаголов входят, главным образом, глаголы, образованные от неглагольных основ – именных или таких, которые исторически перестали существовать в ингушском языке в непроизводном виде (см. табл. VII).

Приводим списки образования производных залогов от переходных глаголов.

Табл. V.

Образование производно-непереходного залога от переходного глагола

(Форма повелительного наклонения)

Переходный	Производно-непереходный
<i>Йеайиэ</i> – потеряй, потуши.	<i>Йоалиэ</i> – будь в состоянии потерять, потушить.
<i>Дойта</i> – покажи.	<i>Дойталиэ</i> – будь в состоянии показать.
<i>Лиз</i> – делай.	<i>Диэлиэ</i> – будь в состоянии делать.
<i>Дайта</i> – заставь делать.	<i>Дайталиэ</i> – будь в состоянии заставить делать.
<i>Дайта</i> – заставь принести, привезти, придти.	<i>Деайталиэ</i> – будь в состоянии заставить принести, привезти, прийти.
<i>Ала</i> – скажи.	<i>Оалелиэ</i> – будь в состоянии сказать.
<i>Лиз</i> – дай.	<i>Делалиэ</i> – будь в состоянии дать.

<i>Арда</i> – молоти.	<i>Оардалиэ</i> – будь в состоянии молотить.
<i>Даста</i> – развяжи.	<i>Доасталиэ</i> – будь в состоянии развязать.
<i>Дá</i> – принеси, привези.	<i>Доалиэ</i> – будь в состоянии привезти, принести.
<i>Дáккха</i> – добудь, извлеки.	<i>Доаккхалиэ</i> – будь в состоянии добыть, извлечь.
<i>Ата</i> – раздроби; побей, растолки.	<i>Оаталиэ</i> – будь в состоянии раздробить, побить, растолочь.
<i>Аха</i> – паши.	<i>Оахалиэ</i> – будь в состоянии пахать.
<i>Дáхкийта</i> – заставь прийти, пришли.	<i>Доахкийталиэ</i> – будь в состоянии заставить прийти, прислать.
<i>Дахкийта</i> – заставь принести приплод (о животных).	<i>Доахкийталиэ</i> – будь в состоянии заставить принести приплод.
<i>А́хкийта</i> – заставь вскопать.	<i>Оахкийталиэ</i> – будь в состоянии заставить вскопать.
<i>Я́ха</i> – говори.	<i>Йоахалиэ</i> – будь в состоянии говорить.
<i>Гуо</i> – видь.	<i>Гуолиэ</i> – будь в состоянии видеть.
<i>Датта</i> – испеки, изжарь.	<i>Дотталиэ</i> – будь в состоянии испечь, изжарить.
<i>Догдáха</i> – надейся.	<i>Догдоахалиэ</i> – будь в состоянии надеяться.
<i>Делла</i> – открой.	<i>Деллалиэ</i> – будь в состоянии открыть.
<i>Дила</i> – вымой.	<i>Дулалиэ</i> – будь в состоянии вымыть.
<i>Дига</i> – поведи.	<i>Дугалиэ</i> – будь в состоянии повести.
<i>Дизза</i> – люби, будь	<i>Диззалиэ</i> – будь в состоянии любить.
<i>Диэкхалиэ</i> – отплати, отомсти.	<i>Диэкхалиэ</i> – будь в состоянии отплатить, отомстить.
<i>Диэкъя</i> – раздели.	<i>Диэкъялиэ</i> – будь в состоянии разделить.
<i>Диэ</i> – посеи; убей.	<i>Диэлиэ</i> – будь в состоянии посеять, убить.

<i>Детта</i> – ударяй; дои.	<i>Детталиэ</i> – будь в состоянии ударять, доить.
<i>Дехка</i> – завяжи, привяжи.	<i>Дехкалиэ</i> – будь в состоянии, завязать, привязать.
<i>Иэца</i> – возьми, купи.	<i>Иэцалиэ</i> – будь в состоянии взять, купить.
<i>Диэша</i> – прочти, выучи.	<i>Диэшалиэ</i> – будь в состоянии прочесть, выучить.
<i>Дилла</i> – положи.	<i>Дуллалитэ</i> – будь в состоянии положить.
<i>Дувца</i> – рассказывай.	<i>Дувцалиэ</i> – будь в состоянии рассказывать.
<i>Кхаба</i> – выкорми, накорми.	<i>Кхоабалиэ</i> – будь в состоянии накормить, выкормить.
<i>Кхосса</i> – брось, кинь.	<i>Кхоссалиэ</i> – будь в состоянии бросить, кинуть.
<i>Кхувса</i> – бросай.	<i>Кхувсалиэ</i> – будь в состоянии бросать, кидать.
<i>Кхолла</i> – накрой (башлыком); сотвори.	<i>Кхоллалитэ</i> – будь в состоянии накрыть, сотворить.
<i>Хувца</i> – обменяй.	<i>Хувцалиэ</i> – будь в состоянии обменять.
<i>ЛадувгIа</i> – прислушайся, послушай.	<i>ЛадувгIалиэ</i> – будь в состоянии прислушаться, послушать.
<i>Лаха</i> – поищи.	<i>Лахалиэ</i> – будь в состоянии поискать.
<i>Лаца</i> – схвати, поймай.	<i>Лацалиэ</i> – будь в состоянии схватить, поймать.
<i>Лизкха</i> – наигрывай, играй (на музыкальном инструменте).	<i>Лекхалиэ</i> – будь в состоянии играть, наигрывать.
<i>Хьакха</i> – помажь, погладь, потри; распили; скоси; обтеш.	<i>Хьокхалиэ</i> – будь в состоянии помазать, потереть, погладить, распилить, скосить, обтесать.
<i>Иайта</i> – заставь пребывать, сидеть.	<i>(Иайталиэ)</i> – будь в состоянии заставить сидеть, пребывать.
<i>Иувда</i> – сжимай, сдавливай.	<i>(Иувдалиэ)</i> – будь в состоянии сжимать, сдавливать; просачивайся.

<i>Јувиша</i> – жуй.	(<i>Јувшалиэ</i>) – будь в состоянии жевать.
<i>Тизга</i> – сшей.	(<i>Тизгалиэ</i>) – будь в состоянии сшить.
<i>Тасса</i> – урони; зацепись.	(<i>Тоссалиэ</i>) – будь в состоянии сцепиться, зацепиться.
<i>Тилла</i> – надень (на голову).	(<i>Туллалиэ</i>) – будь в состоянии надеть.
<i>Туоха</i> – ударь.	(<i>Туохалиэ</i>) – будь в состоянии ударить, бейся.
<i>Тпадита</i> – прими.	(<i>Тпадуталиэ</i>) – будь в состоянии принять.
<i>Дувла</i> – растяни (кожу).	(<i>Дувлалиэ</i>) – будь в состоянии растянуть.
<i>ДуогIа</i> – посади (растение), вкопав (в землю).	(<i>ДуогIалиэ</i>) – будь в состоянии посадить; воткнись, вонзись.
<i>Долла</i> – ткни.	<i>Доллалиэ</i> – будь в состоянии ткнуть.
<i>Диэ</i> – сломай.	<i>Диэлиэ</i> – будь в состоянии сломать.
<i>Дотта</i> – налей.	(<i>Дотталиэ</i>) – будь в состоянии валить.
<i>Дохка</i> – продай.	(<i>Дохкалиэ</i>) – будь в состоянии продать.
<i>Дувха</i> – одень (на тело).	(<i>Доувхалиэ</i>) – будь в состоянии одеть.
<i>Хьаха</i> – помажь, смажь.	(<i>Хьоахалиэ</i>) – будь в состоянии помазать.
<i>Хатта</i> – спроси.	(<i>Хоатталиэ</i>) – будь в состоянии спросить.
<i>Хакха</i> – скачи, помчись, понесись.	<i>Хохкалиэ</i> – будь в состоянии поскакать, помчаться, понестись.
<i>Такха</i> – погаси (долг).	(<i>Токхалиэ</i>) – будь в состоянии погасить (долг).
<i>Дита</i> – оставь, покинь, брось.	(<i>Дуталиэ</i>) – будь в состоянии оставить, покинуть, бросить.

Табл. VI.

Образование обоих производных залогов от переходного глагола

(Форма повелительного наклонения)

Переходный	Производно- -непереходный	Производно- переходный
<i>Даа</i> – ешь.	<i>Дуалиэ</i> – будь в состоянии есть.	<i>Доадиэ</i> – накорми.
<i>Мала</i> – пей.	<i>Молалиэ</i> – будь в состоянии пить.	<i>Моладэ</i> – пои.
<i>Деста</i> – поднимись, вздуйся (о реке), вспухни.	<i>(Десталиэ)</i> – будь в состоянии вздуться, распухнуть.	<i>Дестадиэ</i> – преувеличай, вздуй.

Табл. VII.

Производно-непереходный и производно-переходный залогов, не имеющие простой непроизводной глагольной формы

(Форма повелительного наклонения)

Производно-переходный	Производно-непереходный
<i>Иеттадиэ</i> – вырви, выблевни, изрыгни.	<i>(Иетталиэ)</i> – будь в состоянии вырвать, выблегнуть.
<i>Иеитдиэ</i> – прости.	<i>Иеитдулиэ</i> – будь в состоянии простить.
<i>Гулдиэ</i> – собери.	<i>Гуллиэ</i> – соберитесь, будь в состоянии собрать.
<i>Иехадие</i> – обмани.	<i>Иехалиэ</i> – будь в состоянии обмануть.
<i>Кхоачадиэ</i> – кончи.	<i>Кхоачалиэ</i> – будь в состоянии кончить.
<i>Гелде</i> – сделай худым, тощим.	<i>Геллиэ</i> – будь в состоянии худеть, истощайся.

В приведенных здесь материалах мы не разграничиваем побудительных форм (см. ниже), как исходных, от переходных, так как по форме грамматического подлежащего и прямого дополнения (первого объекта, см. ниже) они полностью совпадают друг с другом. Разграничение этих форм дается ниже.

В скобках приводятся те формы повелительного наклонения, которые в живой речи не употребительны, хотя соответствующие глаголы в ней и употребляются.

Побудительные обороты. От всех перечисленных нами выше оборотов могут быть образованы побудительные обороты. Перечислим здесь только важнейшие их формы. От основных трех оборотов – переходного, непереходного и с дательным субъектом соответственно образуются непереходно-побудительный, переходно-побудительный и дательно-побудительный. Общий оттенок значения, который имеют все побудительные обороты, заключается в том, что побудительный оборот обозначает действие, которое представляет собой результат побуждения (разрешения, дачи возможности или заставления, принуждения) со стороны субъекта. Образование побудительного оборота и его значение становится ясным из следующих примеров:

Непереходный оборот Непереходно-побудительный

Со вода

Я ухожу.

Аз кляньк вохийт.

Я заставляю парня пойти.

Я посылаю парня.

Переходный оборот

Переходно-побудительный

Аз болх бу.

Я делаю работу.

Я работаю.

Аз машинашка болх байт.

Я заставляю машины делать работу.

Я заставляю машину работать.

Оборот с дательным
субъектом

Дательно-побудительный

Сона сурат гу.

Мне видима картина.

Аз хьона сурат гойт.

Я даю тебе возможность видеть
картину.

Я вижу картину.

Я показываю тебе картину.

Итак, из приведенных примеров видно, что побудительная конструкция обозначает не только принуждение, но и допущение, позволение, разрешение, в некоторых случаях также дачу возможности производить то или другое действие. Поэтому побудительные обороты переводятся по-русски соответственным простым глаголом с добавлением слов *допускает, позволяет, разрешает, дает возможность, заставляет, принуждает* и т. д., смотря по смыслу данного глагола-сказуемого и всего предложения в целом. В отдельных случаях побудительный

оборот можно перевести и простым русским глаголом, например, вместо *заставляю видеть* можно сказать *показываю*, вместо *заставляю идти* можно сказать *посылаю* и т.д.

Из примеров видно также, что глагол-сказуемое в побудительных оборотах образуется с помощью специального побудительного суффикса *-йт*, *-ийт*.

На основании примеров мы можем составить следующие формулы расположения главных членов предложения побудительных оборотов (понимая под главными членами не только грамматические, но и смысловые, т.е. логические категории).

Схемы расположения главных членов в побудительных оборотах

1. Непереходно-побудительный оборот:

Подлежащее – прямое дополнение – сказуемое.
(по смыслу второй объект)

2. Переходно-побудительный оборот:

Подлежащее – второй объект – прямое дополнение – сказуемое.
(первый объект)

3. Дательно-побудительный оборот:

Подлежащее – второй объект – прямое дополнение – сказуемое.
(всегда в форме (первый объект)
дательного
дополнение)

Приведенные здесь формулы представляют собой, разумеется, лишь обычный порядок расположения главных и важнейших по своему смыслу членов предложения в этих оборотах.

Побудительные обороты с грамматической точки зрения характеризуются следующими особенностями. Все побудительные обороты представляют собой и по смыслу, и по форме разновидности переходного оборота. Поэтому подлежащее в них может иметь продуктивную форму (активный падеж). При образовании побудительного оборота от непереходного мы получаем настоящий переходный оборот, как по форме согласования главных членов, так и по числу их. Этот оборот мы называем непереходно-побудительным, так как он представляет собой превращение непереходного оборота в побудительный, т. е. в переходный. То же происходит и с оборотом с дательным субъ-

ектом при образовании от него побудительного оборота. Этот дательно-побудительный оборот представляет собой по форме и по значению оборот целиком переходный, но образованный от непереходного по форме и переходного по значению дательного оборота. Наконец, переходно-побудительный оборот представляет собой по смыслу оборот как бы вдвойне переходный: в нем мы имеем два смысловых объекта. Один из них – объект побуждения – мы называем вторым объектом, а другой – продукт труда или объект действия вообще – мы именуем первым объектом. Первый объект представляет собой обычное прямое дополнение. В грамматической роли первого объекта, как и прямого дополнения вообще обычно выступает название вещи (продукта труда) или какого-либо явления класса природы. Второй объект – объект побуждения или принуждения – в большинстве случаев является названием человека, члена общества. Это правило, конечно, допускает отступления, но здесь мы говорим о преимущественном содержании первого и второго объекта. Таким образом, в переходно-побудительном обороте имеется три важнейших по своему значению члена предложения, кроме сказуемого: подлежащее, первый объект и второй объект, из них главными по своей грамматической форме являются только два: подлежащее и первый объект (прямое дополнение).

В дательно-побудительном обороте точно так же, как и в переходно-побудительном, мы имеем три важнейших по смыслу члена предложения, кроме сказуемого: подлежащее, первый объект и второй объект (объект принуждения), из них главных – два: подлежащее и первый объект (прямое дополнение). Таким образом, по числу важнейших и главных членов предложения дательно-побудительный оборот полностью совпадает с переходно-побудительным, отличаясь от него лишь в части случаев формой второго объекта. Такое совпадение вполне понятно, так как дательный оборот по смыслу является переходным.

Приведем примеры на каждый из побудительных оборотов:

1. Непереходно-побудительный оборот.

Колхозхоша шоай бераи школе ла а лови ухийт.

Колхозники охотно пускают || посылают своих детей в школу.

Колхозий Гуша доахан сарралца доажийт арахъа.

Колхозные пастухи до самого вечера пасут (дают пастись) скот в поле.

Электротоко трамваяш лелийт городашка.

Электроток двигает (заставляет двигаться, водит) трамвай в городах.

Хьехархоша дешархой перерыве ловзийт.

Учителя разрешают учащимся играть во время перерыва.

Агрономаша колхозхой лаьтта молхаща тоадолийт.

Агрономы удобряют (побуждают удобрять) колхозную землю (химическим) удобрением.

Электричества тайп-тайпара машинаш лелийт.

Электричество дает движение (заставляет ходить) разного рода машинам.

2. Переходно-побудительный оборот:

Дикача бригадиро ший бригадага белхааш кхы а чехкагIа дайт.

Хороший бригадир заставлял свою бригаду работать еще быстрее.

Хьехархоша дешархошка школен библиотекера книжкаш дешийт.

Учителя заставляют учащихся читать книги из школьной библиотеки.

Заводе стахановцаша машинашка белхааш чехка а дика а дайт.

Стахановцы заставляют машины и быстро и хорошо работать на заводе.

Грознефто машиннекъаца шортта мехкдаьтта дIакхухьийт кхыча городашка.

Грознефть заставлял железную дорогу доставлять много нефти в другие города.

Горсовето домоуправленешка городе цIоно лелаййт.

Горсовет заставлял домоуправления поддерживать чистоту в городе.

Потребсоюзо кооперацешка тайп-тайпарча товарища кхоачо яйт колхозхошта.

Потребсоюз заставлял кооперацию обеспечить колхозников разными товарами.

Непереходный оборот, превращаясь в переходно-побудительный, т.е. в переходный, приобретает новый главный член – прямое дополнение. Однако с точки зрения развития предложения в прямое дополнение здесь, в сущности, превра-

щается непродуктивное подлежащее, которое, сохраняя свою форму (именительно-винительный падеж), по смыслу становится объектом. Этот объект по значению является в то же время непосредственным субъектом – исполнителем данного действия. Такой объект мы и называем вторым объектом или объектом побуждения. Подлежащее же непереходно-побудительного оборота с точки зрения развития предложения представляет собой вновь добавленный в его состав главный член, который имеет и новую несвойственную непереходному обороту форму – форму продуктивного подлежащего (активный падеж).

Точно также и переходный оборот, превращаясь в переходно-побудительный, включает в свой состав еще один важный по своему смысловому значению член – второй объект, принимающий форму косвенного дополнения в местном падеже (основная форма местного падежа, см. ниже, стр. 167). Однако, с точки зрения развития предложения второй объект представляет собой субъект самого действия, является его непосредственным исполнителем. Поэтому при образовании переходно-побудительного оборота вторым объектом становится обычно субъект простого переходного оборота. В качестве же вновь дополняемого в состав предложения главного члена выступает субъект в продуктивной форме, т.е. субъект, который побуждает второй объект производить какое-либо действие. Этот субъект имеет обычную для переходных предложений продуктивную форму. Так, в приведенных нами примерах второй объект представлен словами: *бригадага* ‘бригаду’, *дешархошка* ‘учеников’, *машинашка* ‘машины’ и т.д. – названия лиц и предметов, непосредственно выполняющих действие. Субъект в тех же примерах представлен словами: *бригадиро* ‘бригадир’, *хьехархоша* ‘учителя’, *стахановцаша* ‘стахановцы’ и т.д.

3. Дательно-побудительный оборот:

Городашка а юрташка а нахарадио чугЮлла ашараи хозийт.

В городах и деревнях людям дается возможность слушать мелодии по радио.

Газеташка гЮлла массарна а хоайт Верховни Совета соцашаи.

Через газеты сообщают всем постановления Верховного Совета.

Юрташка кинос тайп-тайпара суратаи гойт колхозхошта.

Кино показывает разные картины колхозникам в селе.

Хьехархоша дешархошта класса чура гИурс бовзийт.

Учителя знакомят учащихся с обстановкой || оборудованием в классе.

Бригадиро хойт тхона хIара денна а оаха малагIа фу болх бергба.

Бригадир ежедневно сообщает нам, какую работу мы будем делать.

Председатело довзийт хIаранена ши-ший декхар.

Председатель объясняет каждому его обязанности.

Тха собрание деча къамаьлаша болх бе лоайт тхона.

Речи, которые произносят на наших собраниях, побуждают (заставляют желать) нас работать.

Масса пена а ше-ше дика болхло ва моттийт тха председатело.

Наш председатель заставляет каждого думать, что каждый хороший работник.

ХIара кIиранна цкъазза кино гойт || дойт тхона.

В неделю один раз нам показывают кино.

Димаев Iумара каьгIата пандарца тхона дика ашараи хозийт.

Димаев Умар дает нам возможность слушать хорошие народные мелодии на гармошке.

Йиши сов дика къоастайолийт тхона Iумарас.

Он дает нам возможность очень хорошо различать || разбирать мелодию.

Iумарас ший пандарга ладувгIа кIорвадайтац.

Умар не дает возможности, чтобы надоело (надоест) слушать его гармошку.

Бегаи а могийт тха доттагIаиша.

Наши друзья допускают и шутки.

Говзача къамаьло ийгIараи тоайт.

Искусный || умелый разговор заставляет поссорившихся мириться.

Из примеров видно, что дательно-побудительный оборот представляет собой оборот, построенный в основном одинаково с переходно-побудительным. Отличие его заключается лишь в том, что второй объект может иметь форму не местного, а дательного падежа, т.е. полностью сохраняет ту форму, которую имеет смысловой (логический) субъект в обороте с датель-

ным субъектом. Таким образом, в тех случаях, когда второй объект пропущен в предложении или подразумевается, датель-но-побудительный оборот по форме, по числу главных членов полностью совпадает с переходно-побудительным.

Следует сказать несколько слов о побудительной форме сказуемого. Форма эта во всех побудительных оборотах одинакова и образуется с помощью суффикса *-йт*, *-ийт*. Окончание это может принимать соответствующие временные окончания (в прошедшем совершенном времени *-ийтад*, в будущем действительном времени *-ийтаргда*, окончание настоящего времени дано выше). Исторически можно предположить, что это окончание представляет собой по происхождению самостоятельный глагол *вита* 'оставляй, допускай'. Таким образом, исторически этот глагол сливался с предшествующей глагольной основой и превратился в суффикс побудительного залога вообще. Например, *ловзийт* 'разрешает играть', 'заставляет играть' произошло из *ловза* + *вита* и т.д. Это происхождение хорошо объясняет тот факт, почему побудительный оборот в ингушском языке гораздо чаще обозначает допущение, разрешение, дачу возможности и реже – принуждение, заставление.

Производно-побудительные обороты. Побудительные обороты образуются не только от трех основных – переходного, непереходного и дательного. Они могут быть образованы также и от производных оборотов – производно-переходного, производно-непереходного и производно-дательного. При этом получается образование по следующим схемам:

Производно-переходный

Ас говр лелаю.
Я вожу лошадь.

Производно-непереходный

Сога болх булу.
Мне удастся работать
(делать работу).

Производно-побудительные

Ас кIаьнкага говр лелайт.
Я заставляю парня водить
лошадь.
Я разрешаю парню
пользоваться лошастью.

Іа сога болх буболийт.
Ты даешь мне
возможность работать
(делать работу.)

Приведенные схемы образования производно-побудительных оборотов показывают, что эти обороты в об-

щем подчинены тем же законам образования, что и побудительные обороты вообще. Побудительный от производно-переходного построен по общей схеме переходно-побудительного оборота (второй объект в местном падеже). Побудительный от производно-непереходного построен тоже по схеме переходно-побудительного оборота (второй объект тоже в местном падеже). Однако по своему значению этот оборот тесно связан с производно-непереходным, поэтому переводить его на русский язык приходится с добавлением слов *заставлять быть* (буквально: делать) *в состоянии, заставляя давать возможность* и т. д.

Не вдаваясь в подробности, приводим здесь материал, достаточный для того, чтобы составить представление о формах производно-побудительных оборотов.

1. Побудительный от производно-переходного:

Колхоза председателю колхозхошка нокхарий леладайт.

Председатель колхоза разрешает колхозникам || заставляет колхозников разводить пчел.

Оха, колхозхоша, тхоай доахан эжки лоам, Iай арахъа доажсадайт.

Мы, колхозники, заставляем пасти свой скот летом в горах, а зимой на плоскости.

Колхозо иий боахам цхъаьннега а лежеск вабайтац.

Колхоз никому не разрешает расхищать свою собственность.

Вай къахъегамхошка массайола тайпа говзалаи Iоамаийт.

Мы обеспечиваем трудящимся возможность изучения различного рода специальностей.

Колхозницаша, ноаноша, шоай бераи яслеишка дийишадоалийт.

Колхозницы, матери, кладут своих детей в детские ясли.

Комсорго возжатеишка пионераиша повзараи вIаил дохкийт.

Комсорг заставляет возжатых организовать игру пионеров.

Аз цунга даьтта лолладайт.

Я заставляю его топить масло.

Оаха дешархошка газетаи дешийт.

Мы заставляем учеников читать газеты.

Iа сискал йоттийт.

Ты печешь хлеб (заставляешь хлеб печься).

2. Побудительный от производно-непереходного:

Тракторга колхоза лаятта дукхагIа оахадолийт тракториста стахановски балхо.

Стахановская работа тракториста дает возможность трактору вспахать много колхозной земли.

Школешка дешархошка дика дешадолийт паччахьалкхан кхоачоно.

Государственное обеспечение дает возможность учащимся хорошо учиться в школах.

Советски автомобиля дикалло новкъа болхачарга никъ дукха буболийт.

Хорошее качество советского автомобиля дает возможность пассажирам проезжать большие расстояния (пути).

Наркомторга дикача кулгалло магазинашка тайп-тайпарча товарища кхоачо ююолийт колхозхошта.

Хорошее руководство наркомторга дает возможность магазинам обеспечить колхозников разнообразными товарами.

ХIанз колхозхошка балхаи дика дудолийт машинаи хилоро.

Теперь наличие машин дает возможность колхозникам хорошо работать.

Заводашка болхлой шоийн балха техника лакха лиларо хьалха-бозлийт.

Наличие высокой техники работы дает возможность рабочим на заводах повышать производительность труда (идти вперед в работе).

Школашка дешара план кхоачаи ююолийт дирекце кулгал дика хиларо.

Наличие хорошего руководства дирекции дает возможность выполнять учебный план в школах.

Киношка адами сакъерадолийт тайп-тайпара суратаи гой-таро || хьахъувкхаро.

Демонстрация различных картин в кино дает людям возможность развлекаться.

Промыслашка мехкдайтта даккхара нормаи сов йоахайолийт советски болхлой дикача говзало.

Хорошая квалификация советских рабочих дает возможность повысить норму добычи нефти на промыслах.

Благодаря хорошей квалификации советских рабочих повышается норма добычи нефти на промыслах.

В этих примерах мы видим, что непереходные глаголы-сказуемые, приобретая побудительную форму, превращаются в переходные, при которых подлежащее ставится в продуктивной форме и появляется прямое дополнение (по значению второй объект).

А. Побудительные обороты от основных.

Непереходно-побудительный. Переходно-побудительный.

Аз Тулаца лелийт етт.

Я пускаю (даю ходить) корову в стадо (в данный отдельный момент и вообще).

Аз болх байт машинашка.

Я заставляю работать машины (в данный отдельный момент и вообще).

Дательно-побудительный.

Аз говр гойт кІаьнка.

Я даю возможность видеть || показываю мальчику лошадь (в данный отдельный момент и вообще).

Обобщенно-непе-

реходно-побудительный.

Обобщенно-переходно-

побудительный.

Со Тулаца етт лелийташ ва.

Я (обычно) пускаю (даю ходить) корову в стадо.

Обобщенно-дательно-побудительный.

Со болх байташ ва

машинашка.

Я (обычно) заставляю работать машины.

Со говр гойташ ва кІаьнка.

Я (обычно) даю возможность видеть || показываю мальчику лошадь.

Процессно-переходно-побудительный.

Болх аз байташ ба машинашка.

Я занят тем, что заставляю машины работать.

Процессно-дательно-побудительный.

Говр аз гойташ я кІаьнка.

Я (обычно) показываю мальчику лошадь.

Начатки страдательного оборота. Вопрос о наличии или отсутствии в ингушском языке страдательного оборота представляет значительный теоретический интерес. Как мы об уже

говорили об этом выше (см. стр. 55), некоторые исследователи смешивают ингушскую и чеченскую переходную конструкцию со страдательной. Благодаря этому создается впечатление, что всюду, где мы имеем в ингушском языке переходное предложение, мы имеем страдательный оборот и что в ингушском языке существует лишь один страдательный оборот и нет действительного. Активный падеж подлежащего при этом считался творительным, а все глагольные формы переходных глаголов – формами страдательного залога. Начало такой неправильной трактовке строя ингушского и чеченского предложения было положено П. К. Усларом, который, исследуя факты чеченского языка, писал: "... в чеченском языке вовсе нет глаголов действительных, транзитивных, а одни лишь глаголы средние и страдательные"¹, и далее: "Из всего сказанного понятным становится, почему, при великом изобилии падежей нет в чеченском языке падежа винительного. Здесь нельзя сказать, что винительный падеж всегда сходен с именительным. Винительного падежа не может существовать по самому свойству чеченского глагола"². На этом основании П. К. Услар называет активный падеж "творительным", а настоящий творительный падеж "орудно-союзным" и всюду переводит чеченские переходные предложения русским страдательным оборотом. Вслед за П. К. Усларом, то же понимание строя ингушского предложения принял и З. К. Мальсагов, хотя в значительно смягченной форме. В своей грамматике ингушского языка³, объясняя значение "творительного" (т. е. активного) падежа, З. К. Мальсагов пишет: "Творительный. Кем или чем (хъан, сево). В этом падеже ставится лицо или предмет действующий. Тот предмет или лицо, на которое действие обращено, ставится в именительном падеже. Русский оборот речи пользуется в этих случаях соответственно именительным и винительным падежом. *Юрто лаьтта аьхад*. 'Селение запахло землю' (букв. 'Селением земля запахалась'); *Говраша карт йохаяьй*. 'Лошади сломали плетень'; *Хозача дешо лоам бошабаьб*. 'Красивое слово гору растопило' (пословица).

Отсутствие в ингушском языке винительного падежа зависит от особенностей ингушского глагола, согласующегося при та-

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Вып. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. - С. 64.

² Там же. - С. 65.

³ Мальсагов З. Ингушская грамматика со сборником ингушских слов. Владикавказ, 1925. - С. 31-32.

ких обстоятельствах не с лицом или предметом действующим, но с тем, на который действие обращено”.

“Союзный. Вопросы с кем или с чем и кем или чем (хъанца, сенца). Указывает, во-первых, на лицо или предмет, совместно с которым действуют или находятся в одинаковом состоянии, и, во-вторых, обозначает предмет, при помощи которого производится действие. *ВоI даьца вах.* ‘Сын живет с отцом’; *Нах го-враища болх.* ‘Люди едут на лошадях’; *Догарца тийдад.* ‘Порубил топором’; *Шалтаца тIом бар.* ‘драться кинжалом’; *ВоI даьца дика ва.* ‘Сын хорош с отцом’, т.е. ‘хорошо относится к отцу’; *Нахаца къамаьл дар.* ‘говорить с народом’...; *Бераища ловзар, латар, дешар.* ‘с детьми играть, драться, учиться’”.

Автор при составлении своей ингушской грамматики вообще взял за образец работы Услара. Поэтому в данном вопросе он не самостоятелен, а целиком повторяет утверждение Услара. Правда, справедливость требует отметить, что за исключением этого места и неправильных названий этих двух падежей З. Мальсагов в дальнейшем нигде не переводит ингушские переходные предложения русским страдательным оборотом, а всюду дает правильные переводы с помощью соответственных русских переходных глаголов. В дальнейшем, однако, в Чечне под влиянием Услара, а в Ингушетии вслед за Мальсаговым все так называемые “лингвисты” придерживались этого в корне ложного взгляда на строение ингушского и чеченского предложения, считая его страдательным по строю. Факт, на который указывают Услар и Мальсагов, говорит лишь об одном, что в ингушском, как и в чеченском языке нет различия между действительным и страдательным оборотом, между действительным и страдательным залогом в той последовательной форме, в какой это различие имеется в большинстве европейских языков. С таким же точно правом Услар мог бы утверждать, что все конструкции предложения, которые он называет страдательными, являются действительными и что, таким образом, в чеченском языке совсем нет страдательной конструкции и залога. Неправильный вывод в отношении строя ингушского предложения привел Услара и его последователей к неверному пониманию ингушских и чеченских падежей. Такое же понимание усвоил и Мальсагов. Как мы уже указывали, тот падеж, который в чеченском и ингушском языках является по своему основному значению именно орудным, т. е. творительным (ибо он представляет собой форму орудия, посредством которого

совершается действие) назван у Услара “орудно-союзным”, а у З. Мальсагова просто “союзным” (см. выше). Активный же падеж, который представляет собой специфическую особенность яфетических и некоторых других языков (см. ниже, стр. 65) назван и у Услара и у Мальсагова творительным падежом. Между тем, на самом деле этот падеж никогда не выражает орудия, а является творительным, как для Услара, так и для Мальсагова, лишь в русском значении падежа логического субъекта в страдательном обороте. Следовательно, активный падеж у Услара, а вслед за ним и у Мальсагова превратился в творительный лишь благодаря неверному переводу ингушских и чеченских предложений на русский язык, – переводу, в котором Услар каждое переходное чеченское предложение старался переводить страдательным оборотом.

Однако, если бы мы стали на такую точку зрения, что в ингушском языке, как и в чеченском, существует один только действительный оборот и совсем нет страдательного, то и в этом случае мы допустили бы неточность, правда, меньшую, чем у Услара. Как мы выше видели, в ингушском и чеченском языке существует переходный (действительный) и непереходный (средний) обороты, а следовательно – и залоги. Наряду с этим, однако, и в ингушском и в чеченском в ряде случаев мы имеем начатки развития настоящего страдательного оборота. Правда, употребление страдательного оборота в ингушском языке ограничено немногими случаями. Это заставляет нас признать, что в ингушском языке, как и в чеченском, нет еще настоящего развитого страдательного оборота, а существуют только начатки развития этой конструкции. Наиболее ясную страдательную конструкцию мы имеем в ингушском языке в том случае, если сказуемое-глагол имеет форму прошедшего совершенного времени, причем эта конструкция отличается как от переходной, так и от процессно-переходной:

Переходный	Страдательный	Процессно-переходный
<i>Оаха аре тракторца аьхай.</i>	<i>Аре тракторца аьха я.</i>	<i>Оаха аре тракторца аьха я.</i>
Мы вспахали поле трактором.	Поле вспахано трактором.	Мы находились в процессе пахоты поля трактором.
<i>Аре тракторо аьха.</i>		Мы заняты распахиванием поля с помощью трактора.
Трактор вспахал поле.		

Сравнение приведенных примеров показывает, что ингушское предложение приобретает страдательное значение лишь тогда, когда оно становится безличным, т. е. теряет свое фактическое подлежащее.

Грамматическим подлежащим в этом случае становится смысловой объект (прямое дополнение). В этом отношении нет никакой разницы между ингушским и русским языком. Большая разница, однако, заключается в том, что в то время как в русском языке в страдательном обороте мы можем поставить подлежащее в творительном падеже независимо от того, что реально выражает это подлежащее, в ингушском языке мы можем придать форму творительного падежа только такому подлежащему, которое обозначает не человека, не члена общества. По нашему предположению, первоначально продуктивным подлежащим мог быть лишь человек. Следовательно, творительный падеж в ингушском языке в данном случае нельзя признать формой подлинного смыслового подлежащего (логического субъекта), так как употребление его в страдательном обороте не выходит за пределы обычного употребления творительного падежа для выражения орудия.

Процессно-переходный

Кузга алмазо ходадаъ да.
(Данное) стекло резал (именно)
алмаз.

И аре тракторо аьха я.
Это поле вспахал (именно)
трактор.

И аре говраша аьха я.
Это поле вспахали (именно)
лошади.

и т.д.

Страдательный

Кузга алмазаца ходадаъ да.
Стекло разрезано || нарезано
алмазом.

Аре тракторца аьха я.
Поле вспахано трактором.

Аре говраица аьха я.
Поле вспахано лошадьми

Из сравнения двух приведенных конструкций предложения мы видим, что все различие между действительным и страдательным оборотом в ингушском языке сводится к тому, имеется или не имеется в данном предложении грамматическое подлежащее (в активном падеже) и может или не может оно быть заменено творительным падежом в значении орудия. При подлежащем в активном падеже мы будем иметь переходный оборот в одной из его разновидностей (в данных примерах – процессно-переходный). В случае же безличного предложения, в составе

которого название орудия стоит в форме творительного падежа, мы получим строй ингушского предложения, соответствующий русскому страдательному обороту. Приведем еще ряд примеров этой единственно возможной для ингушского языка страдательной конструкции.

Начатки страдательного оборота:

Кузга алмазаца тийда || тийдда да.

Стекло (все) изрезано алмазом.

Корта хъа мукхарца баъша ба.

Голова выбрита твоим ножом.

Со хъа бакъаца воалаваъ ва.

Я привезен твоим жеребенком.

Хъайра хица кхестаяъ я.

Мельница приведена в движение (кручена) водой.

Аре тракторца аъха я.

Поле вспахано трактором.

КаьГат машинкаца яздаъ да.

Бумага написана машинкой.

КаьГат къоаламца яздаъ да.

Бумага написана карандашом.

Коч машинаца тийга я.

Рубашка сшита машинкой.

Коч кулга тийга я.

Рубашка сшита руками.

Сурат бIарга дайна да.

Картина увидена глазами.

Дахча херхо хоададаъ да.

Дерево спилено пилой.

Дахча херхаца тийда да.

Дерево распилено || испилено пилой.

ХIамаш кулгаца лохъаяъ я.

(Все) вещи собраны рукою.

ХIамаш кулгаца лехъаяъ я.

Вещи руками (много раз) собраны.

Устагла кулгаица лаьца ба.
Овца поймана руками.

Устагла кулгаица лийца ба.
Овца изловлена руками.

Жа кулгаица лийца да.
Овцы изловлены руками.

Страдательный оборот может иметь все три времени:

Кузга алмазаца хоадош || хоададеш да.
Стекло режется алмазом.

Кузга алмазаца хадоргдолаш да.
Стекло будет резаться алмазом.

Кузга алмазаца хоададаь да.
Стекло разрезано || нарезано алмазом.

Однако, как только мы попробуем поставить в ингушском предложении в качестве логического субъекта в форме орудия (творительном падеже) название человека, так сейчас же мы увидим огромную разницу между страдательным оборотом в русском и других европейских языках и зачаточным страдательным оборотом в ингушском языке. В русском и других языках более позднего строя, в которых имеется вполне развитый страдательный оборот, мы можем поставить любой логический субъект (смысловое подлежащее) в форме орудия (творительный падеж) или другой аналогичной форме, независимо от того, представляет ли собой слово, которому мы придаем форму творительного падежа, название настоящего орудия, предмета, животного, части тела или название члена общества – человека. В ингушском языке мы наблюдаем совершенно иное явление. В грамматической форме орудия (творительный падеж) здесь нельзя поставить название члена общества – человека, например, по-русски можно свободно сказать:

Стекло нарезано стекольщиком.

Голова выбрита парикмахером.

Поле вспахано колхозниками.

Рубаха сшита женщиной и т. д.

По-ингушски этого рода предложения до сих пор не умели передавать страдательным оборотом. Их переводили обычно-

венным переходным оборотом, при котором логическое и грамматическое подлежащее совпадает и имеет форму активно-го падежа. Учитывая опыт некоторых народов Поволжья (марийцев, мордвы), в языках которых до Великой Октябрьской социалистической революции тоже не было развитого страдательного оборота, мы можем и в ингушском языке построить данные предложения так, что они будут более или менее близко соответствовать русскому страдательному обороту. В данном случае можно воспользоваться тем свойством ингушского языка, которое позволяет придать форму орудия (творительного падежа) в значении смыслового подлежащего названиям членов тела, названиям способностей человека и т. д. Таким образом, по-ингушски можно сказать “Стекло нарезано руками стекольщика”, “Голова выбрита руками парикмахера”, “Рубашка сшита руками женщины”, “Поле вспахано силами колхозников” и т. д.

В данном случае в ингушском языке, как в марийском, мордовском и других языках, логический субъект в страдательном обороте может быть выражен описательно:

Кузгаидеттарга кулгаца хоадош да кузга.
Стекло режется стекольщиком.

Кузгаидеттарга кулгаца хоададаь да кузга.
Стекло резано стекольщиком.

Кузгаидеттарга кулгаца хоадоргдолаш да кузга.
Стекло будет резано стекольщиком.

Аре колхозникий низаца оахаш я.
Поле пашется колхозниками.
Буквально: Поле пашется силою колхозников.

Аре колхозникий низаца аьха я.
Поле вспахано колхозниками.
Поле вспахано силою колхозников.

Аре колхозникий низаца оахаргйолаш я.
Поле будет вспахано колхозниками.
Поле будет вспахано силою колхозников.

Коч кхалсега кулгаца тегаш я.
Рубашка шьется рукою женщины.
Рубашка шьется женщиной.

Коч кхалсега кулгаца тийга я.

Рубашка сшита рукою женщины.

Рубашка сшита женщиной.

Коч кхалсега кулгаца тегаргйолаш я.

Рубашка будет сшита рукою женщины.

Рубашка будет сшита женщиной.

Болхлоий ахархойи капиталистически мехкашка капиталистий низаца толабаь лоаттош ба.

Буквально: Рабочие и крестьяне в капиталистических странах являются угнетенными насилием капиталистов.

Рабочие и крестьяне в капиталистических странах угнетены капиталистами.

Итак, замечательная особенность ингушского и многих других яфетических языков заключается в том, что в грамматической форме орудия (в творительном падеже) нельзя поставить название члена общества – человека – именно только в значении логического субъекта, как и в значении орудия. В другом значении – в значении совместности или сопровождения (“вместе с кем”) – мы можем поставить и в этих языках название члена общества. В этой форме, однако, оно не может быть понято как логический субъект (смысловое подлежащее).

В ингушском можно развить страдательный оборот хотя бы в той описательной форме, которую мы приводили. Орудная форма логического субъекта при этом передается добавлением слов *кулгаца* ‘рукой’, *низаца* ‘силой’ и т.д. Несомненно, что в литературном ингушском языке эта форма страдательного оборота может появиться и развиваться дальше под влиянием русского синтаксиса, как развилась она в некоторых угро-финских языках Поволжья.

Оборот с обобщенным субъектом. Под обобщенным оборотом мы понимаем такое предложение, в котором подлежащее по форме отсутствует и не может быть выражено отдельным словом, а по смыслу подлежащим являются все люди вообще. Таким образом, в обобщенном обороте обобщено подлежащее. В русском языке это выражается формой второго лица единственного числа или формой третьего лица множественного числа сказуемого. Например: *С кем поведешься, от того и наберешься, Стол делают из дерева* и т. д. В ингушском языке обобщенный оборот выражается тоже бессубъектным (безличным) предложением:

Стол дахчах ду.
Стол делают из дерева.

Мехдаьтта лаьттаь доаккх.
Нефть добывают из земли.

Дахча хьуьнагIара дахь.
Дрова возят из лесу.

Оборот с обобщенным субъектом вовсе не представляет собой неполного предложения. Если мы включим в данный оборот подлежащее в виде отдельного слова (*наха* 'люди'), то смысл оборота изменится, вместо обобщенного смысла мы получим более частное значение подлежащего. Следовательно, оборот с обобщенным подлежащим по самому своему содержанию представляет собой обобщение субъекта, является таким оборотом, в котором субъект выступает во всеобщем значении. Предложение же для передачи этой формы субъекта принимает бессубъектную (безличную) форму как в русском, так и в ингушском языке.

Схема развития оборотов. Для подведения итогов всему сказанному об оборотах в чеченском языке, приведем здесь краткую схему развития всех оборотов с указанием схемы построения предложения в каждом из них:

А. Основные обороты.

I. Непереходный оборот:

Со лел.
Я хожу || гуляю.

Непродуктивное подлежащее – сказуемое
(именительный падеж)

II. Переходный оборот:

Аз болх бу.
Я работу делаю.

Продуктивное подлежащее – прямое дополнение – сказуемое
(активный падеж) (именительный падеж)

III. Оборот с дательным субъектом

Сона говр гу.
Я вижу лошадь.

Дательное дополнение – подлежащее – сказуемое
(логический субъект) (логический объект)
(дательный падеж) (именительный падеж)

Б. Обобщенные обороты.

IV. Непереходно-обобщенный оборот

Со лелаиш ва.

Я (обычно) хожу, гуляю.

Подлежащее – составное глагольное сказуемое
(именительный падеж)

V. Переходно-обобщенный оборот:

Со болх беш ва.

Я (обычно) работу делаю.

Подлежащее – прямое дополнение – составное глагольное сказуемое.

(именительный падеж) (именительный падеж)

VI. Дательно-обобщенный оборот:

Со говр гуиш ва.

Я различаю (глазами) лошадь.

Подлежащее – прямое дополнение – составное глагольное сказуемое.

(именительный падеж) (именительный падеж)

В. Процессные обороты.

VII. Процессно-переходный оборот:

Аз беш ба болх.

Я нахожусь в процессе деланья работы.

Я занят деланьем работы.

Продуктивное подлежащее – составное глагольное сказуемое – прямое дополнение

(активный падеж) (именительный падеж)

или: прямое дополнение – продуктивное подлежащее – составное сказуемое.

VIII. Процессно-дательный оборот:

Сона гуиш я говр.

Я нахожусь в процессе рассматривания (данной) лошади.

Я занят рассматриванием (данной) лошади.

Дательное дополнение – составное глагольное сказуемое – подлежащее

(логический субъект)

(логический объект)

(дательный падеж)

(именительный падеж)

Г. Производные обороты.

IX. Производно-переходный оборот:

Ас говр лелаю.

Я вожу лошадь.

Продуктивное подлежащее – прямое дополнение – сказуемое
(активный падеж) (именительный падеж) (слитное с глаголом
диэ)

X. Производно-непереходный оборот:

Сога болх булу.

Я в состоянии делать работу.

Мне удастся делать работу.

Косвенное дополнение– подлежащее – сказуемое
(логический субъект) (логический объект) (слитное с глаголом
лиэ)

(местный падеж)

(именительный падеж)

XI. Производно-дательный оборот:

Сона говр йиэзалу.

Лошадь нравится мне.

Я в состоянии любить лошадь.

Дательное дополнение – подлежащее – сказуемое
(логический субъект) (логический объект)
(слитное с глаголом *лиэ*)

(дательный падеж)

(именительный падеж)

Д. Побудительные обороты.

XII. Непереходно-побудительный оборот:

Аз говр лелийт.

Я пускаю лошадь ходить || гулять.

Я заставляю лошадь ходить || гулять.

Продуктивное – Прямое дополнение –	Сказуемое
подлежащее (второй объект)	(с суффиксом <i>-йт</i> , <i>-ийт</i> ,
(активный падеж) (именительный)	исторически слитное
падеж	с глаголом <i>вита</i>)

XIII. Переходно-побудительный оборот:

Аз цунга болх байт.

Я допускаю его делать работу.

Я заставляю его делать работу.

Продуктивное – косвенное –	прямое –	сказуемое
подлежащее	дополнение	дополнение (с суффиксом <i>-йт</i> ,
	(второй объект)	(первый объект) <i>-ийт</i> , исторически
(активный падеж)	(местный падеж)	(именительный слитное с глаголом
	падеж	<i>вита</i>)

XIV. Дательно-побудительный оборот:

Аз цунна говр гойт.

Я показываю ему лошадь.

Я даю ему видеть лошадь.

Продуктивное – косвенное –	прямое –	сказуемое
подлежащее	дополнение	дополнение (с суффиксом <i>-йт</i> , <i>-ийт</i> ,
	(второй объект)	(первый объект) исторически слитное
(активный падеж)	(дательный падеж)	(именительный с глаголом <i>вита</i>)
	падеж	падеж)

XV. Побудительный оборот, образованный от производно-переходного

Аз цунга говр лелайт.

Я даю ему водить лошадь.

Я заставляю его водить лошадь.

Продуктивное – Косвенное –	Прямое –	Сказуемое
подлежащее	дополнение	дополнение (слитное с глаголом <i>диэ</i>
	(второй объект)	(первый объект) и с суффиксом <i>-йт</i> , <i>-ийт</i> ,
(активный падеж)	(местный падеж)	(именительный т. е. исторически слитное
	падеж)	падеж) с глаголом <i>вита</i>)

XVI. Побудительный от производно-непереходного:

Аз цунга болх буболийт.

Я даю ему возможность делать работу.

Продуктивное – Косвенное –	Прямое –	Сказуемое
----------------------------	----------	-----------

подлежащее	дополнение	дополнение	(слитное с глаголом <i>лиэ</i>
	(второй объект)	(первый объект)	и с суффиксом <i>-йт, -ийт,</i>
(активный	(местный	(именительный	т. е. исторически слитное
падеж)	адеж)	падеж)	с глаголом <i>вита)</i>

XVII. Побудительный от производно-дательного:

Аз хьо цунна йиззайолийт.

Я даю ему возможность любить тебя (женщине).

Я побуждаю его влюбиться в тебя.

Продуктивное – Прямое – Косвенное – Сказуемое

подлежащее	дополнение	дополнение	(слитное с глаголом <i>лиэ</i>
	(первый объект)	(второй объект)	и с суффиксом <i>-йт,</i>
(активный	(именительный	(дательный	<i>-ийт,</i> т. е. исторически
падеж)	падеж)	падеж)	слитное с глаголом <i>вита)</i>

Из рассмотрения грамматической формы всех ингушских оборотов мы видим, что в сущности, если исходить только из оформления грамматических главных членов ингушского предложения (т. е. сказуемого, подлежащего и прямого дополнения), все ингушские обороты сводятся к двум основным – переходному и непереходному.

Под общую форму непереходного оборота можно подвести: оборот с дательным субъектом, все обобщенные обороты, производно-непереходный, процессно- и обобщенно-дательные, а также производно-дательный и дательно-побудительный, во всех тех случаях, когда логическое подлежащее стоит в них в дательном падеже (т. е. в случае образования их от глаголов первой группы, см. стр. 88).

Все остальные обороты являются по их форме переходными.

Залоги глагола. Мы видели, что каждый из оборотов отличается особой формой глагола-сказуемого, имеющей самостоятельное изменение по временам, а также по наклонениям. Исключение составляет лишь оборот с обобщенным субъектом, который отличается не особой формой глагола-сказуемого, а отсутствием подлежащего. Те формы глагола-сказуемого, которые характерны для каждого из оборотов, называются в морфологии залогами глагола. Итак, залогом глагола мы называем такую его форму, которая в отдельном слове-глаголе выражает форму связи главных или важнейших по смысловому значению членов ингушского предложения. Таким образом, залог представляет собой морфологическое выражение синтаксической

формы оборота. Следовательно, в ингушском языке существует столько залогов, сколько в нем насчитывается оборотов, за исключением оборота с обобщенным субъектом, который не имеет специальной ему свойственной морфологической формы сказуемого. Итак, в ингушском языке имеются следующие залого: непереходный, переходный, залог с дательным субъектом, непереходно-обобщенный, переходно-обобщенный, дательно-обобщенный, процессно-переходный, процессно-дательный, производно-непереходный, производно-переходный, производно-дательный, непереходно-побудительный, переходно-побудительный, дательно-побудительный, побудительный, образованный от производно-дательного и начатки страдательного залога. Мы не выделяем здесь в качестве самостоятельных залогов побудительные формы, которые могут быть образованы от обобщенных и процессных залогов, так как они ничем не отличаются от других побудительных форм.

Для упрощения в школьной грамматике мы можем свести количество залогов к меньшему числу, главным образом, за счет залогов, образованных от залога с дательным субъектом. Так, мы можем объединить производно-дательный залог с производно-непереходным, дательно-побудительный залог с переходно-побудительным и побудительный от производно-дательного с побудительным от производно-непереходного. Кроме того, мы можем произвести и дальнейшее сокращение путем устранения излишней в школьном преподавании детализации залогов. Следовательно, в основном, для школьного преподавания достаточно установить в ингушском языке шесть залогов: три основных залога – непереходный, переходный и дательный (залог с дательным субъектом), два составных залога – обобщенный и процессный и, наконец, один общий побудительный залог, который может быть образован от каждого из трех основных. Что касается производных залогов (производно-непереходного, производно-переходного и производно-дательного), то для простоты преподавания можно считать их просто сложными глагольными основами, слитными с глаголами *диэ* и *лиэ*. От этих сложных глагольных основ образуются, в свою очередь, формы составных и побудительного залога. Все сказанное о школьном преподавании залогов относится лишь к преподаванию в средней школе, так как в программу преподавания родного языка в начальной школе залого глагола не должны входить.

Второстепенные члены предложения. Помимо главных членов предложения мы имеем также второстепенные его члены. Эти члены следующие: косвенное дополнение, обстоятельственные слова, а также определение при определяемом и притяжательное (родительное) дополнение при дополняемом.

Косвенное дополнение мы подразделяем в соответствии с теми падежными формами, которые оно имеет, в свою очередь, на самостоятельное родительное дополнение (не при дополняемом), дательное, творительное, местное (в различных его формах), вещественное и сравнительное дополнение.

Родительное косвенное дополнение. Самостоятельное родительное дополнение (не при дополняемом) в ингушском языке встречается сравнительно редко. Оно имеет следующие значения: субъекта собственности, или субъекта принадлежности, логического субъекта и логического объекта.

1. Родительное дополнение в значении субъекта собственности (принадлежности).

Са – ахча да || са да ахча.

У меня деньги есть || Деньги–мои (Деньги есть мои).

Са – корта лаз || Са лаз корта.

У меня голова болит || У меня болит голова.

Данные примеры, в которых мы имеем самостоятельное родительное дополнение, следует отличать от тех случаев, когда употребляется несамостоятельное родительное дополнение при дополняемом.

Са ахча да – из.

Это – мои деньги.

Буквально: Мои деньги – (есть) вот те.

Са корта ба – цлена.

Моя голова – чистая.

В примерах первого рода слово *са* представляет собой самостоятельный член предложения, непосредственно связанный со сказуемым. В примерах второго рода слово *са* со сказуемым непосредственно не связано. Оно относится к подлежащему (или к другому члену предложения) как определение к определяемому. Следовательно, в первом случае мы имеем родительное дополнение, входящее в прямую связь слов в предложении. Во втором случае то же слово связано со сказуемым через по-

средство подлежащего и входит, следовательно, в посредственную связь слов в предложении. Самостоятельное родительное дополнение мы имеем лишь в случаях первого рода. Несамостоятельное родительное дополнение при дополняемом рассматривается нами ниже в разделе определения (стр. 175).

2. Родительное дополнение в значении логического субъекта употребляется в ингушском языке сравнительно редко – во-первых, при некоторых из тех глаголов, которые требуют субъекта в дательном падеже с одновременным употреблением неопределенной формы глагола (инфинитива).

II. Родительное дополнение в значении логического субъекта.

Са базар тIа ваха веза.

Я должен пойти на базар.

Мне необходимо пойти на базар.

Ахьмада районе ваха веза.

Ахмаду необходимо поехать в район.

Ахмад должен поехать в район.

Лаятта аха колхозхой дезаргда.

Колхозники должны будут вспахать землю.

Колхозникам необходимо будет вспахать землю.

Дешархой школе баха бийзар.

Ученики должны были пойти в школу.

Ученикам необходимо было пойти в школу.

Болхлой заводе болх бе беза.

Рабочие должны работать на заводе.

Хьона мег ловза, сона мегац.

Тебе сходит с рук шалить, а мне нет.

Са цига ваха терлу.

Я имею возможность поехать туда.

Са ылла йиши яц.

У меня нет возможности лежать.

Я не имею возможности лежать.

Са йиши я.

Я имею возможность.

У меня есть возможность.

Са цига хила биззам ба.

У меня есть желание быть там.

Я хочу быть там.

Са Ie таро яц.

У меня нет возможности сидеть || ждать.

Я не имею возможности сидеть || ждать.

Са ва́ха таро я.

Я имею средства жить || имею возможность жить (в достатке).

У меня есть средства жить в достатке.

Из примеров видно, что родительное дополнение в значении субъекта употребляется, главным образом, при глаголе *диэза*, а также при некоторых других глаголах, требующих дательного субъекта. Родительное дополнение в этих случаях так же, как и дательное дополнение, выражает логический субъект. На близость родительного дополнения к дательному в этом случае указывает, кроме того, тот факт, что родительное дополнение в некоторых из приведенных нами примеров может быть заменено дательным дополнением в том же значении. Родительное дополнение может быть поставлено вместо дательного в значении субъекта большей частью в том случае, если глагол, требующий дательного субъекта, имеет при себе неопределенное наклонение. Различие между родительным и дательным дополнениями в значении субъекта, а также между родительным дополнением в этом значении и грамматическим субъектом (в именительном падеже) можно видеть из следующих примеров:

Сона Наьсаре ваха машина йиэза.

Мне нужна машина для поездки в Назрань.

Мне нужна машина, чтобы поехать в Назрань.

Са Наьсаре ваха виэза.

Мне необходимо поехать в Назрань.

Я должен поехать в Назрань.

Со Наьсаре ва́ха виэза.

Мне надо || следует поехать в Назрань.

Я нуждаюсь в поездке в Назрань.

Мы видим, что родительное дополнение в значении субъекта при глаголе *диэза* связано со смысловым оттенком долженствования или необходимости. В последних из приведенных примеров видно, что значение родительного дополнения как смыслового субъекта в предложении не отграничено резко от

его значения как субъекта собственности. Отсюда лишь один шаг до употребления родительного дополнения в качестве самостоятельного косвенного дополнения.

Са – ахча да.

У мет есть деньги.

Я имею деньги.

Са хул ахча.

Буквально: Мои становятся деньги.

Мне достаются деньги.

Са – говр я.

У меня есть лошадь.

Са лаз корта.

У меня болит голова.

Таким образом, родительное дополнение в значении субъекта имеет связь, с одной стороны, с дательным дополнением в том же значении, а с другой – с родительным дополнением в значении субъекта собственности, т. е. с притяжательным родительным дополнением.

Итак, родительное дополнение в качестве логического субъекта употребляется редко: чаще в связи с неопределенным наклоном и лишь в том случае, если в предложении сказуемым служат глаголы *диэза* 'будь необходимым, нужным, будь должным', *карагIдала* 'сумей, смоги', отчасти также при глаголах *мега* 'сходи с рук, будь дозволенным, будь разрешенным' и при именных сказуемых *йиш я* 'есть возможность', *таро я* 'есть средства, есть материальная возможность'. Следовательно, смысловой субъект в родительном падеже вообще употребляется при сказуемых, выражающих необходимость или возможность. При глаголах: *мега* и *карагIдала* родительный падеж в значении субъекта может чередоваться с дательным падежом в том же значении, а при составных сказуемых *йиш я*, *таро я* родительный в субъектном значении связан по своему происхождению с родительным падежом, выражающим принадлежность или собственность.

Во-вторых, при некоторых ингушских глаголах мы имеем родительный падеж, который всегда и исключительно служит для выражения логического субъекта. Таковы, например, глаголы *догдa* 'будь желанным', *самIагIо* 'люби (душа лежит)', *са-затлиэ* 'скачай', *сахьувза* 'скачай', *сакьтердалиэ* 'веселись', *карагI-*

дала 'будь усердным', *уйла йоха* 'будь расстроенным в мыслях', 'будь рассеянным' (еще см. на стр. 150). Приведём примеры на это употребление родительного падежа.

2. Употребление родительного падежа в значении субъекта.

Цун догдаагIа болх бе.

Буквально: У него сердце приходит работать.

У него душа лежит к работе.

Цун сатIадода дешара.

У него душа лежит к учению.

Са || сона карагIдоал болх бе.

У меня работа спорится.

Буквально: Из моих рук выходит делать работу.

Цун сагатлу, ше цIагIа висача.

Он скучает, оставшись дома.

Са сахъувз, школе ца вахча.

Я скучаю, не пойдя в школу.

Стахановца || стахановхочун сакъердалу болх беш.

Стахановец радуется, работая.

Са уйла йох, цатоам хилча.

Когда я огорчусь, у меня расстраиваются мысли.

Употребление родительного падежа в значении смыслового подлежащего объясняется исторически тем, что все перечисленные глаголы имеют в составе основы исторически слившиеся с глагольным корнем имени. Таким образом, родительный падеж первоначально представлял собой косвенное дополнение-определение к этому имени. В одном случае – *уйла йоха* 'будь рассеянным' – мы и в современном ингушском языке не имеем полного слияния имени и глагольного корня. Точно также *догда* исторически сложилось из *дог* 'сердце' и *да* 'приходи' и буквально обозначало 'в сердце приходи'; *сатIагIа* 'люби' сложилось из *са* 'душа', *тIа* – послелог и глагольная приставка 'на, сверху' и *гIа* 'пойди' и буквально обозначало 'сверху на душу пойди'; *сагатлиэ* 'скучай' сложилось из *са* 'душа' и *гатлиэ* 'сузься' и обозначало 'в душе сузься'; *сахъува* 'скучай' сложилось из *са* 'душа' и *хъува* 'вертись, крутись' (многократная форма), что обозначало 'в душе крутись'; *сакъердалиэ* 'веселись' сложилось из *са* 'душа' и *къердалиэ* 'веселись, радуйся', что обозначало 'в душе радуйся';

карагI дала 'будь усердным, усердствуй' сложилось из *карагI* 'из рук' и *дала* 'выходи', что обозначало 'из рук выходи'; наконец, *уйла йоха* 'будь рассеянным, расстроенным в мыслях' и сейчас еще состоит из *уйла* 'мысль' и *йоха* 'портись', что обозначает 'в мыслях портись'. Таким образом, родительный падеж подлежащего (логического субъекта) во всех перечисленных случаях относится не к глаголу, а первоначально был связан с именами: *дог* 'сердце', *са* 'душа', *карагI* 'из рук', *уйла* 'мысль', т.е. с теми именами, которые позднее в качестве именных корней оказались исторически включенными в состав глагольной основы. Следовательно *са догдоагIа* первоначально буквально обозначало "в мое сердце приходит что-то", т.е. "я желаю чего-то".

Родительное дополнение в значении объекта. В редких случаях при некоторых глаголах со сложными основами мы имеем родительное дополнение в значении прямого дополнения (логического объекта):

Стахановхочун оаха сий ду.

Мы уважаем, почитаем стахановца.

Унахочун гIо ду лораши.

Врачи поддерживают больного.

Ноаной терко ю советски паччахьалкхено.

Советская власть обращает внимание на матерей.

Вай йоакхо ю берий.

Мы заботимся о детях.

Во всех этих случаях глагол-сказуемое представляет собой в сущности сложную глагольную основу, которая, однако, по правилам ингушской орфографии пишется отдельно. В состав этой основы входят – имя существительное и глагол. Имя существительное является объектом при этом глаголе. Таковы в первом примере *сий* 'почет, уважение', во втором примере *гIо* 'помощь', во третьем примере *терко* 'внимание', во четвертом примере *йоакхо* 'забота' и т.д. Отсюда ясно, что в данных предложениях уже имеется одно прямое дополнение, логический же объект исторически представляет собой родительное притяжательное дополнение-определение к имени существительному, которое связано с глаголом *диэ* 'делай'.

Дательное дополнение. Дательное дополнение в ингушском языке употребляется в следующих значениях: субъекта обмена,

т. е. лица, с которым совершается обмен, в значении лица, для или в пользу которого совершается действие, в значении логического субъекта при глаголах “сознавать” и “чувствовать”, в значении логического субъекта при тех же глаголах первой группы в производно-непереходном обороте, в значении второго объекта при тех же глаголах первой группы в дательнопобудительном обороте, в значении прямого дополнения (логического объекта) при глаголах со значением “тереть, мазать, бить, бросать, совать, втыкать, колоть” и т.п. и, наконец, в значении предмета речи (о ком, для кого, в пользу кого ведется речь). В качестве особенностей ингушского языка следует отметить, что для выражения субъекта общения (т. е. лица, к которому обращена речь) обычно употребляется не дательное, а местное дополнение (см. стр. 168). Приведем примеры на различные случаи употребления дательного дополнения.

1. Дательное дополнение в значении субъекта обмена (по своему происхождению)

Паччахьалкхено колхозхошта машинаш лу.

Государство дает колхозникам машины.

Колхозаишкеи заводаишкеи ударникашта совгIаташ лу.

В колхозах и на заводах ударникам дают премии.

Хьуьна отдело колхозаишта хьу доарегIа хец.

Лесотдел дешево отпускает лес колхозам.

Советски паччахьалкхено колхозаишта йоккий оаттонаш лу.

Советское государство дает колхозам большие поощрения.

Паччахьалкхено колхозхошта хьаьлий изца юхалург ахча лу.

Государство ссужает (дает с возвратом) колхозникам деньги для покупки коров.

Загототделаша цIекех, фуэх, тхах колхозхошта кIада тел.

Загототдел дает колхозникам мануфактуру в обмен на шкуры, яйца и шерсть.

Аз кIаьнка книжка ийцад.

Я купил сыну || мальчику книжку.

Аз истара йол а юьллу гIодамаш а дохк.

Я даю (кладу) быку сено, подкладываю кукурузную солому.

2. Дательное дополнение в значении лица, для или в пользу которого совершается действие.

Паччахъалкхено берашта курорташ яьй.
Государство создало для детей курорты.

Дешиархошта сакъердам бир оаха.
Мы устроили вечер для учеников.

Завмагага война книжкаш да аьинад аз.
Я сказал завмагу, чтобы он привез учебники для нас.

Справка сона язъе.
Напиши справку для меня.

3. Дательное дополнение в значении логического субъекта при глаголах со значением “сознавать, чувствовать”.

Сона сурат гу.
Я вижу картину.

Сона пандаран ашараш хоз.
Я слышу звуки музыкального инструмента.

Цуина из ахча тоь.
Ему этих денег достаточно.

Сона вай депутата къамаьл хезар.
Я слышал речь нашего депутата.

(Остальные примеры см. оборот с дательным субъектом, стр. 88).

4. Дательное дополнение в значении логического субъекта в производно-непереходном обороте при глаголах первой группы, требующих дательного субъекта.

Воккхача сага а диззалу самукъа вахар.
И старому человеку в состоянии нравиться веселая жизнь.
И старый человек в состоянии любить веселую жизнь.

Сона сай болх дика хоалу || бовзалу.
Я в состоянии (сам) хорошо знать свою работу || ознакомиться со своей работой.

5. Дательное дополнение в значении второго объекта в дательно-побудительном обороте от глаголов первой группы, требующих дательного субъекта.

Городашка а юрташка а бахача наха радио чухула чугъолла ерда хабараш хозийт.

И в городах, и в селах жители имеют возможность по радио слушать последние известия.

В городах, и в селах жители имеют возможность по радио слушать последние известия.

Газеташика гЮлла массанена а || массанешка а хоайт Верховни Совета соцамаи.

Все имеют возможность узнать постановления Верховного Совета из газет.

Всем дана возможность узнать из газет постановления Верховного Совета.

6. Дательное дополнение в значении логического объекта при глаголах со значением “тереть, мазать, бить, бросать, совать, втыкать, колоть” и т.д.

Цо говра кулг хьокх.

Он массирует, оглаживает лошадь.

Аз цЮвна тЮехкар дехк.

Я вяжу сноп свяслом.

Аз истара саьрг бетт.

Я бью быка хворостиной.

Аз пхьагала топ техар.

Я ударил из ружья в зайца.

Другие примеры см. в разделе “Прямое дополнение в значении орудия”, стр. 65.

7. Дательное дополнение в значении предмета речи, т. е. лица, о котором говорят, а также лица, для которого, в пользу которого ведется речь.

Іа сога цунах || цуна во хабараи дийцадар.

Ты рассказал (тогда) плохие известия мне о нем || наговаривал мне на него, против него.

Сесаго сога || сона цунах лакхар дир.

Женщина болтала мне о нем.

Іа сона мотт буvc цунца.

Буквально: Ты говоришь для меня с ним.

Ты переводишь для меня его слова.

В последнем примере значение дательного дополнения близко к тем случаям, которые приведены в п.2 (см. выше стр. 152) .

В качестве особенностей ингушского языка следует отметить, что для выражения субъекта общения (лица, к которому

обращена речь) при глаголах со значением “говорить” чаще употребляется не дательное, а местное дополнение:

Сога каьгIат яздиэ.

Напиши мне письмо.

Цо дохкачунга хоатт товара мах.

Он спрашивает у продавца стоимость товара.

Дас каьгIат язду воIага.

Отец пишет письмо сыну.

Председатело бригадирага оал.

Председатель говорит бригадиру.

Дешархоcho хьехархочунга дувц.

Ученик рассказывает учителю

и т.д.

Точно так же при глаголах обмена вместо русского дательного дополнения в ингушском языке употребляется местное дополнение для выражения субъекта обмена (лица, с которым идет обмен) в том случае, когда речь идет об отдаче объекта обмена не в собственность другому лицу, а на время (ср. п. 1, стр. 152), займы, во временное пользование и т. д.

Дас сога ахча делар маькх изца.

Отец дал мне деньги купить хлеба.

Тха колхоза председатело сона етт изца ахча лу.

Председатель нашего колхоза дает мне деньги купить (ему) корову.

Колхозо Iунга кхаба доахан делар.

Колхоз дал пастуху скот на выпас.

Аз пхъарага тоае маьчаиш елар.

Я отдал мастеру обувь для починки.

Творительное дополнение. Творительное дополнение имеет в ингушском языке два основных значения: обозначает орудие и сопровождение или совместность. Поэтому мы называем его также творительно-сопроводительным дополнением. Творительно-сопроводительное дополнение употребляется в ингушском языке в следующих значениях: в значении орудия (в полной форме творительного падежа и в архаической его форме), в значении средства передвижения, в значении пути передвиже-

ния, в значении и совместности действия или сопровождения при совершении его и, наконец, в значении логического субъекта в зачаточном страдательном обороте.

Приведем примеры на употребление творительного дополнения.

1. Творительное дополнение в значении орудия:

Цо догарца дахча хоададир.

Он срубил || перерубил дерево топором.

Аз херхаца дахча хоададир.

Я спилил || перепилил дерево пилой.

Кхалсаго маьхаца тег.

Женщина шьет иглой.

Аьшка пхьаро жловнаца аьшк тоадир.

Кузнец выправил железо молотом.

Аз топаца пхьагал йийра.

Я убил зайца ружьем.

Колхозхоша аре тракторца аьхай.

Колхозники вспахали поле трактором.

Оаха аре говраица а шерчаица а аьхаяр || оаха хьалха.

Мы раньше пахали поле лошадьми и быками.

И каьгIат машинкаца яздаьл.

Эта бумага писана на машинке.

Кхалсаго коч машинаца тийгай.

Женщина сшила рубашку на машине.

Аз хьалха коч кулгаца тийгаяр.

Я раньше шила рубашку руками.

2. Архаическая форма творительного дополнения в значении орудия:

Дахча херха хоададу || хоадаю.

Дерево пилят пилой.

Кархьал кулга кхьестаяьр || кхьестайора.

Ручную мельницу крутили рукой.

Тона лоацаргба сай.

Ружьем можно будет догнать || убить оленя.

Чарх кога кхьестаю тегачо.

Швся крутит ногами колесо.

Ший кулга яьй цо е пазташ.

Она сделала эти носки своими собственными руками.

Творительное дополнение в значении орудия образуется преимущественно от названий орудий, животных, частей тела, машин и т. д., но не от названий членов общества – людей. Архаическая форма творительного дополнения в качестве окончания имеет гласный *-а* и совпадает по форме с архаическими формами активного, дательного и местного падежей (см. выше, стр. 53). В архаической форме творительного дополнения, которое в ингушском языке употребляется вообще гораздо реже, чем в чеченском, нельзя не видеть пережитка первоначально менее дифференцированного, менее развитого древнего склонения.

3. Творительное дополнение в значении средства передвижения.

Со говраца вахар.

Я поехал на лошади (буквально: лошадью).

Со машинаца вера.

Я приехал на машине (буквально: машиною).

Хьалхарча заман чухь вордаца лелар.

В прежнее время ездили на арбе (буквально: арбой).

В отличие от чеченского языка в ингушском названия транспортных средств в значении средств передвижения приобретают форму творительного дополнения. Это значение творительного дополнения представляет собой дальнейшее развитие его основного значения – значения орудия.

4. Творительное дополнение в значении пути сообщения.

Хица дIахьу || дIакхухь дахча.

Древесину || лес сплавляют по реке.

Хица йоагIа хьу.

Лес идет || несется по реке.

Со Издалца || Волгаца вахар.

Я поехал по Волге.

Творительное дополнение в значении пути сообщения употребляется в ингушском языке редко – главным образом от названий рек. В этом значении оно близко творительному до-

полнению, обозначающему “вдоль чего-нибудь, край чего-нибудь” (см. ниже).

5. Творительное дополнение в значении движения вдоль чего-нибудь.

Пхъагал хъунца уд.

Заяц бежит || бегаёт красн леса, вдоль леса.

Со хица вахар БурокIалха.

Я пошел || поехал в Бурсуки краем реки || по реке.

Значение движения вдоль чего-нибудь имеет непосредственную связь с значением совместности или сопровождения. Значение “я иду вдоль реки, краем реки” развилось из значения: “я иду вместе с рекой”. Это последнее значение, как мы видим из примеров, весьма близко к значению пути сообщения.

6. Творительное дополнение в значении совместности действия или сопровождения:

Из догарца вар.

Он был с топором.

Из гIаш вахар говраца.

Он шел пешком с лошастью.

Из вахар жеца.

Он шел с барантой.

Со сай новкъостаца венав.

Я пришел со своим товарищем.

7. Творительное дополнение в значении смыслового подлежащего при страдательном обороте.

а) от названий вещей и явлений природы:

Ер Iург буроца даьккха да.

Эта дыра пробуравлена буравом.

Ер каьгIат баьцарча шаькъаца яздаь да.

Эта бумага написана зелеными чернилами.

Са коч машинаца тийга я.

Моя рубашка сшита машиной.

Уж портретаи кулгаца даьха да.

Те портреты срисованы (сняты) руками.

Из босе говрий готаца аьха я.
Тот склон вспахан конным плугом.

Са корта машинкаца тесса ба.
Моя голова острижена машинкой.

Паровозаш Ианарца лелош да.
Паровозы (вообще) движутся паром.

Ер Iург буроца даьккха да.
Эта дыра пробуравлена буравом.

Е чоапилгаи михаца кхухьаш я.
Эти насекомые приносятся ветром.

Лазар шелалца хинна да.
Болезнь получилась от холода.

“Тлоадалца хинна да ер лазар”, – аьлар лоро.
“Эта болезнь получилась от сырости”, – сказал врач.

Сома дахчаи херхаца тед.
Толстые деревья пилятся пилой.

Сома дахчаи херхо тед.
Толстые деревья пилит пила.

Кузга алмазаца хоададу.
(Вообще) стекло режут алмазом.
(Вообще) алмазом режут стекло.

Кузга алмазо хоададу.
Алмаз режет (в состоянии резать) стекло.

Хьажал хьо, цо алмазаца хоададу, хьона, из кузга.
Смотри-ка, он алмазом режет это стекло.

Хьайра хица кхестаю.
Мельницу двигает (крутит) водой.
Мельницу двигает (крутит) вода.

Со хьа бакъаца вера хьа.
Я приехал на твоём жеребенке.

Со хьа бакъо воалавир хьа.
Твой жеребенок привез (оказался в состоянии привезти) меня сюда.

Со хьа бакъаца воалаваьв.

Меня привезли на твоём жеребенке.

Со хъа бакъо воалаваъв.

Меня привез твой жеребенок.

Коч кулгаца || кулга тийгай.

Рубашку сшила рукой.

Коч кулго тийгай.

Рубашку сшила рука.

Коч кулга тийгай.

Рубашку сшила рука.

Рубашку сшила рукой (субъект подразумевается).

б) описательная форма творительного дополнения от названий лиц.

Адамий хъабкъалца деи духа хIамаи да дунен тIа.

Есть много вещей на свете, которые создаются человеческим умом.

Хъа кулгаца яздаъ да е каъгIат.

Эта бумага написана твоею рукою.

Хъа хъабкъалца деи булургбац е болх.

С твоим умом не выполнить эту работу.

Хъа хъабкъалца деи булургболаи бац е болх.

Буквально: Твоим умом не выполняю эта работа.

Инженерий вовзалца баъккха ба е никъ.

Эта дорога проложена по указанию (указанием) инженера.

Говзача наъха кортоища яъ уйлаи я уж.

Буквально: Головами искусных людей сделаны те мысли.

Эти мысли разработаны специалистами.

Болх колхозникий хъунара чакхбаргболаи ба.

Работа будет выполнена энергией колхозников.

Плотника кулгаища яъ я е яшка.

Этот ящик сделан руками плотника.

Этот ящик сделан плотником.

Из примеров видно, что в ингушском языке ещё яснее, чем в чеченском, творительное дополнение резко отличается от продуктивного подлежащего и по форме и по смыслу. В то время как продуктивное подлежащее (активный падеж) по своему зна-

чению всегда выражает нечто самостоятельно действующее, самостоятельного деятеля, творительное дополнение (творительный падеж) обозначает нечто несамостоятельное, подчиненное, орудие в руках деятеля. Различаются обе эти формы, таким образом, всюду, где творительное дополнение, с одной стороны, и продуктивное подлежащее, с другой, выражены формами двух разных падежей – творительного и активного. Таким образом, никакого совпадения или смешения этих двух форм в ингушском, как и в чеченском языке, не бывает: творительное дополнение не употребляется в значении логического субъекта, т.е. лица (а не вещи) действующего.

Смешение или совпадение этих двух форм может быть лишь в том случае, если творительное дополнение и продуктивное подлежащее оба могли быть выражены архаической формой творительного и активного падежей, образуемой от одного и того же слова. Лишь в этом случае оба падежа могут совпасть по форме и быть поняты двояко: *Коч кулга тийгай* ‘Рубашку сшила рука’ ~ ‘Рубашку сшила рукой’ (субъект подразумевается). Такое смешение, однако, в ингушском литературном языке возможно только в отдельных случаях, так как архаическая форма от слов *кулг* ‘рука’, *ког* ‘нога’ употребляется в простом предложении обычно в значении творительного падежа, а при причастиях – обычно в значении активного падежа. Остается обследовать этот вопрос лишь в некоторых нагорных ингушских диалектах, в которых мы можем ожидать более частого употребления архаической формы активного и творительного падежей в том же виде, как оно сохранилось в чеченском языке. Но и в случаях такого совпадения ни в ингушском, ни в чеченском языке нельзя говорить об употреблении творительного дополнения в значении продуктивного подлежащего, а можно лишь установить факт совпадения форм продуктивного подлежащего и творительного дополнения в том случае, когда они оба выражаются архаической формой творительного и активного падежей.

Вещественное дополнение. Вещественное дополнение имеет в ингушском языке следующие значения: положения внутри вещества (независимо от того, обозначает ли оно нахождение внутри вещества, движение внутрь вещества или исход изнутри вещества), значение части целого, значение материала, из которого сделан предмет, значение предмета речи (т.е. лица или предмета, о котором идет речь), значение лица и предмета, пре-

восходимого по качеству (при передаче превосходной степени прилагательных), значение логического объекта при глаголах со значением “понимать, награждать, наказывать, вредить, обманывать”, значение объекта обмена, значение происхождения и т. д. Приведем примеры употребления вещественного дополнения.

1. Вещественное дополнение в значении положения внутри вещества.

Мука-дахка лаьтта бахаб.

Крот ушел в землю.

Мехдаьтта лаьтта доалл.

Нефть находится в земле.

Чий лаьтта бахар.

Стрела воткнулась в землю.

Текхарг Iургах хьаараваьлар.

Из норы выползла змея.

Дехкий цIенах деннад.

В доме завелись мыши.

Буквально: Мыши влезли в дом.

Примеры показывают, что одна и та же форма вещественного дополнения выражает три различные русские формы (различные падежи и предлоги), которые отвечают на вопросы: “где?, куда?, откуда?” Разница значения нахождения в веществе (русский вопрос *где?*), значения движения в вещество (русский вопрос *куда?*) и значения исхода из вещества (русский вопрос *откуда?*) придается ингушскому вещественному дополнению семантикой (значением) глагола-сказуемого.

Приведем еще примеры:

ХьуьнагIа || хьунах вахар колхозхо.

Колхозник пошел в лес.

Са когах кIарцхал дахар.

В мою ногу воткнулся шип.

Барцкъах паца летас.

В одежде завелась моль.

Буквально: Моль влестилась в одежду.

Дахчах цIи лотаеннай.

Дрова загорелись.

Буквально: Огонь вцепился в дрова.

Дулхах хъаж кхийттай.

Мясо воняет.

Буквально: Из мяса вонь бьет.

2. Вещественное дополнение в значении материала, из которого сделан предмет.

Дахчах даьи стол.

Стол, сделанный из дерева.

Коч кIадах яьй.

Рубашку сделали из хлопчатобумажной материи.

Кирбишкех цIенош ду.

Дома делают из кирпичей.

ТIовх вIов яьяр.

Боевую башню делали из камня.

Диг аьшках даь да.

Топор сделан из железа.

Дошох даьд сахьат.

Из золота сделаны часы.

Гидуарчаех даьтта доаккх.

Из подсолнечных семечек добывают масло.

Димех даьтта доал.

Из курдюка выходит сало.

Харбазах моз доал.

Из арбуза выходит мед.

3. Вещественное дополнение в значении предмета речи (лица, о котором идет речь).

Цу гIулакхах дийцар вай.

Мы разговаривали об этом деле.

Цунах яздыр оаха.

Мы написали о нем.

Оаха хийттара хьох.

Мы спрашивали о тебе.

Цунах жоп делар аз.

Я ответил касательно его.

Сох доацар дийцар цар.

Они болтали обо мне.

4. Вещественное дополнение в значении лица или предмета, превосходимого по качеству (при положительной и превосходной степени прилагательных):

Говрех дикагІяр ер я.

Из лошадей лучшая – вот эта.

Вежарех воккхагІвар ер ва.

Старший из братьев – вот этот.

Яртех йоккхагІяраш ераш я.

Самые крупные из селений – вот эти.

Пхьарех говзагІвар хьо ва.

Из мастеров самый искусный – это ты.

5. Вещественное дополнение в значении целого, из которого выделяется часть.

Хьаьших цхьабараш юхабийрзар.

Некоторые из гостей вернулись.

Из примеров, приведенных в пп. 4 и 5 мы видим, что вещественное дополнение вообще может иметь значение латинского *genetivus partitivus*, откуда развиваются оба приведенные выше значения.

6. Вещественное дополнение в значении логического объекта.

Цу гІулакхах кхийтар со.

Я понял это дело.

Цунах озалу со.

Я боюсь этого.

Я опасюсь этого.

Цунах тешаш ва из.

Он верит в него || ему.

Са сакхув цу гІулакхах.

Я понимаю в этом деле.

Я понимаю это дело.

Со шекваьннава цу сагах.

Я сомневаюсь в этом человеке.

7. Вещественное дополнение в значении объекта обмена.

Аз хъаэжкIаи хийцар кIих.

Я обменял кукурузу на пшеницу.

Аз говр хийцар беттача Iаттах.

Я обменял лошадь на дойную корову.

Аз иинарех бакъ хийцар.

Я обменял на нетель жеребенка.

Аз тIехкар хийцар сахъатах.

Я обменял пояс на часы.

8. Вещественное дополнение в значении происхождения или породы.

Ер говр черсий говраиша я.

Эта лошадь из породы кабардинских лошадей.

Из кIа эрсий кIих || кIиха да.

Эта пшеница из породы русских пшениц.

Са жIаи хъаэжйоахача жIалешха да.

Моя собака из (породы) ищеек.

Ер саг гIумкаиша ва.

Этот человек—из кумыков (кумыкского происхождения).

И кIант селашха ва.

Тот парень из тавлинов (тавлинского происхождения).

В данных примерах мы видим, что вещественное дополнение может иметь в окончании беглый гласный *-а*, который в ингушском языке не составляет особой разновидности вещественного падежа, так как этот гласный может появляться в окончании вещественного дополнения вообще во всех случаях, независимо от значения этой формы.

Особую разновидность, однако, ингушского вещественного дополнения представляет собой его форма с суффиксом *-гIа*. Этот суффикс является по своему происхождению лишь фонетической разновидностью обычного суффикса *-х*, *-ха*. Вещественное дополнение с суффиксом *-гIа* употребляется в значении обстоятельства места (см. ниже, стр. 220).

Список глаголов, при которых вещественное дополнение стоит в значении логического объекта и в близких ему значениях.

Лата (хъанах? сенах?) – прилепись, приклейся (к чему); заводись (в чем; например, о моли).

Кхиэта (хъанах? сенах?) – попади (во что); пойми (в чем, что).

Туоха (хъанах? сенах?) – стукнись, чокнись (обо что).

Хьякха (хъанах? сенах?) – помажь (по чему); дотронься (до чего).

Къахетамбиэ (хъанах? сенах?) – жалея (кого, что); оказывай помощь (кому, чему).

Акха (хъанах? сенах?) – отплати, отомсти (кому, чему); накажи, (кого, что).

Дуола (хъанах? сенах?) – уходи (внутрь чего); проникай, просачивайся (во что), пропитывай (что); привыкай (к кому, к чему).

Кхера (хъанах? сенах?) – бойся (кого, чего).

Лиэта (хъанах? сенах?) – приклеивайся, прилепляйся (к кому, к чему); дерись (с кем); загорайся, зажигайся (в ком, в чем).

Лиэла (хъанах? сенах?) – ходи, гуляй (сходно с кем, с чем; похоже на кого, на что).

Диэша (хъанах? сенах?) – читай (сходно с кем, с чем, похоже на кого, на что), читай (часть чего-нибудь, из чего-нибудь).

Тиэша (хъанах? сенах?) – верь (кому, чему, в кого, во что).

Кхиэта (хъанах? сенах?) – попади (во что); понимай (что, в чем); соединишь (с кем, с чем).

Къáста (хъанах? сенах?) – выделяйся (из чего), отделись (от кого, от чего).

Тоссалиэ (хъанах? сенах?) – прицепись (к кому, к чему), зацепись (за кого, за что).

Хьокхале (хъанах? сенах?) – касайся (кого, чего).

Дувца (хъанах? сенах?) – разговаривай (о ком, о чем).

Лакхарде (хъанах? сенах?) – болтай (о ком, о чем).

Ду (хъанах? сенах?) – происходит (от кого), рождается (от кого, самца).

Хоттале (хъанах? сенах?) – удлинйй путем присоединения (что); надставляй, надвязывай (что).

Кхиэ (хъанах? сенах?) – вырастай, расти (из чего), постигай, осознавай (что).

Местное дополнение. Местное дополнение в ингушском языке имеет форму одинаковую с обстоятельством места, так что во многих случаях трудно бывает установить различие между ними. Под местным дополнением в собственном смысле мы понимаем случаи употребления формы местного падежа не в пространственном значении, а к обстоятельствам места мы относим те формы местного падежа, которые имеют чисто пространственное значение. Местный падеж имени существительного в качестве местного дополнения употребляется в ингушском языке в следующих значениях: в значении логического субъекта в производно-переходном обороте и частью в производно-дательном, в значении второго объекта в переходно-побудительном обороте, в значении субъекта общения, т. е. лица, к которому обращена речь, при глаголах со значением “говорить” (во всех перечисленных случаях местное дополнение употребляется в основной форме местного падежа, т. е. в форме движения). Приведем примеры употребления местного падежа в качестве местного дополнения:

1. Местное дополнение в значении логического субъекта в производно-непереходном обороте:

Сога дика или язденнад.

Мне удалось написать хорошую песню.

Сога дика или язлу.

Я в состоянии написать хорошую песню.

Мне удастся написать хорошую песню.

Другие примеры см. производно-непереходный оборот (стр. 102).

2. Местное дополнение в значении второго объекта в переходно-побудительном обороте:

Хьехархоша дешархошка каст-касда дитант язъяйт.

Учителя заставляют учащихся (учеников) часто писать диктант.

Колхозникаша МТС-а машинашка оардийт шоай кIа.

Колхозники дают машинам МТС молотить свою пшеницу.

3. Местное дополнение в значении логического субъекта при глаголах второй группы в производно-непереходном обороте, образованном от дательного оборота:

Сога тоалу из гІулакх.

Я в состоянии уладить это дело.

Тхога, большевикашка, эшалу масса я а халонаш.

Мы, большевики, в состоянии преодолеть все трудности.

Сога кьоасталу из гІулакх.

Я в состоянии разобраться в этом деле.

Сога тоалу деха сахъат.

Я в состоянии поправить испорченные часы.

Авиациера эшалу ялтий зуламхой.

Авиация в состоянии уничтожить волевых (букв. хлебных) вредителей.

Из примеров видно, что при глаголах-сказуемых второй группы, требующих при себе дательного субъекта, в том случае, когда от них образуется производно-дательный оборот (по значению: производно-непереходный), в качестве логического субъекта употребляется местное дополнение. При первой же группе этих глаголов для выражения логического субъекта употребляется дательное дополнение (см. стр. 153).

4. Местное дополнение в значении субъекта общения при глаголах со значением "говорить".

Сога ала.

Скажи мне.

Цо сога хьтттар.

Он спросил меня.

Цо хьога яьхар.

Он говорил тебе.

Цар сога хьох хабар дийцар.

Они болтали мне о тебе.

Цо сога жон даланзар.

Он мне не ответил.

Остальные значения местного падежа см. ниже (обстоятельство места, стр. 194).

Сравнительное дополнение. Сравнительное дополнение употребляется в ингушском языке в следующих случаях: в значении лица или предмета, превосходимого по качеству (при прилагательном или наречии, которое выражает сравнительную степень), в значении логического объекта при глаголах со значением “побеждать, превосходить, опережать” и др. Кроме того, сравнительное дополнение употребляется также в значении обстоятельства места (см. стр. 221). Следующие примеры показывают употребление сравнительного дополнения.

1. Сравнительное дополнение в значении лица или предмета, превосходимого по качеству:

Са говр цу говрал дикагIа я.
Моя лошадь лучше той лошади.

Из саг цу сагал воккхагIа ва.
Этот человек старше || больше того человека.

Хьамида Махьмудал дикагIа яздаьд.
Хамид написал лучше Махмуда.

Со хьол гавнагIа кхоссавеннав.
Я дальше тебя прыгнул.

2. Сравнительное дополнение в значении логического объекта при глаголах со значением “побеждать, превосходить, опережать” и др.

Са говр хьа говрал теннай.
Моя лошадь победила (в состязании) || превзошла (в работе) твою лошадь.

КIай эскар ЦIеча Эскарал ийшар || ийшадар.
Белая армия была побеждена Красной Армией.

Тха бригада шун бригадал хьалхаяьннай.
Наша бригада опередила вашу бригаду.

Шун колхоз тха колхозал тIехьайисай.
Ваш колхоз остался позади нашего колхоза.

3. Сравнительное дополнение в производной форме сравнительного падежа в значении точного совпадения двух предметов по величине:

Са бакь хьа баккьал я.
Мой жеребенок ростом с твоего жеребенка.

Мой жеребенок по росту так же велик, как твой.

Цун воI хъа воIал ва.

Его сын ростом с твоего сына.

Его сын по величине такой же, как твой.

Тха юрт шуи юьрттал я.

Наше селение величиной с ваше селение.

Наше селение по величине такое же, как ваше селение.

Из бакъ хъачулла я.

Тот жеребенок ростом с твоего.

Из примеров видно, что эта производная форма сравнительного падежа отличается от основной разновидности удвоением согласного в основе или, как в последнем примере, удвоением согласного -л- в окончании падежа. Удвоение согласной основы представляет собой своеобразный случай флексии основ, служащей для выражения формы падежа. Несомненно, что эта форма сравнительного падежа образуется от основной, но, в отличие от чеченского языка, в котором эта форма представлена двумя разновидностями – с удвоением согласного в основе и с удвоением согласного в суффиксе – в ингушском языке мы имеем собственно лишь одну производную форму этого падежа в одной разновидности. В литературном языке эта производная форма употребляется сравнительно редко, но сохраняется еще в живой народной речи.

Список лаголов, при которых объект стоит в сравнительном падеже.

Туола (хъанал? сенал?) – победи, превзойди (кого, что).

Иэша (хъанал? сенал?) – будь побежденным (кем, чем), уступи (кому, чему)

ХъалхъаЯла (хъанал? сенал?) – опереди (кого, что).

Тпехъайиса (хъанал? сенал?) – отстань (от кого, от чего), опоздай (к кому, к чему).

Йоккха хила (хъанал? сенал?) – увеличься, постарей (по сравнению с кем, с чем),

ЗIамиглиэ (хъанал? сенал?) – уменьшись, помолодей (по сравнению с кем, с чем)..

<i>Къалиэ</i> (хъанал? сенал?) кем).	– постарей (по сравнению с кем).
<i>Къонлиэ</i> (хъанал? сенал?) с кем).	– помолодей (по сравнению с кем).
<i>Циинлиэ</i> (хъанал? сенал?) (кого, чего).	– стань наряднее, красивее
<i>Тишилиэ</i> (хъанал? сенал?) чего).	– стань изношеннее (кого, чего).
<i>Ярста</i> (хъанал? сенал?)	– стань жирнее (кого, чего).
<i>Геллиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань худее (кого, чего).
<i>Лакхлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань выше (кого, чего).
<i>КІаьдліэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань мягче (кого, чего).
<i>Хозлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань краснее (кого, чего).
<i>Цийлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань краснее (кого, чего).
<i>ЧоагІлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань крепче (кого, чего).
<i>Хийрлиэ</i> (хъанал? сенал?) кого, чего).	– разохнись, разойдись (от кого, чего).
<i>Нийслиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань прямее (кого, чего).
<i>ЙІаьхлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань длиннее (кого, чего).
<i>Лоацлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань короче (кого, чего).
<i>Йокъалиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань суше (кого, чего).
<i>КІайлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань блее (кого, чего).
<i>Іаьржлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань чернее (кого, чего).
<i>Сийлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань синее (кого, чего).
<i>ІажгаІлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань желтее (кого, чего).
<i>Моакхлиэ</i> (хъанал? сенал?) го).	– стань коричневе (кого, чего).
<i>Къоарзлиэ</i> (хъанал? сенал?) чего).	– стань пестрее, рябее (кого, чего).
<i>КІомлиэ</i> (хъанал? сенал?) чего).	– стань острее на вкус (кого, чего).
<i>Йиткълиэ</i> (хъанал? сенал?) ности кого, чего).	– стань тоньше (в окружении кого, чего).

<i>Сомлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань толще (кого, чего).
<i>Шерлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань шире (кого, чего).
<i>Готтлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань уже (кого, чего).
<i>Дирлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань солонее (кого, чего).
<i>Тезлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань преснее (кого, чего).
<i>Мистлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань кислее (кого, чего).
<i>Мерзлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань слаще (кого, чего).
<i>Къахълиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань горше (кого, чего).
<i>Йикълиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань гуще (кого, чего).
<i>Коачлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань жиже (кого, чего).
<i>Сихлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань быстрее (кого, чего).
<i>Меллиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань слабее, стань теплее (кого, чего).
<i>Очъяла</i> (хъанал? сенал?)	– стань взбешенней (кого, чего).
<i>Цецъяла</i> (хъанал? сенал?)	– стань изумленной (кого, чего), стань растерянной от удивления (кого, чего)
<i>Ирлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань острее (кого, чего).
<i>АьрхИлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань тупее (кого, чего).
<i>ЙПохлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань горячее (кого, чего).
<i>Шеллиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань холоднее (кого, чего), стань более остывшим (чем кто, что).
<i>Шаьрлиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань глаже (кого, чего), стань более разглаженным (чем что).
<i>Шозглиэ</i> (хъанал? сенал?)	– стань шероховатее (чего).
<i>Хъаьръяла</i> (хъанал? сенал?)	– стань помешанней, задорнее (кого, чего).
<i>Кураяла</i> (хъанал? сенал?)	– стань более гордым (кого, чего).
<i>КорзагІяла</i> (хъанал? сенал?)	– стань взбешенней (кого, чего), стань разъяренной (кого, чего).
<i>Акхаяла</i> (хъанал? сенал?)	– стань более диким (чем кто, что).

Тоалиэ (хъанал? сенал?) – стань более поправившимся (чем кто, что), стань налаженное (кого, чего).

Мецлиэ (хъанал? сенал?) – стань более голодным (чем кто, что).

ГПоръяла (хъанал? сенал?) – стань известней (кого, чего), стань знаменитей (кого, чего).

Тпехъяла (хъанал? сенал?) – стань чрезмернее (кого, чего), пройди дальше (кого, чего) (о поезде).

Кхорзалиэ (хъанал? сенал?) – стань более тушеным (чем что – о мясе), стань более обжаренным, более высушенным на огне (чем что – о кукурузе).

Йопталиэ (хъанал? сенал?) – стань более пропеченным, прожаренным (чем что – о чуреке, о мясе – в масле или на огне).

Ювлалиэ (хъанал? сенал?) – стань туже, стань более закрученной (чем что – о пружине), стань более взведенным (чем что – о курке ружья).

Ккхалиэ (хъанал? сенал?) – стань яснее (кого, чего).

Кхералиэ (хъанал? сенал?) – стань испуганнее (кого, чего).

Майраяла (хъанал? сенал?) – стань храбрее (кого, чего).

Пельяла (хъанал? сенал?) – стань неналаженнее (кого, чего).

Цпенлиэ (хъанал? сенал?) – стань чище (кого, чего).

Бпехлиэ (хъанал? сенал?) – стань грязнее (кого, чего).

Буогаръяла (хъанал? сенал?) – стань покоробленнее (чего).

Косвенные дополнения с послелогам. Косвенные дополнения в ингушском языке бывают также с послелогам. Ингушские послелогам могут употребляться не только с косвенными падежами, но и с именительным падежом. При синтаксическом разборе, однако, мы должны считать всякое склоняемое слово с послелогом, в каком бы падеже это слово ни стояло, косвенным дополнением. При таком разборе послелог за самостоятельный член предложения не считается. Приведем примеры:

Истола тIа гата тессар аз.

Я накрыл стол скатертью.

Буквально: Я уронил на стол скатерть.

Истола тIара гата диттар аз.
Я выстирал скатерть со || от стола.

Истола тIагIолла газеташ дехкар аз.
Я положил газеты на стол.
Буквально: Я разложил газеты по столу.

Истола тIехь мел дола хIама хъайицар аз.
Я взял || забрал все что на столе.

В этих примерах мы имеем косвенное дополнение с различными формами послелогога *тIа* 'на, сверху на'.

Отар кIал ворда оттаийр оаха.
Мы поставили арбу под сарай || в сарай.

Отар кIалхара ворда хъайоалийр цо.
Он выкатил арбу из-под сарая || из сарая.

Отар РагIу кIалгIолла хъажкIини оаржайир цар.
Они разложили || рассыпали кукурузу по сараю.

Отар кIалха дахча даьккхар цо.
Он распилил ||разрубил дрова под сараем || в сарае.

В вышеприведенных примерах косвенное дополнение употребляется с послелогогом *кIал* 'под' в различных его формах.

Хи чу цхарал тессар оаха.
Мы расставили сеть в реке.
Хи чура чкъаьрий даьхара оаха.
Мы вытащили рыб из реки.

Хи чугIолла цхарал токхабир оаха.
Мы протянули сеть через реку.

Хи чухь мел бола чкъаьра баьккар оаха.
Мы вытащили всех рыб, которые были в реке.

В этих примерах косвенное дополнение стоит с послелогогом *чу* 'в, внутри' в различных его формах.

Сона улув кIаьнк хоавир цо.
Он посадил парня возле меня.

Сона улувра кIаьнк дIавигар цо.
Он увел парня от меня.
Буквально: Он отвел парня от-возле меня.

Тхона улувгЮлла нускал дигар цар.

Они провезли невесту мимо нас.

Разумеется, здесь приведены примеры лишь на употребление некоторых ингушских послелогов. В ингушском языке послелогги могут употребляться с именительным, родительным и дательным падежами. Подробный перечень ингушских послелогов с указанием падежей, с которыми они употребляются, мы приводим ниже (стр. 213).

Родительное (притяжательное) дополнение при дополняемом и определение при определяемом. Родительное дополнение, не входящее в прямую связь слов в предложении и связанное со своим дополняемым, мы называем притяжательным дополнением. Качественное определение в ингушском языке выражается обычно качественным прилагательным и в этом случае определение имеет форму, вполне разграниченную от родительного дополнения. Приведем примеры:

Дика говр.

Хорошая лошадь.

Сийна буц.

Зеленая (синяя) трава.

ЧЮагIа саг.

Сильный человек.

ЦIе байракх.

Красное знамя.

Хоза йоI.

Красивая девушка.

Атта болх.

Легкая работа.

В противоположность этому относительное определение и притяжательное дополнение оставались до сих пор в ингушском языке неразграниченными, недифференцированными. Относительные определения, выражающие материал, принадлежность и т. д., имеют в ингушском языке форму родительного падежа и представляют собой в современном языке относительные прилагательные. Ту же форму родительного падежа имеет и притяжательное дополнение, стоящее при дополняемом. Например:

Говра ког.

Нога лошади.
Лошадиная нога.

Говрий когаи.
Ноги лошадей.
Лошадиные ноги.

Колхоза ялтаи || ялатаи.
Хлеба колхоза.
Колхозные хлеба.

Колхозий ялтаи || ялатаи.
Хлеба колхозов.
Колхозные хлеба.

Школан отдел.
Отдел школы. Школьный отдел.

Школай отдел.
Отдел школ.
Школьный отдел.

Социализман боахам.
Хозяйство социализма.
Социалистическое хозяйство и т.д.

Из примеров видно, что и притяжательное дополнение и носительное определение передаются в ингушском языке одной и той же формой родительного падежа как единственного, так и множественного числа. Это не может не служить поводом для путаницы и неточности выражений. Например:

Коммунизман революци
может было понять и как:
Революция коммунизма
и как: Коммунистическая революция,

где первое значение совершенно искажает политическое содержание этого термина.

Коммунистий революци.
Революция коммунистов.
Коммунистическая революция,

где первое понимание опять-таки искажает содержание термина.

В связи с непригодностью и неразвитостью такого способа передачи прилагательных переход чечено-ингушской письменности с латинского алфавита на русский позволил обогатить ингушский литературный язык оформленными относительными прилагательными для выражения общественно-политических и научных терминов. В настоящее время в ингушском литературном языке уже прививаются относительные прилагательные с русскими и интернациональными суффиксами *-ной*, *-ни*, *-ски*, *-ически*, *-истеки*. Таким образом, при передаче общественно-политических и научных терминов сейчас имеется полная возможность разграничить родительное дополнение и относительное определение:

Колхозни книжка.

Колхозная книжка.

Колхоза боахам.

Хозяйство (одного) колхоза.

Колхозий боахам.

Хозяйство колхозов.

Колхозни боахам.

Колхозное хозяйство.

Социализман никъ.

Путь социализма.

Социалистически никъ.

Социалистический путь.

Коммунистически революци.

Коммунистическая революция.

Коммунистий собрани.

Собрание коммунистов.

Коммуниста вахар.

Жизнь коммуниста.

Коммунизман никъ.

Путь коммунизма.

Введение русских и интернациональных суффиксов относительных прилагательных несомненно значительно обогатило ингушский литературный язык и дает сейчас возможность выражать общественно-политические и научные понятия с боль-

шей точностью. Однако этим не решаются еще все трудности в вопросе о разграничении относительного определения и притяжательного дополнения. Относительные определения (относительные прилагательные, имеющие форму родительного падежа) и притяжательные дополнения, представляющие собой родительный падеж ингушских имен существительных, остаются еще неразграниченными. В народном языке еще до Великой Октябрьской социалистической революции употреблялся родительный падеж множественного числа преимущественно в значении относительного определения (прилагательного), а родительный падеж единственного числа – преимущественно в значении притяжательного дополнения, как это видно из следующих примеров:

Нохчий тепча.

Чеченский пистолет.

т. е. кремневый пистолет.

Нохчочун тепча.

Пистолет (одного) чеченца.

Черсий говр.

Кабардинская лошадь.

Лошадь кабардинской породы.

Черсечун говр.

Лошадь кабардинца.

Иаьндий верта.

Андийская бурка.

Иаьндечун верта.

Бурка андийца.

Селий маша.

Лезгинское сукно.

І Іазаххий || эрсий маькх.

Русский хлеб (т. е. хлеб на дрожжах).

Бежа даьтта.

Коровье масло.

Чкъаьрий даьтта.

Рыбий жир.

Чкъаьран даьтта.

Жир рыбы.

Боалий кисель || мистал.

Вишневый кисель.

Комсий чхьагIар.

Виноградное вино.

Комсий га.

Виноградная лоза.

Кирпишкий цIа.

Кирпичный дом.

ЦIилеторгий ботт.

Спичечная коробка.

ЦIилеторга корта.

Головка спички.

Однако и в народном языке в отдельных случаях это разграничение яе было доведено до конца.

Наряду с

Комсий га.

говорят также

Комса га.

Виноградная лоза.

что может значить также и

Лоза винограда (вообще).

(Отдельная) лоза винограда.

Лампай сердал.

Ламповый свет.

Свет лампы (вообще).

Лампа сердал.

Свет (отдельной) лампы.

Жан нахча.

Овечий сыр.

В последнем примере слово *жан* представляет собой по форме родительный падеж единственного числа от слова *жа* 'отара овец', но имеет значение родительного падежа множественного числа, так как выражает собирательное понятие, родительный падеж множественного числа отсутствует.

Некоторые грамматисты пытались ввести в чеченский и ингушский языки согласование относительного определения со своим определяемым в числе по образцу русского языка. Так, они хотели установить следующее правило: относительное определение следует ставить в родительном падеже единственного числа в том случае, если определяемое стоит в единственном числе, и определение должно иметь форму родительного падежа множественного числа в том случае, если определяемое стоит во множественном числе. Однако такого ограничения, конечно, не знает ни живой народный, ни современный литературный язык, поэтому его надо отбросить как надуманное, искусственное и неправильное. По этому правилу можно было бы сказать только: *Говра ког* 'лошадиная нога; нога отдельной лошади'; *Говрий когаи* 'лошадиные ноги; ноги лошадей', но нельзя было бы говорить *Говра когаи* 'ноги (одной) лошади'. Нет нужды говорить, что введение такого правила еще более ограничило бы и без того ограниченные возможности ингушского языка выражать относительное определение и притяжательное дополнение.

Используя опыт живого народного языка в основном следовало бы придерживаться нижеследующих правил употребления относительных прилагательных в ингушском литературном языке: родительный падеж имени в единственном числе выражает притяжательное дополнение в единственном числе, а родительный падеж имени во множественном числе выражает определение при определяемом или притяжательное дополнение во множественном числе. По этому правилу мы можем разграничить следующие формы:

Говра ког.

Нога (одной отдельной) лошади.

Говра когаи.

Ноги (одной отдельной) лошади.

Говрий ког.

Лошадиная нога.

Говрий когаи.

Ноги лошадей.

Лошадиные ноги.

Колхоза говр.

Лошадь (одного отдельного) колхоза.

Колхоза говраш.

Лошади (одного отдельного) колхоза.

Колхозий говр.

Колхозная лошадь.

Колхозий говраш.

Колхозные лошади.

Лошади колхозов.

Такое разграничение вполне соответствует законам развития ингушского языка, наметившимся еще в живой народной речи. Правда, при этом остаются еще неразграниченными понятия “нога лошади вообще” и “нога одной отдельной лошади”, “ноги лошадей” и “лошадиные ноги”. Разграничение понятий “нога лошади вообще” и “нога отдельной лошади”, т. е. разграничение общего и отдельного, может быть достигнуто уже путем прибавления указательных местоимений или определено общим смыслом речи, вытекающим из связи предложений в контексте. Так, *Уж колхоза боахам* ‘хозяйство этого отдельного колхоза’ выражает принадлежность отдельного понятия, а выражение *Колхоза боахам* в статье, говорящей о колхозном строительстве вообще, конечно, будет выражать “хозяйство колхоза вообще”, “колхозное хозяйство”.

Итак, в ингушском языке следует строго различать качественное и относительное определение. Качественное определение вполне разграничено с притяжательным дополнением, так как оно представляет собой форму ингушского качественного прилагательного – форму, не совпадающую с родительным падежом. Правда, качественное определение может совпадать по форме с качественным обстоятельством (обстоятельством образа действия). Однако качественное определение и обстоятельство образа действия легко отличить друг от друга по связи слов: качественное определение стоит перед определяемым (не сказуемым), качественное же обстоятельство всегда относится непосредственно к глаголу-сказуемому (или к соответствующей отглагольной форме). В противоположность этому, притяжательное имеет форму родительного падежа и легко может быть смешано с самостоятельным родительным дополнением. Различие между ними заключается в том, что притяжательное дополнение стоит перед дополняемым, а самостоятельное родительное дополнение имеет непосредственную связь с глаголом-сказуемым. Кроме того, качественное определение может приобретать

значение степеней сравнения, притяжательное же дополнение и относительное определение не могут иметь этого значения.

Относительное определение, в противоположность качественному, в большинстве случаев и сейчас не отличается от притяжательного дополнения. Исключение из этого правила составляют лишь относительные определения (относительные прилагательные), усвоенные из русского языка вместе с русскими суффиксами прилагательного (см. выше, стр. 178), а также ингушские относительные прилагательные с суффиксами *-ра*, *-из*, *-е* и др. (см. ниже). В остальных случаях ингушское относительное определение совпадает по форме с ингушским притяжательным дополнением. Для того, чтобы хоть частично разграничить эти две синтаксические категории, необходимо для выражения относительного определения принять форму родительного падежа множественного числа, а для выражения притяжательного дополнения – форму родительного падежа единственного числа. Введение этого простого правила явилось бы несомненным шагом вперед в деле развития ингушского литературного языка.

Приведем еще случаи других способов оформления ингушских относительных определений (относительных прилагательных). Кроме формы родительного падежа для передачи ингушских относительных определений в ингушском языке употребляются также некоторые формы местного падежа (исходная, основная и т.д.).

Для выражения относительного определения чаще всего употребляется исходная форма местного падежа с суффиксом *-ра*. Образуется она, главным образом, от тех имен существительных и наречий, которые имеют или исторически имели пространственное значение.

Оформленное определение с суффиксом *-ра*
(по происхождению исходная форма местного падежа).

Хьалхара кIант. – Первый парень, передовой парень.

Хьалхара зама. – Прежнее время, старые времена.

Тлехьара бутт. – Последний месяц.

Тлехьара говр. – Последняя лошадь, последняя из лошадей.

Юкьара боахам. – Общее хозяйство.

Йистера тІулг. – Крайний камень.

Укхазара бераш. – Здешние ребята.

Хьаллара саг. – Вон тот человек, там находящийся человек.

Цигара нах. – Тамошние люди, тамошний народ.

Лоамара говр. – Горная лошадь.

Арара дахча. – Дрова, находящиеся во дворе.

Чура || цІагІара дахча. – Дрова, находящиеся в помещении.

Чура || цІагІара поартал. – Домашняя обстановка.

КІалхара гІанд. – Стул, на котором кто-либо сидит.

Буквально: под низом (находящийся) стул.

Лакхера Совет. – Верховный Совет.

В речи употребляются оформленные относительные определения, имеющие основную форму местного падежа (суффикс *-из*, *-е*, *-га*), например:

Оформленное определение с суффиксом *-из*
(основная форма местного падежа).

Сакъердаме ловзар. – Веселое гулянье, веселая гулянка.

Безаме саг. – Приветливый, привлекательный человек.

ГІаре моттиг. – Шумное место.

Беркате боахам. – Изобильное хозяйство.

Къахъегаме гІулакх. – Трудовое дело.

Тешаме саг. – Надежный человек, человек, заслуживающий доверия.

Кхераме гІулакх. – Опасное дело, опасное занятие.

Ший лоІаме саг. – Самостоятельный человек.

Безамиз говр. – Привлекательная лошадь.

Следует отметить, что в ингушском языке, в отличие от чеченского, нет относительных определений в форме пребывания (чеченский суффикс *-ехь*, *-гахь*, одна из производных форм местного падежа), так как в ингушском эта форма местного падежа совпадает с основной его формой.

В отдельных случаях попадают и иные способы выражения относительных определений, например, творительно-сопроводительный падеж имени существительного:

Гулакхада саг.

Выдержанный человек.

Кроме вышеперечисленных форм относительных определений в ингушском языке в некоторых случаях употребляется неформленное относительное определение. Этот вид определения чаще употребляется в новообразованиях, т.е. во вновь образованных словах. Происхождение этой формы может объясняться двояко, она представляет собой или остаток исторически существовавшего в ингушском языке настоящего неформленного определения, остаток аморфной эпохи развития речи, или простое сокращение формы родительного падежа, от которой отпал конечный гласный. Развитие неформленного определения во вновь образованных словах объясняется, очевидно, усвоением в ингушском литературном языке многих сложно-сокращенных слов советской эпохи из русского языка. Под влиянием этих слов могло возникать отпадение конечного гласного в падежных окончаниях и затем слияние такого сокращенного относительного определения со своим определяемым в одно слово-понятие (см. примеры ниже). Наряду с этим, однако, мы должны допустить, что уже в архаических формах ингушского языка существовало неформленное относительное определение. Приведем примеры на неформленные и сокращенные относительные определения в ингушском языке.

Неформленное

Сокращенное

Относительное определение

Тюникъ. – Шоссе, мостовая.

Церпошт. – Поезд.

Буквально: Каменная дорога.

Буквально: Огневая почта.

Машишникъ. – Железная дорога.

Бешлоам. – Снеговой хребет.

Буквально: Дорога для машины.

Буквально: Тающая гора.

«*Ленин шкъ.*». – «Ленинский путь»
(название газеты).

Юртсовет. – Сельсовет.

Бешлоам корта. – Казбек.

Буквально: Вершина тающей горы.

Жа нахча. – Овечий сыр.

Некоторые из примеров, помещенных в левом столбце, можно употреблять и в оформленном виде, т.е. с относительным определением в форме родительного падежа, например, *машина никъ, Ленина никъ, жан нахча*. В слове же *тIоникъ* относительное определение, превратившись в первую часть сложной основы *тIо*, представляет собой несомненный именительно-винительный падеж единственного числа, но в значении множественного числа – “камни”. Точно так же *беишоам* представляет собой именительно-винительный падеж. Именительно-винительный падеж в ингушском языке представляет собой по происхождению неоформленную основу.

В правом столбце *юртсовет* является сложно-сокращенным словом, образованным по образцу русского *сельсовет*.

Согласование определения с определяемым. Качественное определение, выраженное качественным прилагательным, стоит обычно в ингушском языке перед своим определяемым, оно согласуется с определяемым в падеже, но это согласование имеет свои особенности. Подавляющее большинство ингушских качественных прилагательных вообще не имеет согласования со своим определяемым в классе (роде), но, находясь впереди своего определяемого, качественное прилагательное склоняется по особому несамостоятельному склонению, которое вообще можно было бы назвать “слабым” склонением. В этом случае качественное прилагательное не имеет формы множественного числа и для всех косвенных падежей принимает лишь одну общую форму с суффиксом *-ча*. Следовательно, несамостоятельное склонение качественного прилагательного имеет лишь две падежные формы: прямую – именительно-винительный падеж, и косвенную – общую для всех косвенных падежей обоих чисел.

Согласование качественного определения
с определяемым в падеже
(несамостоятельное склонение качественного прилагательного).

Единственное число

Падежи:

Именительно-винительный	<i>Дика говр</i> ‘хорошая лошадь’.
Родительный	<i>Дикача говра.</i>
Дательный	<i>Дикача говра.</i>
Активный	<i>Дикача говро.</i>
Творительный	<i>Дикача говраца.</i>

Вещественный	<i>Дикача говрах.</i>
Местный (основная форма)	<i>Дикача говрага.</i>
Сравнительный	<i>Дикача говрал.</i>

Множественное число

Именительно-винительный	<i>Дика говраш.</i>
Родительный	<i>Дикача говрий.</i>
Дательный	<i>Дикача говрашта.</i>
Активный	<i>Дикача говраша.</i>
Творительный	<i>Дикача говрашца.</i>
Вещественный	<i>Дикача говрех.</i>
Местный (основная форма)	<i>Дикача говрашка.</i>
Сравнительный	<i>Дикача говрел.</i>

Качественное определение (прилагательное) может стоять и после своего определяемого. В этом случае оно приобретает самостоятельное склонение, т. е. такое, в котором все падежные формы оформлены специальными суффиксами. Такое же склонение приобретает качественное прилагательное и в том случае, когда оно употребляется в предложении самостоятельно (в виде самостоятельного члена предложения). Приложение, выраженное качественным прилагательным, таким образом, полностью согласуется со своим определяемым как в падеже, так и в числе.

Согласование качественного приложения
со своим определяемым в падеже и числе
(самостоятельное склонение прилагательного).

Единственное число

Падежи.

Именительно-винительный	<i>Говр, дикаяр 'лошадь хорошая'.</i>
Родительный	<i>Говра, дикачун.</i>
Дательный	<i>Говра, дикачунна.</i>
Активный	<i>Говро, дикачо.</i>
Творительный	<i>Говраца, дикачунца.</i>
Вещественный	<i>Говрах, дикачунах.</i>
Местный (основная форма)	<i>Говрах, дикачунга.</i>
Сравнительный	<i>Говрал, дикачул.</i>

Множественное число

Именительно-винительный	<i>Говраш, дикаяраш.</i>
Родительный	<i>Говрий, дикаярий дикачар.</i>
Дательный	<i>Говрашта, дикаярашта дикачарна.</i>

Активный	<i>Говроиша, дикаяраиша дикачар.</i>
Творительный	<i>Говраица, дикаяраица дикачарца.</i>
Вещественный	<i>Говрех, дикаярех дикачарех.</i>
Местный (основная форма)	<i>Говраиша, дикаяраиша дикачарга.</i>
Сравнительный	<i>Говрел, диакярел дикачарел.</i>

Незначительное количество качественных прилагательных имеет согласование со своим определяемым в классе (роде). Это согласование сохраняет свою силу независимо от того, стоит ли качественное определение перед своим определяемым или в качестве приложения — после него, или, наконец, употребляется самостоятельно (в последнем случае самостоятельное прилагательное согласуется в классе со своим подразумеваемым, мысленным определяемым). Качественных прилагательных, которые имеют изменение по классу, в ингушском языке немного — всего около полутора десятков, но в их число входят самые ходовые качественные определения, как “большой”, “дорогой”, “длинный”, “дешевый” и т. д. Благодаря этому случаи согласования определений с определяемым по классу в ингушской речи довольно часты. Приведем перечень наиболее часто встречающихся в речи ингушских качественных прилагательных, которые имеют со своим определяемым согласование по классу (это согласование, как и согласование ингушского глагола, выражается особым классным префиксом, состоящим из одного согласного звука или полугласного *й*):

Список наиболее употребительных качественных прилагательных, изменяющихся по грамматическим классам
(в основу взята форма III-го класса с префиксом *й*).

<i>Йоккха.</i>	— большой, старый
<i>ЙИайха.</i>	— теплый
<i>ЙИаьха</i>	— длинный
<i>Еза.</i>	— дорогой, тяжелый
<i>Яй.</i>	— легкий, дешевый
<i>Екъя.</i>	— сухой
<i>Ерста.</i>	— жирный
<i>Йиза.</i>	— сытый

Последние три прилагательных из вышеприведенных имеют отглагольное происхождение.

Йиткъа. – тонкий

Ясса. – пустой, порожний

Примеры на согласование качественных прилагательных по классу:

Воккха саг. – большой человек; старый человек, старик.

Йоккха сесаг. – большая женщина; старая женщина, старуха.

Йоккха говр. – большая лошадь; старая лошадь.

Доккха дахча. – большое дерево; большие дрова.

Боккха уст. – большой бык; старый бык.

Доккхий шерч. – большие быки.

Два качественных прилагательных имеют неправильное образование множественного числа. Сюда относятся *йоккха* ‘большой, старый’ и *Замига* ‘маленький, малый’. Неправильное множественное число образуется с помощью суффикса *-ий*:

Йоккха говр. – большая лошадь

Йоккхий говраш – большие лошади

Замига кIавнк – маленький мальчик

Кегий бераш – маленькие дети

Скажем теперь несколько слов о согласовании относительных определений (относительных прилагательных) со своими определяемыми. Относительные прилагательные, как было указано выше, выражаются в ингушском языке формой родительного падежа. Однако эта форма в случае относительного прилагательного отличается тем, что от нее может образовываться самостоятельная форма относительного прилагательного по тем же правилам, что и для качественных прилагательных. Поэтому мы считаем, что относительное прилагательное в ингушском языке, как и в чеченском, представляет собой уже настоящую форму прилагательного, в которой окончание родительного падежа является словообразовательным суффиксом, исторически происходящим от окончания родительного падежа.

Относительные прилагательные с суффиксом родительного падежа не имеют согласования со своим определяемым ни в падеже, ни в числе в том случае, когда они стоят перед своим определяемым. В обоих числах и во всех падежах они сохраняют одну единственную общую форму. Связь между определением и определяемым выражается в этом случае исключительно порядком слов: постановкой относительного определения перед своим определяемым. В том случае, когда относительное определение употребляется в качестве относительного приложения (а также в случае самостоятельного употребления относительного прилагательного), оно принимает обычную форму самостоятельного прилагательного и приобретает полное изменение по падежам и числам:

Согласование относительного определения с определяемым
(Относительное прилагательное в несамостоятельной форме)

Единственное число

Падежи:

Именительно-винительный	<i>Эрсий маькх</i> 'русский хлеб' (т.е. хлеб на дрожжах).
Родительный	<i>Эрсий маькха.</i>
Дательный	<i>Эрсий маькхă.</i>
Активный	<i>Эрский маькхо.</i>
Творительный	<i>Эрсий маькхаци.</i>
Вещественный	<i>Эрсий маькхах.</i>
Местный (основная форма)	<i>Эрсий маькхага.</i>
Сравнительный	<i>Эрсий маькхал.</i>

Множественное число

Именительно-винительный	<i>Эрсий маькхаш.</i>
Родительный	<i>Эрсий маькхий.</i>
Дательный	<i>Эрсий маькхашита.</i>
Активный	<i>Эрсий маькхаша.</i>
Творительный	<i>Эрсий маькхашца.</i>
Вещественный	<i>Эрсий маькхех.</i>
Местный (основная форма)	<i>Эрсий маькхашка.</i>
Сравнительный	<i>Эрсий маькхел.</i>

Согласование относительного приложения
со своим определяемым в падеже и числе
(Относительное прилагательное в самостоятельной форме)

Единственное число

Падежи.

Именительно-винительный	<i>Маькх, эрсийяр</i> 'хлеб, русский'.
Родительный	<i>Маькха, эрсийчун.</i>
Дательный	<i>Маькхэ, эрсийчунна.</i>
Активный	<i>Маькхо, эрсийчо.</i>
Творительный	<i>Маькхаца, эрсийчунца.</i>
Вещественный	<i>Маькхах, эрсийчунах.</i>
Местный (основная форма)	<i>Маькхага, эрсийчунга.</i>
Сравнительный	<i>Маькхал, эрсийчул.</i>

Множественное число

Именительно-винительный	<i>Маькхааш, эрсийяраш.</i>
Родительный	<i>Маькхий, эрсийярий эрсийчар.</i>
Дательный	<i>Маькхаашта, эрсийяраашта эрсийчарна.</i>
Активный	<i>Маькхааша, эрсийяраша эрсийчар.</i>
Творительный	<i>Маькхаашца, эрсийярашца эрсийчарца.</i>
Вещественный	<i>Маькхех, эрсийярех эрсийчарех.</i>
Местный (основная форма)	<i>Маькхаашика, эрсийярашика эрсийчарга.</i>
Сравнительный	<i>Маькхел, эрсийярел эрсийчарел.</i>

Приведем несколько примеров на употребление самостоятельной формы относительных прилагательных в предложениях:

Маькх, эрсийяр, дика хул.
Хлеб, русский, бывает хорош.

Ер маькх – эрсийяр я.
Этот хлеб – русский (есть).

Маькхааш, эрсийяраш, дика хул.
Хлебы, русские, бывают хороши.

Ер маькхааш – эрсияраш я.
Эти хлебы – русские (есть).

Относительные определения имеют изменение по классам в том случае, если они образованы от глагола, изменяемого по классам (например, от его масдара). В этом случае они согласуются в классе по правилам согласования отглагольных образований (т. е. переходные отглагольные образования согласуются с прямым дополнением, а непереходные – с подлежащими).

Относительные прилагательные, имеющие одну из форм местного падежа (с суффиксом *-ра* или *-из*, см. выше, стр. 182), согласуются со своим определяемым по образцу качественных прилагательных. В несамостоятельной форме они подобно в качественным прилагательным имеют одно общее окончание *-ча* для всех косвенных падежей и одну общую форму числа. В самостоятельной же форме или в виде приложения эти прилагательные приобретают полное склонение с общими для всех самостоятельных прилагательных падежными окончаниями.

Согласование относительных прилагательных, имеющих форму местного падежа.

	Единственное число	Множественное число
Именительный	<i>Безаме говр.</i> 'привлекательная лошадь'.	<i>Безаме говраш.</i>
Родительный	<i>Безамеча говра.</i>	<i>Безамеча говрий.</i>
Дательный	<i>Безамеча говра́.</i>	<i>Безамеча говрашита.</i>
Активный	<i>Безамеча говро.</i>	<i>Безамеча говраша.</i>
Творительный	<i>Безамеча говраца.</i>	<i>Безамеча говрашца.</i>
Вещественный	<i>Безамеча говрах.</i>	<i>Безамеча говрех.</i>
Местный	<i>Безамеча говрага.</i>	<i>Безамеча говрашка.</i>
Сравнительный	<i>Безамеча говрал.</i>	<i>Безамеча говрел.</i>
Именительный	<i>Хьалхара колхоз.</i> 'передовой первый колхоз'.	<i>Хьалхара колхозаш.</i>
Родительный	<i>Хьалхарча колхоза.</i>	<i>Хьалхарча колхозий.</i>
Дательный	<i>Хьалхарча колхоза́.</i>	<i>Хьалхарча колхозашита.</i>
Активный	<i>Хьалхарча колхозо.</i>	<i>Хьалхарча колхозаша.</i>
Творительный	<i>Хьалхарча колхозаца.</i>	<i>Хьалхарча колхозашца.</i>
Вещественный	<i>Хьалхарча колхозах.</i>	<i>Хьалхарча колхозех.</i>
Местный	<i>Хьалхарча колхозага.</i>	<i>Хьалхарча колхозашка.</i>
Сравнительный	<i>Хьалхарча колхозал.</i>	<i>Хьалхарча колхозел.</i>

Приложение. Особую разновидность определения представляет собой приложение. Приложение – это определение, которое выражено именем существительным или ингушским прилагательным в самостоятельной форме (см. выше). Оно стоит в ингушском, как и в русском языке, после своего определяемого и выделяется запятыми.

Приложение согласуется в числе и падеже с тем словом, к которому оно относится:

Тхо, колхозхой, хIанз ялаташ чудерзон долало.

Мы, колхозники, начинаем сейчас убирать хлеб.

Колхоза юкъярча собрание къамаъл джара колхозхоцо Махъмуда.
На общем собрании колхоза произнес речь колхозник Махмуд.

Тха воша, Махъмад цли йола, цлакхаъчар балхара.
Наш брат, по имени Магомет, приехал домой с работы.

Тха школе дешархой, болхлоий ахархойи бераши, ловза арадоал салолача хана.

В нашей школе ученики, дети рабочих и крестьян, во время отдыха выходят во двор поиграть.

Тхо, колхозникаши, хланз ялташ чуда додаду.
Мы, колхозники, начинаем сейчас убирать хлеб.

Тхона, комсомолашта, хьалхаика доккхий декхараши лаьтти колхозий хьакъехь.

Перед нами, комсомольцами, стоят большие задачи в отношении колхозов.

Колхоза юкъярча собрание къаъмел дир колхознико, Махъмада.
На общем собрании колхоза произнес речь колхозник Магомет.

Тхога, колхозникаика, хланз колхозе машинаица атта булу болх.
Нам, колхозникам, теперь хорошо удастся в колхозе работать машинами.

Колхоза хьаьр тларча хьаьрхоцо, Яхьья цли йолча, дика охьу колхозий клаш.

Мельник колхозной мельницы, по имени Яхья, хорошо мелет колхозную пшеницу.

Количественное определение выражается или только названием числа или названием числа и меры. Имя существительное, которое является определяемым при числе, стоит в ингушском языке всегда в единственном числе:

Цхьа саг.
Один человек.

Блаь саг.
Сто человек.

Итти сагаца районе вахар со.
Я поехал в район в сопровождении десяти человек (с десятью человеками).

Определяемое при количественном определении изменяется по падежам, имея форму единственного числа. Количественное же определение, выраженное числом, при этом не изменяется по падежам, за исключением первых пяти числительных и производных от них, которые имеют одну общую форму для всех косвенных падежей – *цхьан, шин, кхьа, дигь, пхе*, например:

Шин сагаца районе вахар со.

Я поехал в район в сопровождении двух человек.

В том случае, когда количественное определение состоит одновременно из названия числа и названия меры, находящихся при своем определяемом-существительном (перед ним), то по падежам изменяется только это определяемое, название же меры может остаться в именительном падеже. Если же название меры ставится после имени существительного, превращаясь в определяемое при нем, название меры изменяется по падежам:

Аз цхьа герд хьажкIаш ийцар.

Я купил одну мерку кукурузы.

Со вахар ши герд хьажкIаш а ийца базар тIа.

Со вахар ши хьажкIий герд ийца базар тIа.

Я поехал на базар с двумя мерками кукурузы.

Аз ши хьажкIий мийрка хийцар кIи шин мийрках.

Аз ши мийрка хьажкIаш хийцар шин мийрка кIих.

Я обменял две мерки кукурузы на две мерки пшеницы.

Во втором и третьем примере определяемые слова превратились в определения, а количественные определения стали определяемыми словами. В связи с этим относительные определения получили форму родительного падежа, а определяемое, выражающее меру при них, стало изменяться по падежам.

Ши чами цу ийцар аз.

Я купил два совка муки из прожаренной кукурузы.

Ши чами цуно тIорми бизар.

Два совка муки из прожаренной кукурузы наполнили сумку.

Со ши километр новкха вахав.

Я прошел два километра пути.

Аз ши километр никъ бабб.

Я сделал два километра пути.

Аз ткъаитт гектар аьхай.
Я вспахал тридцать гектаров.

Со ткъаитт гектар оахамга хъежав.
Аз ткъа итт гектар оахама техкай.

Я проверил тридцать гектаров пахоты.

Приведем еще примеры на количественное определение, показывающее число:

Шин говро дийнахь ткъаийтта кило йол юъ.
Две лошади едят 32 кило сена в день.

Цу тракторга ткъаитт говра низ ба.
В этом тракторе есть сила тридцати лошадей.

Цу трактора ткъаитт говра низ ба.
У этого трактора есть тридцать лошадиных сил.
Этот трактор имеет тридцать лошадиных сил.

Количественное определение, которое выражает меру, таким образом, всегда в именительном падеже в том случае, когда оно стоит перед своим определяемым и требует именительного падежа для числового определения.

Обстоятельственные слова. Слова-члены предложения, выражающие пространство, время, качество или образ действия, причину и цель его, называются обстоятельными словами или обстоятельствами. Обстоятельства служат определениями к глаголу-сказуемому или к заменяющим его отглагольным формам (причастиям, деепричастиям и т. д.). В соответствии со своим значением обстоятельственные слова делятся на обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства образа (или качества) действия, обстоятельства причины и обстоятельства цели.

Обстоятельство места. Обстоятельство места выражает различные пространственные отношения, при которых совершается действие. Обстоятельство места может быть выражено формами местного падежа или наречиями места и отвечает на вопросы: *мича?* 'куда?', *мича?* 'где, куда?' и производные от него (*мичахьа?* *мича́ра?* и т. д.), а также на падежные вопросы местного падежа *хъанга?* *сенга?* 'в кого, во что?' и производные от них (*хъангахьа?* *сенгахьа?* и т. д.).

Местный падеж в ингушском языке представляет собой совокупность многих местных форм, имеющих различные окончания. Окончания эти могут быть подразделены на две группы:

полные окончания местного падежа и архаические, или сокращенные окончания. Таким образом, обстоятельство места может иметь в ингушском языке следующие окончания: полные – *-из, -изхъа, -изра, -изхъара, -изгIолла, -изхъа, -гIолла, -излца* и др. архаические (упрощенные) – *-а, -ахъа, -ара, -ахъара, -а гIолла, -ахъа гIолла, -алца* и др. Взамен окончания *-из* как в отдельности, так и в сочетании с другими суффиксами в ингушском языке существует параллельное окончание местного падежа *-га*, которое тоже может употребляться и в отдельности и в сочетании с другими суффиксами, например: *-гахъа, -гахъара* и т. д. В редких случаях суффикс *-га* может сочетаться с суффиксом *-из*, например, *-изгахъара* и т. д. Параллельный суффикс местного падежа *-га* сам по себе имеет параллельную форму *-нга*, которая во многих случаях может быть безразлично употреблена взамен первой. Кроме форм местного падежа обстоятельства места могут быть выражены также формами других падежей: творительного (движение по краю или вдоль чего-нибудь), вещественного (движение, нахождение или исход изнутри чего-нибудь или из вещества чего-нибудь) и сравнительного (движение через что-нибудь, за что-нибудь). Кроме того, обстоятельства места выражаются немногочисленными наречиями места. Приведем примеры на употребление обстоятельства места в форме местного падежа и других его формах.

1. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в основной его форме (полное окончание *-е(из)*):

Дешархой экскурсиэ бахаб.

Ученики отправились || пошли на экскурсию.

Тхога хъаший баьхаб.

К нам пришли гости.

ЙоI маьриэ яхай.

Девушка вышла замуж.

Берши школиэ дахад.

Дети пошли в школу.

Эскар маневриэ дахад.

Войско отправилось на маневры.

2. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в основной его форме (полное окончание *-га ||-нга*):

Сога саг енай.

Женщина пошла за меня замуж.

Со хьунга хьож || хьез.

Я смотрю || посматриваю на лес.

Со лоамага хьож || хьез.

Я (в данный момент) смотрю на гору || рассматриваю гору.

Вай школега || школенга дика хьажалаш.

Хорошо посматривайте за нашей школой.

Шоай лаьттан доазога || доазонга хьажабар колхозхой.

Колхозники пошли посмотреть границу своей земли.

Буквально: Колхозники пошли посмотреть на границу своей земли.

Бурога || Буронга кхаччалца вахар со.

Я пошел || поехал до г. Орджоникидзе.

Со сигленга хьез.

Я посматриваю || смотрю на небо.

Ачалкхега || Ачалкхенга дика хьал да доакъарийна.

Буквально: В Ачалуках хорошее состояние в отношении кормов для скота.

Из примеров видно, что суффикс *-иэ* чаще имеет в ингушском языке прямое местное значение, суффикс же *-га* может иметь и различные переносные значения.

3. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в основной его форме (архаическое окончание *-а*):

Со новкъа хьез.

Я смотрю на дорогу.

Из кisa хьез.

Он ищет || роется (буквально: смотрит) в кармане.

Со бешкарта хьез.

Я смотрю на баз (скотный двор).

Колхозхо хьара || оасара вахав.

Колхозник пошел на мельницу || на прополку.

Колхоза беша дукха Iажаш ба.

В колхозном саду много яблок.

Колхозхой балха бахаб.

Колхозники пошли на работу.

Тахан мангала бахаб тха.

Наши сегодня пошли || поехали на сенокос.

Со хъара Шолха хиннав.

Я был на мельнице в Шолхи.

Йола хуолага яхай.

Сено сложено в стог.

Архаическая форма местного падежа с окончанием *-а* чаще всего употребляется в следующих словах: *говра* 'на лошадь', *дина* 'на коня', *кхала* 'на кобылу', *ворда* 'на арбу', *автомобила* 'на автомобиль', *фургона* 'на фургон', *файтона* 'на фазтон', *новкъа* 'на дорогу', *уйтIа* 'на пространство перед домом', *уйча* 'на галерею', *бизша* 'в сад', *беишкарта* 'в конюшню, в хлев', *карта* 'во двор', *киса* 'в карман', *куйна* 'в шапку', *хъара* 'на мельницу', *балха* 'на работу', *марса* 'на жатву', *мангала* 'на покос', *оасара* 'на полку', *юрта* 'в аул', *ара* 'в поле, на двор', *цIа* 'домой', *атагIа* 'в долину', *Шолха* 'в Шолхи', *Галашка* 'в Галашки', *Хамха* 'в Хамхи', *ЖIай-раха* 'в Джерах', *хуола* 'в стог'. В отличие от чеченского языка, в ингушском языке архаическая форма местного падежа от личных местоимений совсем не употребляется.

Все вышеуказанные обстоятельства места отвечают на вопрос: *мича?* 'куда?' *мича?* 'где? куда?', за исключением местной формы от личных местоимений, которая отвечает на вопрос *хъанга?* 'к кому? за кого?' и обстоятельства места при глаголе *хов* 'садится', при котором обстоятельство места отвечает на вопрос: *сента тIа?* 'на что?'

В отличие от чеченского языка, в ингушском основная форма местного падежа с суффиксами *-иэ*, *-га*, *-а* выражает не только направление движения, но и пребывание. Таким образом, в этом ингушском окончании совпадают по значению два чеченских окончания местного падежа *-иэ*, *-га*, *-а* и *-иэхь*, *-гахь*, *-ахь*. Ср., например:

Школе дукха бераш да.

В школе || при школе много детей.

Боарзага кхертIой да.

У кургана есть камни.

Советски Союзе паргIато я.

В Советском Союзе – свобода.

В следующих примерах обстоятельство места приобретает переносное – не местное значение:

Тракторга низ ба.

У трактора есть сила.

Іаттага шура я.

У коровы – молоко.

Приведем еще примеры на обстоятельство в основной форме ингушского местного падежа, имеющей значение пребывания.

КхертІой да новкъа.

На дороге есть камни.

Базар тІа сомаш бохк.

На базаре продают фрукты.

Говр лоам яж.

Лошадь пасется на горе.

Киса гІаьленаш я.

В кармане есть папиросы.

Сона кисара цІилеторгаиш корайир.

Я нашел в кармане спички.

Колхозхой балха || мангала бар.

Колхозники были на работе || на покосе.

4. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-иэхъа* || *-иэхъ*):

АргІехъа догІа делх.

В стороне Надтеречного хребта || алханчуртской возвышенности идет дождь.

Вокзалехъа дІаяхар машина.

Машина пошла в сторону вокзала.

Аьрдехъа яхар аэроплан.

Влево полетел || пошел аэроплан.

Мурад хил дехъа ваьлар.

Мурад перешел через реку.

Школиэхъа дІадахар бераиш.

Дети пошли в сторону школы.

Ачалкхиэхъа догIа дацар.

В Ачалуках || в сторону Ачалуков не было дождя.

Боарзагахъа вийрзар со.

Я повернулся лицом в сторону кургана || по направлению к кургану,

Со лоамагахъа || лоамангахъа хьож.

Я смотрю в сторону горы.

Борз едар хьунгахъа.

Волк убежал в сторону леса.

ЦицIолг наIаргахъа едар.

Крыса побежала в сторону двери.

Iасилг Iаттагахъа дахар.

Теленок пошел в сторону коровы.

Базаргахъа долх тхо.

Мы идем в сторону базара.

Махьмуд согахъа ваьлар.

Махмуд встал на мою сторону.

Махьмуд ший сигахъа ваьннав.

Буквально: Махмуд встал на сторону своей души.

Махмуд дрожит за свою жизнь (говорят о больном или испугавшемся).

В последних двух примерах обстоятельство места приобретает переносное местное значение.

Лоамашкахъа дукха догIа делх.

В стороне гор много идет дождя.

Тхогахъа вада.

В нашу сторону беги.

Юртагахъа вахар из.

Он пошел || поехал в сторону селения.

Наьсарехъа бода никъ дика тоабабь.

Дорогу, которая идет в Назрань || в сторону Назрани, хорошо поправили || отремонтировали.

Инаркъехъа вода со.

Я иду в селение Кескем || в сторону Кескема.

Ар2Иэхьа || Ар2Иэхь йоачан я.

В стороне Надтеречного хребта || Алханчуртской возвышенности – дождливая погода.

В последнем примере обстоятельство места имеет окончание *-иэхь*, которое представляет собой лишь сокращение производного окончания *-иэхьа* (не следует смешивать с чеченским производным окончанием местного падежа *-иэхь*, которое имеет другое значение).

5. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-гахьа || -нгахьа*).

Школегахьа || школенгахьа дIадахар бераш.

Дети пошли в сторону школы.

Лоамагахьа || лоамангахьа дахар колхоза жә.

В сторону горы пошла колхозная отара.

Ар2Iегахьа || Ар2Iенгахьа дIаяхар говрий рема.

Табун лошадей пошел в сторону Надтеречного хребта.

Ачалкхехьа || Ачалкхенгахьа дахар до2Iа.

Дождь пошел в сторону Ачалуков.

Бурогахьа || Буронгахьа маневриэ хьалдахар ЦIе Эскар.

Красная Армия пошла в сторону г. Орджоникидзе.

Яндарегахьа || Яндаренгахьа йоачан я.

В стороне Яндырки была дождливая погода.

Аьлегахьа || аьленгахьа Iочунхар акха хьакхарч.

В сторону оврага спустились дикие свиньи (кабаны).

Ата2Iагахьа || Ата2Iенгахьа Iодахар Iаьсий.

В сторону долины пошли телята.

Москвегахьа || Москвенгахьа хьезж берригача кьахьегамхой оIаргаиш.

В сторону Москвы устремлены (смотрят) глаза всех трудящихся.

Согахьа ваьлар из.

Он встал на мою сторону || на защиту меня.

Он перешел на мою сторону.

Са сесаг согахьа я.

Жена на моей стороне.

В последних двух примерах форма местного падежа отвечает на вопрос: *хъангахъа?* ‘на сторону кого?’ и имеет непространственное переносное значение.

6. обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание *-ахъа*).

Новкъахъа вода хъо.

Иди ты сюда в сторону дороги.

УйтIахъа уллер хъона из.

Эта (вещь) лежала (тебе) в пространстве перед домом.

(буквально: в стороне перед домом).

Уйчахъа хъадовла.

Иди сюда в сторону галереи.

Бешихъа Iобаьлар уж.

Они пошли в сторону сада.

Ара иийла я.

На дворе холодно.

Шолхахъа дика ялаташ да.

В стороне Шолхи хорошие урожаи.

Галашихахъа гIулакхе вода со.

Я поступил || иду на службу в Галашки (буквально: в галашкинской стороне).

Архаическая форма с окончанием *-ахъа* употребляется реже, чем форма с окончанием *-ахъ*. Она слышится в следующих, например, словах: *арахъа* ‘в сторону поля, двора’, *новкъахъа* ‘в сторону дороги’, *уйтIахъа* ‘в сторону пространства перед домом’, *уйчахъа* ‘в сторону галереи’, *бешихъа* ‘в сторону сада’, *арахъа* ‘на дворе’, *Шолхахъа* ‘в сторону Шалхи’, *Галашихахъа* ‘в сторону Галашки’.

Во всех вышеприведенных примерах форма местного падежа с суффиксами *-изъа*, *-гахъа*, *-пгахъа*, *-ахъа* отвечает на вопросы *мичахъа?* ‘в какую сторону? в каком направлении’ или (в том случае, если местная форма образована от названия лица или от личного местоимения) *хъангахъа?* ‘в сторону кого? на сторону кого?’ Наконец, в редких случаях эти формы могут отвечать на вопрос *сенгахъа?* ‘в сторону чего? в направлении чего?’ Все эти формы, оканчивающиеся на *-хъа*, имеют одно общее значение: они выражают приблизительное направление движения, что по-

русски можно передать словами *в сторону чего; в направлении чего* и т. д.

7. обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-изра*):

Школера цIа боагIа дешархой.
Ученики идут из школы домой.

Городера цIа вера со.
Я приехал (домой) из города.

АргIера цIа боагIа колхозникаш.
С поля едут домой колхозники.

Клубера чувера со.
Я пришел из клуба домой.

В приведенных здесь примерах обстоятельство места отвечает на вопрос *мичара?* 'откуда?' и имеет пространственное значение.

8. обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-гара*):

Махьмудагара ахча хьайцар аз.
Я получил от Махмуда деньги.

Здесь местная форма имеет переносное значение и отвечает на вопрос *хьангара?* 'от кого?'.

Кроме того, форма с окончанием *-изра*, *-гара* употребляется в значении относительного определения.

Советски Союзера болхлой а, ахархой а дика беа.

Рабочие и крестьяне (буквально: из) Советского Союза живут хорошо.

Насьсар-Кертера школа керда я.
Насыр-Кортовская школа – новая (есть).

9. обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание *-ара*).

Новкъара дIавала.
Уходи с дороги.

Хьарара цIа венав со селхан.
Я приехал домой с мельницы вчера.

Ды лоамара цIа боалабир.

Коня с горы привели домой.

Кисара цИлиторгаи хъаяьхар цо.

Он вынул спички из кармана.

Колхозхой цIа биързар балхара.

Колхозники возвратились с работы.

Хъая ведар ийчара || картара.

Принеси ведро с галереи || из хлева.

Лергара боамби хъабаккха.

Вынь вату из уха.

Ведар лаха ийчара || беиара.

Ищи ведро в стороне галереи || сада.

Ийчара ведар чуенай.

Принес (занес) ведро в дом с галереи.

Хъарара Муса цIа венав.

Муса приехал с мельницы.

Коара нусвахии дIаяьхай.

Со двора мусор убрали.

ЦIагIара араваьлар.

Вышел из дому.

Арара чувала.

Приходи домой (со двора).

АргIера колхозникаи цIа баьхкаб.

Колхозники приехали домой с Надтеречного хребта || Алханчуртской возвышенности.

В приведенных примерах форма местного падежа отвечает на вопрос *мичара?* 'откуда?'.
В приведенных примерах форма местного падежа отвечает на вопрос *сенна тIера?* 'с чего?' (вместо *сенгара?*).

Динара vessar хъаиша.

Гость слез с коня.

Говрара Iовосса.

Слезь с лошади.

В приведенных примерах форма местного падежа отвечает на вопрос *сенна тIера?* 'с чего?' (вместо *сенгара?*).

Архаическая форма с окончанием *-ара* употребляется в следующих, например, словах: *говрара* 'с лошади', *новкъара* 'с до-

роги', *юртара* 'из селения', *арара* 'с поля', *цлаглара* 'из дому', *лергара* 'из уха', *ийчара* 'с галереи', *уйтлара* 'с пространства перед домом', *бешара* 'из сада', *картара* 'со двора', *бешкартара* 'из скотного двора', *Атаглара* 'с долины', *Соагланчара* 'из Сагопши', *Шолхара* 'из Шолхи', *Сурхотлара* 'из Сурхохи', *Къаскамара* 'из хутора Кескем', *Шаьлара* 'из Шали', Веданара 'из Ведено' и т. д.

Формы местного падежа с суффиксами *-изра*, *-гара*, *-нгара*, *-ара* вообще отвечают на вопрос *мичара?* 'откуда?' (в прямом местном своем значении). Реже они отвечают на вопросы *хьангара?* 'от кого?' *сенгара?* 'из чего?' и могут иметь переносное значение. Вообще эти формы выражают исходный пункт движения.

10. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-изхьара*):

Арглехьара хьадера дегла.

С Надтеречного хребта || с Алханчуртской возвышенности надвинулся дождь.

Вокзалехьара хьаера машина.

Со стороны вокзала пришла машина.

Эристехьара хьагучабаьлар малх.

Со стороны Аршты показалось солнце.

Аьттехьара хьаера аэроплан.

С правой стороны прилетел аэроплан.

Мурад хил дехьара сехьа ваьлар.

Мурад перешел с той стороны реки на эту сторону.

Ачалкхехьара хьавоагла со.

Я еду со стороны Ачалуков.

Инаркъехьара хьадоагла жа.

Со стороны Кескема идет отара.

В этих примерах форма местного падежа отвечает на вопрос *мичахьара?* 'с какой стороны? с какого направления? откуда?' и имеет пространственное значение.

11. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-гахьара*, *-нгахьара*).

Лоамагахьара || лоамангахьара Ioух хиш.

Со стороны горы идут воды || реки.

Іаттагахъараукхазыхъа хъадедар Іасилг.

По направлению от коровы сюда побежал теленок.

В первом примере местная форма отвечает на вопрос *ми-чахъара?* ‘с какой стороны? откуда?’, а во втором – на вопрос *сенгахъара?* ‘со стороны кого? с чьей стороны?’ В обоих случаях сохраняется значение обстоятельства места. В нижеследующих примерах данная местная форма приобретает переносное значение.

Оакхарошкахъара || борзлошкахъара укхаза дахар дац тха.

Из-за зверей || из-за волков здесь житья нам нет.

Махъмуд согахъара дІаваьлар.

Махмуд перешел с моей стороны || оставил меня.

Махмуд отшатнулся от меня.

Тхогахъара дІавада.

Беги по направлению от нас.

ХІиришкахъара хъавийий баьхкаб тхацига.

Со стороны осетин гости приехали к нам.

Галашкахъара ардакхаш ера оаха.

Со стороны Галашки мы привезли доски.

Сиг чувера арахъара.

Человек пришел (во внутрь) со двора.

Базаргахъара доагІа тхо.

Мы идем со стороны базара.

Іуртагахъара юхавийрзар со.

Я вернулся со стороны селения.

В последних двух примерах местная форма с суффиксом приобретает опять-таки местное значение. Приведем еще примеры:

Наьсаренгахъара || Наьсареггахъара хъатІадоагІар догІа.

Со стороны Назрани надвигался дождь.

Інаркъенгахъара || Інаркъеггахъара хъавоагІаши къийрар сох Махъмад.

Я встретил Магомста, едуци со стороны Кескема.

Школенгахъара || школегахъара хъадоагІар бераи.

Дети шли со стороны школы.

Мукъа а ваьйна доазенгахъара || доазеггахъара цІа воагІар цІе эскархо.

Со стороны границы шел домой демобилизованный красно-армеец.

Гийла йоагача сердалонгахъара хъавера из.

Он пришел со стороны света.

Хъунгахъара ЮдоагIаши цогал дайр сона.

Я видел лису, бегущую вниз со стороны леса.

Ачангахъара хIама талхаргIдац вай.

Со стороны денег || из-за денег у нас ничего не испортится || не станет.

За деньгами у нас дело не станет.

Шоай цIенгахъара хъатIавера сона Ахъмад.

Со стороны своего дома подошел ко мне Ахмет.

ХIанз ха ахкангахъара дIалестай.

Теперь время отклонилось от лета.

Из вышеприведенных примеров мы видим, что иногда данная производная форма местного падежа имеет составной суффикс *-изгахъара* || *-изнгахъара*, сохраняя свое пространственное значение.

В нижеследующих примерах местная форма отвечает на вопрос: *хъангахъара?* ‘по направлению от кого?’ ‘со стороны кого?’ и может иметь непространственное переносное значение:

Согахъара дIаваьлар из.

Он перешел с моей стороны.

Он отшатнулся от меня, оставил меня.

Лоамагахъара дIаяхар морхаи.

Облака рассеялись (ушли) со стороны горы.

Галашкахъара халъара даьннад жа.

Отара вышла туда, наверх со стороны Галашки.

12. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание *-ахъара*):

Саг чувера арахъара.

Человек пришел (во внутрь) со двора.

Юа эгIахъара воагIа со-м.

Я-то иду вон с той с нижней стороны.

МагIахъара Iадаьхкар колхоза жа.

С верхней стороны (сюда вниз) пришла колхозная отара.

В приведенных примерах форма местного падежа отвечает на вопрос *мичахъара?* ‘по направлению откуда?’ и имеет пространственное значение, т. е. значение обстоятельства места. Данная архаическая форма употребляется сравнительно редко в следующих, например, словах: *новкъахъара* ‘со стороны дороги’, *юртахъара* ‘со стороны селения’, *арахъара* ‘со стороны поля’, *атагІахъара* ‘со стороны долины’, *ийчахъара* ‘со стороны галерей’, *уйтІахъара* ‘со стороны пространства перед домом’, *Галашихахъара* ‘со стороны Галашки’, *АрзІахъара* ‘со стороны Надтеречного хребта || Алханчуртской возвышенности’ и т. д.

Вообще форма местного падежа с суффиксами *-изхъара*, *-гахъара* || *-нгахъара*, *-ахъара*, а также с составным суффиксом *-изгахъара* || *-изнгахъара* отвечает на вопросы *мичахъара?* ‘с какой стороны?’ *хъангахъара?* ‘со стороны кого?’ *сенгахъара?* ‘со стороны чего?’ и выражает исходный пункт приблизительного направления движения.

13. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-из гІолла*).

Москве гІолла ваха веза Ленинграде.

В Ленинград надо ехать через Москву.

Ачалкхе гІолла Моздоке вахар со.

Через Ачалуки я поехал в Моздок.

Советски школе гІолла хайр сона йоазув.

Благодаря советской школе я узнал грамоту.

В последнем примере местная форма с суффиксом *-из гІолла* имеет переносное непространственное значение.

Больнице гІолла лор лехар аз.

Я искал врача по больнице (обойдя || пройдя насквозь больницу).

В приведенных примерах местная форма отвечает на вопрос *мича гІолла?* ‘через какое место? по какому месту?’ или в переносном значении – *хъанга гІолла?* *сенга гІолла?* ‘благодаря кому, чему?’

14. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-га гІолла*):

Боорзага гІолла цІавера со.

Я приехал домой (проехав) мимо кургана.

Лоаманаика гЮлла вахар со ГуржегЛа.

Я поехал в Грузию через горы.

Промыслаика гЮлла Чишке вахар со.

Я поехал в Чишки через промысла.

Фега гЮлла лел аэроплан.

Аэроплан летает по воздуху (через воздух).

Сога гЮлла балха аттар из.

Благодаря мне ||через меня он устроился на работу.

Ахчанга гЮлла хИамма а || гЮлакх юкьагЛа дусаргдац вай.

Буквально: Из-за денег ничто не испортится || дело не испортится у нас.

За деньгами у нас дело не станет.

Говрага гЮлла хоттавелар со шерчех.

Через лошадь я приобрел быков.

В последних двух примерах форма с суффиксом *-га||-нга* гЮлла приобретает непространственное переносное значение, отвечая на вопросы *хьангахьа гЮлла? сенгахьа гЮлла?* 'благодаря кому, чему? из-за кого? из-за чего?'

15. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание *-а гЮлла*).

Со дуьхьаларча новкьа гЮлла вахар Ачалкхе.

Я поехал по ближней (прямой) дороге в Ачалуки.

Хил дехьа гЮлла нах болх.

По ту сторону реки идут люди.

УьтЛа гЮлла || беша гЮлла лийлар со.

Я гулял по пространству перед домом || по саду.

Тха коа гЮлла вахар из.

Он прошел через наш двор.

В последнем примере данная форма отвечает на вопрос: *хьангахьа гЮлла?* 'через кого, чье?'

Галаика гЮлла дахар тхо лоам.

Мы поехали в горы через Галашки.

В данных примерах местная форма имеет пространственное значение обстоятельства места и отвечает на вопрос *мича гЮл-*

ла? ‘через какое место?’ (за немногими исключениями, которые отмечены нами выше). Местная форма с архаическим окончанием *-а* *гЮлла* существует в следующих, например, словах: *новкъа гЮлла* ‘через дорогу, по дороге’, *уйтIа гЮлла* ‘через пространство перед домом’, *ийча гЮлла* ‘через галерею’, *беша гЮлла* ‘через сад’, *карта гЮлла* ‘через скотный двор || огражденное место’, *ара гЮлла* ‘через поле’, *юрта гЮлла* ‘через селение’, *хъара гЮлла* ‘через мельницу’, *хъатта гЮлла* ‘через ток’, *АтагIа гЮлла* ‘через Атаги’, *Шаьла гЮлла* ‘через Шали’, *Шолха гЮлла* ‘через Шолхи’, *СоагIапча гЮлла* ‘через Сагопш’, *Ведана гЮлла* ‘через Ведено’, *Шота гЮлла* ‘через Шатой’, *СурхотIа гЮлла* ‘через Сурхахи’, *БурокIалхъа гЮлла* ‘через Бусуки’, *Огушта гЮлла* ‘через Ангунт’ и т. д.

16. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-иэхъа гЮлла*).

АрIехъа гЮлла дIаяхар гIарагIураш.

Журавли прилетели с той стороны, где Надтеречный хребет || Алханчуртская возвышенность.

Наьсарехъа гЮлла кхы керда хIама хIа дацар.

В той стороне, где Назрань (больше) новостей нет.

ГIалмед техъа гЮлла Юдахахар тхо Мурадарга || Мурада-гIарга.

По сю сторону Камбилеевки мы пошли вниз к семье Мурада || к Муралу.

Шкоlexъа гЮлла дIатIех а даьнна, дахар тхо Мусарга || МусагIарга.

Перейдя через школу, мы пошли к семье Мусы || к Мусе.

17. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание *-гахъа || -нгахъа гЮлла*).

НовкъахъагЮлла латт гIадамий тоххораи.

В стороне дороги стоят копны кукурузной соломы.

Лоамашкахъа гЮлла йийкхай.

В сторону загорья (в сторону через горы) || в сторону гор (не доходя гор) – ясная погода || вёдро.

Базаргахъа гЮлла никъ дика ба.

В сторону через базар дорога хорошая.

Нохчишкахьа гIолла селашкахьа дахар тхо.

Мы поехали в Аварию через Чечню || минуя Чечню.

Тхогахьа гIолла гIуо вай ший.

Пойдем мы вдвоем минуя наш двор || мимо нашего двора к нам.

Тхобгахьа гIолла бухам хургбац хьона.

С нашей стороны вреда тебе не будет.

Во всех приведенных примерах, кроме двух последних, местная форма отвечает на вопрос *мичахьа гIолла?* ‘через какое место? по какому направлению?’ и имеет прямое значение обстоятельства места. В последних двух примерах она отвечает на вопрос: *хьангахьа гIолла?* ‘минуя кого? с чьей стороны?’ В последнем примере местная форма имеет переносное значение.

18. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (архаическое окончание *-ахьа гIолла*).

Арахьа гIолла кхы керда хIама дац.

Во внешней стороне нет других (особых) новостей.

Галашкахьа гIолла гIояхар йоачан.

В сторону Галашек спустился дождь || прошла непогода.

Бешахьа гIолла Iодаьнна хила мег, хьона, уж Iавсий.

В сторону сада может быть (тебе) прошли || пошли эти телята.

Тхона дехьахьа гIолла Iобахараи тха бригадацара нах бар.

Люди, прошедшие по ту сторону от нас (нашего двора), были из нашей бригады.

Эта форма местного падежа образуется в следующих, например, случаях:

Арахьа гIолла – по внешней стороне, по (внешней) стране.

Галашкахьа гIолла – в сторону Галашки.

Бешахьа гIолла – в сторону сада.

Дехьахьа гIолла – по той стороне.

ЭгIахьа гIолла – по нижней стороне.

МагIахьа гIолла – по верхней стороне.

Укхазахьа гIолла – (через) здесь, по здешней стороне.

Сехьахьа гIолла – по сей стороне.

Босахъа гЮлла – по стороне склона холма.

Форма местного падежа с суффиксами *-иэхъа гЮлла*, *-гахъа || -нгахъагЮлла*, *-ахъа гЮлла* отвечает на вопросы *мичахъа || мича гЮлла?*, а также *хъангахъа гЮлла?* и *сенгахъа гЮлла?*

В последних двух случаях она может иметь переносное значение. Эта форма вообще обозначает приблизительное направление движения из-за чего-нибудь, через что-нибудь, мимо чего-нибудь.

19. Обстоятельство места, выраженное местным падежом в производной его форме (полное окончание *-елца*, *-галца || -угалца* или архаическое *-алца* с удвоением согласного).

Со Наьсарелца дИаваханзар.

Я не доехал до Назрани.

Наьсарелца автомобиляца дахар тхо.

Мы поехали на автомобиле до самой Назрани.

Галашкалца накъа даьхар бригадиро шоай колхоза жа.

Бригадир провожал отару своего колхоза до Галашки.

Галашкалца || Галашккалца накъа даьхар бригадиро шоай колхоза жа.

Бригадир провожал отару своего колхоза до самых Галашек.

АргIелца || АргIелца дагIа уж колхоза доахан.

Колхозный скот пасется || ходит на пастьбу до самой Алханчуртской возвышенности.

ЙйтIалца накъа ваккха со.

Проводи меня до пространства перед домом

Эта форма местного падежа образуется в следующих, например, случаях:

Наьсарелца – до Назрани, *Наьсарелца* – до самой Назрани;

Ачалкхелца – до Ачалуков, *Ачалкхелца* – до самых Ачалуков;

Яндарелца – до Яндырки, *Яндарелца* – до самой Яндырки;

аргIелца – до гряды холмов, *аргIелца* – до самой гряды;

школелца – до школы, *школелца* – до самой школы;

цигалца – до того места, *цигалца* – до самого того же места;

укхазалца – до сюда, *укхазалца* – как раз до сюда.

Данная форма обстоятельства места с суффиксами *-елца* (*-елцца*), *-галца* || *-нгалца*, (*-галцца* || *-нгалцца*, *-алца* (*-алцца*) употребляется сравнительно редко. Она отвечает на вопрос *ми-чахъалца?* *мичахъалцца?* *мичаххъалца?* 'до какого места? докуда? до какого места именно? докуда именно?' и представляет собой обстоятельство места в прямом его значении. В некоторых случаях эта же местная форма служит для выражения обстоятельства времени (см. ниже, стр. 222). Формы с удвоением согласного представляют собой обычные усилительные формы. Следовательно, форма местного падежа с суффиксом *-алца* вообще обозначает предел движения.

20. Обстоятельство места, выраженное наречиями места.

Кроме приведенных выше форм местного падежа обстоятельство места может быть выражено также немногочисленными наречиями места. Можно указать следующие наречия места, существующие в ингушском языке: *укхазяхъа* 'сюда', *укхаз* 'здесь, сюда', *уккхаз* 'именно здесь, именно сюда', *цига* 'там, гуда', *цигга* 'именно там, именно туда', *хъалла* 'вот там, вот туда (исторически – выше говорящего)', *ðlâ* 'вон там, вон туда (исторически – на одном уровне с говорящим)', *цхъаняхъа* 'где-то', *цхъаняхъа а* 'нигде', *кхичахъа* 'в другом месте', *мича?* 'куда?', *мича?* 'где, на чем?', *мичахъ?* 'где, в каком месте?', *мичахъа?* 'куда?', 'по направлению куда?' (последнее значение лишь при глаголах, обозначающих прибытие)¹, *мичара?* 'откуда?' *ми-*

¹ Таким образом, вопрос *мича?* употребляется в значении русского *куда?* лишь по отношению к слову *цига* 'туда' и другим обстоятельствам места при глаголах, обозначающих уход, отбытие в какой-либо пункт, а вопрос *мича?* 'где, куда?' употребляется по отношению к пункту пребывания (по-русски *где?*) или к слову *укхаз* 'здесь, сюда' и другим обстоятельствам места при глаголах, обозначающих приход, прибытие в какой-либо пункт:

Со цла вахар (Мича вахар со?)

Я поехал || пошел домой (Куда я поехал?)

Со цлагла || юрта вар (Мича вар со?)

Я был дома (Где я был?)

Со цла || юрта венав (Мича венав со?)

Я приехал || пришел домой || в селение (Куда я приехал?)

Со городе кхачар (Мича кхачар со?)

Я прибыл в город (Куда я прибыл?)

Со городе вахар (Мича вахар со?)

Я поехал в город (Куда я поехал?)

чахъара? 'по направлению откуда?', мича гЮлла? 'мимо чего? через что?', мичахъа гЮлла? 'по направлению мимо чего? минуя что?' мичалца? мичахъалца? 'до какого места?', миччахъалца? 'до какого именно места?', укхазара 'отсюда', укхазахъара 'по направлению отсюда (со стороны отсюда)', уккхаза гЮлла 'мимо этого места, через это место', уккхазахъа гЮлла 'со стороны этого места, мимо этой стороны', уккхазалца 'досюда', оагIара 'в сторону, в стороне' и т. д. (примеры см. ниже, стр. 216).

Наречия места, послелого и глагольные приставки. Наречия места в ингушском языке следует отличать от послелогов и глагольных приставок места. Собственно говоря, послелого и те глагольные приставки места, которые в известном положении пишутся отдельно от глагола (например, в случае употребления союза *a* при глаголе или в случае постановки их после глагола), по своим формам и по своему значению мало отличаются от наречий, служащих обстоятельствами места. Для того, чтобы устранить смешение тех и других, мы даем здесь список послелогов, приставок места и тех имен существительных, с которыми они связаны по происхождению (послелого и приставки места в ингушском языке почти все исторически связаны с именами).

Послелого и глагольные
приставки места:

Чу – в (внутри); во, в.

Ара – из (наружу) вон; вы-.

Хъа – первоначально: по на-

Только
приставки
и наречия

правлению к первому лицу,
сюда, при.

ДIа – по направлению от

первого лица, туда; у.

ТIа – на, сверху на.

КIал – под, вниз под.

Имена существительные:

Чухиэ – внутренность.

Аре – место снаружи, вне
(чего-нибудь), место вне
поселений; поле.

Сехиэ – эта сторона, местность

по сю сторону (чего-
нибудь).

Дехиэ – та сторона,
местность

по ту сторону
(чего-нибудь).

ТIиэ – поверхность.

КIийтэ – днище, донная, нижняя
сторона, нижняя поверхность,
место под чем-нибудь.

Только приставки и наречия	<i>Лакха</i> – вверх (в воздух)	<i>Лакхиэ</i> – верх, вершина,
	выше (в переносном смысле).	верхняя часть предмета.
	<i>Лоха</i> – вниз (из воздуха)	<i>Лохиэ</i> – низ, подножье,
	ниже (в переносном смысле).	нижняя часть предмета.
	<i>Ура</i> – стоймя, торчком вверх.	<i>Урхиэ</i> <i>урагле</i> – подъем (горы, дороги).

<i>Io</i> – с горы, вниз (по спуску, по течению).	<i>Эглиэ</i> <i>Эглахыэ</i> – спуск (с горы), местность вниз по течению, север.
--	--

<i>Хьал</i> – в гору, вверх по подъему, по течению.	<i>Хьаллиэ</i> – подъем (в гору, местность вверх по течению.
<i>Хьалхьа</i> – (при глаголах движения) вперед, впереди, прежде, раньше.	<i>Хьалхыэ</i> – место впереди, перед, передняя сторона предмета, лицевая сторона, передняя часть, начало.

<i>Тлехьа</i> – (при глаголах движения)	<i>Тлехыэ</i> – зад, задняя часть. вслед, вслед за, за.
--	--

Только приставки и наречия	<i>Клагора</i> – задом (попятное)	<i>Клаг</i> – задница.
	движение).	

Только приставки и наречия	<i>Юха</i> – обратно, снова, опять, вновь.	<i>Юх</i> – дно, низ, нижний край, нижний конец, основа, фундамент.

Юххиэ – вблизи, около
(с усилением: вплотную близко).

Уллув – рядом (с усилением:
вплотную рядом).

Гарга – близко, близ.

Гаргга – совсем близко, около,
рядом.

Габна – вдали, далеко.

Габина – далеко-далеко.

Юкьыэ – в середину, в.

Юкь – середина, центр.

Юккьыэ – в самую середину.

Нокъзара – в сторону, в стороне
(от дороги).

Никъ – дорога.

Как видно из перечня, глагольные приставки и послелоги представляют собой одни и те же частицы. Поэтому различать их в ингушском языке в ряде случаев бывает трудно. Дело в том, что глагольные приставки не всегда стоят непосредственно перед глаголом. Они могут быть отделены от него различными служебными частицами (союзом *а*, отрицанием *ма*) и даже лю-

бым членом предложения, кроме того, к которому непосредственно относится по своему значению данная приставка. Кроме того, глагольная приставка может быть поставлена и после ингушского глагола-сказуемого. Поэтому чисто условно приходится относить частицу, имеющую значение приставки или послелога, к глагольным приставкам во всех тех случаях, когда она стоит непосредственно перед глаголом и после глагола, или когда она отделена от него служебными частицами, или, наконец, когда она вообще стоит не после имени существительного, с которым она связана по значению. В тех же случаях, когда эта частица отделена от глагола полнозначными членами предложения (существительными, местоимениями, наречиями и т. д.) и сама стоит непосредственно после имени существительного, к которому она относится, ее следует считать послелогом. Приведем примеры различного порядка расположения слов в ингушском предложении в связи с частицами, обозначающими пространство:

Говра młaxайра со Ырре а. (приставка *mła-*)

Я утром сел на лошадь.

Тłахайра со Ырре а говра. —"

Со Ырре а говра тłахайра. —"

Говра mła Ырре а со хайра. (послелог *mła*)

Тłа Ырре а со хайра говра. (приставка *mła-*)

Ырре а mła со хайра говра. —"

Со говра mła Ырре а хайра. (послелог *mła*)

Хайра со Ырре а говра mła. —"

Со говра Ырре а хайра mła. (приставка *mła-*)

Говра mła со хайра Ырре а. (послелог *mła*)

Приставку от послелога можно отличить и по ударению, сравни:

Тийркал дехъа вахав со:

Я поехал за Терек.

Тийркал дехъаваьннав со.

Я поехал за Терек.

Приставка, как начало слова в ингушском языке принимает на себя ударение, а послелог остается без ударения, как конец предшествующего слова (ударение в ингушском языке силовое и стоит всегда на первом слоге слова).

Бывают, однако, случаи, когда глагольные приставки-послелоги, которые употребляются непосредственно перед гла-

голами, пишутся всегда отдельно и должны считаться самостоятельными членами предложения. Это имеет место при вспомогательных глаголах *ва* 'есть' и *хул* 'бывает'. В этом случае мы считаем перечисленные выше частицы обстоятельственными (наречиями). Во всех остальных случаях они пишутся слитно с глаголом, если стоят непосредственно перед глаголом-сказуемым, или раздельно при употреблении между ними и глаголом служебных частиц, или при постановке их после глаголов. При именах эти частицы пишутся раздельно и считаются послелогом. Как послелоги, так и глагольные приставки при синтаксическом разборе предложения не считаются самостоятельными членами предложения.

21. Обстоятельство места, выраженное наречиями места.

Уккхаза ваьхавар Махьмуд.

Именно здесь жил Махмуд.

Укхаза вера цхьа саг.

Сюда пришел один человек.

Со цига вахавар тахан.

Я сегодня пошел туда.

Хьалла вар из кIаьнк.

Вон там был этот мальчик.

ДIа вода из саг.

Вон туда идет этот человек.

Цхьаннахьа а ца караванзар сона из.

Я нигде не нашел его.

Укхазара дIа кхычахьа вахар из.

Отсюда туда, в другую сторону, пошел он.

Хьо тахан мича гIоргволаш ва?

Ты куда пойдешь сегодня?

Сравни глагольные приставки не в значении обстоятельства места (наречий).

Укхазара дIа кхоана гIоргда вай.

Мы уедем отсюда (туда) завтра.

Царцигара укхаза хьа селхан даьхкар тхо.

От них мы пришли сюда вчера.

Тахан ура дукха лаьттав со.
Сегодня я стоял долго (много).

Кхоана Io со а воагIаргва.
Завтра и я приеду вниз || на север.

Тхо хьал кхоана доагIаргда.
Завтра мы приедем вверх || на юг.

Приведенные примеры следует отличать от тех случаев, когда те же частицы употребляются в значении послелогов непосредственно после того имени существительного, к которому они относятся. В этом случае их нельзя считать самостоятельными членами предложения – обстоятельствами места. Приведем примеры:

Послелог при именах существительных.

Тха класс чу тахан директор вера.
В наш класс пришел сегодня директор.

Колхозникаша ворда тIа хIамаш ехкар, фургона тIа йол еттар.

Колхозники положили вещи на арбу, а сено они наложили на фургон.

Оаха етара кIал дIачу теттар фургон.
Мы отвели фургон под сарай || в сарай.

Трактора тIехьа дIа а шийзо, фургон юг.
Фургон, прицепленный || привязанный к трактору, везут.

Колхоза коартолашта юххиэ || уллув дIайийнай коартолаш.
Мы посадили картофель рядом с картофелем колхоза.

Тха колхоза юрта гергга хьакьоастадаьд лаьтта.
Нашему колхозу выделили землю совсем близко от селения.

Сона гарга хьада из шакьа.
Подвинь (принеси) эти чернила (эту чернильницу) поближе ко мне.

Сона гавна дIа ма хьолахь из шакьа.
Не отодвигай (не отнеси) эти чернила далеко от меня.

Крашта кIал ведар латт.
Под краном стоит ведро.

Царна тIа кхоана гIор вай.

Давай, завтра пойдем к ним.

В тех случаях, когда мы имеем форму сравнительной степени, производную от приставки-наречия, а также некоторые другие производные их формы с суффиксами *-gIa*, *-xъa* и т.п., мы имеем дело уже с приставками-наречиями в значении обстоятельства места:

22. Производные формы от приставок-наречий в значении обстоятельства места.

Са говр хъа говрал лакхагIа хъалтоссалу.

Моя лошадь выше, чем твоя лошадь.

Тахан селханарчул сахъат тIехъагIа хъадаъхкар тхо укхаза.

Сегодня мы приехали сюда позже на один час, чем вчера.

Хъанз болх а бийя хъалхагIа Iайода тха бригада.

Теперь поработав, раньше уходит (домой) наша бригада.

Арахъа dIaоттадаъд доакъар.

На краю аула сложен корм.

Дехъара хъавера Iумар.

С той стороны пришел Умар.

ЭгIахъа тахан gIор вай.

Давай сегодня поедem вниз (по течению) || на север.

Селханарчул лакхагIа тахан яьннай аэроплан.

Аэроплан сегодня поднялся выше, чем вчера.

Тховрачул лохагIа xIанз доагIа из.

Теперь он опустился ниже, чем раньше.

В качестве особенности ингушского языка следует отметить употребление в нем имени существительного в значении обстоятельства места (на вопрос *мича?* 'куда? где?'). Здесь мы имеем пережиток аморфного строя речи. Приведем примеры:

23. Неоформленное имя в значении обстоятельства места.

Колхозникаша шoай говраш эхки лоам йохийт.

Колхозники летом посылают своих лошадей в горы (на пастбище).

Дика дагIенаш хул лоам.

Хорошие пастбища бывают в горах.

Говр лоам йигай.

Лошадь отвели || угнали на горные пастбища.

Колхозо дикагIа вола колхозник вахийтав хес.

Колхоз послал лучшего колхозника на охрану своего урожая.

Хес вагIачо колхоза ялат дика лораду.

Охранщик (буквально: сидящий в охране) хорошо охраняет колхозный урожай.

Сигал лакха урагIа йода аэростат.

Далеко в небе поднимается аэростат.

Сигал дукха сийрда седкый да.

В небе много ярких звезд.

Чехка Оалкам ваха веза са.

Мне надо быстро || сейчас же поехать в Алкун.

Селхан Оалкам вар со.

Вчера я был в Алкуне.

Колхозхой мангал || мангала || мангал тIа бахаб.

Колхозники пошли на сенокос.

Мангал боахкача колхозникаита хий ийца вода со.

Я везу воду колхозникам, которые находятся на сенокосе.

Со гIабарт || черс хиннав.

Я был в Кабарде || Черкесии.

Тха бригада года яхай.

Наша бригада пошла на пахоту.

Неоформленное имя в значении обстоятельства места следует отличать от тех случаев, когда некоторые имена существительные (преимущественно имена собственные – названия селений или местностей) употребляются без всякого, на первый взгляд, оформления в значении обстоятельства места. Однако эти собственные имена сами исторически представляют собой окаменевшую форму местного падежа (основную его форму). Таким образом, хотя в современном языке данные слова и выступают в неоформленном виде, но исторически они представляют собой настоящие обстоятельства места, отвечающие на вопрос *мича?* ‘где? куда?’. Здесь мы имеем пережиток аморфного строя речи. Приведем примеры:

Неоформленные обстоятельства места от названий селений и местностей.

Йоачан йолча шера гЈордаьнна дика ялаташ хул Ачалкхе.

В дождливый год особенно (знаменито) хорошие урожаи бывают в Ачалуках.

Са наьсариз ваха веза.

Мне нужно поехать в Назрань.

Јндаре, хьунагІа, дика саьргаиш хул.

Буквально: В Яндырке, в лесу, хорошие хворостины бывают.

Галашка командировке хиннав со.

Я был в командировке в Галашках.

Эса иизтиэ улл Галашкиэ.

На берегу Ассы лежит Галашки.

24. Обстоятельства места, выраженные формами других падежей, помимо местного.

А. Обстоятельство места в форме вещественного падежа (окончание -х).

Мука-дахка лаьттах бахаб.

Крот ушел в землю.

Чий (пхо) дахчах богІабеннаб.

Стрела воткнулась в дерево.

Мехдаьтта лаьттах доалл.

Нефть находится в земле.

Дахчах нІана хьаарабаьннаб.

Из дерева выполз червяк.

В этих примерах обстоятельство места отвечает на вопрос *мича? мича́?* или *сенах?* Эти случаи прямого значения вещественного падежа следует отличать от переносного его значения, которое видно из следующих примеров:

Вай депутатах тешам ба.

(У нашего депутата есть доверие).

Наш депутат заслуживает доверия.

Коммунисти партех наьха тешам ба.

Буквально: У коммунистической партии есть народное доверие.

На коммунистическую партию народы могут вполне положиться.

В этих примерах вещественное дополнение (*депутатах, партях*) отвечает на вопрос *хъанах? сенах?*

Б. Обстоятельство места в производной форме вещественного падежа (окончание *-гIа*).

Селхан хъунагIа вар со.

Вчера я был в лесу.

Со тахан хъунагIа вахар.

Сегодня я пошел в лес.

Мелла кхаббача а, борз хъунагIа мара сецáяц.

Сколько ни корми, волк все в лес смотрит (пословица).

Буквально: Сколько ни кормивши, волк не остановился, кроме как в лесу.

Иасьий атагIа дáжса дахад.

Телята пошли пастись в долину.

Мукъача дийнахъ аз цIагIа оалелар.

В выходной день я дома отдыхал.

СибирегIа духха заводаши фабрикаши я.

В Сибири есть много заводов и фабрик.

Со ГуржесгIа хиннав.

Я был в Тбилиси.

Паччахъа Иаьдале низагIа ТуркегIа бахийтаб орстхой.

Царская власть насильно выселила карабулаков в Турцию.

Обстоятельство места в основной форме вещественного падежа (суффикс *-х*) показывает всегда положение внутри вещества, а также в лесу, в куче предметов, в толпе и т. д. Точное пространственное значение при этом определяется значением глагола-сказуемого. В зависимости от того, показывает ли сказуемое движение, пребывание или исход, форма вещественного падежа обозначает движение внутрь вещества, нахождение внутри вещества или исход из вещества. Значение положения внутри вещества представляет собой одно из основных значений вещественного падежа, который, таким образом, является одним из местных падежей по происхождению.

Что касается производной формы вещественного падежа (суффикс *-гIа*), то она по своему окончанию представляет собой лишь фонетическую разновидность основной формы этого па-

дежа. Суффикс -х в конце слова в живом произношении звучит озвонченно, как *ɣI*. Производная форма вещественного падежа по своему окончанию представляет собой, таким образом, лишь тот же суффикс с огласовкой *a*. Однако в современном ингушском языке эта производная форма вещественного падежа приобрела исключительно местное значение, вследствие чего некоторые грамматисты считают ее особым местным падежом. Вещественное дополнение с суффиксом *-ɣIa* в значении обстояательства места отвечает на вопрос *мича?* 'куда?' и *мичá?* 'где, куда?'

25. Обстоятельство места в форме сравнительного падежа.

Со Тийркал дехъа вахав.

Я поехал за Терек.

Со Тийркал сехъа венав.

Я пришел на эту сторону Терека.

Со Тийркал сехъаваьннав.

Я переехал через Терек на эту сторону.

Обстоятельство места в сравнительном падеже употребляется сравнительно редко и только в соединении с формами от имен существительных *дехъа* 'на той стороне, по ту сторону'; *сехъа* 'на этой стороне, по сю сторону' и др. Эти наречия приобретают здесь значение послелогов, требующих сравнительного падежа. Обстоятельство места в форме сравнительного падежа отвечает на вопрос *мича?* 'куда?', *мичá?* 'где, куда?' В последнем примере слово *Тийркал* отвечает на вопрос *сенал?* 'через что?' и является сравнительным дополнением.

Обстоятельство времени. Обстоятельство времени употребляется в ингушском языке в различных формах местного падежа. Как и в значении обстоятельства места, эти формы от некоторых имен существительных, обозначающих время, могут быть образованы как с полными окончаниями местного падежа, так и с архаическими его окончаниями. В значении обстоятельства времени чаще всего употребляются местные формы тех имен существительных, которые обозначают время, как например: *сахъат* 'час', *ди* 'день', *бийса* 'ночь', *сайра* || *сайре* 'вечер', *Луйра* || *Луйре* 'утро', *делкъе* || *делкъийге* 'полдень', *шу* 'год', *гуйра* || *гуйре* 'осень', *бIаьсти* 'весна', *ахка* 'лето', *Iа* 'зима', *делкъелтIехъе* 'послеобеденное время, время после полудня' и т. д. Местные формы от этих слов употребляются часто со служебными слова-

ми кхаччалца 'до' (по происхождению отглагольная форма от глагола кхача 'достигай') и ден || денз (dIa) 'начиная от'.

Обстоятельство времени в различных формах местного падежа.

Таханарча денга кхаччалца болх бир оаха.
До сегодняшнего дня мы работали.

Укх сахъата воагIаргва со.
Сейчас я приду.

ШийтмалагIча сахъатага кхаччалца бу оаха болх.
Мы работаем до двенадцати часов.

Цу дийнахъ городе вахар со.
В этот день я поехал || пошел в город.

Укх шера ялат дика да.
В нынешнем году хлеба хороши || урожай хорош.

ИтталагIча сахъата цIа долх тхо.
В десятом часу мы идем домой.

Укх шера || укх шера денз dIa кхаъ шера дешаргда аз.
Начиная с нынешнего года я буду учиться в течение трех лет (три года).

Кхоанарча мукъаче денгара денз ткъа дийнахъ dIаволавенна пхе дийнаха болх бергба аз.

Начиная с завтрашнего выходного дня пять дней || до истечения пяти дней я буду работать.

Делкъийтара денз сарралца Шолжа-ГIалийтIа сов кIайха хул эхки.

Начиная с полудня до вечера летом в Грозном слишком жарко.

Ламмарча денналца мукъа хургва со.
До послезавтрашнего дня свободен буду я.

Укх шерралца лаьттанца болх бир аз.
До нынешнего года я занимался земледелием.

Укх шерралца промысле болх бир аз.
До нынешнего года я работал на промыслах.

Делккъелца укхаза яIайха хилац.
До полудня здесь не жарко.

Тха сменá делкчелца бу болх.
Наша смена работает до обеда.

Делккълелца хийжар тхо новкъосташка.
До самого обеда мы ждали товарищей.

Пхьерелца клубе а хинна, тIаккха кино дахар тхо.
До ужина мы были в клубе, а потом пошли в кино.

Пхьеррелца новкъостага а хийжа, из воацаиш дахар тхо кино.
До самого ужина (до темна) прождавши товарища, мы без него пошли в кино.

ХIанзалца колхоза болх беш хиннав со, хIанз деша вода.
До сих пор я работал в колхозе, а теперь еду учиться.

ХIунзалца хъега а хийжа, хIанзза араваьлар из.
Прождавши тебя до сих пор, он только что вышел.

Таханалца беча балха тха бригада хьалхалаьттай.
До сегодняшнего дня по работе наша бригада стояла впереди.

Тахханалца сона ца дайна оакхарий тайтаи дайр сона тахан зоопарке.

Я сегодня видел в зоопарке такие породы зверей, которых я до сегодняшнего дня не видал.

Кхоаналца Ia сабар дуоре, со а воагIаргвар хьоца городе.
Если бы до завтра ты подождал, и я пошел || поехал бы с тобой в город.

Кхоанналца из варга хъежаргва со.
До завтра я буду ждать его прихода || приезда.

В приведенных примерах обстоятельства времени отвечают на временные вопросы в различных их формах: *маца?* 'когда?', *фу || малагIча хана* 'в какое время?', *мацалца || маццалца?* 'до какого времени? до каких пор?', *маца ден?* 'начиная с какого времени? с каких пор?' и т.д. Таким образом, по своей форме обстоятельство времени исторически одного происхождения с обстоятельством места. Это заставляет нас предположить на основании материалов не только ингушского языка, но и других языков, как это отмечено еще ак. Н. Я. Марром, что первоначально время и место было единым неразграниченным понятием, которое лишь впоследствии раздвоилось на понятия пространства и времени, в связи с чем раздвоились по значению и соответственные формы местного падежа. Подтверждением этому служит своеобразное

ингушское, как и чеченское, употребление слова *меттиг* 'место' в значении не только места, но и времени:

Сои Ахьмади воаллар, хабар дувцаш, цу метте метте Хьасан чувера.

Я и Ахмад занимались разговором, в этот момент (буквально: в этом самом месте) вошел Хасан.

Тхо дахар хьаппта, цу метте Хьасан а вар.

Мы пошли на ток || на гумно. В этом самом месте был и Хасан.

Кроме форм местного падежа обстоятельство времени выражается наречиями времени. Наречия времени в ингушском языке довольно развиты. В особенности это относится к исчислению дней начиная с сегодняшнего дня. В качестве обстоятельств времени могут служить, например, следующие наречия: *тахан* 'сегодня', *селхан* 'вчера', *кхоана* 'завтра', *ломма* 'послезавтра', *цIулла* 'на четвертый день (считая с сегодняшнего дня)', *цIумоака* 'на пятый день', *цуцIамоака* 'на шестой день', *цIул-цIумоака* 'на седьмой день', *бус* 'ночью', *Iурра* 'утром', *укх шера* 'в нынешнем году', *соахка* 'в прошлом году', *лурчоагIа* 'в позапрошлом году', *мецагIа* 'давно, в давнее время', *эхки* 'летом', *бIаьсти* 'весной', *Iай* 'зимой', *хьалха* 'раньше', *тIехьа* 'после', *хIанз* 'теперь', *тIаккха* 'потом, затем', *тхьовра* 'тогда', *геттара* 'всегда', *наггахьа* 'редко, иногда', *каст-каста* 'часто', *тIехь-тIехьа* 'постепенно', *денна-ден* 'день ото дня', *денгара-денга* 'изо дня в день', *тIехьуо* 'поздновато', *хьалхуо* 'рановато' и т. д.

Обстоятельство времени в форме наречий времени:

Тахан балха тIа дар тхо.

Сегодня мы были на работе.

Селхан цIагIа Iийра со.

Вчера я сидел || остался дома.

Самардийнахь || самарден базар тIа вахар со.

Позавчера я ходил на базар.

Кхоана цIа воагIаргва из.

Завтра он приедет домой.

Ломма Шолха вода со.

Послезавтра я поеду в Шолхи.

ЦIулла вайна ахча лургда.

На четвертый день вперед нам выдадут деньги.

ЦуцIумоака вай балха гIоргда.
На шестой день вперед мы пойдем на работу.

ЦIумоака садоIаргда вай.
На пятый день вперед мы будем отдыхать.

Бус наб кIезига ю цар.
Ночью они мало спят.

Iурра чай дизза цунна.
Утром он любит чай.

Укх шера ялаташ дукха хиннад укхаз.
В этом году здесь было много хлеба.

Соахка гIийлагIа вар со хIанз || хIанзар чул.
В прошлом году я был несколько слабее || хуже, чем сейчас.

ЛурчоагIа Москве вар со.
В позапрошлом году я был в Москве.

БIаьсти лоам яр са говр.
Весной в горах была моя лошадь.

Iай дикагIа булу болх.
Зимой лучше удается работать.

Хьалха во хьал дар кьахьегамхоика.
Раньше у трудящихся было плохое положение.

ГIехьагIа хIанзарчул а говзагIа хургда адамаш.
В будущем (после теперешнего) люди будут искуснее, чем сейчас.

Обстоятельство образа действия или качества действия.
Обстоятельство образа действия в ингушском языке выражается чаще всего качественным прилагательным, поставленным перед глаголом-сказуемым. Это качественное прилагательное имеет, таким образом, значение, во-первых, качественного определения, если оно стоит перед своим определяемым (именем существительным), и, во-вторых, значение обстоятельства образа действия, если оно стоит перед глаголом-сказуемым. Таким образом, качественное прилагательное и качественное наречие в ингушском языке полностью совпадают по форме: *дика* обозначает “хороший” и “хорошо”, *чехка* – “быстрый” и “быстро” и т. д. В качестве членов предложения мы имеем здесь, таким образом, неразграниченные (недифференцированные) качественное

определение и качественное обстоятельство образа действия. В конце такого качественного прилагательного-наречия имеется гласный, который в ингушском языке не произносится с носовым оттенком (за исключением односложных качественных прилагательных-наречий, кончающихся в ингушском языке на носовой гласный, что, впрочем, в орфографии не отражается). И в том и в другом значении качественное прилагательное-наречие отвечает на вопрос *мишта?* 'какой?', 'как?' Приведем примеры на обстоятельство образа действия:

1. Обстоятельство образа действия, выраженное качественным прилагательным-наречием.

Аз книжка дика яздаьд.

Я книгу хорошо написал.

Аз дика книжка яздаьд.

Я написал хорошую книгу.

Говр чехка ера.

Лошадь быстро приехала.

Чехка говр ера.

Быстрая лошадь приехала.

Из примеров видно, что только разница в связи слов, выражаемая порядком слов, определяет, в каком случае мы имеем в ингушском языке определение и в каком – обстоятельство образа действия.

2. Неопределенное количественное определение.

КIада дукха ду.

Мануфактуры много выделяют.

Дукха кIада ду.

Множество мануфактуры выделяют.

КIада дукха да магазиашка.

Мануфактуры много (есть) в магазинах.

Дукха кIада да магазиашка.

Много мануфактуры (есть) в магазинах.

Буквально: Многая мануфактура есть в магазинах.

Аз дукха кIада ийцар.

Я купил много мануфактуры.

Аз кІада дукха|| дукхаза ийцар.
Я мануфактуру много раз покупал.

Дукха || дукхача наха тоатолаш даьхар.
Многие люди выкопали арыки.

Наха дукха даьхад тоатолаш.
Народ много раз копал арыки.

Наха даьхад дукха тоатолаш.
Народ выкопал много арыков (многие арыки).

Из примеров ясно видна разница между количественным определением, которое стоит перед определяемым (именем существительным в роли подлежащего или дополнения) и количественным, если можно так выразиться, обстоятельством, которое стоит перед сказуемым-глаголом. Первое переводится порусски словом *много* с родительным падежом существительного или словом *многие* при определяемом. Второе переводится наречием *много* или *много раз*. Следует заметить, что такое совпадение количественного определения с количественным обстоятельством имеет место только при употреблении слова *дукха*, так как противоположные слова-понятия в ингушском языке строго разграничены: *кІезиг* 'мало', *зІамига* 'малый, маленький'. Количественное определение, если оно выражено числом или мерой, имеет при себе определяемое обычно в единственном числе (см. выше), а количественное определение или обстоятельство, выраженное словами *дукха*, *кІезга*, может употребляться как при единственном, так и при множественном числе определяемого. Первое отвечает на вопрос *масса?* 'сколько (по числу)?', а второе, т.е. неопределенное количественное определение, – на вопрос *мел?* 'сколько? сколь много? как много?'. ...

Итак, количественное определение может стоять также или при существительном (подлежащем или дополнении), или при глаголе-сказуемом в том случае, когда оно выражено наречием, показывающим неопределенное количество (*дукха* 'много', *кІезга* 'мало'). При этом получается приблизительно такая же разница в смысловых оттенках, как и при употреблении качественного определения или обстоятельства образа действия.

3. Обстоятельство образа действия в форме некачественного наречия.

Обстоятельство образа действия в форме подлинного обособившегося от других частей речи наречия употребляется в

ингушском языке чрезвычайно редко, так как в нем имеются только единичные некачественные наречия, которые могут слу- жить обстоятельствами образа действия.

Со воагIа гIаи || со гIаи воагIа.

Я иду пешком.

Наречие *гIаи* происходит от имени существительного *гIа* – первоначально ‘промежуток между ногами’, откуда *гIаишо* ‘пешеход’. Основа *гIаи* происходит от слова *гIогI* ‘вся нога в целом’, откуда множественное число *гIуогIаи* ‘обе ноги в целом’. Наречие *гIаи* представляет собой сокращение этой последней формы.

4. Обстоятельства образа действия, выраженные падежными формами имен существительных.

Обстоятельства образа действия могут быть выражены формами творительного падежа (в обычной и архаической его формах).

А. Обстоятельства образа действия в форме творительного падежа.

Со динаца вахар.

Я поехал на коне.

Из машинаца вера.

Он приехал на поезде || автомобиле.

Эта форма обстоятельства образа действия употребляется при глаголах движения от следующих слов: *говраца* ‘на лошади’, *динаца* ‘на коне’, *кхалаца* ‘на кобыле’, *бакъаца* ‘на жеребчике’, *вираца* ‘на осле’, *машинаца* ‘на машине, поезде’, *вардаца* ‘на арбе’, *цIерпоицаца* ‘на поезде’ и т. д. Следует отметить, что в чеченском языке, в отличие от ингушского, здесь употребляются формы местного падежа. Отвечают эти слова на вопрос: *мишта?* ‘как?’ или: *сенца?* ‘чем?’, т.е. ‘на чем?’

Б. Обстоятельство образа действия в производной форме вещественного падежа (суффикс *-гIа*).

Говр йортагIа йода.

Лошадь идет рысцей (мелкой рысью).

В данном примере в значении обстоятельства образа действия употребляется одна из форм вещественного падежа, обозначающая способ движения на лошади: *боларагIа* ‘шагом’,

йортагIа 'мелкой рысью, рысцой', *чоаболагIа* 'быстрой рысью', *йоргIагIа* 'иноходью' и т. д.

В. Обстоятельство образа действия в форме вещественного падежа (суффикс *-ха*).

Из халхававьлар хIираиша.
Он танцевал по-осетински.

Ер лел воккхача сагаха.
Этот (человек) ходит по-стариковски.

Цо или оал гIумкаиша.
Он поет по-кумыкски.

Из кхайк боргIалха
Он кричит по-петушиному.

В ингушском языке, в отличие от чеченского, форма вещественного падежа с суффиксом *-ха* представляет собой лишь фонетическую разновидность его формы с суффиксом *-х* и во многих случаях одно окончание может безразлично заменяться другим. Вышеприведенная же разновидность окончания вещественного падежа *-гIа* употребляется преимущественно в значении обстоятельства места и образа действия. Следовательно, эту форму мы можем считать разновидностью ингушского вещественного падежа, которая в основном имеет значение обстоятельства места.

Г. Обстоятельство образа действия в форме отыменного наречия с суффиксом *-за*.

Ер дулх а даьннад хIанз чамза.
И это мясо теперь стало невкусное.

Цу гIулакха из бехказа вавьлар сона.
Буквально: В этом деле он безвинный вышел для меня.
В этом деле он оправдался передо мной.

Хьалхара паччахьа Iаьдал къиза дар къахьегамхоиша.
Царская власть была беспощадна по отношению к трудящимся.

Говраиша айхьаза лел цIезскархой.
На конях смело ездят красноармейцы.

Меттазабараша а Iоамаду хIанз дешари йоазуви.
Теперь и немые учатся грамоте.

5. Обстоятельство образа действия, выраженное формой деепричастия.

Гябле увзаш язду цо.

Куря папиросу, он пишет.

Уралатташ тоар цо хIама.

Он стоя закусывал (ел кое-что).

Эта форма выражает действие, которое совершается одновременно с действием, выраженным сказуемым. Отвечает на вопрос *мишта?* 'как?' Это значение деепричастия следует строго отличать от его временного значения, которое выражает предшествование действия действию сказуемого (см. ниже, стр. 403). В последнем случае мы будем иметь деепричастие, которое выражает форму обстоятельства времени. Формы, выражаемые деепричастиями вообще, более подробно рассмотрены ниже в синтаксисе сложного предложения.

Обстоятельство причины. Обстоятельство причины выражается некоторыми формами местного падежа (окончания *-га* *гIолла*, *-из* *гIолла* и др.), а также словами: *бахъане*, *бахъанийца*, *бахъан долаш* 'по причине', *бежказлонца* 'по причине' (буквально 'по оправданию').

Обстоятельство причины отвечает на вопрос *малагIча бахъане || бахъанийца? фу бахъан долаш?* 'по какой причине?'

1. Обстоятельство причины, выраженное формами местного падежа:

Сога гIолла эттар из балха.

Благодаря мне || через меня он устроился на работу.

Говрага гIолла хоттавелар со шерчех.

Благодаря лошади || через лошадь приобрел я быков.

Советски школе гIолла хайра сона йоазув.

Благодаря советской школе я узнал грамоту.

Ахчанга гIолла хIамма а дахаргдац вай.

Буквально: Из-за денег ничто не испортится у нас.

За деньгами у нас дело не станет.

Хигахъара укхаза Iайла || дахилга дац тха,

От реки || из-за реки здесь житья нам нет.

Городагара пайда боал || хул тхона.

Благодаря городу получается (выходит) || бывает для нас польза.

Согахъара бохам хургбац хьона.

С моей стороны || из-за меня тебе вреда не будет.

Даьгахъара гIо хул сона.

Со стороны отца || благодаря отцу мне бывает помощь.

Из примеров видно, что переносное значение в форме местного падежа приобретает оттенок обстоятельства причины. Во всех приведенных примерах можно задать двоякий вопрос – вопрос местного падежа и вопрос причины *малагIча бахъане?* «по какой причине?». Для разграничения вообще таких форм, при которых возможен двоякий вопрос и которые могут быть истолкованы и как обстоятельства места и как обстоятельства причины, следует условиться считать данную форму обстоятельством причины, а не обстоятельством места.

2. Обстоятельства причины, выраженные существительным с добавлением слов *бахъаниэ, бахъанийца, бехказлонца* и др.

Цамагар бахъан долаш || бахъаниэ цIавахар со.

Я ушел домой по причине болезни.

Хъа бехказалонна раъза вац со.

С твоим оправданием (невиновностью) я не согласен.

Ахча хилар бахъон долаш Iангара ваьлар со.

По причине (наличия) денег перезимовал я.

Ахча бахъан вера со тахан.

Я пришел сегодня по причине денег (из-за денег).

Ахча бахъане xIамма а талхаргдац вай.

Буквально: Из-за денег || по причине денег ничто у нас не испортиется.

За деньгами у нас дело не станет.

Дешар бахъан вахара аьттув хиннаб са.

Благодаря учебе у меня жизнь стала удачнее.

Оаха болх дукха бар бахъане || бахъанийца || бахъан долаш тIхона ялат дукха кхаьчар.

По причине того, что у нас было много работы, мы получили много хлеба.

По причине того, что мы много работали, мы получили много хлеба.

Слово *бахъане* представляет собой форму местного падежа от имени существительного *бахъан* 'причина' и буквально обозначает "в причине, на причине, на основании", т. е. "по причине". Формы же *бахъанийца*, *бехказлонца* представляют собой формы творительного падежа от слов *бахъан* 'причина' и *бехказло* 'оправдание' и буквально обозначают "причиной, оправданием". Слово *бехказло* происходит от слова *бехк* 'вина', откуда форма *бехказа* 'безвинный, безвинно', откуда *бехказло* – буквально 'безвинность'. Следовательно *бехказлонца* буквально обозначает "безвинностью, по безвинности". Это слово в качестве служебного для выражения обстоятельства причины употребляется в тех случаях, когда приводится какая-либо субъективная причина (например: по болезни, из-за трамвая и т. д.).

Обстоятельство цели. Обстоятельства цели в ингушском предложении выражаются служебным словом (послелогом) *духъа* 'ради, для, из-за' при родительном падеже имени существительного или неопределенным наклонением глагола со значением будущего времени. Приведем примеры:

1. Обстоятельство цели, выражаемое добавлением слова *духъа* к родительному падежу имени существительного.

Книжкă духъа вера со.

Ради книги я приехал || пришел.

Ахчан духъа вахар со.

Я пошел ради денег.

Бабъем дахчани духъа висар со отарашка.

Я остался (жить) на хуторе ради || из-за травы и дров.

Іаържача лоам вахар со чарахъал дар духъа.

Я пошел для охоты в Черные горы.

УнахцІонон духъа вахар со лоам.

Ради || из-за здоровья я поехал в горы.

Къахъегамхой духъа ший сих къаьстар Шерипов Асланбек.

Шерипов Асланбек расстался с своей жизнью (душой) ради трудящихся.

Берий духъа эц аз ер шура.

Я покупаю это молоко ради детей || из-за детей.

Цун гIуллагкха духъа цоало мегаргъяр из йоI.

Из-за ее обходительности || вежливости можно было бы жесниться на этой девушке.

Обстоятельство цели, выраженное добавлением слова *духъа*, отвечает на вопрос *сен духъа?* ‘для чего, ради чего, из-за чего?’. Слово *духъа* происходит, по-видимому, от слова *юьхъ* ‘лицо; острие, заостренный конец; почет’ (с изменением классного префикса в начале). Интересно отметить, что и в некоторых других языках служебные слова, употребляемые для выражения обстоятельства цели, происходят от слов “голова” или “передний конец”, “острие” (ср. кабардинское *цхъакIэ*, *пацицIэ* ‘для, ради, из-за’, адыгейское *цхъакIэ*, *панкIэ* ‘для, ради, из-за’).

2. Обстоятельство цели, выражаемое неопределенным наклонением:

Ахча изца вера со.

Я пришел получить деньги.

Сомаш эца базар тIа вахийтар аз.

Я послал на базар купить фрукты.

Хъехархо вера урок дала.

Учитель пришел давать урок.

В этих примерах (главным образом при глаголах движения) неопределенное наклонение представляет собой по своему значению обстоятельство цели, так как оно может быть заменено родительным падежом отглагольного существительного с добавлением слова *духъа*:

Ахча эцара духъа вера со.

Я пришел ради || для получения денег.

Сомаш эцара духъа базар тIа вахийтар аз.

Я послал на базар для покупки фруктов.

Хъехархо вера урок далара духъа.

Учитель пришел ради того, чтобы давать урок (для дачи урока).

Таким образом, следует различать неопределенное наклонение, по значению обстоятельство цели, и неопределенное наклонение, по значению косвенное дополнение, которое мы имеем в следующем примере:

Газета деши лов сона.

Мне хочется читать газету.

Я хочу читать газету.

В обоих случаях употребления неопределенного наклонения, оно отвечает на вопрос: *фу де?* 'что делать?' Единственным способом различения обстоятельства цели и косвенного дополнения в этом случае служит возможность замены целевого неопределенного наклонения параллельной формой обстоятельства цели, т. е. родительным падежом отглагольного существительного с добавлением слова *духъа* (см. выше).

Обособленные члены предложения. К обособленным членам предложения относятся обращение и вводные слова. Что касается сравнения, то в ингушском языке его можно не считать обособленным членом предложения, так как до сих пор оно запятыми не выделялось. Приложение представляет собой одну из разновидностей определения и потому рассматривается в разделе определения (стр. 191).

Обращение. Обращением называется наименование того лица или предмета, к которому обращена речь. Обычно оно стоит в форме именительного падежа единственного или множественного числа и может иметь при себе притяжательные дополнения, определения и даже придаточные предложения. Обращение всегда выделяется запятыми:

Дерригача дунен тIара пролетараи, цхъашагIкхета!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В этом предложении при обращении *пролетараи* стоит притяжательное дополнение, при котором в свою очередь имеется определение.

ХIай, дешархой, хъадувла!

Эй, ученики, идите сюда!

Ахъмад, хъавола.

Ахмад, иди сюда.

Обращение употребляется чаще всего в повелительных и просительных предложениях.

Вводные слова. Вводными словами называются такие слова, которые обычно выражают смысловую связь одного главного предложения с предыдущими главными предложениями. Например: *шеко йоацаш* 'вне всякого сомнения', *далиэ, долчиэ* 'итак, следовательно, таким образом'. Иногда в ингушском

языке в качестве вводных слов употребляются отдельные слова, по происхождению сходные с союзами (ср. вводное слово *дале*, *долче* и союз *дале а*), или слова, представляющие собой по форме придаточные предложения и какие-либо отглагольные формы (ср. *хови ма дарра* 'как известно', *хьахетарехь* 'как кажется', *деций хьона* 'не так ли, если тебе угодно' и т. д.), или, наконец, слова, представляющие собой главные предложения (*гуш да* 'очевидно, как видно', *хови да* 'знать, значит, известное дело', *белгалда* 'очевидно, ясно'). В последних двух случаях (если вводные слова не слились в одно слово-понятие и составные их части – слова пишутся раздельно) можно считать вводные слова вводными предложениями. Следовательно, в ингушском языке необходимо строго отграничивать вводные слова и предложения от союзов, с одной стороны, и от придаточных и главных предложений в сложносочиненном предложении, с другой. К сожалению, в ингушской грамматике этот вопрос до сих пор совершенно не был разрешен, в силу чего как педагоги, так и учительские работники затрудняются в расстановке запятых при вводных словах и в отграничении их от союзов.

Вводные слова:

Союзы (в главном предложении):

Далиэ || долчиэ
Итак, следовательно,
таким образом.

Дале а.
Но, однако.

Хьахетарехьа.
Как кажется.

Нагахьа санна || нагахьа
В том случае, если; в случае, если.

Хьетарехьа.
Как кажется, кажется.

Амма.
Но, однако.

Гуш да.
Очевидно, как видно.

Цхьабакьда. Бакьда.
Однако, но.

Хови да.
Знать, значит,
известное дело.

ЦултIехьагIа || ЦултIехьа.
После того, и потом, и затем.

Война хови ма хиллара.
Как нам известно.

ХIаьта.
Тогда, в таком случае.

Белгалда.
Очевидно, ясно.

ТIаккха.
Потом, затем.

Шеко йоацаш.

Иштта.

Несомненно, без
сомнения.

Вот так, так же (как), также, тоже.

Дувцилга йоацаи.
Безусловно
(безоговорочно).

Кхы цаI-м да.
(Буквально: Одно есть) однако, но.

Дувца а дезац || дезаи дац.
Нечего говорить, излишне
говорить.

Е
Или.

Цу тIа дегIа.
На этом основании.
Буквально: На этом
основавшись.

А.
И, также и; ни (в отрицательном
предложении).

Деций хьона.
Буквально: Не так ли тебе;
тебе не так ли; если тебе угодно.

Ма.
Ах, как...; как; так; как так.

Хьона.
Буквально: тебе, значит.

Дий хьона.
Буквально: есть ли тебе;
Не так ли; если угодно, значит.

Сапта.
Подобно тому, как; будто,
словно; как; так же,

как.

Даъра.
Давлара.
Ей-богу.

Муо.
Так, подобно тому, как.

Кхетий хьо?
Понимаешь (ты)? Понимаешь ли?

Мукъа.
Хотя бы, хоть бы.

Хой хьона?
Знаешь (ты)? Знаешь ли?
Хозий хьона?
Слышишь (ты)? Слышь?

Фуд аьлча
Сендухьа да аьлча
Почему, зачем (буквально:
“что есть если сказать”,
“для чего есть, если сказать”).

ХIаа.
(Да), конечно.

Вводное слово *цу тIа дегIа* ‘на этом основании’ может возбудить сомнение, является ли оно вводным словом и следует ли его выделять запятыми. Однако в ингушском языке приходится признать это выражение вводным словом, так как оно имеет

форму придаточного предложения с глагольным сказуемым, оформленным как деепричастие (*mIa degIa*) и потому должно выделяться запятыми. Наоборот, союз *цхьабакъда* || *бакъда* 'однако, но', несмотря на то, что представляет собой по происхождению целое предложение (*цхьа бакъ да* || *бакъ да* 'только правда есть || правда есть'), следует считать противительным союзом, так как и по значению и по форме это бывшее предложение слилось в одно слово-понятие. Следовательно, этот союз не нужно выделять с обеих сторон запятыми (запятая должна ставиться перед этим союзом так же, как перед другими противительными союзами: *амма, дале а*). Таким образом, мы видим, что исторически многие вводные слова развивались в союзы и целые предложения (главные и придаточные) превращались во вводные слова.

Различие между вводными словами и главными предложениями, входящими в состав сложноподчиненного предложения, можно видеть из следующих примеров:

Главное предложение:

Вводные слова:

Хой хьона, самарден тхацига хьабыиий хиннилга.

Ты знаешь, что у нас позавчера были гости.

Хой хьона, самарден тхацига хьабыиий бар.

Знаешь ли, позавчера у нас были гости.

*Хой хьона, СССРе бахача наьха деша а,
болх бе а, салаIа а бокъо йолча.*

Ты знаешь, что граждане (жители) СССР имеют право и учиться, и работать, и отдыхать.

Хой хьона, СССР бохача наьха

деша а, болх бе а, салаIа а бокъо я.

Знаешь ли, (жители) граждане СССР имеют право и учиться, и работать, и отдыхать.

Гуш да, хьо дика саг хилар.

Видно, что ты хороший человек.

Гуш да, хьо дика саг ва.

Видно, ты хороший человек.

Белгалда, из дика пхьар хилар.

Очевидно || ясно, что он хороший мастер.

Белгалда, из говза пхьар ва.

Очевидно, он искусный мастер.

Из примеров видна ясная разница между главными предложениями и теми же словами, употребленными в качестве вводных слов. При главном предложении второе предложение превращается в придаточное и сказуемое приобретает в нем особую, свойственную лишь придаточному предложению форму, например, *хиннилга, йолга* и т.д., при вводном же слове второе предложение остается главным предложением и сказуемое в нем имеет свойственную главному предложению форму (например, *бар, я* и т.д.).

Приведем примеры на употребление вводных слов:

Деза новкъостий дешархой, укх 1939-ча шера сентябре, вайна ма харра, долалу дешара шу.

Уважаемые товарищи ученики, в этом 1939 году, первого сентября, как нам известно, начинается учебный год.

Гуш да, вай юкъарча дооккхийча боахамашта специалистай биза.

Очевидно || ясно, нашим крупным обобществленным хозяйствам нужны специалисты.

Ховш да, вай боахамаш лакхдаларах тарра, вай культура а лакхлулга.

Известно, поскольку поднимается наше хозяйство, постольку поднимается и наша культура.

Долче, воай ялаташ чуэца доладургда вай хІанз .

Итак, мы теперь начинаем уборку наших хлебов.

Колхоза правленес соцам барна, тІа а дегІа, колхозхоша дІадоладир шоай охамаш.

На том основании, что правление колхоза сделало постановление, колхозники начали свою пахоту.

Вай бартаца, цхъаторра, балхаш дойя, шеко йоаццаш, вай балхаш хьалха даргда.

Если мы дружно || сообща будем работать, то, нет сомнения, наша работа будет впереди.

Дувцилга йоацци, чІоагІа да вай ЦІе эскар.

Безусловно, наша Красная армия сильна.

Даьра, новкъостий, хІанз колхозашка машинашца белхаш атта ма ду.

Ей-богу, товарищи, теперь с машинами так легко стало работать в колхозах.

Гой хьона, тахан колхозхошта шортта кIада денад тикашка.

Видишь ли, сегодня привезли в кооператив много мануфактуры для колхозников.

ХIаа, бергба вай болх.

Да || конечно, мы сделаем работу.

Деций хьона, вай ма дика кхаьчар цIа.

Не так ли, как хорошо прибыли мы домой.

Кхетий хьо, тхо селхан ловзарга дар, хьона.

Понимаешь ли, мы вчера были на гулянии (тебе).

Вай, дуй хьона, тховсара сакъердаргда-кха.

Не так ли, ведь мы сегодня ночью будем веселиться.

Хьахетарехь, хIанз догIа да мегаи да вайна.

Кажется, теперь может для нас пойти дождь.

Шеко йоаццаш, укх шера дика хьийкъад кодхозхой ялаташ.

Вне всякого сомнения, в этом году хорошо уродились колхозные хлеба.

Кхоана вай балха гIоргда, хозий шоана, Гурре гIовталаш хьал.

Слышите ли (вы), мы завтра пойдем на работу; вставайте рано утром.

Хой хьона, вай колхозы грузовик ийцай вай правленес.

Знаешь ли, для нашего колхоза правление купило грузовик.

Тха колхозе-м, дий хьона, берзрига а колхозхой шортта даа ялаташ охьаш боакх.

В нашем колхозе, значит, все колхозники мелют хлеб для своей еды.

Таханарча дийнахь, хьахетарехьа, догIа да мег вайна.

Сегодня, по всей вероятности, у нас может пойти дождь.

Тха колхоза беша, дувцилга || дувцийла йоаццаш, мерза сомаш кхуви латт || дегIа боагIаш латт.

В нашем колхозном саду, безусловно, вырастают сладкие фрукты.

Хови да, адам боьде лоаттадаьд паччахьа хана.

Известно, в царские времена держали (оставляли) человека в темноте.

Белгал да, хІанз Советски Іаьдало хьайиллай Іилман а, зажиточни вахара а наІараи.

Очевидно || ясно, теперь советская власть открыла двери и к науке, и к зажиточной жизни.

Дувца а дезац, из-м цо даьд.

Нечего говорить || излишне говорить, он сделал это.

Цар болх бац, хови да, уж пайданна ца хилар.

Они работу не делают, видно || знать, от них пользы нет.

Сравнение. В ингушском языке сравнение передается с помощью союзов *муо* и *санна* 'как, в точности как; так же, как; будто, словно, подобно'. Сравнение до сих пор в ингушском языке не выделялось запятой, хотя его и можно выделять. Сравнение можно считать особой разновидностью обстоятельства образа действия.

Малх санна, хоза йоІ яр из.

Она была девушкой, как солнце.

Хоза йоІ я из, малх санна.

Эта девушка красива, как солнце.

Борз санна, майра кІант хиннав Чапаев.

Чапаев был молодец, храбрый, как волк.

Ляьтта санна, кьахьегамхошта тешаме саг хилар Ленинах.

Буквально: Из Ленина стал человек для трудящихся (столь же) заслуживающий доверия, как земля.

Ленин был человек, которому трудящиеся доверяли, как земле.

В приведенных примерах сравнение относится к определению-прилагательному и потому оно, как и в русском языке, не изменяется по падежам (не согласуется ни с одним из членов предложения).

Малх санна, хозача йоІа моаршал хаьттар сога.

Девушка, красивая как солнце, сказала (спросила) мне привет.

Сравнение, которое относится по смыслу к сказуемому, согласуется с теми членами предложения, к которым оно относится. Этот признак отличает его от обособленных членов предложения:

Дерригача а дунен тIара къахъегамхой теи коммунистически партех, лаьттах санна.

Грудящиеся всего мира доверяют коммунистической партии, как земле.

Малхо санна, сердало лу электричествас.

Электричество дает свет, подобный солнцу.

Электричество светит, подобно солнцу.

В ингушском народном языке и фольклоре употребляется много образных сравнений. Приведем здесь некоторые из них:

Муш санна, яIаьха.

Длинный, как веревка.

Ткъиэ санна, йIаьха.

Длинный, как ремень (которым увязывают воз, увязывали деревянный плуг).

Гул санна, сома.

Толстый, как кряж.

Саьрг санна, виткъа.

Тонкий, как хворостина.

Уст санна, чIоагIа.

Крепкий, как бык.

БугIа санна, чIоагIа.

Сильный, как буйвол.

Мух санна, масса.

Быстрый, как ветер.

Дохк санна, дикъа.

Густой (крутой), как туман.

Харцахъара ирбаь хьокха санна, тоамбоацаш.

Неподходящий, как неправильно затесанный кол.

ГIув санна, вIаьха.

Длинный, как засов для ворот.

Шехк санна, кIаьда.

Мягкий, как легкое.

Котам санна, шийшиха.

Котам мо, шийшиха.

Трусливый, как курица.

Москаборг *Гал санна, вувсавенна.*

Растопырился, как индюк.

Шура санна, к *Гай.*

Белый, как молоко.

Лоа санна, к *Гай.*

Белый, как снег.

Хьоар санна, к *Гавда.*

Мягкий, как мука.

Ци санна, й *Гайха.*

Горячий, как огонь.

Ша санна, шийла.

Холодный, как лед.

Муж санна, мела.

Теплый, как пойло.

Лоам санна, йоккха.

Большой, как гора.

Гув санна, лакха.

Высокий, как курган.

Ца санна, йоккха.

Большой, как дом.

Гали санна, шера.

Широкий, как мешок.

Тора санна, готта.

Узкий, как наперсток.

Тай санна, нийса.

Ровный, как нитка.

Пхо санна, нийса.

Ровный, как пуля.

Пенда санна, гоама.

Кривой, как ребро.

Даш санна, деза.

Тяжелый, как свинец.

Кхера санна, чоагIа.
Крепкий, как камень.

Жа санна, дукха.
Многочисленный, как отара.

Тха санна, ваьнна.
Обросший, как шерсть.

Мух санна, чехка.
Быстрый, как ветер.

Бгийг санна, ловзаш.
Игривый, как козленок.

Думи санна, дерста.
Жирный, как курдюк.

Iша санна, шаьра.
Гладкий, как лед.

Дит || тур санна, ира.
Острый, как шашка || лезвие.

БIастам санна, аьрхIа.
Тупой, как обух.

БIалг санна, дира.
Соленый, как ком соли.

Хий санна, теза.
Пресный, как вода.

Iцалх санна, миста.
Кислый, как прокисшая подливка.

Тотпар санна, дикъа.
Густой, как саман.

Худар санна, дикъа.
Крутой, как каша.

Хий санна, коача.
Жидкий, как вода.

Чорна санна, коача.
Жидкий, как суп || бульон.

Наж санна, чоагIа.

Крепкий, как дуб.

ЖІале тІехк санна, чІоагІа.
Крепкий, как собачья кость.

Малх санна, елаш.
Улыбающаяся, как солнце.

ЧІим¹ санна, цІенваъ.
Ободран, как липка.
Буквально: Ободран, как порей.

Берда санна, кхесташ.
Крутится, как мельничное колесо.

Приведем примеры на употребление союза *моу*:

Сиглиэ мо, сийна.
Синее, как небо.

КІар мо, Іаържа.
Черный, как уголь.

Модз мо, мерза.
Сладкий, как мед.

Сим мо, къахъа.
Горький, как желчь.

Тух мо, дира.
Соленый, как соль.

Хох мо, кІома.
Горький, как лук.

Цхо мо, тийса.
Ровный, как пуля.

Хъам мо, векъавенна.
Посохший, как ...

ЦІалх мо, миста.
Кислый, как перекисшая подливка.

Хий мо, шорта.

¹ Дикое растение со съедобным стеблем. Стебель очищается от кожуры. Сердцевина водянистая с пресным вкусом, употребляется в пищу.

Изобильный, как вода.

Говрах лота ца вухъаш, нуврах лийтар мо.

Как тот, который не осмелившись драться с лошадьёю, подрался с седлом.

Лоа мо, клай.

Белый, как снег.

"Лоам зIo", аьлча, лоам ваха найц мо.

Подобно зятю, который (сразу) поехал в горы, когда ему сказали: "Езжай в горы".

Борз мо, майра.

Храбрый, как волк.

Кхокх мо, хоза.

Красивая, как голубь (про девушку).

Ткъе мо, вIаьха.

Длинный, как постромка.

Саьрг мо, виткъа.

Длинный, как хворостина.

Ча мо, тенна.

Рослый, как медведь.

Цогал мо, маькара.

Хитрый, как лисица.

Ча мо, йирча.

Некрасивый, как медведь.

Куотам мо, зовза.

Трусливый, как курица.

Лоам мо, чIoагIа.

Крепкий, как гора.

ЦIoз мо, дукха.

Многочисленный, как саранча.

Кузга мо, сийрда.

Светлый, как стекло.

Зунгатий боарз мо, дукха.

Многочисленный, как муравейная куча.

Бокхара мозий мо, дукха.

Многочисленный, как пчелы.

Циск мо, маькара.

Хитрый, как кошка.

Мух мо, масса.

Быстрый, как ветер.

Буц мо, баьццара.

Зеленый, как трава.

Уст мо, чIоагIа.

Крепкий, как бык.

БугIа мо, майра.

Храбрый, как бугай.

Муж мо, мела.

Теплый, как пойло (для скота).

Дитт мо, ира.

Острый, как лезвие.

Хьайра мо, кхестаи.

Крутящийся, как мельница.

Зюк мо, ира.

Острый, как клюв.

Цекъ мо, майра.

Храбрый, как тигр.

Дахча мо, векъа.

Сухой, как дерево.

Пхаьн мо, нийса.

Ровный, как бук.

Наж мо, чIоагIа.

Крепкий, как дуб.

Кхера мо, чIоагIа.

Крепкий, как камень.

Аьик мо, сийна.

Синий, как железо.

ЙоI мо, хоза.

Красивый, как барышня.

Чкъяра мо, чехка.
Быстрый, как рыба.

Пхъагал мо, масса.
Быстрый, как заяц.

Бларза мо, чоагIа.
Крепкий, как мул.

Даи мо, деза.
Тяжелый, как свинец.

ЦIаста мо, цIе.
Красный, как медь.

Пенда мо, гоама.
Кривой, как ребро.

Тов мо, цIиэ.
Красный, как жар.

Дайтта мо, хъаьна.
Масляный, как масло.

Шекар мо, мерза.
Сладкий, как сахар.

Морз мо, миста.
Кислый, как сыворотка.

Думи мо, кIаьда.
Мягкий, как курдюк.

Боамби мо, кIаьда.
Мягкий, как вата.

КIориг мо, ховха.
Молодой, как цыпленок.

ЦIи мо, йIайха.
Горячий, как огонь.

Урз || кIурз мо, Iаьржа.
Черный, как сажа.

Хъашк мо, дIайха.
Горячий, как головешка.

Нал мо, тенна.

Рослый || массивный, плотный, как кабан.

Баскилг мо, цIувзаи.

Стрекучий, как кузнецик.

Борз мо, увгIаи.

Воющий, как волк.

Циск мо, Iexaи.

Мяукающий, как кошка.

Дада ийккха лаьча санна || мо, кийча ва из.

Он готов, как приготовившийся к полету сокол.

ДогIах ведда кхуркхолга кIалтыйккхър санна || мо.

Подобно тому, который, убежав от дождя, попал под водопад.

Малх санна || мо, сийрда дидар из.

Это был светлый, как солнце, день.

Яьккха кийи теах мIаргеи санна || мо, дIанийсделар из.

Это уладилось, как снятая шапка и ударившая нога.

Iгла берза мо мара, йорт тохаац цо.

Он мелкой рысью || рысцой не пойдет, как идет рысцою и волк (сравнение про мужество).

АстагIа саг мо мара, кърлургвац из.

Не подвергающийся воздействию, как хромой.

Яьнна топ мо, кийча ва со.

Я готов, как выстрелившее ружье.

Даьрьенна ча мо, дарха вар из.

Он был озлоблен, как раздраженный медведь.

Хила баха кхера санна || мо, дайна дIадаьлар из.

Это пропало, как попавший в воду камень.

Тоаркхой тух санна || мо, деза долаи.

Тяжелый, как торкоевская соль.

Iандий маьждиг санна || мо, доккха долаи.

Большой, как андийская мечеть.

Хьалмчаца лотадаь кIай каьгIат санна || мо, дегIах латаи долаи.

Прилипающий к телу, как склеенная клеем белая бумага.

БIарг санна || мо, сайна дукха езача лоа санна || мо, кIайча йоIага дохийт аз е салам-моаршал.

Любимой много, как око, белой, как снег, девушке посылаю я этот привет.

Слитное предложение или предложение с однородными членами. Однородными членами предложения называются такие, которые и по своей форме (по своим окончаниям), и по своему синтаксическому значению совершенно одинаковы. Например: несколько подлежащих или несколько прямых дополнений при одном сказуемом, несколько глаголов-сказуемых при одном подлежащем, несколько одинаковых обстоятельств (отвечающих на один и тот же вопрос) при одном и том же глаголе-сказуемом, несколько одинаковых качественных определений или несколько одинаковых относительных определений при одном определяемом, несколько одинаковых косвенных дополнений (например, дательных, или творительных, или вещественных, или местных с одинаковыми окончаниями) при одном и том же глаголе-сказуемом, несколько одинаковых притяжательных дополнений при одном и том же дополняемом.

Предложение, в котором имеется несколько однородных членов (в частности – несколько сказуемых), называется предложением с однородными членами или слитным предложением. Приведем примеры:

Болхлоша, ахархоша, гIулакхерча наха оттадир съезде.
Рабочие, крестьяне, служащие постановили на съезде.

Ахьмад, Махьмад вахар городе.
Ахмет, Магомет поехали в город.

Оаха лаятта оах, макха боаккх, оасар ду.
Мы пашем землю, бороним (борону), делаем прополку.

Дешархоша деш, язду.
Ученики читают, пишут.

Оаха ялташ дув, хьокх, оард, цIа дахь.
Мы сеем хлеб, косим, молотим, привозим домой.

Говр дика, хоза, аьсала я.
Лошадь хороша, красива, смирна (есть).

Говр дика хьайба да, хоза хьайба да, аьсала хьайба да.

Лошадь – хорошее животное, красивое животное, смирное животное.

Однородные члены предложения, как в приведенных примерах, могут употребляться без союзов. Однако обычно однородные члены соединяются союзами. Все однородные члены, кроме сказуемого, могут быть соединены союзом *а*, союзным суффиксом *и* (*еи*) или союзом *е* ‘или’. Союз *а* и союзный суффикс *и* (*еи*) представляют собой соединительные союзы, равные русскому *и*. Оба эти способа выражения союза “и” до сих пор оставались неразграниченными, а смысловая разница между ними и по настоящий момент остается неизвестна многим грамотным ингушам. Между тем, факты ингушского языка с несомненностью показывают, что между этими двумя способами передачи русского союза *и* в ингушском языке существует совершенно определенная разница, как это видно из следующих примеров:

Ахьмада а, Махьмада а яздаьд каьгIат.

И Ахмад, и Махмуд написали (поровну, по одной бумаге) бумагу.

Ахьмадеи Махьмадеи яздаьд каьгIат.

Ахмад и Махмуд написали (вместе одну) бумагу.

Оаха гатах а, кисех а, даьрех а ю ахкан коч.

Летом мы делаем летнюю рубашку и из льна, и из бумаги, и из шелка (и из других материалов).

Оаха гатахи, кисехи, даьрехи ю ахкан коч.

Летом мы делаем рубашку (только) из льна, бумаги и шелка.

Из примеров видно, что союз *а* имеет ясное отделительное значение и показывает, что каждый из однородных членов действует или существует по отдельности. Таким образом, союз *а* равен русскому союзу *и*, повторяемому перед каждым из однородных членов. Что ингушский союз *а* имеет именно это значение, показывает его употребление в простом предложении не при однородных членах:

Тахан со а вахавар базар тIа.

Сегодня и я ходил || пошел на базар.

Сегодня также я ходил на базар.

Селхан со театре вахав, кино а вахав.

Вчера я ходил в театр, а также (сверх того) сходил в кино.

В отрицательном предложении этот же союз *а* по значению равен русскому отрицанию *ни*, повторяемому перед каждым из однородных членов:

Селхан со театре а, кино а ваханзар.

Вчера я не ходил ни в театр, ни в кино.

Цхъаккха а вац.

Никого нет.

Буквально: Никто не есть.

ХIамма а дац.

Ничего нет.

Буквально: Ничто не есть.

В последних двух примерах отрицательное значение союза *а* усиливается удвоительным ударением. Следует отметить, что в ингушском языке, в отличие от чеченского, не существует усилительной частицы *а*, а в данном случае, как и в других, мы имеем союз *а*.

Все приведенные примеры доказывают с полной ясностью, что союз *а* в ингушском, как и в чеченском языке, имеет всегда так называемое разделительное (т.е. отделительное) значение русского союза *и*. Поэтому данный союз следует отделять запятой в тех случаях, когда он повторяется при нескольких однородных членах предложения. Союзный суффикс *-и* (*-ei*), наоборот, имеет всегда только значение соединительного русского союза *и*. Он употребляется только при однородных членах ингушского предложения. Разделительный союз *а* может быть употреблен и один раз при каком-либо члене предложения. В этом случае он равен по значению русскому *а также*. Соединительный же союз *-и* (*-ei*), наоборот, никогда не может иметь этого значения и, следовательно, его значение не могло развиться в значение отрицания *ни*.

Как союз *а*, так и союзный суффикс *-и* в ингушском языке повторяются при каждом из однородных членов, которые они связывают. Поэтому, на первый взгляд, кажется необходимым отделять и те слова, которые имеют союзный суффикс *-и*, друг от друга запятой. Однако, по своему значению этот союз равен русскому *и* в соединительном значении, при котором внутри простого предложения запятая не ставится. Следовательно, разница между ингушским и русским языком в данном случае заключается только в том, что при перечислении в русском язы-

ке только два последние однородные члена соединяются союзом *и*, предшествующие же остаются безсоюзными и потому отделяются запятыми. В ингушском же языке каждый из однородных членов соединен с другими союзным суффиксом *-и*. Однако от этого повторения он не приобретает в ингушском языке разделительного значения. На этом основании будет более целесообразным не отделять однородные члены, имеющие союзный суффикс *-и*, запятыми друг от друга, так как в этом случае пришлось бы отделять запятыми то, что связано союзом *и* в соединительном значении.

Следовательно, мы приходим к выводу, что по смыслу ингушский союз *а* равен русскому союзу *и* в разделительном значении, ингушский же союзный суффикс *-и* равнозначен русскому *и* в соединительном значении. Поэтому однородные члены, соединенные союзом *а*, следует отделять друг от друга запятыми, однородные же члены, соединенные союзным суффиксом *-и*, ни по своему смыслу, ни по своей форме не требуют отделения запятой.

В отличие от чеченского, в ингушском языке союзный суффикс *-и* никогда не выражается с помощью согласного *и* даже в тех редких случаях, когда однородные члены предложения в ингушском языке односложны и оканчиваются на носовой гласный. Например:

Ахьмада, Махьмада трудденош дукха да.

У Ахмета, у Магомета много трудодней.

Ахьмада а, Махьмада а, дукха трудденош да.

И у Ахмета, и у Магомета много трудодней.

Ахьмадеи Махьмадеи дукха трудденош да.

У Ахмета и у Магомета много трудодней.

Гамажий, бежа шура хул.

У буйволов, у коров бывает молоко.

Гамажий а, бежа а шура хул.

И у буйволов, и у коров бывает молоко.

Гамажийи, бежеи шура хул.

У буйволов и у коров бывает молоко.

КIай, цIе, IажагIа Iажаш ухк истола тIа.

Белые, красные, желтые яблоки лежат на столе.

КІай а, ціе а, ІажагІа а Іажаш ухк истола тІа.
И белые, и красные, и желтые яблоки лежат на столе.

КІайи, ціеи ІажагІеи Іажаш ухк истола тІа.
Белые, красные и желтые яблоки лежат на столе.

Хьобхан, ножсан, попан ду оаха гІанташ.
Из липы, из дуба, из чинары мы делаем стулья.

Хьехах, попах, нажах ду оаха гІандаш.
Из липы, из дуба, из чинары мы делаем стулья.

Хьехах а, попах а, нажах а ду оаха гІандаш.
Мы делаем стулья и из липы, и из дуба, и из чинары.

Хьехахи попахи нажахи ду оаха гІандаш.
Мы делаем стулья из липы, из дуба и из чинары.

Нажахи кьахьача эстехи ду оаха ворда кІаргаши.
Мы делаем колесные спицы (только) из дуба и из ясеня.

Деша, язде, ловза дахадар тхо школе.
Мы ходили в школу читать, писать и играть.

Деша а, язде а, ловза а дахадар тхо школе.
Мы ходили в школу и читать, и писать, и играть.

Дешеи яздеи ловзеи дахадар тхо школе.
Мы ходили в школу читать, писать и играть.

Саи тха веийи даьвеийи веІийи гота даха дизза.
Мне, нашему брату и двоюродному брату завтра надо ехать
идти.

Из примеров видно различие между бессоюзным употреблением однородных членов, употреблением их с союзом *а* и употреблением их с союзным суффиксом *-и*.

Употребление соединительных союзов при однородных сказуемых отличается некоторыми особенностями от употребления их при других однородных членах предложения. Союзный суффикс *-и* при сказуемых совсем не употребляется. Для соединения сказуемых применяется только союз *а*. Этот союз ставится не при самих сказуемых, а при словах, стоящих впереди сказуемого, например, при обстоятельственных словах, при прямых дополнениях, при непродуктивных подлежащих и т. д. Если сказуемое имеет приставку, то союз *а* употребляется после приставки, которая в этом случае пишется отдельно от глагола-

сказуемого. То же имеет место в том случае, если глагол-сказуемое употребляется с отрицанием. Если кроме подлежащего и сказуемого в предложении нет иных членов и при этом сказуемом нет ни приставки, ни отрицания, то для постановки союза *a* повторяется глагольная основа в форме повелительного наклонения или, если глагольная основа сложная, отделяется первая часть ее (один из корней глагола) и после этого повторения глагольного корня или глагольной основы ставится союз *a* для связи сказуемых в слитном предложении:

Со цIа а вера, кино а вахар.

Я и домой пришел, и в кино пошел.

Со цIа вера, кино а вахар.

Я домой пришел и (а также) в кино пошел.

Со чу а вера, дIа а вахар.

Я и пришел, и ушел.

Со ва а вера, ваха а вахар.

Я (придти) пришел и (уйти) ушел.

В вышеприведенных примерах оба сказуемых непереходные.

Аз газета а дийшар, хIама а йшар.

Я и газету прочел, и (кое-что) перекусил.

Аз газета дийшар, хIама а йшар.

Я газету прочел и (а также) (кое-что) перекусил.

Аз да а диар, мала а мелар.

Я (поесть) поел и (попить) попил.

Во всех приведенных примерах оба сказуемых переходные.

Со цIа вера, газета а дийшар.

Я домой пришел и газету прочел.

Со цIа а вера, газета а дийшар.

Я и домой пришел и газету прочел.

Со чу а вера, газета а дийшар.

Я и пришел, и газету прочел.

Со ва а вера, деша а дийшар.

Я и придти пришел, и прочесть прочел.

Со ва а вера, газета а дийшар.

Я и придти пришел, и газету прочел.

В приведенных выше примерах мы имеем сказуемые различных залогов: первое сказуемое непереходное, второе сказуемое – переходное.

Союз *а* во всех приведенных выше случаях выражает не просто связь между двумя сказуемыми, но и последовательность выражаемых этими сказуемыми действий во времени: первое действие предшествует второму. Те же способы употребления союза *а* применяются и для выражения двух и более одновременно происходящих действий, выражаемых однородными сказуемыми, например:

Аз газета а дийшар, гIаьле а иззар.

Я и газету прочел, и папиросу выкурил.

Аз газета дийшар гIаьле а иззар.

Я прочел газету и выкурил папиросу.

Аз деша а дийшар, оза а || изза а иззар.

Я и прочесть прочел, и покурить покурил.

Аз газета дешар, гIаьле а уозар.

Я газету читал и папиросу курил.

Из приведенных примеров видно, что разделительное значение русского союза *и* при сказуемых выражается в ингушском языке повторением союза *а* при каждом из однородных сказуемых, соединительное же значение русского союза *и* в этом случае выражается в ингушском языке употреблением союза *а* лишь при одном из однородных сказуемых – обычно при втором.

При присоединении союзного суффикса *-и* ко всем однородным членам предложения, кроме сказуемого (при котором этот способ выражения союзной связи не употребляется), происходят некоторые фонетические изменения в результате звукового слияния этого суффикса с гласным предшествующего окончания. Если однородные члены предложения оканчиваются на согласный или на любой гласный, кроме *а* краткого, то союзный суффикс присоединяется к этому окончанию непосредственно и сохраняется в произношении в виде самостоятельного слога *и* (произносится как *йи* после гласных). Если же однородные члены оканчиваются на *а* краткое, то этот гласный сливается с последующим союзным суффиксом в сочетании гласных *еи* (произносится как *изйи*). Переход *а* краткого в дифтонг *из* в этом случае представляет собой результат уподобления конеч-

ного *а* краткого последующему союзному суффиксу *и*. Возьмем пример: *даи нанеи* 'отец и мать'. Первое слово *даи* 'отец' кончается на *а* долгое. Поэтому этот гласный при присоединении союзного суффикса сохраняется в произношении без изменения. Слово *нана* 'мать' кончается на *а* краткое. Поэтому конечный гласный здесь перед союзным суффиксом переходит в *е* (дифтонг *иэ*). Приведем примеры на употребление союзного суффикса *и* в слитном предложении:

Тахани кхоанеи ломмэи балха вода со.

Сегодня, завтра и послезавтра я уйду на работу.

Укх шерей соахкеи лурчохи кIаиш дIуха дийнадар колхозхоша.

В этом году, в прошлом году и в позапрошлом году много пшеницы посеяли колхозники.

Хьалхеи хIаиши цхьа тайна дац балха болараш.

Раньше и теперь темпы работы не одинаковы.

Селеи гIумкеи ДаьгIастне вах.

Тавлин и кумык живут в Дагестане.

Селии гIумкийи ДаьгIастне бах.

Тавлины и кумыки живут в Дагестане,

СССР-е болхлои ахархои вIашагIкхийттаб.

В СССР рабочий и крестьянин объединились.

СССР-е болхлои ахархойи вIашагIкхийттаб.

В СССР рабочие и крестьяне объединились.

Изи, сои, хьои тахан горобе вода.

Он, я и ты сегодня едем в город.

Асхьаби, Ахьмади, Махьмуди кхоана Iурра цу балха болх.

Асхаб, Ахмет и Махмуд завтра утром идут на эту работу.

Болхлои, ахархойи гIуллакхера нахи съезде гулбелар.

Рабочие, крестьяне и служащие собрались на съезде.

Болхалошеи ахархошеи гIулакхерча нахеиоттадир (соцамбир) съезде.

Рабочие, крестьяне и служащие постановили на съезде.

Ахьмади Махьмади хьавоалавир аз.

Я привел Ахмета и Магомета сюда.

Ахьмадаи Махьмадаи преми елар оаха.

Мы дали премию Ахмету и Магомету.

В некоторых редких случаях два однородных члена – два имени существительных – соединяются с помощью одного союзного суффикса *-и*, присоединяемого лишь ко второму слову. Это бывает при словах, которые обычно употребляются парами, например:

КӀаьнк йиӀиш да.

Мальчик и девочка есть.

Коч хечиш да.

Рубашка и брюки есть.

УстагӀа газен дахар.

Баран с козой пошли.

Баран и коза пошли.

Управление падежом подлежащего нескольких сказуемых разных залогов. Как было сказано выше, подлежащее в ингушском языке может стоять в двух падежах: в активном и именительном. Активный падеж подлежащего употребляется в переходном обороте, т. е. в том случае, когда сказуемое-глагол является переходным. Именительный падеж подлежащего употребляется в непереходном обороте, т. е. в том случае, если сказуемое-глагол является непереходным. При употреблении нескольких сказуемых при одном подлежащем в слитном предложении может оказаться, что одно сказуемое является непереходным, а другое сказуемое – переходным. Подлежащее в этом случае не повторяется при каждом сказуемом, а ставится в предложении один раз – или в начале, или в конце его. Прежде всего мы должны выяснить: имеем ли мы в данном случае в ингушском языке предложение с однородными членами (слитное предложение) или сложносочиненное предложение. С точки зрения формальной можно было бы считать, что так как подразумеваемое подлежащее при одном из сказуемых должно иметь личную падежную форму, данное предложение можно рассматривать как соединение двух главных предложений, т. е. как сложносочиненное предложение. Однако при решении этого вопроса следует признать более правильной не формальную, а смысловую точку зрения. Так как подлежащее в этом случае одно и выражено одним словом, то мы имеем здесь типичное слитное предложение – два или несколько сказуемых при одном подле-

жащем. Правда, такого рода слитное предложение представляет собой характерную особенность ингушского и чеченского языка.

Далее возникает вопрос, в каком падеже должно стоять подлежащее, если каждое сказуемое требует различного его падежа. Приведем примеры:

Со базар тIа а вахар, дулх а ийцар.

Я пошел на базар и купил мяса.

Первое сказуемое *вахар* является непереходным, второе сказуемое *ийцар* — переходным. При первом сказуемом подлежащее должно стоять в именительном падеже. Второе сказуемое требует активного падежа подлежащего. Подлежащее, однако, стоит в данном случае в именительном падеже, так как его форма зависит от ближайшего к нему сказуемого *вахар*.

Аз дулх а ийцар, цIа а вера.

Я купил мяса и пришел домой.

В данном предложении, наоборот, первое сказуемое — переходное, а второе сказуемое непереходное. Подлежащее стоит в активном падеже опять-таки в зависимости от ближайшего к нему сказуемого.

Базар тIа а вахар, дулх а ийцар аз.

Я пошел на базар и купил мяса.

В этом предложении подлежащее стоит в активном падеже потому, что ближайшее к нему второе сказуемое является переходным.

Дулх а ийцар, цIа а вера со.

Я купил мяса и пришел домой.

Итак, приведенные примеры позволяют с полной ясностью ответить на поставленный нами вопрос. Если одно подлежащее стоит при нескольких сказуемых, относящихся к разным залогам, то падеж подлежащего определяется ближайшим к нему сказуемым.

Согласование сказуемого с несколькими непродуктивными подлежащими или прямыми дополнениями в классе (роде). Глагол-сказуемое в ингушском языке согласуется в грамматическом классе с непродуктивным подлежащим (в непереходном обороте) или с прямым дополнением (в переходном обороте). Это простое правило осложняется, однако, в том случае, если мы имеем в данном предложении при одном сказуемом (изменяю-

щемся по классам) несколько подлежащих или несколько прямых дополнений, относящихся к различным грамматическим классам. В ингушском языке в этом случае сказуемое-глагол чаще всего принимает форму четвертого класса вещей и природы *да, да*. Однако, это правило имеет целый ряд отклонений, в особенности в живом народном языке. Приведем примеры:

ЗIамига саг вахар.

Молодой человек пошел.

ЙоI яхар.

Девушка пошла.

ЗIамига саг а йоI а дахар.

И парень и девушка пошли.

ЗIамига саги йоIи дахар.

Парень и девушка пошли.

ЙоI а, зIамига саг а дахар.

И девушка, и парень пошли.

ЙоIи зIамига саги дахар.

Девушка и парень пошли.

Мехкарий а, кагий нах а бахар.

И девушки, и парни пошли.

Кагий нах а, мехкарий а бахар.

И парни, и девушки пошли.

Бер дахар.

Ребенок пошел.

ЗIамига саг а, йоI а, бер а дахар.

И парень, и девушка, и ребенок пошли.

Бер а, зIамига саг а, йоI а дахар|| бахар.

И ребенок, и парень, и девушка пошли.

Бераиш а, мехкарий а, кагий нах а бахар.

И дети, и девушки, и парни пошли.

Мехкарий а, кагий нах а, бераиш а Iахар.

И дети, и девушки, и парни пошли.

Газа яхар.

Коза пошла.

УстагIа бахар.
Овца пошла.

УстагIий дахар.
Овцы пошли.

Газа а, устагI а дахар.
И коза, и овца пошли.

Гаьзарий а, устагIий а дахар.
И козы, и овцы пошли.

УстагI а, газа а дахар.
И овца, и коза пошли.

УстагIий а, гаьзарий а яхар.
И овцы, и козы пошли.

Етт бахар.
Корова пошла,

Говр яхар.
Лошадь пошла.

Говр а, етт а дахар
И лошадь, и корова пошли.

Етт а, говр а дахар.
И корова, и лошадь пошли.

Говраш а, хьаьлий а дахар.
И лошади, и коровы пошли.

Хьаьлий а, говраш а дахар.
И коровы, и лошади пошли.

Iу вахар.
Пастух пошел.

Божа бахар.
Стадо (крупного рогатого скота) пошло.

Говраш а, хьаьлий а, Iу а дахар.
И лошади, и коровы, и пастух пошли.

Iу а, хьаьлий а, говраш а дахар.
И пастух, и коровы, и лошади пошли.

Iу а, божа а бахар || дахар.
И пастух, и стадо пошли.

Божа а, Іу а дахар.
И стадо, и пастух пошли.

Говраш а, Іу а дахар.
И лошади, и пастух пошли.

Іу а, говраш а дахар.
И пастух, и лошади пошли.

Саг || кьонаха вахар.
Мужчина пошел.

Сесаг яхар.
Женщина пошла.

Кьонаха а, сесаг а дахар || бахар.
И мужчина, и женщина пошли.

Сесаг а, кьонаха а дахар || бахар.
И женщина, и мужчина пошли.

Кьонахи сесаги дахар.
Мужчина и женщина пошли.

Сесаги кьонахи дахар.
Женщина и мужчина пошли.

Жа дахар.
Отара овец пошла.

Іу а, жа а дахар.
И пастух, и отара пошли.

Гаъзарий а, Іу а дахар.
И козы, и пастух пошли.

Коч я.
Рубашка есть.

Хачи я.
Брюки есть.

Коч а, хачи а да || я.
И рубашка, и брюки есть.

Кочи хачий да.
Рубашка и брюки есть.

Коч хачий да.

Рубашка и брюки есть.
Рубашка с брюками есть.

Куочамаши хачеши да || я.
Рубашки и брюки есть.

Куочамаи а, хачеи а да || я.
И рубашки, и брюки есть.

Наж я.
Дуб есть.

Хьех я.
Липа есть.

Б!аьринг я.
Орешник есть.

Наж а, хьех а я.
И дуб, и липа есть.

Хьех а, наж а я.
И липа, и дуб есть.

Б!аьринг а, хьех а я.
И орешник, и липа есть.

Б!аьринг а, наж а я.
И орешник, и дуб есть.

Наж а, б!аьринг а я.
И дуб, и орешник есть.

Из приведенных примеров видно, что если однородные подлежащие (в непереходном обороте) принадлежат к различным классам – мужскому и женскому, то при единственном их числе сказуемое имеет класс “д”, а при множественном – класс “б”. Если же к этим однородным членам присоединяется подлежащее, обозначающее члена общества, но требующее класса “д” (в немногих отдельных словах – *бер* ‘дитя’, *адам* ‘человек’, *нускал* ‘невеста’), то в этом случае во множественном числе сказуемое наряду с классом “б”, может иметь и класс “д”, если слово, требующее этого класса находится перед сказуемым.

Если однородные подлежащие относятся не только к классу мужчин и женщин, но и к классам природы и вещей (четыре класса), т.е. к классам “я, я”; “ба, ба”; “ба, да”; “да, да”, то в этих случаях сказуемое обычно имеет класс “д”. При этом коле-

бания замечаются в сторону того класса, который имеет находящееся перед сказуемым подлежащее. Разберем еще примеры:

Оаха Іажаш, кхораи биар.

Мы ели яблоки, груши.

Оаха Іажаш а, боалаи а биар.

Мы кушали и яблоки, и вишни.

Оаха хьамискаш а, кабуцаи а йиар.

Мы ели, и помидоры, и капусту.

Оаха помидораи а, кабуцаи а йиар.

Мы ели, и помидоры, и капусту.

Говраи а, жІалеш а дахар.

И лошади, и собаки пошли.

ЖІалеш а, говраи а дахар.

И собаки, и лошади пошли.

Нах а, рема а, божа а бахар || дахар.

И люди, и табун, и стадо пошли.

Нах а, божа а, рема а дахар || бахар.

И люди, и стада, и табун пошли.

Нах а, божа а, реміи а дахар.

И люди, и стада, и табуны пошли.

Божа а, саг а дахар.

И стадо, и человек пошли.

Саг а, божа а бахар || дахар.

И человек, и стадо пошли.

Аз намидор, берхІа, маькх диар.

Я ел помидор, рассол (соленую подливку), хлеб.

Аз маькх, намидор, берхІа диар.

Я ел хлеб, помидор, рассол.

Аз маькх, берхІа, намидор диар.

Я ел хлеб, рассол, помидор.

Оаха маькхаш, берхІаш, помидораи диар.

Мы кушали хлеб, рассол, помидоры.

Оаха берхІаш, помидораи, маькхаш диар || йиар.

Мы кушали рассол, помидоры, хлеб.

Оаха помидораиш, маькхаиш, берхIаиш диар.

Мы кушали помидоры, хлеб, рассол.

Аз худараиш а, сискалаиш а диар || йиар.

Я кушал и кашу, и чурек (и каши, и чуреки).

Аз сискалаиш, берхIаиш диар.

Я кушал чурек, рассол (чуреки, рассолы).

Стола тIа кьоаламаиши, резинкаиши да.

На столе есть ручки, резинки.

Стола тIа резинка, кьоалам да.

На столе есть резинка, ручка.

Дахча а, йол а дера.

Привез и дрова, и сено.

Йол а, дахча а дера.

Привез и сено, и дрова.

Дос а, аьлаиш а дера || ера.

Привез и дров, и сена.

Аьлаиш а, дос а дера.

И сена, и дров привез.

БIаьринг а, кьахьаэсти а яьгай.

Разгорелись и орешник и ясень.

Кьахьаэсти а, бIаьринг а яьгай.

Разгорелись и ясень, и орешник.

Приведенные примеры показывают, что вообще при различных классах подлежащих сказуемое-глагол обычно принимает класс “д”, который в современном ингушском языке все более приобретает значение общего класса. Однако параллельно этому наблюдаются формы глагола-сказуемого, согласующиеся по классу с ближайшим к нему подлежащим, требующим класса “й”. В остальных случаях согласование глагола-сказуемого с ближайшим к нему подлежащим в классе (роде), повидимому, представляет собой в настоящее время не преобладающую, а отмирающую форму. Таким образом, на основании всех приведенных выше примеров можно было бы установить следующие правила согласования сказуемого с однородными подлежащими в непереходном обороте: при согласовании

нескольких подлежащих, принадлежащих к различным грамматическим классам, сказуемое должно иметь класс “д” как в единственном, так и во множественном числе. Исключение из этого правила представляет согласование сказуемого с подлежащими, принадлежащими к классу мужчин и женщин и стоящими во множественном числе, которые всегда требуют в сказуемом класса “б”. Отклонения от этих правил наблюдаются чаще всего в том случае, когда ближайшим к сказуемому оказывается подлежащее, требующее класса природы “й” (еще реже – требующее иных классов природы) и стоящее как в единственном, так и во множественном числе. В этих случаях сказуемое может иметь наряду с классом “д” также класс “й” (или класс “б”).

Вообще следует заметить, что согласование нескольких подлежащих с непереходным сказуемым представляет собой еще недостаточно установившееся, в особенности в живом народном языке явление. Вопрос этот требует исследования материала живых диалектов. Мы можем здесь лишь сказать, что в литературном языке наибольшее преобладание приобретает класс “д” как общий для нескольких подлежащих, принадлежащих к различным классам. Наряду с этим в качестве архаизма сохраняется еще, очевидно, древний способ согласования сказуемого по классу с последним из однородных непродуктивных подлежащих, т.е. с ближайшим к сказуемому именем существительным, стоящим в именительном падеже.

Правила согласования переходного сказуемого с прямым дополнением в грамматическом классе (роде) одинаковы с установленными нами выше правилами его согласования с подлежащим в непереходном обороте (примеры см. выше, стр. 259).

В ряде случаев в ингушском языке наблюдаются отступления от обычного согласования глагола-сказуемого по классу. В случаях, когда предложение должно выражать оттенок презрения или порицания, классы (роды), обозначающие мужчин и женщин, заменяются классами, обозначающими природу и вещи. Мужской класс “ва, ба” заменяется классом природы “я, я”, женский класс “я, ба” заменяется в единственном числе классом вещей и природы “ба”, а во множественном числе классом “я”. Наконец, класс природы “я, я” в отношении животных заменяется в аналогичных случаях через класс вещей и природы “д, д”. Приведем примеры:

Из-м саг яц || яцар (вместо: вац || вацар).

Он-то не (настоящий) человек || не был настоящим человеком.

Уж-м нах яц || яцар (место: бац|| бацар).

Они-то не (настоящие) люди || не были настоящими людьми.

Уж-м истий, ваьра, яцар (место: бацар).

Они-то, ей-богу, не были настоящими женщинами.

Во истий я-кха (место: ба-кха) уь.

Плохие (не настоящие) женщины они.

Из-м цхьа кьаденна алача да (место: кьаенна алача я).

Она – какая-то старая лошаденка.

Она -- какая-то престарелая кляча.

Ер а, даьра, да (место: я) во алача.

Это, ей-богу, скверная кляча.

Цхьа, жIали ба (место: да) из-м.

Она – какая-то собачонка.

Из-м циска а, хIама а, даьра, яцар (место: бацар).

Она-то, ей-богу, ни кошка и ничто.

Доккха цигIолг дар (место: яр) из.

Она большущая крыса была.

Доккха гамаш да (место: я) из.

Она – большущая буйволица (есть).

Къаьна уст яр (место: бар).

Старый-престарый бык был.

Доккха найц да (место: ва) из.

Он – большущий зятиска.

ВIеха IайгIар ба (место: я).

Грязнющий жеребец есть.

Цхьа хьаме цIув даккха (место: я кха) из.

Она (какая-то) кожа да кости (говорят про тощую женщину).

Доккха йоI да (место: я) из.

Она – большущая девка.

Доккха алача да из.

Боккха алача ба из.

Большущий меринишка он.

Доккха шалта да.

Большущий кинжалище (есть).

ЧАСТЬ II. СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложное предложение. Предложение, состоящее из двух или нескольких главных предложений или из двух или нескольких главных и придаточных предложений, слившихся в одно предложение, называется сложным предложением. Сложное предложение бывает двух видов: сложносочиненное и сложноподчиненное.

Сложносочиненным называется такое предложение, которое состоит из двух или нескольких главных предложений, слившихся в одно предложение. Эти предложения обычно соединяются союзами или реже – остаются без союзов. В обоих случаях предложения, из которых состоит сложносочиненное предложение, отделяются друг от друга запятыми.

Сложноподчиненным предложением называется такое предложение, которое состоит из одного или нескольких главных и одного или нескольких придаточных предложений. Главное предложение в сложноподчиненном предложении может быть, в свою очередь, простым или слитным, а также сложносочиненным предложением.

ГЛАВА 1. СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Как мы видели выше, сложносочиненное предложение состоит из двух или нескольких простых предложений. Реже вместо простых предложений в состав сложносочиненного предложения могут входить и предложения с однородными членами. В отношении употребления союзов и знаков препинания сложносочиненное предложение весьма сходно со слитным предложением (предложением с однородными членами), в котором имеется несколько однородных сказуемых. Разница между слитным предложением этого рода и сложносочиненным предложением заключается в том, что в сложносочиненном предложении каждое из составляющих его простых предложений имеет разные подлежащие и разные сказуемые, в то время как слитное предложение при нескольких сказуемых имеет всегда одно подлежащее. В редких случаях в слитном предложении при нескольких однородных сказуемых может стоять и несколько однородных подлежащих, каждое из которых, однако, относится ко всем однородным сказуемым.

Простые предложения, входящие в состав сложносочиненного предложения, могут быть бессоюзными, но чаще всего соединяются с помощью союза *а*, например:

Со вера, хьо вахар.
Я пришел, (а) ты ушел.
Я пришел, (но) ты ушел.

Со а вера, хьо а вахар.
Я пришел, и ты ушел.

Со вера, хьо а вахар.
Я пришел, и ты ушел.

Со ва а вера, хьо ваха а вахар.
Я (придти) пришел, и ты (уйти) ушел.

Со цIа а вера, хьо кино а вахар.
Я домой пришел, и ты в кино ушел.

Со цIа вера, хьо кино а вахар.
Домой я пришел, и ты в кино ушел.

Со чу а вера, хьо дIа а вахар.
Я вошел, и ты вышел || ушел.

Со чувера, хьо дIа а вахар.
Я вошел, и ты ушел.

Со цIагIа чу а вера, хьо кино дIа а вахар.
Я в дом вошел, и ты в кино ушел.

Со а цIагIа чувера, хьо а кино дIавахар.
И я в дом вошел, и ты в кино ушел.

Со цIагIа чу вера, хьо а кино дIавахар.
Я в дом вошел, и ты в кино ушел.

Со цIа чу а вера, хьо кино дIа а вахар.
Я в дом вошел, и ты в кино ушел.

В приведенных примерах оба предложения, из которых состоит сложносочиненное предложение, представляют собой непреходные предложения. По своему значению они выражают действия, которые непосредственно следуют одно за другим во времени.

В следующих примерах мы приводим сложносочиненное предложение, которое состоит из двух переходных предложе-

ний. Оба эти предложения, входящие в состав одного сложносочиненного предложения, выражают действия, происходящие одновременно:

Аз болх бир, Ia урок Ioмадир || Ioамадир.

Я работал, (а) ты урок выучил.

Аз болх а бир, Ia урок а Ioамадир.

И я поработал, и ты урок выучил.

Аз болх бир, Ia урок Ioамадир.

Я поработал, и ты урок выучил.

Аз а болх бир, Ia а урок Ioамадир.

И я поработал, и ты урок выучил.

Аз болх бир, Ia а урок Ioамадир.

Я поработал, и ты урок выучил.

Аз болх а бир, Ia урок Ioамадир.

Я поработал, а также ты урок выучил.

Из приведенных примеров мы видим, что союз *а* употребляется для соединения двух главных предложений в одно сложносочиненное точно так же, как и при однородных сказуемых в слитном предложении. Союз *а* ставится при слове, находящемся впереди сказуемого независимо от того, является ли это слово самостоятельным членом предложения (подлежащим, прямым дополнением или второстепенным членом), или оно представляет собой глагольную приставку, которая в этом случае пишется отдельно от глагола, отрицание или, наконец, корень глагола, повторяемый впереди глагола-сказуемого специально для того, чтобы можно было поставить союз *а*. Последний способ употребляется в особенности тогда, когда глагол-сказуемое не имеет при себе приставок и вообще самостоятельных членов предложения.

Из приведенных примеров можно также сделать вывод, что союз *а* употребляется или при каждом из сказуемых в обоих предложениях или только при втором из них. В первом случае этот союз следует переводить русским союзом *и*, повторяемым перед каждым из простых предложений или употребляемым один раз – перед вторым предложением. В данном случае в ингушском языке нет резкой разницы между соединительным и разделительным значением русского союза *и*, например:

Аз болх а бир, Ia урок а Ioмадир.

И работу я сделал, и урок ты выучил.

Работу я сделал, и урок ты выучил.

Во втором случае, т. е. когда ингушский союз *а* употребляется только во втором предложении, по-русски его можно переводить союзом *и* в значении “а также” (или: “в дополнение к этому, сверх того, кроме того” и т. д.).

Аз болх бир, Ia урок а Ioмадир.

Я работу сделал, и урок ты выучил.

Я работу сделал, а также ты урок выучил.

Я работу сделал, и, сверх того, ты урок выучил.

Приведем еще несколько примеров на сложносочиненное предложение, которое выражает последовательность действий во времени:

Хъехархо классе чувера, дешархой хъалгайттар.

Учитель вошел в класс, ученики встали.

Учитель классе чу а вера, дешархой хъал а гIайттар.

Учитель вошел в класс, и ученики встали.

И учитель вошел в класс, и ученики встали.

Библиотекаръ хъавера, оаха книжкаш хъаййцар.

Библиотекаръ пришел, мы взяли книги.

Библиотекаръ хъа а вера, оаха книжкаш хъа а ийцар.

Библиотекаръ пришел, и мы взяли книги.

И библиотекаръ пришел, и мы взяли книги.

Кассиро касса хъаййиллар, оаха билеташ а ийцар.

Кассир открыл кассу, мы взяли билеты.

Кассиро касса хъа а ийиллар, оаха билеташ а ийцар.

Кассир открыл кассу, и мы взяли билеты.

Буквально: И кассир открыл кассу, и мы взяли билеты.

В следующих сложносочиненных предложениях выражаются действия, происходящие одновременно:

Учитело диктант хъалха аьлар, дешархоша из дIаязийр.

Учитель диктовал диктант, ученики его писали.

Учитело диктант хъалха а аьлар, дешархоша из дIа а яззийр.

Учитель диктовал диктант, и ученики его записали.

Лекхача хенах мух ийшабац, дикача кьонахчох дош ца ийшадац.

Высокому дереву нет недостатка в ветре, доброму молодцу нет недостатка в пересудах (славе).

Из примеров также видно, что простые предложения, из которых состоит сложносочиненное, могут быть как одинаковыми в отношении оборота, так и разными. Первое предложение может быть непереходным, а второе переходным и, наоборот, оба предложения могут быть переходными или оба – непереходными.

Союз *-и*, который соответствует русскому *и* в соединительном значении, употребляется в сложносочиненном предложении только для соединения предложений с составными сказуемыми. Составные сказуемые в этом случае могут быть или глагольными (первая часть – деепричастие) или именными (первая часть – имя существительное или прилагательное). Союзный суффикс *-и* может употребляться при первой части составного сказуемого, т. е. при деепричастной или именной его части, например:

Тха школера дешархой дешар дика Йоамоши, хьехархой дика хьехаши ба.

В нашей школе ученики хорошо учатся, и учителя хорошо учат.

Шолжа-Г'Алий тIа пожарни командера болхлой-тIах-аьннеи, цар машинаи чехкеи я.

В городе Грозном работники пожарной команды проворны и машины их быстры.

Что касается исторического употребления союзного суффикса *-и* при простом глагольном сказуемом, то в этом случае данный суффикс приобретает иное, несоюзное значение, выражая действие, предшествующее действию главного предложения (см. придаточные обстоятельства времени, стр. 402).

Кроме союза *а* и союзного суффикса *-и*, которые соответствуют русским соединительным союзам (русскому соединительному и разделительному *и*), простые предложения в ингушском сложносочиненном предложении соединяются также с помощью противительных союзов: *амма* 'но', *дализ а* 'но', *бакьда*, *цхьабакьда* 'однако, но', *хIаьтте а* 'а, а все же, а все-таки', *е* 'или', а также иногда с союзом: *тIаккха* 'потом, затем' (кроме того, изредка в ингушском языке можно услышать и союз *ткьа* 'а'). Союз *тIаккха*, конечно, не относится к противительным, а

выражает последовательность во времени. Ингушские противительные союзы употребляются так же, как и русские – в начале второго простого предложения. Перед ними ставится запятая. Для выражения противопоставления одного простого предложения другому в ингушском языке наряду с противительными союзами часто употребляется и бессоюзная форма связи, при которой противопоставление передается интонацией. В особенности часто это имеет место в формах, соответствующих русскому союзу *а* и союзу *но*. Приводим примеры на употребление противительных союзов:

Союз *амма*

Тхо царга хыйжар, уж цIа бахканзар.

Мы ждали их, (но) они не приехали.

Тхо царга хыйжар, амма уж цIа бахканзар.

Мы ждали их, но они не приехали.

Оаха сураташ-м дехкар, ийрча-м даьлар уж.

Мы (их) сфотографировали, (но) они вышли некрасиво, неудачно.

Оаха сураташ-м дехкар, амма ийрча-м даьлар уж.

Мы (их) сфотографировали, но они вышли некрасиво || неудачно.

Союз *дале а:*

Вай колхоза ялташ дукха-м да, дале а вай стахановцаша иий ханнахьа чу-м дерзоргда уж.

На наших колхозных полях изобильный урожай, но наши стахановцы вовремя уберут его.

Союз *дале а* по смыслу ближе всего соответствует сочетанию русских союзов *хотя..., но ...*”.

Союзы *бакьда, цхьабакьда:*

Iа сога деша-м аьнна хургда, бакьда || цхьабакьда сона хаза-м хазанзар.

Может быть, ты мне сказал, чтобы я прочитал, но, правда, я слышать не слышал.

Уж баьхка-м а хиннабар, бакьда || цхьабакьда со цIагIа-м вацар.

Оказывается, они приходили, но, правда, я не был дома.

Оказывается, они приходили, хотя, правду сказать, я не был дома.

Союзы *бакьда*, *цхьабакьда* ближе всего соответствуют русским *однако*, но с оттенком “но, правда, хотя, правду сказать”.

Союз *хIаьта*, *хIаьта а*, в усилительной форме также *хIаьтта а*.

Дукха дийша-м вац из, хIаьта а хьаькьал дика долаш ву.

Он не очень образован, но способности у него хорошие.

Аз цунга деша вола-м аьлар, хIаьтта а из балха-м вахар.

Я ведь ему говорил, чтобы он пришел учиться, а он все-таки пошел на работу.

Аз цунга деша вола-м аьлар, хIаьта а из балха-м вахар.

Я ведь ему говорил, чтобы он пришел учиться, (а) он пошел на работу.

Аз аьлар цунга “ма гIо”, хIаьтта а из воханза-м Iанзар.

Я ему сказал “не езжай”, а он все-таки, не дожидаясь, поехал (буквально: не поехав не дождал).

Аз аьлар цунга “ма гIо”, из ваханза-м Iанзар.

Я ему сказал “не езжай”, а он поехал, не дожидаясь.

Со Iохайна вагIа, хIаьта хьо ура латт.

Я сижу, а ты стоишь.

Цо-м иий болх чакх ма баьккхэбий, хIаьта Ia фу даьд?

Он свою работу закончил, а ты что делал.

Цо-м болх кхоачаш ма баьбий, хIаьта Ia болх бола а баьбац.

Он работу выполнил, а ты работу еще не начал.

Со Iохайна вагIа, хьо ура латт.

Я сижу, а ты стоишь.

Даьи-ноанои колхозе балха болх, хIаьта цар кагий бераш берий ясле кхалнаха кхоаб.

Родители идут в колхоз работать, а за их маленькими детьми ухаживают женщины в детских яслях.

Союз *е*:

Хьа воI иий гIулакхэ вахав, е Ia вахийтав из?

Твой сын за своим делом поехал, или ты его послал?

Е аз каьІат яздергда, е Іа или аргда.

Или я буду писать письмо, или ты будешь петь.

Из этих примеров видно, что союз *е* точно соответствует русскому союзу *или* как по своему значению, так и по своему употреблению. Вопреки мнению некоторых грамматистов, ингушский союз *е* может не только повторяться перед каждым из соединяемых им предложений, но и употребляться один раз перед вторым предложением. В первом случае он равен русскому *или...*, *или ...*, во втором случае – русскому *или*, употребляемому один раз.

Союз *тІаккха*:

Вай доазонна моастагІий чугІертар, тІаккха вай ЦІеча Эска-ро уж лозабеш юха а лелхабир.

Наши враги нарушили (затронули) нашу границу, потом наша Красная Армия ударила по ним.

Физкультурнико команда елар, тІаккха оаха физкультура йо-лайир.

Физкультурник подал команду, потом мы начали физкультуру.

Дикаса а лелІа, тІаккха болха дІаболабир оаха.

Мы хорошо отдохнули, а потом начали работу.

Оаха дика а дукха а болх бир, тІаккха тха кѣахѣгама денош дукха Іайра || хилар.

Мы хорошо и много поработали, потому (потом) у нас накопилось (было) много трудодней.

В последнем примере из временного значения союза *тІаккха* развивается значение причинное. Союз *тІаккха* ‘потом, затем’ часто употребляется в ингушской речи, не только в сложносочиненных предложениях, но и в начале самостоятельных предложений, в особенности, в рассказе о каком-либо событии.

ГЛАВА 2. СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложноподчиненное предложение, как мы уже говорили выше, представляет собой такое предложение, которое состоит из главного или нескольких главных и одного или нескольких придаточных. Главное предложение в ингушском языке отличается от придаточных тем, что в нем сказуемое стоит в такой же

точно форме, как и в простом предложении, и отсутствуют служебные слова, заменяющие собой относительные союзы. Следовательно, главное предложение обычно можно выделить из состава сложноподчиненного предложения и сказать в виде самостоятельного простого предложения без ущерба для его значения. В отличие от главного предложения, ингушское придаточное предложение имеет сказуемое в особой, свойственной лишь придаточным предложениям форме или включает в себя служебные слова, соответствующие русским относительным союзам и местоимениям. Следовательно, придаточное предложение не может быть выделено из состава сложноподчиненного предложения и сказано в виде отдельного самостоятельного простого предложения, так как в этом случае оно не имеет законченной формы, свойственной простому предложению, или изменяет свое значение. Для того, чтобы превратить придаточное предложение в главное (простое), необходимо или заменить в нем особую придаточную форму сказуемого формой сказуемого, употребительной в главном предложении, или исключить из его состава служебные слова (относительные союзы и местоимения). Таким образом, придаточное предложение представляет собой самостоятельное предложение, исторически превратившееся в один из членов другого предложения. Следовательно, практически мы можем рассматривать придаточное предложение как предложение, заменяющее собой один из главных или второстепенных членов главного предложения. На этом основана классификация придаточных предложений. Они рассматриваются нами как различные сложные по своему составу члены главного предложения, включающие в свой состав сказуемые в особой, свойственной лишь придаточным предложениям форме. Эти особые формы сказуемого, свойственные лишь придаточным предложениям, в ингушском языке представлены богаче, чем в русском. Мы называем их придаточными формами сказуемого, или просто придаточными формами. Итак, по нашей классификации придаточные предложения могут быть субъектными (заменяющими подлежащее), объектными (заменяющими прямое дополнение), предикатными (заменяющими сказуемое), дополнительными (заменяющими косвенные дополнения в различных их формах), определительными (заменяющими определение при определяемом). В особую категорию придаточных предложений мы выделяем объектные придаточные предложения при глаголах со значением “чувствовать, сознавать”, а также при глаголах со значением “говорить” (кос-

венная речь). Затем мы имеем придаточные предложения обстоятельственные (заменяющие собой различные обстоятельства), в том числе придаточные предложения обстоятельства места, времени, образа действия, причины и цели. В основном эта классификация охватывает почти все возможные типы придаточных предложений. Вне ее остаются лишь условные и уступительные придаточные предложения и косвенный вопрос.

Придаточные предложения могут быть подчинены главному или интонационно, или с помощью относительных местоимений и союзов, или, наконец, с помощью особых отглагольных форм сказуемого. Последние мы назвали придаточными формами сказуемого-глагола, т. е. такими его формами, которые сказуемое приобретает в составе придаточного предложения. Эти три способа подчинения придаточных предложений главному развились исторически в следующей последовательности: наиболее древним способом подчинения, как мы предполагаем, является интонационный. При этом способе придаточное предложение имеет форму, свойственную главному предложению, подчинение же его выражается с помощью особого типа интонации. Этот тип подчинения имеется как в русском, так и в ингушском языке, причем в русском языке он употребляется, главным образом, в разговорной речи, например: *Ты не пришел -- мы уехали* (вместо *Так как ты не пришел, мы уехали* или *Ты не пришел, поэтому мы уехали*). Следовательно, подчинение предложений исторически развивается из сочинения их, а сочинение предложений вырастает из сочетания простых предложений в связной речи. В ингушском языке интонационный способ подчинения придаточных предложений наблюдается не только в разговорной речи, но в некоторых случаях и в литературном языке, где он представляет собой единственный способ выражения формы придаточного предложения (ср., например, некоторые формы объектных придаточных предложений при глаголах со значением "сознавать", одну из форм придаточных уступительных предложений, одну из форм косвенной речи и т. д.).

Историческое развитие подчинения и сочинения предложений. Из двух остальных способов подчинения (с помощью придаточных форм сказуемого и с помощью относительных местоимений и союзов) наиболее древним является первый способ. В русском и современных западноевропейских языках этот способ распространен значительно реже, чем способ относительных местоимений и союзов. Мы имеем здесь в виду так называемые

сокращенные придаточные предложения, т. е. причастный и деепричастный обороты в русском языке. Следует заметить, что в древних европейских языках, например, в старославянском (и древнерусском литературном), латинском и греческом, придаточные формы сказуемого употреблялись несколько чаще, чем в современных европейских языках. Такие обороты, как дательный самостоятельный в старославянском, *ablativus absolutus* в латинском, в новых языках исчезли, от других же (*accusativus cum infinitivo*, *nominativus cum infinitivo*) в них сохранились лишь редко употребляемые остатки. Следовательно, даже из фактов развития одних европейских языков можно заключить, что это развитие направляется в сторону сокращения отглагольных придаточных форм и замены их подчинением с помощью относительных местоимений и союзов. Далее, чем архаичнее строй языка и чем больше в нем сохранилось пережитков глубокой древности, тем чаще мы наблюдаем в таких языках подчинение придаточных предложений с помощью придаточных форм сказуемого и тем меньше в этих языках настоящих относительных местоимений и союзов. В яфетических языках Кавказа, сохраняющих наиболее архаические формы (западнокавказские языки, например, кабардинский), почти совсем нет относительных местоимений и союзов. Зато в этих языках все без исключения типы придаточных предложений выражаются придаточными формами сказуемого¹. Ингушский язык в отношении развития форм подчинения занимает промежуточное место между языками типа кабардинского или абхазского, с одной стороны, и русским и западноевропейскими языками, с другой. В ингушском языке богато развиты придаточные формы сказуемого и ряд типов придаточных предложений (например: придаточные субъектные, объектные, предикатные, дополнительные, определительные, обстоятельства места, условные, уступительные и частично другие типы) может быть выражен только придаточными формами сказуемого. Наряду с этим часть других типов придаточных предложений (придаточные обстоятельства времени, образа действия, причины и цели, косвенная речь и косвенный вопрос) имеют постоянное выражение подчинения с помощью относительных союзов или слов, получивших значение таких союзов, и реже – с помощью относительных местоимений. Таким образом, ингушский язык в отно-

¹ См. Яковлев Н. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Ворошиловск, 1938, вып. I. – стр. 46.

шении развития форм подчинения предложений представляет собой некоторую переходную стадию, в нем преобладают еще придаточные формы сказуемого. Наряду с ними в ингушском языке появляются также относительные союзы и местоимения. В нем развивается даже связь придаточного предложения с главным, выражаемая с помощью не только относительных местоимений (в составе придаточного предложения), но и соответственных им указательных местоимений (в составе главного предложения). Этот последний способ подчинения развивается в ингушском литературном языке почти на наших глазах под воздействием русского синтаксиса (см. стр. 292). Почти все ингушские относительные союзы и местоимения явно недавнего происхождения. Многие из них представляют собой развитие глагольных или именных падежных форм, например: *аьнна* – буквально ‘сказав’, в значении союза *что*; *яхаш* – в буквальном значении ‘говоря’, в значении союза *что*; *бахьан долаш* – буквально ‘являясь причиной’, в значении союза *потому что*; *бахьанпийца* – творительный падеж единственного числа от слова *бахьан* ‘причина’, буквально ‘причиною, по причине’, в значении союзных слов *вследствие того, что*; *по причине того, что*; *духьа* – форма местного падежа единственного числа от имени существительного *юхь* буквально ‘лицо’ и *духь*, *бухь*, *юхь* ‘передний конец, острие’ в значении союзных слов *для того, чтобы*; *ради того, чтобы*; *из-за того, что* и т. д.

Русские относительные местоимения и союзы, как известно, происходят от вопросительных местоимений и наречий. Мы знаем, что относительное значение этих местоимений и союзов представляет собой лишь историческое развитие их вопросительного значения. Однако, через какие промежуточные звенья прошло это развитие, из материалов русского языка мы не знаем. Ингушский, как и чеченский язык, дают нам одно из звеньев этого процесса. В самом ингушском языке почти нет относительных местоимений и союзов, происходящих от вопросительных. Зародыш такого развития представляет собой употребление вопросительных местоимений и наречий в различных типах придаточных предложений с обобщенным значением. В них вопросительные местоимения и наречия выступают в фонетически измененном виде – с удвоением согласного и добавлением усилительной частицы *а* (см. примеры на стр. 351). В этом случае вопросительные местоимения и наречия, конечно, уже не имеют вопросительного значения. В то же время они не вполне

еще стали и относительными, так как наряду с ними в придаточных предложениях с обобщенным значением обязательно употребляется придаточная форма сказуемого в виде реально-условного наклонения. Явное начало развития относительного значения вопросительных местоимений и союзов мы имеем в ингушском языке в одной из форм косвенного вопроса (см. стр. 393). В этой форме прямой вопрос, в который включены вопросительные местоимения и наречия, без всякого изменения формы вопросительного предложения становится придаточным предложением при глаголе-сказуемом *ха* 'знай' в главном предложении. Вместе с тем в этом случае вопросительное значение местоимений и союзов совершенно теряется: они становятся по значению исключительно относительными и связь придаточного предложения с главным выражается только с помощью этих местоимений и союзов (см. примеры на стр. 393). Этот факт проливает свет и на происхождение русских относительных местоимений и союзов. В таких предложениях, как *Я не знаю, кто приехал; Я не знаю, что случилось; Я не знаю, когда он приехал; Я знаю, куда он едет; Я знаю, где он живет* и т. д., как это показывают факты ингушского и чеченского языка, вопросительные местоимения и союзы, очевидно, стали впервые применяться в качестве относительных и в русском языке. Придаточные предложения, которые мы здесь привели, обычно считаются различными видами обстоятельственных предложений – придаточными предложениями обстоятельства времени, места и т. д., различными дополнительными предложениями (первые два предложения) и т. д. Однако по своему происхождению, как это показывают факты ингушского языка, все эти предложения первоначально могли представлять собой единый тип придаточных предложений – косвенный вопрос. В этом типе прямой вопрос без всякого изменения своей формы оказывается включенным в состав сложноподчиненного предложения. В связи с этим вопросительное значение местоимений и наречий превращается в относительное их значение (наречия превращаются в союзы). В ингушском языке все предложения этого рода представляют собой еще единую форму предложения – косвенный вопрос – и относительное значение вопросительных местоимений и союзов встречается еще именно в одной только этой форме придаточного предложения. Данный факт с большой долей вероятности показывает, откуда могли взять свое начало относительные местоимения и союзы в русском и других языках.

Итак, подчинение придаточных предложений с помощью особых отглагольных форм, которые мы называем придаточными формами сказуемого, представляет собой в языке явление более древнее, чем подчинение их с помощью относительных местоимений и союзов. В русском языке из таких придаточных форм сохранилось лишь две: причастие и деепричастие. Известный исследователь русской грамматики Буслаев и вслед за ним многие авторы русских грамматик считали, что причастие и деепричастие представляют собой так называемые сокращенные придаточные предложения, которые в известных случаях заменяют (в литературном языке обычно лишь при одинаковых подлежащих в главном и придаточном предложении) полные придаточные предложения – определительные и некоторые обстоятельственные¹.

Таким образом, по Буслаеву, “полные” формы придаточных предложений, т. е. придаточные предложения с относительными местоимениями и союзами, являются как бы основными и первоначальными формами придаточных предложений. “Сокращенные” же придаточные предложения представляют собой как бы нечто вторичное, производное от полных форм. Как показывают факты ингушского и многих других архаических построю языков, эта точка зрения Буслаева и применяемая им терминология являются ошибочными, так как архаические языки показывают, что именно сокращенные формы придаточных предложений некогда были единственными и первоначальными их формами – формами, с которых вообще исторически началось развитие форм подчинения предложений. Таким образом, не “сокращенные” придаточные предложения (по нашей терминологии, придаточные предложения, образуемые с помощью придаточных форм сказуемого) являются историческим “сокращением” полных придаточных предложений, а, наоборот, полные придаточные предложения являются позднейшим историческим развитием более древних и гораздо более богато развитых сокращенных форм. Следовательно, термин “сокращенное” и “полное” придаточное предложение следовало бы заменить научно более правильными наименованиями – архаическая и новейшая форма придаточных предложений или глагольный и местоименно-союзный способ подчинения придаточных пред-

¹ Ср. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Москва, 1875. – С. 333.

ложений. Большой, однако, заслугой Ф. И. Буслаева и его последователей является то, что он первый установил, что придаточные предложения представляют собой вообще такие предложения, которые превратились в один из членов главного предложения, а также то, что он попытался связать эти два основных типа придаточных предложений в русском языке, хотя и неверно понял историческую последовательность этого развития, а также удельный вес этих двух форм в общем ходе развития сложноподчиненного предложения. Некоторые современные грамматисты (А. Б. Шапиро и др.), пытаясь исправить Буслаева, совсем было изгнали из школьных грамматик термины “сокращенные и полные придаточные предложения” и заменили первые названием “причастный и деепричастный оборот”. Эта замена, безусловно, представляет собой шаг назад в научном отношении, ибо причастный и деепричастный обороты рассматриваются здесь вне всякой связи с другими типами придаточных предложений, с которыми на самом деле они исторически теснейшим образом связаны.

В ингушском языке придаточные предложения в подавляющем большинстве случаев выражаются бессоюзными отглагольными формами (придаточными формами сказуемого) и союзными формами (с помощью слов, приобретающих значение относительных союзов). В качестве придаточных форм сказуемого в ингушском, как и в русском языке, широко употребляется причастие. Ингушское причастие во многих случаях представляет собой единственный способ выражения форм придаточного предложения. Оно может употребляться не только при одинаковых, но и при разных подлежащих в главном и придаточном предложении. Несколько реже употребляется для выражения сказуемого в придаточных предложениях ингушское деепричастие. Оно также употребляется как при одинаковых, так и при различных подлежащих в обоих предложениях. Наконец, специфическую особенность ингушского языка представляет собой, правда, сравнительно не частое употребление еще одной отглагольной формы для выражения придаточных предложений – формы отглагольного существительного, выражающего процесс действия (так называемый масдар). Как и ингушское причастие и деепричастие, масдар может иметь при себе свое подлежащее, свое прямое дополнение и свои второстепенные члены предложения. Поэтому его следует считать, наряду с причастием и деепричастием, тоже одним из способов выраже-

ния сказуемого в придаточном предложении, т. е., по нашей терминологии, придаточной формой сказуемого. По терминологии Буслаева, ингушское причастие, деепричастие и масдар с относящимися к ним словами представляли бы собой так называемые сокращенные придаточные предложения с тем только отличием, что все эти виды придаточных предложений в ингушском языке совсем не имеют полной формы. По неправильной, но, к сожалению, еще принятой в школьных грамматиках терминологии Шапиро и др., мы должны были бы говорить в ингушском синтаксисе о причастном, деепричастном и масдарном оборотах. Однако для упрощения мы называем в дальнейшем эти типы придаточных предложений соответственно причастной, деепричастной и масдарной формой придаточных предложений или сокращенно причастными, деепричастными и масдарными придаточными предложениями.

Общая картина развития типов придаточных предложений осталась бы неполной, если бы мы не попытались связать ее отдельные этапы с историей общества. Правда, в этом отношении многое еще представляется неясным. Интонационные формы как сочинения, так и подчинения предложений восходят в своей основе к аморфной (бесформенной, т. е. не имеющей морфологии) стадии развития языка. Совпадение в этой форме как сочинения, так и подчинения предложений говорит о том, что на этой стадии языкового развития существовала одна общая неразграниченная форма сложного предложения, в которой все современные способы сочинения и подчинения были представлены лишь в зачаточном виде и выражались только одним единственным способом – различными видами интонации. В ингушском языке следы этой стадии сохраняются в довольно еще ясном виде: целый ряд как сложносочиненных (выражающих и соединение, и противопоставление), так и сложноподчиненных (уступительных, выражающих отчасти косвенную речь и др.) типов предложения и сейчас еще, даже в литературном ингушском языке, выражается одной только интонацией. Этого рода недифференцированная общая форма сложного предложения начала развиваться в конце эпохи языков аморфного строя. Только этим и объясняется появление древнейшего морфологического строя речи – предикатного или полисинтетического (т. е. многосоставного, включающего в состав сказуемого глагола несколько слов). Как известно, в языках этого строя (к которым относятся, например, кабардинский, адыгейский, аб-

хазский, абазинский на Кавказе, чукотский и др. на Советском Севере, языки индейцев Северной Америки и др.) глагол-сказуемое представляет собой по своему происхождению целое предложение, слившееся в одно слово. Появление такого многосоставного сказуемого можно объяснить лишь существованием примитивного сложного предложения в эпоху, непосредственно предшествовавшую появлению языков с морфологией. Только этим можно объяснить, почему, например, кабардинское сказуемое представляет собой как бы предложение в предложении, хотя и не имеет (в главном предложении) никаких следов сочинительных или подчинительных частиц. Конечно, сложное предложение в ту эпоху представляло собой нечто весьма неразвитое, нечто совершенно иное, коренным образом отличающееся от современных, даже интонационных сложных предложений. Появление этого первоначального сложного предложения можно отнести к концу эпохи первобытного стада.

Вместе с появлением языков с морфологией, сначала полисинтетических, а затем – агглютинативных (т. е. присоединяющих, приклеивающих), впервые появляется раздвоение интонационного сложного предложения на сложносочиненное и сложноподчиненное, появляются и первые союзные частицы вроде тех, пережитки которых мы видим в лице ингушского союзного суффикса *-и*. В начале этой эпохи придаточные предложения выражаются еще исключительно бессоюзным способом – с помощью придаточных форм сказуемого. Эти придаточные формы сказуемого в языках полисинтетического строя достигают чрезвычайно богатого развития. Их количество от одного и того же глагола исчисляется многими десятками форм. Появление впервые дифференцированных разграниченных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, как и появление первой морфологической формы придаточного сказуемого, относится к эпохе первобытной коммуны.

Лишь много десятков тысячелетий спустя в конце первобытной общины – в период патриархального рода появляются первые относительные союзы, которые первоначально представляют собой глаголы или имена существительные, употребляемые в значении союзов (ср. большинство ингушских относительных союзов и союзных слов). Эти союзные слова вначале употреблялись еще чрезвычайно редко, в подавляющем же большинстве случаев единственным способом для выражения подчинения оставались придаточные формы сказуемого. Из

современных языков такое положение лучше всего сохранилось в адыгейском, кабардинском и др. В дальнейшем, однако, наряду с относительными союзами, появляются и относительные местоимения и наречия, сначала лишь для выражения формы косвенного вопроса. На этой стадии развития придаточных предложений и находится современный ингушский язык. В дальнейшем союзно-местоименный способ подчинения придаточных предложений постепенно и неуклонно развивается за счет вытеснения и отмирания придаточных форм сказуемого, пока, наконец, он не становится преобладающим способом выражения форм придаточных предложений на новой стадии развития общества — в классовом обществе, в языках флективного строя.

Историческая необходимость появления и развития союзно-местоименной формы придаточных предложений вызывается, главным образом, развитием сложной периодической сначала устной (ср., например, народный эпос), а затем и письменной речи. Интонационные способы выражения сочинения и подчинения хороши в бытовом разговоре, когда интонация восполняется жестами, мимикой и реальной обстановкой речи, но они не годятся в более сложном и богатом по своему построению эпическом языке, в котором часто нет возможности использовать интонацию (например, при пении) и содержание которого зачастую далеко от реальной действительности. Еще менее пригоден интонационный способ в письменной речи. В письменном языке, особенно при древних способах письма, при которых знаков препинания еще не существовало, не было никакой возможности передать интонацию. Поэтому единственным способом оформления придаточных предложений служит в эту эпоху морфологический способ или местоименно-союзный, т.е. способ добавления специальных служебных слов. Сам собой, однако, встает вопрос, почему в ходе исторического развития форм подчинения не только интонационный способ, но и богато развитый, на первый взгляд, морфологический способ (способ образования придаточных форм) уступает свое место союзно-местоименному способу. Правда, способ придаточных форм не вполне отгеснен на второе место даже в некоторых развитых письменных языках Востока, как, например, в тюрко-татарских, угро-финских и др. Однако несомненным является факт, что во всех языках, в особенности в языках, имеющих литературное развитие, способ союзно-местоименного подчинения постоянно прогрессирует, растет за счет форм глагольного подчинения

(т. е. придаточных форм). Это явление, конечно, нельзя объяснить только литературным влиянием русского или других языков. Тем более, что и в этих последних на протяжении их развития от классических языков древности до современного состояния мы наблюдаем ту же тенденцию. Причины этого явления лежат, конечно, глубже. Они заключаются, по моему мнению, в том, что развитие мышления и языка происходит на основе развития жизни общества. Как бы велико ни было богатство глагольных придаточных форм языков полисинтетического строя, это богатство все-таки ограничено. Оно начинает стеснять развитие мысли с момента возникновения классового общества потому, что в этот исторический момент развитие производительных сил достигает невиданного до тех пор уровня. Это вызывает огромное обогащение и усложнение и жизни, и мысли, и языка. В языке появляется необходимость передавать тончайшие оттенки мысли. А известно, что способы сочетания различных слов дают возможность почти безгранично варьировать формы выражения мысли. Способ же образования придаточных форм, при всем его кажущемся богатстве, на деле является все-таки ограниченным и сковывает мысль. Морфологический (отглагольный) способ выражения придаточных предложений обычно бывает связан с определенным порядком слов в предложении. Аффиксы, т. е. частицы, выражающие в сказуемом ту или иную форму придаточного предложения, стоят всегда на одном определенном месте в слове-сказуемом. Кроме того, морфологический способ оформления придаточных предложений делает излишним употребление интонации. Поэтому в начале развития придаточных форм языка полисинтетического строя сковывается порядок слов в предложении, в известной степени отмирает интонация и, таким образом, в конце концов кажущееся богатство морфологических форм превращается, по сравнению с богатством мысли, в оковы, которые не дают возможности отразить обогатившееся содержание жизни. Наоборот, способ выражения придаточных предложений с помощью специальных служебных слов – относительных местоимений и союзов – позволяет полностью использовать все возможности изменения как порядка слов, так и интонации. Таким образом, морфологический способ выражения придаточных предложений в конце концов приводит к ограничению возможностей выражения мысли. А местоименно-союзный способ позволяет одновременно использовать все богатство форм языка для отражения богатства мысли. В общем развитие местоименно-

союзного способа подчинения соответствует общей тенденции развития языков – тенденции, подмеченной еще Адамом Смитом. Благодаря этой тенденции в классовом обществе языки с богато развитой флексией (например, латинский, древнегреческий) начинают уступать место языкам со вторичной аморфностью (например, современный английский, персидский, романские языки).

Сравнивая древнефлективные европейские языки с новыми (латинский и греческий, с одной стороны, и французский, английский и итальянский, с другой), знаменитый английский экономист и философ Адам Смит, написавший замечательную для своего времени работу о происхождении языка, приходит к следующему выводу:

“Таким образом, язык становится более простым в своих основоначалах и правилах (т. е. в морфологии. – *Н. Я.*) именно в той пропорции, в какой он делается более сложным в своей композиции (т. е. в синтаксисе. – *Н. Я.*) ... В языке ... каждый падеж от каждого имени и каждое время от каждого глагола было первоначально выражено отдельным отличным словом, которое служило для этой цели и ни для чего другого. Но последующее наблюдение открыло, что один порядок слов в состоянии заменить место всего этого бесконечного числа (отдельных форм. – *Н. Я.*) и что четыре или пять предлогов и поддюжины вспомогательных глаголов могли соответствовать окончанию всех склонений и всех спряжений в древних языках”¹.

А. Смит указывает на смешение языков и народов, как на причину этого процесса:

“Язык предположительно следовал бы этому направлению (т. е. замене большинства форм флективного склонения и спряжения – служебными частицами и вспомогательными глаголами при именных и глагольных основах. – *Н. Я.*). во всех странах и не стал бы когда-либо более простым в своих склонениях и спряжениях, если бы он не сделался более сложным в своей композиции в результате смешения многих языков друг с дру-

¹ См. The Theory of moral Sentiments. To which is added Dissertation on the Origin of Languages. By Adam Smith L.L.D. The third edition, MDCCLXVII (1767 г.). – С. 473-474.

гом, (– смешения,) обусловленного смешением различных национальностей” (там же, стр. 465).

Таким образом, Адам Смит первый отметил и объяснил факт различия между европейскими языками “синтетического” и “аналитического” (т.е. древнефлективного и ново-аморфного) строя, которые он соответственно называет древними, или первоначальными (*ancient, original*) и современными, или сложно-составными (*modern, compounded*) языками (там же, стр. 473). Кроме того, он первый обратил внимание на процесс смешения языков на основе смешения народов как на причину изменения их строя и первый проводит мысль о взаимозависимости особенностей морфологии синтаксиса в любом языке:

“Вообще, – говорит он, – может быть принято за правило, что чем проще какой-нибудь язык в своей композиции, тем более сложным он должен быть в своих склонениях и спряжениях и, наоборот, чем более прост он в своих склонениях и спряжениях, тем сложнее он должен быть в своей композиции” В силу указанных заслуг этого незаслуженно забытого трактата мы должны считать Адама Смита наряду с Вильгельмом фон Гумбольдтом и Фридрихом Шлегелем одним из теоретических основоположников современного буржуазного языкознания.

Итак, во вновь формирующихся языках классового общества старые падежные окончания исчезают и падежные значения выражаются отдельными служебными словами (по терминологии Адама Смита, первоначальные и сложносоставные языки). Следовательно, не только в отношении форм придаточных предложений, но и в отношении других форм словоизменения (склонение и спряжение) во всех языках классового общества в той или иной форме развивается замена древних морфологических форм новыми формами, образуемыми путем сочетания служебных слов и частиц с почти неизменяемым именем и глаголом. Не лишен этой тенденции и русский язык, в котором вновь развивается особое склонение несклоняемых слов, наблюдается совпадение окончаний некоторых падежей (в особенности множественного числа) в диалектах и т. д. Развитие литературных языков народов Советского Союза идет в основном, конечно, тоже по этому общему пути.

ГЛАВА 3. СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ВКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРИЧАСТНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Причастные придаточные предложения. Придаточные предложения, которые служат главными членами главного предложения, могут заменять в ингушском предложении подлежащее, прямое дополнение и сказуемое. В зависимости от этого мы имеем в ингушском языке субъектные, объектные и предикатные придаточные предложения. Во всех этих типах придаточных предложений придаточная форма сказуемого, т. е. та отглагольная форма, которую имеет сказуемое в придаточном предложении, представляет собой причастие.

Субъектные придаточные предложения. Субъектные придаточные предложения в ингушском языке играют роль подлежащего в главном предложении. В зависимости от двух оборотов – переходного и непереходного – главное предложение имеет две формы подлежащего: продуктивную и непродуктивную (см. выше, стр. 51). В субъектном придаточном предложении причастие, которое служит сказуемым придаточного предложения, одновременно (по своему окончанию) является подлежащим в главном предложении. Следовательно, это причастие в зависимости от оборота главного предложения тоже может иметь форму двух падежей: именительно-винительного (непродуктивное подлежащее) или активного (продуктивное подлежащее). Приведем примеры на ту и другую форму субъектного придаточного предложения:

Субъектное придаточное предложение
(в главном предложении – переходный оборот).

Болх ца бечо хIама а яац || яа а яац.

Кто не работает, тот (и) не ест.

Колхоза лъэтта дика ца лелочо дика ялат хьокхаргдац.

Кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, тот не снимет (не скосит) хороший урожай.

Ший ханнахъа веначо билет ийцар.

Кто пришел вовремя, тот купил билет.

Хьарара воагIачо бIо тIара воагIар кьарваьв (пословица).

Тот, кто ехал с мельницы, переспорил того, кто ехал с войны (с фронта).

Во всех приведенных предложениях формы *бечо, лелачо, веначо, воагIачо* представляют собой активный падеж единственного числа, образованный от причастий. Эти причастия служат подлежащим в главных предложениях, которые представляют собой переходный оборот. Независимо от этого само придаточное предложение может представлять собой как переходную, так и непереходную конструкцию. Так, в первых двух примерах придаточное предложение является переходным, а в последних двух – непереходным. Как в данных примерах, так и всюду ниже придаточные формы сказуемого-причастия выделены полужирным шрифтом.

Субъектное придаточное предложение
(в главном предложении – непереходный оборот).

Колхозий лаьтта дика ца лелор хьал долаш ца вахац.

Кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, тот богато не живет.

*Ший ханнахьа ца **венар** ца водаш висав.*

Кто вовремя не пришел, тот не поехал.

*Эхи лехьа **байнар** Iай корсах кхийрав (пословица).*

Кто летом увидел змею, тот зимой боялся веревки.

(“Пуганая ворона куста боится”).

*Заманна духьал **ваьннар** виэжав, заманца **вахар** ваьхав (пословица).*

Кто встал против эпохи, тот погиб, кто пошел (в ногу) с эпохой, тот хорошо зажил.

*Жа долча даьна аьлча, ши газа **яр** гIертав (пословица).*

Когда по-матерному (буквально: по отцу) выругали овцеводов, тогда тот, кто имеет две козы, полез драться.

*Кхайкханза **бахар** доттанза бенаб (пословица).*

Кто пошел без приглашения, тот пришел без угощения.

*Гув тIа **латтар** гу сона.*

Мне виден тот, кто стоит на кургане.

Я вижу того, кто стоит на кургане.

Во всех приведенных предложениях причастия *лелор, венар, байнар, ваьннар, яр, бахар, латтар* служат подлежащими в глав-

ных предложениях, в которых мы имеем непереходный оборот или оборот с дательным субъектом. В придаточных же предложениях, во втором и пятом примерах которых мы имеем переходный оборот, в четвертом – оборот с дательным субъектом и в остальных случаях – непереходный оборот. В последнем примере главное предложение представляет собой оборот с дательным субъектом. Смысловое подлежащее в этом предложении стоит в дательном падеже – *сона* грамматическим же подлежащим является *латтар* ‘стоящий; тот, кто стоит’.

Что в данных случаях мы действительно имеем придаточные предложения, которые служат подлежащими в главных предложениях, доказывается полным совпадением падежных форм причастий с теми падежными формами, которые в этих же предложениях должно иметь подлежащее-существительное. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить следующие примеры:

Ладарчо хIама а яац.

Лодырь не ест.

Болх ца бечо хIама а яац.

Кто не работает, тот не ест.

Сравнивая эти предложения, мы видим, что имя существительное, являющееся подлежащим в первом предложении, имеет форму активного падежа, как субъект в переходном обороте, во втором же предложении ту же падежную форму имеет причастие, которое служит одновременно и подлежащим в главном предложении и сказуемым в придаточном предложении.

Ладарвар дика вахац.

Лодырь хорошо не живет.

Колхозий лавтта дика ца лелор хьал долаш вахац.

Кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, тот богато не живет.

В первом предложении подлежащее *ладарвар* стоит в именительно-винительном падеже, так как предложение является непереходным. Во втором предложении в том же падеже стоит причастие, которое служит одновременно и подлежащим в главном предложении и сказуемым – в придаточном. Связь главного и придаточного предложения в последнем случае выражается причастием, которое одновременно представляет собой и член главного предложения (непродуктивное подлежа-

щее), и слово, входящее в состав придаточного предложения (сказуемое). Таким образом, в данном случае ингушское придаточное предложение, выражаемое причастием, является предложением, в известном смысле заменяющим один член главного предложения – его подлежащее.

Во всех вышеприведенных примерах в ингушских придаточных предложениях отсутствует служебное слово, соответствующее русскому относительному местоимению *что*. Значение этого относительного местоимения выражается в ингушском языке корнем соответственного причастия и формой этого причастия. Падежные окончания причастия соответствуют падежам русского указательного местоимения *тот, то*, которое входит в состав русского главного предложения. Однако и в ингушском главном предложении может быть поставлено указательное местоимение, например:

Колхозий лавтта дика ца лелор, из хьал долаш вахац.

Кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, тот богато не живет.

Цо, колхозий лавтта дика ца лелочодика ялат доакхаргдац.

Тот, кто колхозную землю хорошо не обрабатывает, хороший урожай не получает.

В первом предложении указательное местоимение *из* ‘тот’, а во втором предложении активный падеж *цо* представляет собой полное соответствие русскому указательному местоимению *тот*. Как и в русском языке, ингушское указательное местоимение может стоять или в начале придаточного предложения, или в начале главного предложения, причем более употребительным является второй порядок: указательное местоимение стоит в середине сложноподчиненного предложения и в начале главного. Особую форму субъектного придаточного предложения представляет собой употребление деепричастия взамен и в значении причастия. Деепричастная форма субъектных придаточных предложений употребляется лишь в том случае, если главное предложение представляет собой непереходный оборот и имеет в своем составе именное сказуемое, например:

Аз деи || дедшар – гIулакх да.

То, что я делаю, (это) есть дело.

Это дело – то, что я делаю.

Оаха яздеи || яздешдар – ер книжка да.

То, что мы пишем, есть эта книга.

В обоих примерах деепричастие употреблено в значении причастия. Так, можно было бы сказать в том же смысле:

Аз дер – зИулакх да.

Оаха яздер – книжка да.

По мнению некоторых, между деепричастным и причастным субъектными предложениями есть некоторая разница в смысловом оттенке. Деепричастие, по их мнению, выражает чаще действие, совершаемое обычно, вообще, причастие же обозначает действие, совершаемое как обычно, вообще, так и производимое в данный конкретный момент. Впрочем, разница эта настолько неуволима, что многие совсем отрицают ее.

Объектные придаточные предложения. В той же точно форме, что и непродуктивный субъект, с помощью причастия может быть выражен в переходном предложении и объект (прямое дополнение). При этом причастие, как и всякий объект, должно стоять в именительно-винительном падеже, например:

Оаха лоархI, хIара дийнахъ газета дешар.

Мы уважаем того, кто каждый день читает газету.

Как и в субъектных предложениях, мы можем поставить и при объектных указательное местоимение:

Из оаха лоархI – хIара дийнахъ газета дешар..

Мы уважаем того, кто каждый день читает газету.

Оаха вигар никъ дика бовзар.

Мы взяли того, кто хорошо знает дорогу.

Мы взяли того, кому хорошо знакома дорога.

Из оаха вигар, никъ дика бовзар.

Оаха вигар из, никъ дика бовзар.

Аз дир Ia сайга диэ абннар.

Я сделал, что ты мне велел (сказал) делать.

Аз дир Ia сайга диэ абннар.

Буквально: Я сделал то, что ты мне сказал делать (“делай”).

Аз дир из, Ia сайга диэ абннар.

Я сделал то, что ты мне велел сделать.

Итак, объектные придаточные предложения по форме причастия совершенно совпадают с субъектными придаточными предложениями в их непродуктивной форме.

Предикатные придаточные предложения. Предикатными придаточными предложениями называются такие, которые служат сказуемыми в главном предложении. Предикатное придаточное предложение, как и субъектное и объектное, выражается причастием. Причастие в предикатном придаточном предложении стоит всегда в именительном падеже и имеет при себе глагол-связку *да* 'есть' в различных ее родовых формах. Таким образом, при предикатном придаточном предложении сказуемое бывает всегда составным. В состав этого сказуемого входит причастие, одновременно являющееся сказуемым и в придаточном предложении.

Предикатные придаточные предложения имеют близкое сходство с теми субъектными придаточными предложениями, при которых главное предложение имеет именное сказуемое. Приведем примеры:

Дийша саг – газета дешар ва.

Начитанный человек – (это есть тот), кто читает газету.

Ладархо (ладарвар) – хIамма а ца дер ва.

Лодырь – (это тот), кто ничего не делает.

Эксплуататор – наьха къахъегамах вахар ва.

Эксплуататор – (это тот), кто живет чужим трудом.

Из примеров видно, что предикатные придаточные предложения путем перестановки слов можно легко превратить в субъектные. Для этого причастие с относящимися к нему словами следует поставить на место подлежащего главного предложения, а это подлежащее – на место придаточного предложения перед связкой (*ва*). Произведя эту перестановку, получим:

Субъектное придаточное предложение.

Газета дешар – дийша саг ва.

Кто читает газету, (тот) – начитанный человек.

ХIамма а ца дер – ладарвар ва (ладархо ва).

Кто ничего не делает, (тот) – лодырь.

Наьха къахъегамах вахар – эксплуататор ва.

Кто живет чужим трудом, (тот) – эксплуататор.

Следовательно, предикатное придаточное предложение отличается от субъектного тем, что оно (причастие с относящи-

мися к нему словами) всегда стоит при связке в различных ее классных формах.

При предикатных придаточных предложениях можно употребить указательное местоимение точно таким же образом, как и при субъектных:

Дийша саг – из, газета дешар ва.

Начитанный человек тот, кто читает газету.

Из дийша саг – газета дешар ва.

Тот начитанный человек, кто читает газету.

Итак, чтобы отличить предикатное придаточное предложение от субъектного, следует обратить внимание на то, при каком слове (т.е. в ингушском языке – после какого слова) стоит в предложении связка. Если связка стоит при имени существительном (после него), то в этом случае мы будем иметь причастие с относящимися к нему словами в качестве субъектного, объектного или дополнительного придаточного предложения. Если же причастие с относящимися к нему словами стоит при связке *ва, я, ба, да* (перед ней), то в этом случае мы будем иметь предикатное придаточное предложение. Эти правила распознавания предикатного придаточного предложения необходимы потому, что в ингушском языке во многих случаях предикатное придаточное предложение может предшествовать субъекту главного и, наоборот, субъектное придаточное предложение может следовать за предикатом главного. Следовательно, один порядок слов не дает нам возможности отличить одно от другого. Сравни, например, следующие предложения (придаточные формы сказуемого в них выделены полужирным шрифтом):

Дийша саг ва советски газета дешар.

Тот, кто читает советскую газету и книгу, – (есть) начитанный человек.

Советски газета дешар ва дийша саг.

Начитанный человек – (есть) тот, кто читает советскую газету.

Дийша саг – советски газета дешар ва.

Начитанный человек, кто читает советскую газету (есть).

Советски газета дешар – дийша саг ва.

Кто читает советскую газету, есть начитанный человек.

Дополнительные придаточные предложения. Подобно субъектным, объектным и предикатным придаточным предложениям, с помощью причастия выражаются также все виды дополнительных придаточных предложений, т. е. предложений, играющих в главном предложении роль различных косвенных дополнений. Падежные окончания причастий в этих предложениях показывают нам, в качестве какого косвенного дополнения употреблено данное придаточное предложение. Дополнительные придаточные предложения классифицируются нами таким же образом, как и косвенные дополнения. Следовательно, они делятся на придаточные предложения, заменяющие родительное, дательное, творительное, вещественное, местное в различных его формах и сравнительное дополнительные придаточные предложения. Придаточное предложение с причастием в активном падеже не причисляется нами к дополнительным придаточным предложениям, так как оно входит в число субъектных придаточных предложений (см. стр. 289). Приведем примеры на дополнительные придаточные предложения с подразделением их соответственно падежу причастия:

1. Придаточные дополнительные, заменяющие самостоятельное родительное дополнение:

Болх дика бечун – ахча да.

Деньги есть у того, кто хорошо работает.

План кхоачашьбечун – сий да.

Кто выполняет план, тому почет.

Гурре глеттачун – жий шола бежбаб (пословица).

У того, кто рано вставал, овца двойню принесла.

Трамвайца дукха лелачун – бетта билет хул.

У того, кто часто (много) ездит на трамвае, бывает месячный билет.

Цамогани хинначун – уйла лорашка хул.

Мысли больного бывают обращены к врачам.

Балха низ боацарий терко ю Советски паччахьалкхено.

Советская власть относится с вниманием (оказывает внимание) к нетрудоспособным.

Вай йоакхо ю, хьалкхуви йоагIа тIехьен.

Мы заботимся о подрастающих (о подрастающем поколении).

Эхки хьоа ца кхийхкачун, Iай ей кхийхкабац (пословица).

У кого летом мозг не покипел, у того зимой котел не закипел.

Кхийрачун – жа дийбадац (пословица).

Кто боялся, у того отара не расплодилась.

Дерригача дунен тIа цIи хезай, ЦIеча Эскара баьчча волчун, новкъоста Ворошилова.

Всему миру известно имя того, кто является вождем Красной Армии, товарища Ворошилова.

Даггаха вийхачун бIаьргах цIий дена (пословица).

Кто плакал от (всего) сердца, у того из глаза кровь пошла.

2. Придаточные дополнительные, заменяющие дательное дополнение.

Дика болх бечунна, вай совгIат лу.

Тому, кто хорошо работает, мы даем премию.

БIаьрга са дика долчунна укх дукъ тIара гу Гуржий мохк.

Тот, кто имеет хорошее зрение, видит с этого перевала Грузиию.

Iилма Iам даим ше шийца болх бечунна.

Развивается умственно только тот, кто постоянно работает над собой.

АьрдагIа лелачунна (говра а) кулг хьакха.

Погладь рукой ту (лошадь), которая неспокойна.

Вай ЦIеча Эскаро тох, вай мехка тIагIертачунна.

Наша Красная Армия бьет тех, кто врывается в нашу землю.

Хий || жи йисте вахачунна гечув дика довз (пословица).

Кто живет на берегу реки, тому хорошо знакомы броды.

Дукха дезал болчарна (ноаношта) ахачалу паччахьалкхо.

Государство дает деньги тем (матерям), кто имеет большую семью.

Социалистически боахам лежкьочунна вай чIоагIа таIазар ду.

Мы строго наказываем того, кто расхищает социалистическую собственность.

БIарг байначоа паьха бIаргара кIай дайнад. (пословица).

У кого нет глаза, тот увидел бельмо в чужих глазах.

3. Придаточные дополнительные, заменяющие творительное дополнение.

Оаи сайна епначунца бу аз болх.
Я работаю тем, что вы мне дали.

Тхоашка йолчунца вода со.
Я езжу на том (тем), что у нас есть.

Демонстраце хиннарица вахар со.
Я шел с теми, кто участвовал в демонстрации.

Оаха сакыйрдар тхоашта безаиболчарца.
Мы веселились с теми, кого мы любим.

Оаха балхаи дир къабенначарца.
Мы работали с теми, кто состарился.

ХьунагIа вахачунца дахад тха жIали.
Наша собака пошла с тем, кто поехал в лес.

4. Придаточные дополнительные, заменяющие вещественное дополнение.

Юдсаькха чIий || тIаьск лат, ше тIакхийттахунах.
Стрела втыкается в то, что она встречает на своем пути.
Буквально: Стрела втыкается в то, во что она попадает.

Селхан ийцачунах коч тигай || яьй.
Рубашка сшита || сделана из того (материала), что куплен вчера.

Тхоашка йолчох || йолчеуфх яа хIама ю оаха.
Мы готовим пищу только из того, что у нас есть.

Селхан уйлаца тIа иийх кхийттахох дийцар цо сона.
Он рассказал мне про того, кого он встретил вчера на улице.

Хьона ца хоз чунах дуьц оаха.
Мы говорим о том, чего ты не знаешь.

Со кхет цо язdechунах || язdechох.
Я понимаю то, что он пишет.

Со кхетаргва цо яздаьчунах.
Я пойму то, что он написал.

Со теш цо дуьцчунах.

Я верю в то, что он говорит.

Хьо тешар цо аьнначунах || аьнначох.

Ты верил в то, что он сказал.

Со кхет цо яхчунах || яхчох.

Я понимаю то, что он говорит.

Со кхет цо дийцачунах || дийцачох.

Я понимаю то, что он рассказывал.

Я осознаю то, что он рассказывал.

Укх цIагIа чухь болчарех эггира воккхагIвар со ва.

Из тех, кто находится в этой комнате, самый старший (по возрасту) — это я.

Советски Iадало тaIазарду наьха кьахьегамa доахан дуадох.

Советская власть наказывает того, кто расхищает (буквально: проедает) чужую трудовую собственность || имущество (буквально: скот).

В последнем примере мы видим замечательный архаизм “проедать скот”¹ в значении “расхищать, разворовывать собственность” или “тратить средства” (ср. еще пример на стр. 450).

Тийша болх бода ше баьчох.

Кто старается обмануть, тот сам обманется.

Селхан тхацига баьхкачарех эггара хозагIьяр хьо яр.

Из тех, кто пришел к нам вчера, самая красивая была ты.

¹ О значении скота у пастушеских народов говорит Ф. Энгельс: “... после выделения пастушеских племен, мы находим готовыми все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения. Первоначально обмен производился между «племенами» при посредстве родовых старшин; когда же стада стали переходить в обособленную собственность, все больше стал преобладать, и, наконец, сделался единственной формой обмена — обмен между отдельными лицами. Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен — одним словом, скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в особом товаре — деньгах” (Фр. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1937, стр. 153).

5. Придаточные дополнительные, заменяющие местное дополнение.

Дика стихаш язлу метта говзал йолчунга.

Хорошие стихи удастся написать лишь тому, кто является мастером языка.

Аз каьІат дахьйитар учреждене болх беш волчунга.

Я послал письмо || бумагу тому, кто работает в учреждении.

Новкъа духьал кхийттарчага хаьттар цо.

Он спрашивал тех, кого встречал по пути.

Аз хабар дийцар сайл зІамагІа волчунга || волчунна.

Я рассказал рассказ тому, кто моложе меня.

Селхан телефон техачунга || техачунна дІахайта.

Уведомил того, кто вчера звонил по телефону.

Ялат дукха кхоач колхозе болх дика баьчунга || баьчунна.

Кто в колхозе хорошо работает, тому достается много хлеба.

В трех предыдущих примерах причастие в местном падеже может заменяться причастием в дательном падеже. В соответствии с этим мы будем иметь и придаточные предложения, которые могут заменять или местное, или дательное косвенное дополнение.

Болх беш воллачунга къамаьл ма диэ.

Не говори тому, кто занят работой.

Маьчеш ечунга хул маьче кІоажош.

У чувячника бывают набойки (каблуки).

В последнем примере слова *маьчеш ечунга* по происхождению представляют собой придаточное предложение, однако в современном языке они сливаются в одно понятие “(у) чувячника”. Поэтому данное предложение можно рассматривать и как простое по современному его значению.

Іа вийцачунгара дика гІулакх хилар сона.

От того, о ком ты рассказывал, я получил хорошую услугу.

Іа белгалвачунга гІолла вахар со балха.

Через того, на кого ты указал, я устроился (пошел) на работу.

6. Придаточные дополнительные, заменяющие сравнительное дополнение.

Со тІахайна веначул толажагІа я е говр.

Эта лошадь лучше той, на которой я приехал.

ЦІе Эскар котдаьнад вай доазув дохадаьчарел.

Красная Армия победила тех, кто нарушил нашу границу.

Тха бригада хьалхаяьннагІа хІанззалца хьалха хинначул.

Наша бригада опередила ту, которая до сих пор была впереди.

Селхан тхацига хинначарел хозагІьяр Тамара я.

(Женщина) красивее тех, кто был вчера у нас, это Тамара.

Цо тійцар миссел я аз ийца бакь.

Жеребенок, купленный мною, по величине одинаков с тем, что он купил.

В последнем примере форма сравнительного падежа от причастия заменена описательной формой, образуемой с помощью добавления слова *миссел* 'столь, столь же, столько'. Следует отметить, что в ингушском языке, в отличие от чеченского, нет особой формы производного от сравнительного – "равняющего падежа" (по выражению Услара). Эта форма сохраняется лишь в виде архаических остатков, который представляет из себя, например, и приводимое здесь слово *миссел*.

7. Придаточные дополнительные, заменяющие сравнительное дополнение в производной его форме:

Оаха цунга ахча делар цунна оьшишучул.

Мы дали ему столько денег, сколько ему нужно.

Оаха цунна делар цунна изшар миссел ахча.

Мы ему дали столько денег, сколько ему нужно.

Аз баьб болх цо баьр миссел.

Я поработал столько, сколько и он поработал.

Цо баьр миссел болх аз а баьб.

В точности столько, сколько он поработал, и я поработал.

Цар аьхар миссел оаха а оахаргда лаьтта.

Мы будем пахать столько же земли, сколько они пахали.

В приведенных примерах мы имеем описательную форму дополнительных придаточных предложений, заменяющую сравнительное дополнение с оттенком тождества. Эта форма приобретает ясно выраженное количественное значение. Поэтому мы

рассматриваем ее ниже в разделе придаточных предложений, выражающих количество (см. стр. 350).

Во всех примерах, которые мы приводили на дополнительные придаточные предложения, сказуемое выражено различными косвенными падежами причастия (за исключением последнего случая). Что падеж причастия в этих случаях точно соответствует падежу косвенного дополнения, легко можно видеть из следующих примеров.

Простое косвенное дополнение в родительном падеже:

Вай сий ду стахановца.

Мы оказываем почет стахановцу.

Дика болх бечун сий ду вай.

Мы оказываем почет тому, кто хорошо работает.

В последнем предложении причастие стоит в том же родительном падеже, в каком в первом предложении стоит косвенное родительное дополнение.

Простое косвенное дополнение в дательном падеже:

Вай совгІаташ лу ударникашта.

Мы даем премию ударникам.

Дика болх бечунна вай совгІаташ лу.

Мы даем премию тем, кто хорошо работает.

В последнем примере причастие стоит в том же дательном падеже, что и простое дательное косвенное дополнение в первом примере.

Простое косвенное дополнение в творительном падеже:

Аз цу оатхалца болх бу.

Я работаю тем инструментом.

Оаш сайна енначунца бу аз болх.

Я работаю тем, что вы мне дали.

Здесь причастие стоит в том же творительном падеже, что и простое творительное косвенное дополнение.

Простое косвенное дополнение в вещественном падеже.

Іадсавкха чІий лаьттаг богІалу.

Стрела втыкается в землю.

Іадсавкха чІий богІалу ше діакхийттачунах.

Стрела втыкается в то, что она встречает на своем пути.
Простое косвенное дополнение в местном падеже.

Дика стихаш язлу дикача поэтага.
Хорошие стихи удается писать хорошему поэту.

Дика стихаш йоахалу метта говрал йолчунга.
Хорошие стихи удается написать тому, кто является мастером языка.

Простое косвенное дополнение в сравнительном падеже.

Ер говр цу говрал толажсагла я.
Эта лошадь лучше той лошади.

Со тлахайна веначул ер говр толажсагла я.
Эта лошадь лучше той, на которой я приехал.

Из приведенных примеров видно, что дополнительные придаточные предложения, как субъектные, объектные и предикатные, представляют собой по форме падежа простую замену соответствующих простых косвенных дополнений. Причастие в рассмотренных нами выше типах придаточных предложений как бы заменяет собой имя существительное. Поэтому здесь оно везде стоит в самостоятельной, по значению равной существительному форме. В отличие от этого причастие в определительных придаточных предложениях, о которых речь будет идти ниже, стоит всегда при имени существительном и потому имеет несамостоятельную форму (о различии самостоятельной и несамостоятельной формы причастий см. стр. 312). По-русски это различие выражается там, что субъектные, объектные, предикатные и дополнительные придаточные предложения имеют в качестве относительных местоимений местоимения *кто, что*. В определительных же придаточных предложениях в русском языке употребляется относительное местоимение *который*.

Как и косвенное дополнение, дополнительные придаточные предложения в ингушском языке могут иметь форму причастия в соответственном падеже с послелогом. Приведем примеры:

Шоаи оахачунна тла хьажкIаш ювргья колхозхоша.
Колхозники будут сеять кукурузу на том (подразумевается: месте), что они пашут.

МТС-о аьхачунна тла кIаш дийна яьннай тха колхоз.
Наш колхоз закончил посев пшеницы на том (месте), что вспахала МТС.

Шоаи дийначунна тІера заданеш паччахьалкхенна дІалу колхозаи.

Колхозники сдают задание государству из того, что они посеяли.

Из говр ийккхачунна тІех са бакъа а ийккхар.

Через то, что перепрыгнула эта лошадь, прыгнул и мой жеребенок.

Хъавеначунна тІехъа декхар да тха учреждене.

У нашего учреждения есть долг на том (человеке), кто пришел || приехал.

В предыдущих примерах при причастии стоят разные формы послелога *тІа* 'на'.

Цо деначунна кІал са книжка улл.

Моя книга лежит под той (книгой), которую он принес.

Аз диллачунна кІал кораданзар сона хъа книжка.

Я не нашел твою книгу под той, которую я положил.

Цо хъавеначунна кІалхара хъайцар аз ер газета.

Я взял эту газету из-под той, которую он привес.

Аз йоалайчунна кІалгІолла чакхъаргъа хъа бакъ.

Под той (лошадью), которую я привел, может пройти твой жеребенок (насмешка).

В предыдущих примерах при причастии стоят формы послелога *кІал* 'под'.

Техникумо иийна денначунна чу цун хьахо вах.

Сторож живет в том (помещении), что ему отвел техникум.

Колхозо иийна даьчунна чу колхоза правлени йоагІа.

Правление колхоза переселяется в то (помещение), которое ему выстроил колхоз.

Наьсаре гІолла доагІачунна чура чкъаьрий даьхар оаха.

Мы ловили рыбу в той (реке), которая течет через Назрань.

Оахои даьчарна чугІолла басараи хъекхад оаха.

Мы выкрасили (изнутри) то (помещение), которое мы отстроили.

В предыдущих примерах при причастии стоят формы послелога *чу* 'в'.

Демонстраце баъхкарашта юкье вахар со.

Я вошел в середину тех (людей), которые пришли на демонстрацию.

ХІанз бахаш дечарна юкье стахановски движени ярж.

Среди тех, кто работает теперь, разворачивается стахановское движение.

Цига хинначарна юкьера хъавера из.

Он пришел из среды тех, которые были там.

Базар тІа баъхкачарна юкье гІолла цІавера со.

Я пришел домой через среду тех, что прибыли на базар.

В предыдущих примерах мы имеем причастие с послелогом юкье 'среди, в середине'.

Аькхе водачунна улув доал цун жІалеш.

Рядом с тем, кто ходит на охоту, идут его собаки.

Яздеи воаллачунна улув латтар из.

Он стоял возле того, кто был занят писанием.

Деша веначунна улув гІолла директор вера школе.

Директор прошел в школу мимо тех, кто приехал учиться.

Цу учреждене хъалхале лелаечунна улувра хъавера со.

Я пришел от того, кто руководит этим учреждением.

В этих примерах употребляются в качестве послелога различные формы послелога улув 'мимо, рядом, возле' при причастии.

Определительные придаточные предложения. Определительное придаточное предложение представляет собой определение при одном из членов главного предложения. Этот член главного предложения по отношению к определительному придаточному предложению называется определяемым словом. Определительное придаточное предложение стоит обычно перед своим определяемым. Этот порядок расположения определительных придаточных предложений является более или менее постоянным в ингушской речи и не может быть изменен без ущерба смыслу всего предложения в целом. Причастие придаточных определительных предложений, как было сказано выше, имеет несамостоятельную форму склонения, так как оно находится перед существительным-определяемым. В этой несамостоятельной форме причастие приобретает для всех косвенных падежей

одну общую форму с окончанием *-ча*, полное же падежное окончание принимает то существительное, которое служит определяемым словом. Приведем примеры на определительные придаточные предложения с классификацией их по падежной форме определяемого слова.

1. Определительные придаточные предложения при определяемом в активном падеже:

Гурре болх болабаъча колхозхочо болх дукха берг ба.

Колхозник, который начал работу ранним утром, сделает много работы.

Кхъча къамашта юкъе ваъхача || лийннача саго цар мотт Йо-амабу.

Человек, который жил || побывал среди других национальностей, усваивает их язык.

Болха ка йоалача колхозхочо къахъегама денош дукха доах.

Колхозник, который быстро работает, получает много трудодней.

Дешар дика Йоамоча дешархочо ха зехъа йоаяц.

Ученик, который хорошо занимается, даром время не теряет.

Колхозо тхона беннача Iатто дукха шура лу.

Корова, которую нам дал колхоз, дает много молока.

Бахача безамо хозал лехац, йоагIача набаро гIовча лехац (пословица).

Любовь, которая пришла, не ищет красоты; сон, который приходит, не нуждается (не ищет) в изголовьи.

Низ болча нало наькъа юккъера IaIa боаккх (пословица).

Сильный кабан (буквально: кабан, который есть сильный) выкопал посреди дороги (буквально: из середины дороги) со-лоцкий корень. (об антиобщественных поступках сильного человека).

2. Определительные придаточные предложения при определяемом субъекте в именительном падеже.

Самардийтахъ колхозхоша дена дахча декъа дар.

Дрова, которые колхозники привезли позавчера, были сухие.

Даде тхона ийца бакъилг йоккха хитай.

Жеребенок, которого папа нам купил, вырос (стал большой).

Тхацига хинна хъаша цIа вахав.

Гость, который был у нас, поехал домой.

Оаха хъуна складера дена уй дика хиннадар.

Доски, которые мы привезли из лесного склада, оказались хорошими.

Селхан тхацига ена кхалсаг колхоза председатель я.

Женщина, которая приходила (пришла) к нам вчера, является председателем колхоза.

Тахан сона хи тIа яйна йоI хоза яр.

Девушка, которую я сегодня видел на реке, была красива.

В значении определения при непродуктивном субъекте можно употребить также деепричастие вместо и в значении причастия, например:

Болх беи саг – из ва.

(Много) работающий человек – это он.

Работающий человек – это он.

В этом примере деепричастие *беи* стоит вместо причастия *бен* в несамостоятельной форме *бу (саг)* (еще примеры на употребление деепричастия в значении причастия см. на стр. 308).

3. Определительные придаточные предложения при определяемом – прямом дополнении в именительном падеже.

Дика болх бу колхозхо оаха сий долии лоархI.

Мы почитаем (считаем почетным) колхозника, который хорошо работает.

Социалистически боахам лочкчабаъ къу лаьцар оаха.

Мы поймали вора, который расхитил социалистическую собственность.

Оакхарех зене дола аькха дув наха.

Люди убивают зверей, которые (из числа зверей) являются вредными.

4. Определительные придаточные предложения при определяемом – именной части сказуемого в именительном падеже:

Эксплуататор наьха къахъегамах вахаш вода саг ва.

Эксплуататор есть человек, который живет чужим трудом.

Иаьржа-дакх вай мехка лоам хулаи йола дахча я.

Береза – это дерево, которое в нашей стране растет в горах.

Ударник балха хьалхле йоаккхаш вола саг ва.

Ударник – это человек, который опережает в работе.

Херх – дахча тедаш йола оатхал я.

Пила – это есть орудие, которое режет дрова.

В значении определения при именной части сказуемого может быть употреблено и деепричастие в значении причастия, например:

Из – дешаш саг ва.

Он – (много) читающий человек.

Он – любитель читать.

Из – болх беш саг ва.

Он – (много) работающий человек.

Он – работающий человек.

В первом примере здесь деепричастие *дешаш* заменяет собой несамостоятельную форму причастия *деша*, которая служит определением к слову *саг* (ср. еще выше стр. 307).

5. Определительные придаточные предложения при определяемом косвенном дополнении.

а) В родительном падеже.

Эрки хьоа ца кхийхкача сега Iай ей кхехкац (пословица).

У того человека, у которого мозг летом не кипел, зимой котел не кипит.

Кхийрача Iун, жа дийбадац.

У пастуха, который боялся, отара не расплодилась.

Болх дика беча сега ахча дукха хул.

У человека, который много работает, много денег.

б) В дательном падеже.

Трамвайца дукха лелача сага бетта билет эи.

Человеку, который много ездит на трамвае, нужен месячный билет.

Саг дика вовз цунца болх дукха беча новкъостá.

Человека хорошо узнает тот товарищ, который много работает с ним.

Вай ЦIеча Эскаро тох вай мехка тIагIертача моастагIчунна.

Наша Красная Армия бьет того врага, который врывается в нашу страну.

Гечув дика довз хи йисте бахача наха́.

Броды хорошо знают люди, которые живут на берегу реки.

АьрдагIа лелача говра кулг хьакха.

Погладь рукой (ту) лошадь, которая непокорна.

в) В творительном падеже.

Iа сайна еннача оатхалаища болх бу аз.

Я работаю орудиями, которые ты мне дал.

Демонстраце хиннача нахаца вахар со.

Я пошел с теми людьми, которые участвовали в демонстрации.

Оаха сакъийрдар тхоашта безаш болча новкъостаища.

Мы веселились со своими любимыми товарищами (с товарищами, которых любим).

МТС-о ийтача тракторца лаьтта аьхар колхозхоша.

Колхозники вспахали землю тракторами, которые прислала МТС.

Колхозхоша фу тессар керда ийцача сеялкаища.

Колхозники сеяли сеялками, которые недавно купили.

г) В вещественном падеже.

Селхан ийцача кIадах коч яьй аз.

Я сшил (сделал) рубашку из той материи, которую купил вчера.

Хьона ца ховча гIулакхаха дувц оаха.

Мы разговаривали о деле, которое ты не знаешь.

Укха цIагIа чухь болча нахах эггара воккхагIвар со ва.

Из тех людей, которые находятся в этом доме, самый старший – я.

Селхан тхацига баьхкача мехкарех эггара кхетамегIа Тамара яр.

Из тех девушек, которые приходили вчера к нам, самая умная была Тамара.

д) В местном падеже.

Аз каьгIат дахьийтар депутат йолча кхалсагага.

Я послал письмо к той женщине, которая является депутатом.

Дика стихаш язлу метта говзал йолча писаталага.

Хорошо удаются стихи тому писателю, который является мастером языка.

Новкъа духъал мел кхийттача нахага хийттар аз.

Я расспрашивал всех тех людей, которые встречались по дороге.

Болх беш воаллача болхлочунга къамаъл ма диэ.

Не разговаривай с рабочим, который занят работой.

е) В сравнительном падеже.

Со тІахайна венача говрал дикагІа я ер говр.

Эта лошадь лучше той лошади, на которой я приехал.

ЦІе Эскар теннад вай доазув дохадаьча моастагІел.

Красная Армия победила врагов, которые нарушили нашу границу.

ХІанзсолца хъалха хиннача бригадал тха бригада хъалхаяьнай.

Наша бригада опередила ту бригаду, которая до сих пор шла впереди.

Іийнча берзал лийнна цогол теннад (поговорка).

Ходившая лисица победила || превзошла лежавшего волка.

Подобно тому, как существуют дополнительные придаточные предложения, выраженные падежной формой причастия с послелогом, могут существовать и придаточные определительные предложения при косвенных дополнениях, выраженных именем существительным с послелогом. Приведем примеры:

6. Определительные придаточные предложения при определяемом – косвенном дополнении с послелогом.

Шоаш оахача арен тІа хъажкІаи ювргъа колхозхои.

Колхозники будут сеять кукурузу на том поле, которое они пашут.

МТС-о аьхача арен тІа кІа дийна яьнай тха колхоз.

Наш колхоз закончил сев пшеницы на том поле, которое вспахала МТС.

Из говр тІехъийккхачакхерийна тІагІолла са бакъа а тІехийккхар.

Через тот камень, через который прыгнула та лошадь, прыгнул и мой жеребенок.

Цо енача портфела кІал са книжка улл.

Моя книга лежит под портфелем, который он принес.

Аз йиллача || Йойиллача портфела кІал кораданзар сона хъа книжка.

Я не нашел твою книгу под портфелем, который я положил.

Цо Йойиллача портфела кІалхъара хъайцар аз ер газета.

Я взял эту газету из-под портфеля, который он положил.

Аз йоала аьча говра кІал гІолла чакхъаргъа хъа бакъ.

Под той лошастью, которую я привел, может пройти твой жеребенок.

Колхозо шюашта даьча цІенош чу колхоза правлени йоагІа.

Правление колхоза переходит в тот дом, который для него построил колхоз.

Техникумо деннача цІагІа чухъ цун хъаьхо вах.

Сторож техникума живет в том доме, который предоставил техникум.

Наьсаре гІолла доагІача хи чура чкъаьрий даьхар оаха.

Мы ловили рыбу в той реке, которая течет через Назрань.

Оахош даьча цІагІа чугІолла басараиш хъекхад оаха.

Мы выкрасили изнутри то помещение, которое мы построили.

Демонстраце баьхкача наха юкье вахар со.

Я вошел в середину людей, которые пришли на демонстрацию.

ХІанз балхаиш деча болхлошта юкье социалистически яхъ яьрж.

Среди тех рабочих, которые теперь работают, развертывается социалистическое соревнование.

Цига хиннача наха юкьера хъавера из.

Он пришел из среды тех людей, которые были там.

Черахье вахача сага улув цун жІалеш даьлар.

Вместе с человеком, который ходил на охоту, были его собаки.

Яздеи воаллача сага уллув дІаэтта латтар из.

Он стоял (став) рядом с тем человеком, который пишет (занят писанием).

Цига Юхайна ваьгІача сага улув гІолла дІа вахар со.

Я прошел мимо того человека, который сидел там.

Наркомпросе болх беча сага уллувра хъавера со.

Я пришел от человека, который работает в Наркомпросе.

Причастие в придаточных предложениях. Все многочисленные типы придаточных предложений, которые мы выше рассмотрели, имеют в качестве придаточной формы сказуемого причастие. Причастие употребляется в ингушском придаточном предложении в двух формах – самостоятельной и несамостоятельной. Самостоятельное причастие употребляется в качестве придаточной формы в субъектных, объектных, предикатных и дополнительных придаточных предложениях. Самостоятельная форма причастия по значению равна имени существительному. Однако она отличается от отглагольного имени существительного (масдара, ср. стр. 355) следующими особенностями: причастие обозначает человека или предмет действующий, а также человека или предмет, подвергающийся действию, тогда как отглагольное имя существительное – масдар – обозначает процесс действия. Почти во всех языках (в русском, западноевропейских и др.) мы имеем причастие двух видов: причастие действительного залога и причастие страдательного залога. Причастие действительного залога обозначает по своей форме лицо или предмет действующий, причастие же страдательного залога обозначает лицо или предмет, по своей форме подвергающийся действию. Таким образом, причастие действительного залога всегда обозначает мыслимый (так называемый логический) субъект, а причастие страдательного залога – мыслимый (логический) объект того действия, которое обозначено причастием, хотя грамматически то и другое причастие может выражать любой член предложения. Замечательная особенность ингушского языка заключается в том, что в нем мы не имеем действительного и страдательного залогов, выраженных формой самого причастия, и действительного и страдательного значения в этих причастиях, взятых в отдельности. Это имеет место в связи с тем, что ингушский язык вообще не имеет развитых форм страдательного залога в спряжении глагола. Однако некоторые кавказские яфетические языки, не имеющие развитого страдательного залога в спряжении, тем не менее имеют причастие в двух формах – причастие действительного и причастие страдательного образования и значения. Разумеется, оба эти вида причастия образуются в таких языках лишь от переходных глаголов. Причастия в действительной и страдательной форме, например в кабардинском, адыгейском, абхазском и других

языках, различаются как по своему значению, так и по своей форме. В ингушском языке одно и то же причастие без всякого изменения своей формы может иметь как действительное, так и страдательное значение. Различие между действительным и страдательным значением ингушского причастия определяется только связью слов в предложении, а в тех глаголах, которые изменяются по классам, также согласованием в классе (роде). Так, *гу саг* может обозначать по-ингушски “видящий человек; человек, который видит” и “видимый человек; человек, которого видят”. Глагол *гуо* ‘видь’ (повелительное наклонение от которого употребляется редко), образующий это причастие, не имеет изменения по классам. Различие между действительным и страдательным значением может быть достигнуто в данном случае лишь путем добавления необходимых слов. Так, *суона гу саг* обозначает “человек, которого я вижу” или “видимый мною человек” (буквально “видимый мне человек”, так как глагол *гуо* имеет логический субъект в дательном падеже). Наоборот, *со гу саг* значит “человек, который видит меня” или “видящий меня человек”. Если возьмем простой переходный глагол, тоже не имеющий изменения по классам, то мы увидим такое же явление: *аз леха саг* ‘человек, которого я ищу’, *со леха саг* ‘человек, который меня ищет, ищущий меня человек’. Следовательно, единственным отличием действительного и страдательного значения ингушского причастия служит падеж поставленного впереди него слова – главного члена придаточного предложения. Если перед причастием, образованным от переходного глагола, стоит активный падеж, являющийся по отношению к причастию подлежащим, то причастие приобретает страдательное значение. Если же перед причастием стоит именительновинительный падеж, который является по отношению к причастию прямым дополнением, то причастие приобретает действительное значение. Следовательно, для определения значения ингушского причастия от переходного глагола важно знать, имеет ли оно впереди себя свое подлежащее или свое прямое дополнение. В отношении причастия, а также субъектных, объектных, предикатных и дополнительных придаточных предложений мы можем установить для подавляющего большинства исследованных языков один общий закон. Причастие действительного залога не может иметь при себе своего смыслового подлежащего (логического субъекта), выраженного полнозначным словом, так как оно по своему значению выражает мыслимый (логический) субъект своего действия. Наоборот,

причастие страдательного залога не может иметь при себе своего смыслового, выраженного полнозначным словом прямого дополнения (логического объекта), так как само оно обозначает мыслимый (логический) объект своего действия. Этот закон имеет силу и для русских причастий. В отношении русских придаточных предложений этот закон выражается в том, что переходные придаточные предложения не могут иметь в своем составе субъекта, выраженного именем существительным или личным местоимением в том случае, если в них полнозначным словом выражен объект, и, наоборот, если в этих предложениях полнозначным словом выражен субъект, то они не могут иметь в своем составе объекта, выраженного именем существительным или личным местоимением. В этих случаях субъект или объект могут быть выражены только служебными словами, т. е. относительными местоимениями. Этот же закон действителен и для ингушского языка. Здесь он выражается в том, что при причастии в качестве одного из главных членов того придаточного предложения, в котором данное причастие служит сказуемым, может быть выражено или только смысловое (логическое) подлежащее, или только прямое дополнение. Разумеется, все сказанное относится лишь к тем придаточным предложениям или причастиям, которые являются переходными по своему значению и которые имеют значение субъектных, объектных, предикатных, дополнительных и определительных придаточных предложений. Таким образом, в ингушском языке причастие гу с дательным падежом впереди себя будет обозначать “видимый; тот, кого видят; которого видят” (это причастие образовано от глагола с дательным субъектом), а то же самое причастие с именительно-винительным падежом перед собой будет иметь значение “видящий; тот, кто видит; который видит”. Точно так же причастие *леха* с активным падежом впереди себя (это причастие образовано от переходного глагола) будет иметь страдательное значение “искомый; тот, кого ищут, которого ищут”, а с именительно-винительным падежом перед собой – действительное значение “тот, кто ищет; который ищет, ищущий”. Следовательно, в ингушском языке различие этих двух значений выражается не формой самого причастия, а синтаксической связью его с относящимися к нему смысловыми главными членами придаточного предложения. Это явление представляет собой несомненный архаизм – пережиток языка аморфного строя и служит лишним доказательством того, что в ингушском языке еще не появился подлинный страдательный залог и раз-

витая страдательная конструкция предложения, которую некоторые лингвисты упорно хотят навязать кавказским яфетическим языкам.

Особенностью ингушского причастия, резко отличающей его от русского причастия, является также широкая возможность выражения при этом причастии подлежащего (во всех случаях, за исключением причастий с действительным значением). Как известно, в русском языке мы можем заменить придаточное предложение причастным оборотом лишь в том случае, если придаточное предложение имеет одинаковое подлежащее с главным. Лишь в русских диалектах встречаются причастные и деепричастные придаточные предложения при разных подлежащих в придаточном и главном предложении. В ингушском языке причастная придаточная форма употребляется безразлично – и в случае одинаковых и в случае различных подлежащих в обоих предложениях. Это и понятно, так как в ингушском языке нет иного способа выразить придаточные предложения вышперечисленных типов (субъектные, объектные, предикатные и дополнительные).

Выше мы исследовали случай, когда причастие образовано от переходного глагола. Еще более интересную картину представляет собой ингушское причастие от непереходных глаголов. Причастие настоящего времени от глагола лела 'ходи, гуляй' пишется одинаково с формой повелительного наклонения лела 'ходящий, гуляющий'. Интересно, что каждое непереходное причастие в ингушском языке может иметь также и переходное значение. При переходном же его значения приходится различать действительное и страдательное значение причастия. Так, например:

(Цу) новкъа лела автомобиль.

Автомобиль, ходящий || проходящий по (этому) пути.

Автомобиль лела никъ.

Путь, проходимый автомобилем.

Из этих двух примеров мы видим разницу между действительным и страдательным значением ингушского непереходного причастия. В первом случае в придаточном предложении не может стоять подлежащего по общему правилу, так как оно представляет собой непереходный оборот и причастие имеет действительное значение. По этой же причине не может в нем стоять и прямое дополнение. Таким образом, при непереходном

причастии с действительным значением не может быть употреблено никаких главных членов предложения (т.е. ни подлежащего, ни прямого дополнения). Во втором примере для того, чтобы выразить страдательное значение непереходного причастия, мы должны поставить перед ним подлежащее. Так как, несмотря на свое страдательное значение, причастие и, следовательно, все придаточное предложение остается непереходным, то подлежащее в этом предложении должно стоять в именительном падеже. Получается, таким образом, своеобразная конструкция, при которой впереди причастия стоит имя существительное, выражающее не прямое дополнение, как при переходных причастиях, а подлежащее, причастие же получает значение страдательное, т. е. то значение, которое собственно должно было иметь лишь переходное причастие. Употребление причастий от непереходных глаголов в страдательном значении не представляет собой редкого явления в ингушском языке. В этом отношении ингушский язык сходен с некоторыми другими языками (чеченским, марийским, северно-великорусскими говорами русского языка). Однако специфической особенностью ингушского языка остается тот факт, что как переходное, так и непереходное ингушское причастие без всякого изменения своей формы может иметь и страдательное и действительное значение.

Разберем теперь случай употребления причастий от глаголов, выражающих согласование по классам. Возьмем пример:

(Цхъа хIама) ду саг.

(Что-то) делающий человек.

Человек, который что-то делает.

Аз бу болх.

Работа, которую я делаю.

Мною делаемая работа.

В первом примере переходное причастие с действительным значением согласуется в своем классе со словом, стоящим впереди него в именительном падеже, т. е. со своим прямым дополнением. Во втором примере то же причастие, как имеющее страдательное значение, не может иметь впереди себя прямого дополнения и не может согласовываться со своим подлежащим, так как последнее должно стоять в активном падеже. Поэтому причастие со страдательным значением согласуется с тем словом, которое стоит после него, т. е. со своим определяемым, независимо от падежа последнего. Причастие же в самостоя-

тельной форме, которое не может иметь при себе определяемого, согласуется обычно с подразумеваемым определяемым и потому в случае неопределенности этого подразумеваемого определяемого оно чаще всего принимает класс “да, да”:

Аз дер.

То, что я делаю.

Аз бер (подразумевается: болх).

То, я что делаю (подразумевается: “работа”).

Итак, ингушское переходное причастие согласуется в классе со своим прямым дополнением, т. е. со словом, стоящим впереди него, в том случае, если это причастие имеет действительное значение, и со своим определяемым, стоящим после него и входящим в состав главного предложения, в том случае, если оно имеет страдательное значение.

Обратную картину представляет собой согласование по классам ингушского непереходного причастия, например:

Цу хана ва́ха саг.

Живущий в (эту) пору человек.

Человек, который живет в (эту) пору.

Саг ваха ха.

Период времени, переживаемый человеком.

Период времени, в который живет человек.

Вешийга йола говр.

Лошадь, которая находится (есть) у брата.

Говр йола ваиа.

Брат, у которого находится (есть) лошадь.

В первом примере непереходное причастие имеет действительное значение. Перед ним не может стоять своего подлежащего в именительном падеже. Поэтому данное причастие согласуется и может согласовываться только с последующим словом, входящим в состав главного предложения, т. е. со своим определяемым. Во втором примере непереходное причастие имеет страдательное значение и может иметь впереди себя свое подлежащее в именительном падеже. Поэтому оно согласуется в классе с этим своим подлежащим.

Следовательно, переходное причастие с действительным значением согласуется со словом, стоящим впереди него

(прямым дополнением), а такое же причастие со страдательным значением согласуется с последующим словом – со своим определяемым. Непереходное причастие, наоборот, если оно имеет действительное значение, согласуется с последующим словом-определяемым, если же оно имеет страдательное значение, – с предыдущим словом, т.е. со своим подлежащим. Следует заметить, что определяемое слово, входящее в состав главного предложения, может стоять в любом падеже и согласование причастия с ним в классе остается при этом ненарушенным.

Мы говорили выше о страдательном и действительном значении причастия и о способах его выражения. Однако правильнее было бы сказать, что согласование переходного причастия с действительным значением в классе с предыдущим прямым дополнением, как и согласование переходного причастия со страдательным значением с последующим его определяемым есть дополнительный способ придать этому причастию в ингушском языке действительное и страдательное значение. Таким же точно образом согласование по классу непереходного причастия с действительным значением с последующим своим определяемым и того же причастия со страдательным значением с предшествующим своим подлежащим есть тоже дополнительный способ выразить в ингушском языке действительное и страдательное значение непереходного причастия.

У тех глаголов, которые имеют согласование по классу, это вместе с тем единственный способ выразить в ингушском языке действительное и страдательное значение самой формой ингушского причастия.

Для подтверждения всего того, о чем мы говорили выше, приведем здесь таблицу образования причастных форм с изменением их по классам и временам:

Изменение причастий по классам и временам:

а) Самостоятельная форма причастия.

Значение действительного залога	Значение страдательного залога
(Цхьа хIама) ер.	Аз дер.
Тот, кто делает что-то.	То, что я делаю.
Делающий что-то.	Мною делаемое.
(Цхьа хIама) яьр.	Аз даьр.

Тот, кто сделал что-то.
Сделавший что-то.

(Цхъа хIама) ергъяр.
Тот, кто сделает что-то.

Со лехар.
Тот, кто меня ищет.
Ищущий меня.

Со лехнарг.
Тот, кто меня сыскал.
Сыскавший меня.

Со лехаргвар.
Тот, кто будет меня искать.

Со везар.
Тот, кто меня любит.
Любящий меня.

Со вийзар.
Тот, кто меня полюбил.
Полюбивший меня.

Со везаргвар.
Тот, кто будет меня любить.
Тот, кто меня полюбит.

Со гур.
Тот, кто меня видит.
Видящий меня.

Со вайнар.
Тот, кто меня увидел.
Увидевший меня.

Со гургвар.
Тот, кто меня увидит.
Тот, кто меня будет видеть.

То, что мною сделано.
То, что я сделал.
Сделанное мною.

Аз дергдар.
То, что мною будет сделано.
То, что я сделаю.

Аз лехар.
То, что я ищу.
Искомое мною.

Аз лехар.
То, что я сыскал.
Разысканное мною.

Аз лехаргдар.
То, что я буду искать.

Сона дезар.
То, что, я люблю.
Любимое мною.

Сона вийзар.
То, что я полюбил.
Излюбленное мною.

Сона дезаргдар.
То, что я буду любить.
То, что я полюблю.

Сона гур.
То, что я вижу.
Видимое мне.

Сона дайнар.
То, что я увидел.
Увиденное мною.

Сона гургдар.
То, что я увижу.
То, что мне будет видно.

Последние два причастия от глаголов гуо 'видь' и виэза 'любю' принадлежат залогу с дательным субъектом. По правилам выражения действительного и страдательного значения и по согласованию в классе они подходят под правило переход-

ных глаголов с той лишь разницей, что активный падеж подлежащего при причастии со страдательным значением при этих глаголах заменяется дательным падежом логического субъекта.

Непереходное причастие

Значение действительного залога	Значение страдательного залога
<i>Уллар.</i> Тот, кто лежит. Лежащий.	<i>Со уллар.</i> То, на чем я лежу.
<i>Иллар.</i> Тот, кто лежал, полежал. Лежавший, полежавший.	<i>Со иллар.</i> То, на чем я лежал, полежал.
<i>Улларгвар.</i> Тот, кто будет лежать. Тот, кто полежит.	<i>Со улларгвар.</i> То, на чем я буду лежать. То, на чем я полежу.
<i>Вáхар.</i> Тот, кто живет. Живущий.	<i>Со вáхар.</i> То (время), что я переживаю. Переживаемое мною.
<i>Ваьхáр.</i> Тот, кто прожил, жил. Проживший, живший.	<i>Со ваьхáр.</i> То (время), что я пережил, прожил. Пережитое мною. Прожитое мною.
<i>Вахаргвар.</i> Тот, кто будет жить. Тот, кто поживет.	<i>Со вахаргвар.</i> То (время), что я переживу. То (время), что я проживу.

Приведенные здесь формы причастия от глагола *ылла* 'лежи' и *ваха* 'живи' относятся к непереходным, как и глаголы, от которых они происходят. Предшествующий именительный падеж при этих причастиях показывает, что они имеют страдательное значение.

Изменение причастий по классам и временам.

б) несамостоятельная форма причастия.

Значение действительного залога	Значение страдательного залога
(<i>Цхъа хIама</i>) ю саг.	<i>Аз бу болх.</i>

Человек, делающий что-то.
Человек, который делает
что-то.

(Цхъа хIама) яь саг.
Человек, сделавший что-то.
Человек, который сделал
что-то.

(Цхъа хIама) ергйола саг.
Человек, который сделает
что-то.
Человек, который будет
делать что-то.

Со лохá саг.
Человек, ищущий меня.
Человек, который ищет меня.

Со лехá саг.
Человек, сыскавший меня.
Человек, который сыскал меня.

Со лохаргвола саг.
Человек, который меня сыщет.
Человек, который будет искать
меня.

Со гу саг.
Человек, видящий меня.
Человек, который меня видит.

Со вайна саг.
Человек, увидевший меня.
Человек, который меня увидел.

Со гургвола саг.
Человек, который увидит меня.
Человек, который будет видеть
меня.

Сесаг йиэза мар.
Муж, любящий жену.
Муж, который любит жену.

Сесаг йийза мар.
Муж, полюбивший жену.

Работа, делаемая мною.
Работа, которую я делаю.

Аз баъ болх.
Работа, сделанная мною.
Работа, которую я сделал.

Аз бергбола болх.
Работа, которую я сделаю.
Работа, которую я буду
делать.

Аз лохá саг.
Человек, которого я ищу.

Аз лехá саг.
Человек, которого я сыскал.
Человек, разысканный мною.

Аз лохаргвола саг.
Человек, которого я сыщу.
Человек, которого я буду
искать.

Сона гу саг.
Человек, видимый мне.
Человек, которого я вижу.

Сона вайна саг.
Человек, увиденный мною.
Человек, которого я увидел.

Сона гургвола саг.
Человек, которого я увижу.
Человек, который будет
виден мне.

Сесага веза мар.
Муж, любимый женою.
Муж, которого любит жена.

Сесага вийза мар.
Муж, которого полюбила

Муж, который полюбил жену.

жена.

Сесаг езаргйола мар.

Сесага везаргвола мар.

Муж, который полюбит жену.

Муж, которого полюбит

Муж, который будет любить
жену.

жена.

Муж, которого будет
любить жена.

Непереходное причастие

Значение действительного
залога

Значение страдательного
залога

Цу метта улла саг.

Саг улла мотт.

Человек, лежащий на этой
постели.

Постель, на которой лежит
человек.

Цу метта илла саг.

Саг илла мотт.

Человек, полежавший на этой
постели.

Постель, на которой
полежал человек.

Человек, который лежал на
этой постели.

Постель, на которой лежал
человек.

Цу метта улларгвола саг.

Саг улларгвола мотт.

Человек, который полежит
на этой постели.

Постель, на которой
полежит человек.

Человек, который будет лежать
на этой постели.

Постель, на которой будет
лежать человек.

Цу хана ваха саг.

Саг ваха ха.

Человек, живущий в эту пору.

Пора, в которую живет

Человек, который живет в эту
пору.

человек.

Цу хана ваьх́а саг.

Саг ваьх́а ха.

Человек, переживший эту
пору.

Пора, которую пережил
человек.

Человек, живший в эту пору.

Пора, которую прожил
человек.

Цу хана вахаргвола саг.

Саг вахаргвола ха.

Человек, который будет жить
в эту пору.

Пора, в которую будет жить
человек.

Человек, который проживет
в эту пору.

Пора, которую проживет
человек.

Причастие в ингушском языке изменяется по трем временам. Оно имеет форму настоящего, прошедшего совершенного и будущего действительного времени. Кроме того, причастие может иметь форму обобщенного и процессного залога. Разницу между этими двумя залогами трудно бывает различить в том случае, когда причастие имеет действительное значение, так как при таком причастии подлежащее не может быть выражено, обобщенный же и процессный обороты отличаются друг от друга формой подлежащего (см. выше стр. 97). Приводим здесь таблицу изменения причастия по классам и временам в обобщенном и процессном залоге.

Переходное причастие

Значение действительного залога	Значение страдательного залога
<i>Ше болх беш вола саз.</i> Человек, который (сам) занят работой.	<i>Аз беш болу болх.</i> Работа, которую делаю я. Работа, которой занят я.
<i>Ше болх баь вола саз.</i> Человек, который (сам) был занят работой.	<i>Аз баь бола болх.</i> Работа, которую сделал я. Работа, которой был занят я.
<i>Ше болх бергболаш вола саз.</i> Человек, который (сам) будет занят работой.	<i>Аз бергболаш бола болх.</i> Работа, которую буду делать я. Работа, которую сделаю я. Работа, которой буду занят я.
<i>Книжка хьаэцаш вола дешархо.</i> Ученик, который (обычно) получает книгу.	<i>Дешархочо хьаэцаш дола книжка.</i> Книга, которую получает ученик. Книга, получением которой занят ученик.
<i>Книжка хьаййца вола дешархо.</i> Ученик, который получил книгу.	<i>Дешархочо хьаййца дола книжка.</i> Книга, которую получил ученик. Книга, получением которой был занят ученик.
<i>Книжка хьаэцаргдолаш</i>	<i>Дешархочо хьаэцаргдолаш</i>

вола дешархо.
Ученик, который (обычно)
будет получать книжку.

Из шийна гуш вола саг.
Человек, который (обычно)
видит это.

Из шийна дайна вола саг.
Человек, который увидел это.

Из шийна гургдолаш вола саг.
Человек, который будет
видеть это.
Человек, который увидит это.

Сесаг шийна езаш вола мар.
Муж, который любит жену.

Сесаг шийна йийза вола мар.
Муж, который полюбил жену.

Муж, который любил жену.

Сесаг езаргйолаш вола мар.
Муж, который будет
любить жену.
Муж, который полюбил жену.

дола книжка.
Книжка, которую будет
получать ученик.
Книжка, получением
которой будет занят ученик.

Ше вайна вола саг.
Человек, который (вообще)
видит.

Зрячий человек.

Ше вайна вола саг.
Человек, которого увидели.
Человек, которого (обычно)
видели.

Ше гургволаш вола саг.
Человек, которого (обычно)
видят.

Человек, которого (обычно)
будут видеть.

Мара езаш йола сесаг.
Жена, которую (вообще)
любит муж.

Мара йийза йола сесаг.
Жена, которую полюбил
муж.

Жена, которую (обычно)
любил муж.

Мара езаргйолаш йола сесаг.
Жена, которую (обычно)
будет любить муж.
Жена, которую полюбил муж.

Из примеров видно, что в переходных глаголах значение страдательного залога бывает выражено формой процессно-переходного оборота, а значение действительного залога бывает выражено формой обобщенно-переходного залога. В глаголах же с дательным субъектом, наоборот, значение страдательного залога выражено формой обобщенно-дательного оборота, а значение действительного залога – формой процессно-дательного оборота. Причастие от непереходных глаголов, по

общему правилу, имеет в обоих случаях только один оборот – непереходно-обобщенный.

Из всех приведенных примеров совершенно ясен строй ингушских придаточных предложений, в которых сказуемое выражено причастием. Вкратце можно сказать, что ингушское переходное причастие согласуется в классе всегда с именительным падежом, который стоит впереди него. Во всех же тех случаях, когда именительный падеж не может предшествовать причастию (т. е. при страдательном значении переходного причастия и при действительном значении непереходного причастия), ингушские причастия согласуются в классе с последующим словом – определяемым, в каком бы падеже последнее ни стояло.

3. Мальсагов в своей грамматике ингушского языка не приводит синтаксического разбора употребления ингушского причастия и не объясняет форм его согласования. Точно так же ничего не говорит он и о страдательном и действительном значении ингушского причастия. Первый, кто попытался разобраться в этом вопросе, был П. К. Услар. В своем разборе он допустил много ошибок. Причиной этих ошибок был неправильный взгляд Услара на строй чеченского (а следовательно, и ингушского) глагола, который Услар считал во всех случаях страдательным. Чтобы дать возможность ингушскому читателю познакомиться с объяснением Услара и его ошибками по вопросу об употреблении ингушского причастия, мы приводим здесь подробный разбор приводимых им примеров, давая параллельно чеченским материалам соответственные ингушские материалы.

Услар на 66–69 стр. своей работы «Чеченский язык», разбирая случаи употребления чеченского причастия и формы его согласования, приходит к неправильным выводам по этому вопросу. Это произошло потому, что Услар считал, по его собственным словам, “... необходимым предварительно убедить его [читателя] в том, что в чеченском языке вовсе нет действительных глаголов; без такового убеждения невозможно понять чеченской конструкции” (стр. 66). Сам Услар, однако, тут же признается, что “...тут [в отношении причастий] конструкция становится довольно темною” (там же). Правда, на стр. 67 автор после разбора примеров признает, что “здесь, по-видимому, причастия имеют значение действительных, и можно даже подумать, что одни и те же формы *ийизан, виизан, гун, гуриг язден* [т.е. причастия настоящего времени от соответственных чеченских глаголов. – Н. Я.] имеют значение то страдательных, то

действительных причастий. Но таковое заключение ошибочно; во всех этих примерах причастия сохраняют страдательное значение свое. Это обнаруживается уже из того, что они постоянно согласуются с предметом, который подвергается действию, а не с тем, который действует”. Итак, Услар путал здесь грамматическую форму согласования в классе со значением этих грамматических форм. Между тем, из разбора предыдущих примеров мы без малейших колебаний должны заключить, что чеченские причастия действительно имеют и действительное, и страдательное значение, смотря по связи слов и по согласованию их в классе. То же целиком относится, как мы видели выше, и к ингушским причастиям. Во-вторых, Услар не принял во внимание того факта, что при непереходных глаголах именно подлежащее, т. е. лицо действующее, стоит в именительном падеже и требует согласования в классе со стороны глагольных форм. Все это привело Услара к тому, что, в конце концов, он не смог дать правильного объяснения чеченских, а следовательно, и ингушских причастных конструкций и сделал ряд неправильных переводов этих конструкций с чеченского на русский язык. Так, на стр. 68 предложение *Совгахь говр йолун ваша дика ву* (по-ингушки *Сога говр йола воша дика ва*) он переводит следующим образом: “У меня лошадь брата, который хорош”, тогда как на самом деле это предложение обозначает: “Брат, лошадь которого находится у меня, – хорош”.

Так же ошибочно Услар перевел и многие другие примеры на стр. 68–69 своей работы. После этого неправильного разбора сам автор признается: “В этих предложениях встречаются некоторые формы, которые остались для меня необъяснимыми. Причастие настоящее [т. е. настоящего времени. – Н. Я.], находясь впереди своего существительного, подобно прилагательному, имеет окончание “н” [в ингушском языке это “н” для выражения носового оттенка гласного в окончании причастий отсутствует. – Н. Я.], как мы то и находим в первом примере: *йолун говр* [по-ингушки *йола говр*. – Н. Я.]; в противном случае окончанием для него служит “риг” [ингушское окончание *вар* в различных его родовых формах. – Н. Я.]; но во втором примере встречаем: “говр йолун” [по-ингушки *говр йола*. – Н. Я.]. Непонятно также, почему *йолун*, *гун*, *визан* [по-ингушки *йола*, *гу*, *виза*. – Н. Я.] принимают косвенную форму *йолчу*, *гучу*, *визач* [по-ингушки *йолча*, *гуча*, *визача*. – Н. Я.], согласуясь таким образом с последующим: *стага*, *вашас* и *ас* [по-ингушки *саго*,

вошас, аз. – Н. Я.], а не с именительными: со и говр, к которым они прямо относятся” (стр. 69). Таким образом, Услар, исходя из неправильного положения о том, что в чеченском, а следовательно, и в ингушском языке существуют только глаголы страдательного залога и совсем нет глаголов действительного залога, не смог объяснить причастной конструкции в чеченском, как и в ингушском языке. Предложения, на которые ссылается Услар, следующие (мы приводим везде наши более правильные, чем у Услара, переводы на русский язык):

Съгахь йолун говр

по-ингушски: *Сога йола говр*

т. е. Лошадь, находящаяся у меня.

Лошадь, которая находится у меня.

Съгахь говр йолун ваша дика ву.

по-ингушски: *Сога говр йола воша дика ва*

Брат, лошадь которого находится у меня, хорош.

Со гун стаг дика ву.

по-ингушски: *Со гу саг дика ва.*

Человек, который меня видит, хорош.

Со гучу стага яздо.

по-ингушски: *Со гуча саго язду.*

Человек, который меня видит, пишет.

Съгахь говр йолчу вашас яздо.

по-ингушски: *Сога говр йолча вошас язду.*

Брат, лошадь которого находится у меня, пишет.

Сан говр йолчу вашас яздо.

по-ингушски: *Са говр йолча вошас язду.*

Брат, у которого находится моя лошадь, пишет.

Со виззачу стага яздо.

по-ингушски: *Со виззача саго язду.*

Человек, который меня любит, пишет.

Вешехь говр йолун со дика ву.

по-ингушски: *Вешийга говр йолча со дика ва.*

Я, чья лошадь находится у брата, хорош.

Вешехь говр йолчу ас яздо.

по-ингушски: Вешийга говр йолча аз язду.

Я, чья лошадь находится у брата, пишу.

Если принять тот вывод, который сделали мы, что чеченское, как и ингушское причастие не имеет действительной и страдательной формы, а получает действительное и страдательное значение в зависимости от связи с предшествующими словами, то мы можем легко разобрать грамматический строй этих предложений, перед которыми встал в тупик такой крупный исследователь, как Услар. Причастия *йолун* и *гун* представляют собой формы именительного падежа единственного числа несамостоятельного склонения – первое от вспомогательного глагола-связки *ду* (*да*), второе от глагола *гуо* ‘видь’. Первый глагол непереходный, второй требует дательного субъекта. Формы *йолчу* и *гучу* (*йолча* и *гуча*) представляют собой общую косвенную форму всех падежей, кроме именительного, от тех же глаголов. Эту форму имеют все причастия в том случае, если они склоняются несамостоятельно, т.е. употреблены в качестве определений при именах существительных. В данных примерах несамостоятельная форма причастий объясняется тем, что они стоят при последующих именах существительных (*йолун говр*, *гун стаг* – по-ингушски *йола говр*, *гу саг*) в качестве определений. В чеченском, как и в ингушском языке, несамостоятельное причастие, как и всякое определение, согласуется в падеже со своим определяемым, т.е. при именительном падеже определяемого стоит в форме именительного падежа, а при всех косвенных падежах определяемого (в том числе и при активном падеже его) имеет общую форму косвенных падежей с суффиксом *-чу*. Таким образом, падежная форма несамостоятельно употребляемого причастия целиком определяется падежной формой непосредственно следующего за ним существительного-определяемого. Согласование же несамостоятельно употребляемого причастия в классе не всегда совпадает с согласованием его в падеже. В непереходных глаголах (к каким относится и вспомогательный глагол-связка *ду*, ингуш. *да*) согласование в классе зависит от того, может ли стоять именительный падеж имени существительного перед причастием или нет. Если перед причастием, образованным от непереходного глагола, как это имеет место в данном случае, может стоять имя существительное в именительном падеже, то в этом случае причастие приобретает страдательное значение и согласуется в классе с этим именем существительным, которое по отношению к причастию

играет роль субъекта. Если же перед таким непереходным причастием не может стоять существительное в именительном падеже, то тем самым причастие получает действительное значение и согласуется в классе с тем именем существительным, которое стоит непосредственно после него, т. е. со своим определяемым (см. примеры на стр. 317). В первом случае согласование чеченского и ингушского причастия в классе не совпадает с согласованием его в падеже. Такое причастие имеет как бы двойное согласование. По классу оно согласуется со своим подлежащим, входящим в состав придаточного предложения, по падежу же – со своим определяемым, входящим в состав главного предложения. Следовательно, в данном случае классный, или родовой префикс, стоящий в начале причастия, выражает его связь как сказуемого с другим главным членом придаточного предложения – подлежащим. Падежное же окончание причастия выражает его связь как определения с определяемым словом, входящим в состав главного предложения. Следовательно, ингушское, как и чеченское причастие имеет в этом случае в полном смысле этого слова двойное согласование и одновременно входит в состав двух предложений – в придаточное на правах сказуемого и в главное на правах определения при определяемом. Во втором случае, т. е. в случае отсутствия при непереходном причастии своего подлежащего, оно согласуется и в падеже и в классе только с последующим именем существительным, т. е. со своим определяемым. В этом случае оба способа согласования показывают связь причастия как члена главного предложения с определяемым, входящим в состав этого предложения. Связь же причастия, как сказуемого придаточного предложения, с другими членами придаточного предложения морфологически никак не выражена за отсутствием в придаточном предложении других главных членов. То, что мы написали здесь о причастии, образованном от непереходного глагола, целиком относится и к причастию от переходного глагола с той только разницей, что последнее имеет двойное согласование, двухстороннее согласование в том случае, когда оно приобретает действительное значение, т. е. когда внутри придаточного предложения может стоять прямое дополнение, и оба способа согласования, направленные в сторону главного предложения, – в случае страдательного значения (т. е. когда в придаточном предложении не может стоять существительное в именительном падеже; ср. стр. 317).

Независимо от того, в какую сторону направлено согласование ингушского и чеченского причастия, выраженное морфологически, независимо от того, имеет ли оно одностороннее или двухстороннее согласование, мы можем сделать общий вывод: ингушское и чеченское причастие всегда как в самостоятельной, так и в несамостоятельной своей форме представляет собой такой член сложного предложения, который одновременно входит и в состав придаточного, и в состав главного предложения на правах члена обоих этих предложений. Из всего сказанного мы можем сделать важный практический вывод – ингушское и чеченское причастие, в какой бы форме оно ни стояло и какое бы согласование оно ни имело, нельзя отделять запятой ни от остальных членов главного предложения, ни от других членов придаточного предложения.

Вернемся, однако, к недоумениям Услара. Услар не понимает, почему во втором из приведенных им примеров (см. стр. 327) причастие имеет форму именительного падежа несамостоятельного склонения. Между тем ясно, что это падежное окончание согласуется с именительным падежом последующего слова *ваша* (*воша*), как форма его определения. Это же самое причастие согласуется здесь по классу с предшествующим словом *говр*, как сказуемое придаточного предложения со своим подлежащим. Следовательно, в данном предложении не может стоять самостоятельная форма причастия с окончанием *-яр* (чеч. *-риг*). Она могла бы иметь место лишь в том случае, если бы слово *воша*, подлежащее главного предложения, было целиком заменено причастием, которое сделалось бы в этом случае подлежащим главного предложения, оставаясь в то же время сказуемым по отношению к придаточному предложению:

Сога говр яр дика ва.

Тот, чья лошадь находится у меня, хорош.

Далее Услар недоумевает: "... почему йолун, гун, виззан принимают косвенные формы йолчу, гучу, виззачу, согласуясь... с последующим стага, вашас и аз, а не с именительным со и говр, к которым они прямо относятся". Здесь Услар не понял двойной, двухсторонней роли ингушского, как и чеченского причастия в сложноподчиненном предложении. Он не понял, что это причастие в одно и то же время является и членом главного, и членом придаточного предложения и что, следовательно, приводимые им причастия *йолчу*, *гучу*, *везачу* (ингуш. *йолча*,

гуча, виззача) одновременно связаны с предшествующими *со* и *говр* как со своими подлежащими и с последующими *стага, ва-шас* и *аз* (ингуш. *саго, вошас* и *аз*) как со своими определяемыми, одновременно служащими продуктивным подлежащим в главном предложении. Можно считать, что эти недоумения Услара в настоящее время окончательно рассеяны, как и основное его недоразумение — признание за чеченским, а следовательно, и за ингушским глаголом исключительно страдательного значения.

В отношении употребления запятой для всех видов придаточных предложений, в которых сказуемое выражено причастием (как в самостоятельной, так и в несамостоятельной форме), можно установить следующие правила. Запятая при самом причастии не ставится, за исключением тех случаев, когда после этого причастия в самостоятельной форме употребляется указательное или личное местоимение третьего лица в значении русских указательных местоимений *тот, то* в одной из их падежных форм. Запятая в этом случае ставится потому, что причастие и указательное местоимение стоят в одном и том же падеже, являясь однородными членами главного предложения. Если при причастии имеются свои главные и второстепенные члены придаточного предложения и придаточное предложение вклинивается в середину главного, то в этом случае желательно ставить запятую перед началом придаточного предложения, но не в конце его (т.е. не при причастии). Запятая здесь необходима для того, чтобы отделить члены придаточного предложения от членов главного, с которыми они могут иметь одинаковые падежные формы. Следовательно, запятая здесь нужна во избежание двоякого понимания текста. Запятую следует также ставить перед придаточным предложением в том случае, если впереди него находится одно указательное (личное) местоимение третьего лица, так как оно является частью главного предложения. Наоборот, в том случае, когда причастие не имеет при себе никаких членов придаточного предложения, запятую ставить излишне и даже вредно, так как причастие всегда по своему окончанию является членом главного предложения. Примеры, которые мы приводили выше, начиная со стр. 289, и расстановка знаков препинания в них служат иллюстрацией к предлагаемым нами правилам употребления знаков препинания.

Итак, падежные окончания ингушского причастия показывают, в качестве какого члена главного предложения оно употребляется (самостоятельная форма причастия в придаточ-

ных предложениях субъектных, объектных, предикатных и дополнительных) или определением к какому члену главного предложения оно служит (несамостоятельная форма причастия в определительных придаточных предложениях). Падежное окончание ингушского причастия в самостоятельной его форме, таким образом, точно соответствует падежу русских указательных местоимений *тот, то*, употребляемых для связи придаточных предложений с главным. Это ясно можно видеть из приводимой таблицы склонения причастия, имеющего самостоятельную форму. Падежные же окончания несамостоятельного ингушского причастия выражают согласование его со своим определяемым (см. таблицу склонения ингушского причастия):

Таблица склонения ингушского причастия

(Причастие настоящего времени).

Самостоятельное склонение.

Единственное число.

Падежи:

Именительно- винительный	<i>Гур</i>	Тот, кто видит. Тот, кого видят. То, что видят.
Родительный	<i>Гучун</i>	Того, кто видит. Того, кого видят. Того, что видят.
Дательный	<i>Гучунна гучоа</i>	Тому, кто видит. Тому, кого видят. Тому, что видят.
Активный	<i>Гучо</i>	Тот, кто видит. Тот, кого видят. То, что видят.
Творительный	<i>Гучунца</i>	С тем, кто видит. С тем, кого видят. Тем, что видят.
Вещественный	<i>Гучунах Гучох</i>	О том, кто видит. О том, кого видят. В том, что видят.
Местный (основная форма – движения	<i>Гучунга</i>	К тому, кто видит. К тому, кого видят.

и пребывания).		В то, что видят.
Производные формы:		
а) направления	<i>Гучунгахъа</i>	В сторону того, кто видит. В сторону того, кого видят. В сторону того, что видят.
б) исхода	<i>Гучунгара</i>	От того, кто видит. От того, кого видят. От того, что видят.
в) направления исхода	<i>Гучунгахъара</i>	Со стороны того, кто видит. Со стороны того, кого видят. Со стороны того, что видят.
г) движения через	<i>Гучунга гЮлла</i>	Через того, кто видит. Через того, кого видят. Через то, что видят.
д) направления движения через	<i>Гучунгахъа гЮлла</i>	Со стороны того, кто видит. Со стороны того, кого видят. Минуя то, что видят.
в) предела	<i>Гуччалца</i>	До того, кто видит. До того, кого видят. До того, что видят.
Сравнительный	<i>Гучул</i>	Чем тот, кто видит. Чем тот, кого видят. Чем то, что видят.
Множественное число		
Именительно- винительный	<i>Гураш</i>	Те, кто видит. Те, кого видят. Те, что видятся.
Родительный	<i>Гурий Гучар</i>	Тех, кто видит. Тех, кого видят. Тех, что видятся.
Дательный	<i>Гурашта Гучарна</i>	Теми, кто видит. Теми, кого видят. Теми, что видят.
Активный	<i>Гураша Гучар</i>	Те, кто видит. Те, кого видят. Те, что видятся.
Творительный		С теми, кто видит.

<i>Гураица Гучарца</i>	С теми, кого видят. Теми, что видятся.
Вещественный	О тех, кто видит.
<i>Гураиша Гучарех Гурех</i>	О тех, кого видят. В тех, что видятся.
Местный (основная форма – движения и пребывания).	К тем, кто видит. К тем, кого видят.
<i>Гураиша Гучарга</i>	В те, что видятся.
Производные формы:	
а) направления	В сторону тех, кто видит.
<i>Гураишахъа Гучаргахъа</i>	В сторону тех, кого видят. В сторону тех, что видятся.
б) исхода	От тех, кто видит.
<i>Гураишара Гучаргара</i>	От тех, кого видят. От тех, что видят.
в) направления исхода	Со стороны тех, кто видит. Со стороны тех, кого видят.
<i>Гураишахъара Гучаргахъара</i>	Со стороны тех, что видятся.
г) движения через	Через тех, кто видит.
<i>Гураиша гЮлла</i>	Через тех, кого видят.
<i> Гучарга гЮлла</i>	Через тех, что видятся.
д) направления движения	Со стороны, кто видит.
через <i>Гураишахъа гЮлла</i>	Со стороны, кого видят.
<i> Гучаргахъа гЮлла</i>	Минуя тех, что видятся.
в) предела	
Сравнительный	Чем те, кто видит.
<i>Гурел Гучарел</i>	Чем те, кого видят. Чем те, что видятся.
Несамостоятельное склонение.	
Единственное число.	
Падежи:	
Именительно- винительный	<i>Гу саг</i> Видящий человек. Человек, который видит. Видимый человек.
Родительный	<i>Гуча сега</i> Человек, которого видят. Видимого человека.

		Видящего человека.
		Человека, который видит.
		Видимого человека.
		Человека, которого видят.
Дательный	<i>Гуча сага́</i>	Видящему человеку.
		Человеку, который видит.
		Видимому человеку.
		Человеку, которого видят.
Активный		Видящий человек.
	<i>Гуча сага саго</i>	Человек, который видит.
		Видимый человек.
		Человек, которого видят.
Творительный		С видящим человеком.
	<i>Гуча сагаца</i>	С человеком, который видит.
		С видимым человеком.
		С человеком, которого видят.
Вещественный		О видящем человеке.
	<i>Гуча сагах</i>	О человеке, который видит.
		О видимом человеке.
		О человеке, которого видят.
Местный (основная форма – движения и пребывания).		К видящему человеку.
	<i>Гуча сагага</i>	К человеку, который видит.
		К видимому человеку.
		К человеку, которого видят.
Производные формы:		
а) направления		В сторону видящего человека.
	<i>Гуча сагагахъа</i>	В сторону человека, который видит.
		В сторону видимого человека.
		В сторону человека, которого видят.
б) исходная		От видящего человека.
	<i>Гуча сагагара</i>	От человека, который видит.
		От видимого человека.
		От человека, которого видят.
в) направления исхода		Со стороны видящего человека.
	<i>Гуча сагагахъара</i>	Со стороны человека, который видит.
		Со стороны видимого человека.
		Со стороны человека, которого видят.
г) движения через		Через человека, который видит.

<i>Гуча сагага гЮлла</i>	Через человека, которого видят.
д) направления	Со стороны человека, который видит.
движения через	Со стороны видящего человека.
<i>Гуча сагагахъа гЮлла</i>	Со стороны видимого человека.
	Со стороны человека, которого видят.
в) предела	До видящего человека.
исхода	До человека, который видит.
<i>Гуча сагагалца</i>	До видимого человека.
	До человека, которого видят.
Сравнительный	Чем видящий человек.
<i>Гуча сагагал</i>	Чем человек, который видит.
	Чем видимый человек.
	Чем человек, которого видят.
Множественное число.	
Падежи:	
Именительно-	Ищущие собаки.
винительный	Собаки, которые ищут.
<i>Хъаж-йоаха жІалеш</i>	Собаки, которых ищут.
Родительный	Ищущих собак.
<i>Хъаж-йоахача жІалей</i>	Собак, которые ищут.
	Собак, которых ищут.
Дательный	Ищущим собакам.
<i>Хъаж йоахача жІалешта</i>	Собакам, которые ищут.
	Собакам, которых ищут.
Активный	Ищущие собаки.
<i>Хъаж йоахача жІалеша</i>	Собаки, которые ищут.
	Собаки, которых ищут.
Творительный	С ищущими собаками.
<i>Хъаж йоахача жІалешца</i>	Ищущими собаками.
	С собаками, которые ищут.
	Собаками, которые ищут.
	С собаками, которых ищут.
	Собаками, которых ищут.
Вещественный	Об ищущих собаках.
	О собаках, которые ищут.
<i>Хъаж йоахача жІалеех</i>	О собаках, которых ищут.
Местный (основная форма	К ищущим собакам.

движения и пребывания).	К собакам, которые ищут.
<i>Хъаџ йоахача џІалешка</i>	К собакам, которых ищут.
Производные формы:	
а) направления	В сторону ищущих собак.
<i>Хъаџ йоахача џІалешкахъа</i>	В сторону собак, которые ищут.
	В сторону собак, которых ищут.
б) исхода	От ищущих собак.
<i>Хъаџ йоахача џІалешкахъара</i>	От собак, которые ищут.
	От собак, которых ищут.
в) направления исхода	Со стороны ищущих собак.
<i>Хъаџ йоахача</i>	Со стороны собак, которые
<i>џІалешкахъара</i>	ищут.
	Со стороны собак, которых
	ищут.
г) движения через	Через ищущих собак.
<i>Хъаџ йоахача</i>	Через собак, которые ищут.
<i>џІалешка гІолла</i>	Через собак, которых ищут.
д) направления движения	Со стороны ищущих собак.
через <i>Хъаџ йоахача</i>	Со стороны собак, которые
<i>џІалешкахъа гІолла</i>	ищут.
	Со стороны собак, которых
	ищут.
в) предела исхода	До ищущих собак.
<i>Хъаџ йоахача џІалешкалца</i>	До собак, которые ищут.
	До собак, которых ищут.
Сравнительный	Чем ищущие собаки.
<i>Хъаџ йоахача џІалел</i>	Чем собаки, которые ищут.
	Чем собаки, которых ищут.

Исследуем теперь вопрос о том, каким способом выражается в ингушском языке русское относительное местоимение *кто, что, который, чей* в его различных падежных формах в тех придаточных предложениях, которые заменяют собой изменяемые по падежам члены главного предложения, а также в тех, которые служат определительными придаточными предложениями. Вообще мы уже говорили, что относительные местоимения, наподобие русских, отсутствуют в ингушском языке (см. стр. 285). Однако в ингушском, как и во всяком языке, должен существовать тот или иной способ передачи смысла относительных местоимений в тех случаях, когда они принимают различные

надежные формы. Другими словами, и в ингушском языке должна быть выражена разница между следующими, например, формами придаточных предложений: “кто (письмо) пишет”, “для кого (он письмо) пишет”, “с кем (он письмо) пишет”, “о ком (он письмо) пишет”, “что (он в письме) пишет”, “чем (он письмо) пишет” и т. д. Надо сказать, что за отсутствием относительных местоимений и вследствие выражения придаточных предложений одними глагольными формами эти способы в ингушском языке оставались до недавнего времени крайне неразвитыми. Одна и та же придаточная форма – причастие – передавала различные значения русских относительных местоимений. Эти значения определялись только контекстом, т. е. связью слов, добавляемых в состав придаточного предложения или наличных в главном предложении. Так, например, предложение:

Яздер йоазув хови ва.

Кто пишет, грамотный человек.

Цо яздер Москве вахаш ва.

Кому он пишет, (тот) живет в Москве.

Буквально: Кого он пишет, в Москве живет.

В последнем предложении смысл русского относительного местоимения *кому* словесно и формально никак не выражен. Он подразумевается лишь из связи слов в обоих предложениях, а также из реальной обстановки разговора. Например, если разговор происходит вдали от Москвы о человеке, живущем в данном месте, то из реальной обстановки разговора можно понять, что речь идет не об авторе письма, а о его адресате. Кроме того, постановка активного падежа личного местоимения третьего лица *цуо* в качестве подлежащего в придаточном предложении показывает, что относительное значение, выраженное русским относительным местоимением *кому*, не может не быть понято в данном причастии, так как по установленному нами закону подлежащее, если бы оно имело относительное значение *кто*, не могло бы быть выражено полнозначным словом в придаточном предложении. Последнее обстоятельство является решающим для понимания данного предложения в значении “кому пишет”. Такое выражение значения русских относительных местоимений, конечно, весьма несовершенно. В сущности говоря, эти значения выражаются здесь путем подстановки в придаточное предложение всех возможных в нем членов предложения с тем, чтобы оставить подразумеваемым лишь то значение, которое

соответствует значению русского относительного местоимения. Но если этот способ “подразумеваемого значения” еще допустим в разговорном языке, в котором речь восполняется другими способами передачи значения, то он крайне неудобен для письменного литературного языка, в котором приходится стремиться к возможно большей точности и ясности выражений. Поэтому в ингушском языке уже давно возник и развился способ передачи значения русских относительных местоимений с помощью возвратного местоимения третьего лица и других лиц. Чтобы можно было судить об этом способе, приведем примеры.

Употребление возвратного местоимения третьего лица
в значении относительного

Ма́ша ийца́р колхозник ва.

Тот, кто купил сукно, – колхозник.

Цо ийца́р ма́ша ба.

То, что он купил, есть сукно.

Цо ше ийца́р ма́ша ба.

Буквально: То, (что) он сам купил, есть сукно.

То, что он (сам) купил, есть сукно.

Цо из ма́ша (хза́тта)и́ийна ийца́р, се́саг я.

Та, для кого он купил это сукно, есть жена || женщина.

Цо из ма́ша и́ийх ийца́р, а́хча да.

То, на что он купил это сукно, есть деньги.

Язде́р йо́азув хови́ ва.

Тот, кто пишет, есть грамотный человек.

Ше язде́р йо́азув хови́ ва.

Тот, кто сам пишет, грамотный человек.

Цо каь́Гат язде́р Москве́ вахаи́ ва.

Тот, кому он пишет письмо, живет в Москве.

Цо каь́Гат и́ийга язде́р Москве́ вахаи́ ва.

Буквально: Тот, (кому) самому он пишет письмо, живет в Москве..

Цо и́ийх язде́р Москве́ вахаи́ ва.

Тот, о ком (о самом) он пишет, живет в Москве.

Цо и́ийца́ язде́р дешархо́ ва. (Цу́нца цхьа́н язде́р дешархо́ ва.)

Тот, с кем (с самим) он пишет, есть ученик.

Цо шийца яздер вечни перо я.

То, чем (самим) он пишет, есть вечное перо.

В последних двух предложениях различие содержания устанавливается из связи слов главного предложения.

Цо яздер сона хов.

То, что он пишет, я знаю.

Цо ше яздер сона хов.

То, что (сам) он пишет, я знаю.

Из яздер сона вовз.

Тот, кто это пишет, мне знаком.

Ше из яздер сона вовз.

Тот, кто сам пишет, мне знаком.

Цо ше яздер сона довз.

То, что он сам пишет, мне знакомо.

Из яздер, малав хов сона.

Того, кто это пишет, я знаю.

Буквально: Это пишущий кто есть, мне известно.

Цар, Ia шоаел дикагIа язdechар во язду.

Те, лучше кого ты пишешь, пишут плохо.

Употребляемые в приведенных примерах так называемые возвратные местоимения третьего лица по своему происхождению соответствуют собственно русскому определительному местоимению: *из шиз* по-ингушски значит “он сам”. Родительный падеж *ший* обозначает “(его) самого”, а также “себя” по отношению к третьему лицу (в ингушском языке возвратное местоимение имеет по три лица в единственном и множественном числе; см. прилагаемую таблицу склонения возвратных местоимений). В то же время *ше* и его падежные формы в придаточных предложениях имеют относительное значение – “кого, чего, которого, чьего” и т. д. Относительные местоимения употребляются в тех придаточных предложениях, в которых сказуемое выражено причастием, исключительно для выражения косвенных падежей относительных местоимений (включая и активный). Для выражения же именительного падежа подлежащего или прямого дополнения в придаточном предложении остается старый способ подразумеваемого относительного значения.

Интересно, однако, что процесс развития относительного значения возвратного местоимения третьего лица пошел дальше и это местоимение развивается в относительное местоимение вообще, относительное местоимение, которое может употребляться по отношению ко всем лицам подлежащего в главном предложении. Приведем примеры:

Из яздер со ва.

Кто это пишет—есть я.

Цо каьІат яздер со ва.

Кому он пишет письмо, есть я.

Цо иий хьакъехьа яздер со ва || хьо ва || из ва.

Тот, о ком он пишет, есть я, есть ты, есть он.

Цо шоай хьакъехьа каьІат яздаьраш тхо да || вай да || шу да || уж ба.

Те, о ком он пишет, есть мы, вы, они.

Цо каьІат иийга яздер со ва || хьо ва || из ва.

Тот, кому он пишет письмо, есть я, ты, он.

Цо каьІат шоайка яздераш тхо да || вай да || шу да | уж ба.

Те, кому он пишет письмо, есть мы, вы, они.

Цо каьІат иий духъа || иийна яздер со ва || хьо ва || из ва.

Тот, для кого он пишет письмо, есть я, ты, он.

Цо каьІат шоай духъа яздераш тхо да || шу да || уж ба.

Те, для кого || из-за кого он пишет письмо, есть мы, есть вы, есть они.

Цо каьІат шоаех яздераш тхо да || шу да || уж ба.

Те, о ком он пишет письмо, есть мы, вы, они.

Следует отметить, что в ингушском языке в таких предложениях, как *Из яздер со ва || хьо ва || из ва* и т. д., включить в придаточное предложение возвратно-относительное *ииз* нельзя, так как здесь еще остается в силе древний способ подразумеваемого относительного значения. В определительных придаточных предложениях по этим же правилам употребляется родительный падеж ингушского возвратного местоимения *иий* (родительный падеж представляет собой в ингушском языке обычную форму выражения относительных определений; см. синтаксис простого предложения, стр. 175). Приведем следующие примеры:

*Ший книжка стол тIа ылийса || ылла диса дешархо хIанз цIа-
вахар.*

Ученик, чья книга осталась на столе, сейчас пошел домой.

Ученик, книга которого осталась на столе, сейчас пошел домой.

Ший книжка кузга дохадаь дешархо – Исламов ва.

Ученик, книга которого разбила стекло, это Исламов.

Ший ручкаца аз язду дешархо Исламов ва.

Ученик, ручкой которого я пишу, это Исламов.

Аз ший деши книжка ийца дешархо – Исмаилов ва.

Ученик, чью книгу я взял почитать, – это Исмаилов.

Аз ший даьца гаргало тесса дешархо Исмаилов ва.

Ученик, с чьим отцом я познакомился, это Исмаилов.

Аз ший даьга аьнна дешархо – Исмаилов ва.

Ученик, отцу которого я сказал, это Исмаилов.

Таким образом, возвратное местоимение употребляется в ингушском языке всегда только по отношению к подлежащему главного предложения, как и русское относительное местоимение. Несмотря на то, что для первых двух лиц обоих чисел существуют свои отдельные возвратные местоимения, которые тоже могут приобрести значение относительных, значение общего относительного местоимения для всех трех лиц приобретает лишь ингушское возвратное местоимение третьего лица, хотя оно может употребляться в этом значении далеко не во всех случаях. Так как способы передачи косвенных падежей русского относительного местоимения в ингушском языке недостаточно развиты, то в тех случаях, где это возможно, стараются обходиться без косвенного падежа передачей того же смысла с помощью именительного падежа относительного местоимения. Так, по-ингушски можно сказать:

Со шийца повкъа вахър вар са новкъост.

Тот, с кем я шел по дороге, был мой товарищ.

Цунца новкъа вахър со вар.

Тот, кто шел с ним по дороге, был я.

Но по-ингушски нельзя точно передать форму русского предложения *Тот, с кем он шел по дороге, был я*. Это выражение заменяется близким ему по смыслу последним примером. Приводим здесь таблицу склонения возвратно-притяжательного

местоимения *шиэ* 'он сам, себя', приобретающего в придаточных предложениях относительное значение – "кто, что, который, чей".

Склонение возвратно-относительного местоимения 3 л. *шиэ*

Единственное число

Множественное число.

Падежи:

Именительно- винительный	<i>шиэ</i> 'сам; кто, что'	<i>шоаши</i>
Родительный	<i>ший</i> 'у кого, у чего'	<i>шоай</i>
Дательный	<i>шийна</i> 'кому, чему'	<i>шоаишта</i>
Активный	<i>шиэ</i> 'кто, что'	<i>шоаши</i>
Творительный	<i>шийца</i>	<i>шоаища</i>
Вещественный	<i>шийх</i>	<i>шоаех шоайх</i>
Местный (в основной его форме).	<i>шийга</i>	<i>шоаишка</i>

Производные формы:

а. направления	<i>шийгахъа</i>	<i>шоаишкахъа</i>
б. исхода	<i>шийгара</i>	<i>шоаишара</i>
в. направления исхода	<i>шийгахъара</i>	<i>шоаишкахъара</i>
г. движения через	<i>шийга гЮлла</i>	<i>шоаишка гЮлла</i>
д. направления	<i>шийгахъа гЮлла</i>	<i>шоаишкахъа</i> <i>гЮлла</i>

движения через

е. предела	<i>шийггалца</i>	<i>шоаишкгалца</i>
Сравнительный	<i>шийл</i>	<i>шоаел шоайл</i>

Услар, не приводя полной таблицы склонения возвратного местоимения *ша* (ингуш. *шиэ*) в чеченской грамматике, отмечает факт совпадения форм этого склонения с падежными формами возвратного местоимения второго лица множественного числа. В действительности в современном литературном как ингушском, так и чеченском языке совпадение это имеет место почти во всех случаях, что мы видим из приводимого ниже перечня падежных форм местоимения второго лица множественного числа:

Склонение возвратного местоимения 2 л. ед. ч. множ.ч. *шо-аш* 'вы сами, себя'

Падежи:

Именительно-винительный	<u>шоаш</u>
Родительный	<u>шоай</u>
Дательный	<u>шоашта</u>
Активный	<u>оашени</u>
Творительный	<u>шоашца</u>
Вещественный	<u>шоаех шоайх</u>
Местный (в основной его форме).	<u>шоашка</u>

Производные формы:

а. направления	<u>шоашкахъа</u>
б. исхода	<u>шоашкара</u>
в. направления исхода	<u>шоашкахъара</u>
г. движения через	<u>шоашка гЮлла</u>
д. направления	<u>шоашкахъа гЮлла</u>
движения через	
е. предела	<u>шоашкалица</u>
Сравнительный	<u>шоаел шоайл шейл</u>

Аз деш || дешдар -- е гЮлакх да.

То, что я делаю, есть это дело.

В этом предложении деепричастие *деш* по смыслу равно причастию *дер* и имеет по правилам ингушского языка в данном случае страдательное значение, так как впереди него стоит активный падеж. Следовательно, приведенное предложение значит буквально "мною делаемос – есть это дело". Это предложение как сложноподчиненное следует отличать от сходного с ним предложения *Гулакх аз деш да || аз деш да гулакх* как простого. Последнее предложение представляет собой процессный оборот и может быть переведено следующим образом: "я занят делом, я взялся за это дело".

Болх беш саг – из ва.

(Много) работающий человек – это он.

Работающий человек – это он.

В этом предложении деепричастие заменяет собой именительный падеж причастия в его несамостоятельной форме: *беш саг* употребляется вместо *бу саг*. Так как слово *саг* является подлежащим в главном предложении, то деепричастие употреблено здесь в значении определения к нему.

Из – болх беш саг ва.

Он – (много) работающий человек (есть).

Он – работающий человек (есть).

Из – дешаши саг ва.

Он – человек, который (много) читает.

Он – много читающий человек есть.

В этих примерах деепричастие стоит вместо причастия *деша*, которое служит определением к именной части сказуемого *саг ва* и является, следовательно, определительным придаточным предложением при сказуемом.

Этими тремя случаями ограничивается употребление деепричастия в значении причастия в тех предложениях, в которых сказуемое придаточного предложения выражается причастной формой. Приведем еще примеры на случаи употребления деепричастия:

Хьамид лелаши саг ва.

Хамид есть бывалый человек.

Буквально: Хамид есть человек, который (много) ездит.

Из ва болх беш саг.

(Это) он человек, который (много) работает.

(Это) он работающий человек.

Воахалуши саг из ва.

Человек, которому удастся хорошо жить, – это он.

Цигахь || цига ва язدهш саг.

Человек, который пишет, есть там.

Человек, занимающийся писанием, есть там.

Из тинна лелаши жІали да.

Она – заблудившаяся собака.

Из кхесташи жІали да.

Она – бродячая собака.

Из примеров видно, что деепричастие, по сравнению с причастием имеет несколько более обобщенный оттенок значения, что по-русски можно передавать формами прилагательных, исторически образовавшимися от причастий, например: “работающий” вместо “работающий”, “бывалый” вместо “ездящий” (т. е. “много поездивший на своем веку”), “бродячий” вместо “бродячий” и т. д. Довольно трудно отличить в ингушском языке предложение, представляющее собой процессный оборот или обобщенно-переходный оборот, от предложений сложно-подчиненных, в которых деепричастие заменяет собой причастие, так как в обоих случаях в предложении употребляется и деепричастие, и связка в составе сложного глагольного сказуемого. Приведем эти случаи.

Деепричастие в значении причастия. Процессный оборот.

Аз беш ба-болх.

Аз беш ба болх.

Аз бер ба-болх.

Работа есть то, что я делаю.

Я занят работой.

Буквально: Есть то, что я делаю, — работа.

Болх — аз беш ба.

Болх аз беш ба.

Болх-аз бер ба.

Я нахожусь в процессе работы.

Работа есть то, что я делаю.

Я занят работой.

Аз беш — болх ба.

Аз бер-болх ба.

То, что я делаю, есть работа.

Болх ба-аз беш.

Болх ба — аз бер.

То, что я делаю, есть работа.

Буквально: Есть то, что я делаю, — работа.

Ба аз беш болх.

Беш ба аз болх.

Бу беш аз болх.

Работой занят я.

В процессе работы нахожусь я.

Аз яздеб да — книжка.

Аз яздер да — книжка.

Аз яздеб да книжка.

Я занимаюсь писанием книги.

То, что я пишу, есть книжка.

Книжка – аз яздеи я.

Книжка – аз яздер я.

Книжка есть то, что я пишу.

Книжка да – аз яздеи.

Книжка да – аз яздер.

Есть книга то, что я пишу.

Аз ядеи – книжка я.

Аз яздер – книжка я.

То, что я пишу, есть книга.

Я нахожусь в процессе
писания книги.

Книжка аз яздеи я.

Я занимаюсь писанием
книги.

Я нахожусь в процессе
писания книги.

Да аз яздеи книжка.

Яздеи да аз книжка.

Да яздеи аз книжка.

Я занимаюсь писанием
книги.

Болх беи – со ва.

Болх бер – со ва.

Кто делает работу, есть я.

Со ва – болх беи.

Со ва – болх бер.

Есть я тот, кто делает работу.

Со – болх беи ва.

Со – болх бер ва.

Я тот, кто делает работу.

Со болх беи ва.

Я обычно работаю.

Я обычно делаю дело.

Ва со – болх беи.

Ва со – болх бер.

Есть я, кто делает работу.

Ва болх беи – со.

Ва болх бер – со.

Есть тот, кто делает работу, – я.

Болх беи ва – со.

Болх бер ва – со.

Тот, кто делает работу, есть я.

Со беш ва болх.
Со болх ва беш.
Беш ва со болх.
Ва беш со болх.
Со ва беш болх.
Болх со беш ва.
Я обычно работаю.
Я обычно делаю работу.

Книжка язدهш – со ва.
Книжка яздер – со ва.
Кто пишет книгу, есть я.

Со ва – книжка язدهш.
Со ва – книжка яздер.
Есть я тот, кто пишет книгу.

Со – книжка язدهш ва.
Со – книжка яздер ва.
Я есть тот, кто пишет книгу.

Ва со – книжка язدهш.
Ва со – книжка яздер.
Я есть тот, кто пишет книгу.

Ва со–книжка язدهш.
Ва со–книжка яздер.
Есть я, кто пишет книгу.

Ва книжка язدهш – со.
Ва книжка яздер–со.
Есть кто пишет книгу я.

Книжка язدهш ва – со.
Книжка яздер ва – со.
Кто пишет книгу, есть я.

Книжка язدهш ва со.
Книжку обычно пишу я.

Со язدهш ва книжка.
Со книжка ва язدهш.
Яздеш ва со книжка.
Книжка со язدهш ва.
Ва книжка со яздеи.
Со ва яздеи книжка.
Я обычно пишу книгу.

Придаточные определительные, выражающие количество. Определительные придаточные предложения, которые выражают количественное определение, в части случаев могут иметь тоже форму придаточных предложений.

В отличие от чеченского языка, в котором причастие стоит в этом случае в одной из производных форм сравнительного падежа (форма уподобления или приравнивания¹), в ингушском эта форма выражается описательно с помощью прибавления к самостоятельной форме причастия слова *миссел* 'столько'. Это наречие само по себе представляет по своему происхождению производную форму сравнительного падежа – форму уподобления или приравнивания, происходящую от одного корня со словом *масса*? 'сколько?' Приведем примеры:

Цо ехараи миссел материалаи лу аз цунна.

Я ему даю столько материалов, сколько он просит.

Цунна эшар миссел ахча делар аз цунга.

Я ему дал столько денег, сколько ему было необходимо || нужно.

Цунна эшар миссел ахча вургда аз цунга.

Я ему дам столько денег, сколько ему будет необходимо || нужно

Тот же смысл чаще выражается придаточной формой, представляющей собой причастие в именительном падеже, выражающее в данном случае объект (объектное придаточное предложение). Однако от простого объектного придаточного эта форма отличается тем, что причастие получает удвоение согласного. С помощью такой удвоительной формы причастия выражается точное равенство количества.

Оаха шуга лу, школа ярна оаи деххар.

Мы даем вам все то, что вы просите для постройки школы.

Оаха шуга дела, школа ярна доацаи йиши йоаццар.

Мы дали вам все то, что необходимо для постройки школы.

В приведенных примерах мы имеем собственно обычное объектное предложение лишь с некоторым оттенком количества. Настоящее определительное придаточное предложение, выражающее количество и передаваемое с помощью такой же

¹ См. Яковлев 1940: 114.

точно удвоительной формы причастия мы имеем в нижеследующих случаях:

Оаха шуга ахча лу, школа ярна оаш деххар.

Мы даем вам столько денег, сколько вы просите для постройки школы.

Оаха шуга ахча деннад, школа ярна доацааш йиш йоаццар.

Мы дали вам столько денег, сколько необходимо для постройки школы.

Оаха шуга ахча лу, школа йиэ оаш деххар.

Мы даем вам столько денег, сколько вы просите, чтобы построить школу.

Оаха шуга ахча деннад, школа йиэ доацааш йиш йоаццар.

Мы выдали вам столько денег, сколько необходимо, чтобы построить школу.

В приведенных примерах причастие в удвоительной форме, хотя и имеет оформление самостоятельного причастия, но по своему смыслу представляет собой количественное определение (точнее: приложение) к слову *ахча* 'деньги'. Придаточные предложения, выражающие количественное определение, резко отличаются по своей форме от придаточных, выражающих качественное определение. Для сравнения приводим придаточные предложения, выражающие качественное определение:

Оаха шуга оаш дехха ахча лу школа йиэ || ярна.

Мы даем вам деньги, которые вы просите, чтобы построить школу || из-за постройки школы.

Оаха шуга доацааш йиш йоацца ахча деннад школа йиэ.

Мы вам дали деньги, которые необходимы, чтобы построить школу.

Оаха шуга ахча деннад школе || школа йиэ хиланза даргдоацца.

Мы вам дали деньги, которые предназначены для постройки школы.

Аз шуга ахча лургда, школа йиэ хьожсадаь дола.

Я вам дам деньги, которые предназначены для постройки школы.

Причастные придаточные предложения с обобщенным значением. Все перечисленные нами выше типы придаточных предложений – субъектные, объектные, предикатные, дополнительные

ные и определительные, т. е. все типы, в которых сказуемое выражается причастием, могут развить и обобщенное значение, которое по-русски передается словами *всякий, кто; все, кто; все, что; всякий, который; все, которые* и т. д. Для передачи этого рода предложений существуют две формы ингушского придаточного предложения.

Первая сохраняет форму причастного придаточного предложения. Обобщенность значения достигается в этом случае путем добавления или в состав придаточного или в состав главного предложения определительного местоимения *моллагIа*, *моллагIа* 'всякий, каждый, кто бы ни' или вопросительного наречия *мел?* 'как много? сколько?' (употребляется для обозначения количества как людей, так и предметов). Таким образом, в этой форме причастное придаточное предложение с обобщенным значением может иметь в своем составе вопросительное наречие, теряющее свой вопросительный характер и приобретающее относительное значение (ср. стр. 393).

Вторая форма предложения с обобщенным значением, хотя по смыслу тесно связана с причастными придаточными предложениями, резко отличается, однако, от них по своей форме. В этом случае сказуемое придаточного предложения выражено специальной придаточной формой, свойственной условным придаточным предложениям (форма сказуемого в условном придаточном предложении при реальном условии, см. ниже, стр. 449).

Как первая, так и вторая форма для выражения обобщенного значения употребляются в языке одинаково часто и правильно образуются от всех причастных придаточных предложений. Приводим примеры с классификацией их по типам причастных придаточных предложений.

Причастные придаточные предложения с обобщенным значением:

1. Субъектное (непродуктивная форма):

Газета мел дешар йоазув || дешар хов саг ва.

МоллагIа газета дешар йоазув || дешар хов саг ва.

Всякий, кто читает газету, грамотный человек.

Кто бы ни читал газету, грамотный человек (есть).

Газета моллагIчо || хьаннагIчо деша а, (из) йоазув || дешар хов саг ва.

Всякий, кто читает газету, грамотный человек.

Буквально: Всякий, кто читает газету, тот (он) грамотный человек.

2. Субъектное (продуктивная форма):

Газета мел дешачо наха керда хабараи дуви.

Всякий, кто читает газету, рассказывает новости людям.

Газета моллагIчо || хьаннагIчо деше а, (цо) наха керда хабараи дуви.

Всякий, кто читает газету, (тот) рассказывает людям новости.

Кто бы ни читал газету, рассказывает людям новости.

3. Объектное:

Оаха лоархI, газета дика мел дешар.

Мы уважаем всякого, кто хорошо читает газету.

Мы почитаем всякого, кто хорошо читает газету.

Оаха лоархI, моллагIа газета дика дешар.

Мы уважаем || почитаем всякого, кто читает газету.

Газета моллагIчо деше а, (из) лоархI оаха.

Мы уважаем всякого, кто бы ни читал газету.

4. Предикатное:

Дийша саг – газета мел дешар ва.

Начитанный человек – всякий, кто читает газету.

Дийша саг – моллагIа а газета дешар ва.

Начитанный человек – всякий, кто бы ни читал газету.

Дийша саг, советски газета хьаннагIчо || моллагIчо деше а, из ва.

Начитанный человек – каждый, кто читает советскую газету.

5. Дополнительное:

а. Родительное

Советски газета мел дешачун кхетам ба.

МоллагIа а советски газета дешачун кхетам ба.

Буквально: У всякого, кто читает советскую газету, есть сознание.

Советски газета хьаннагIчо деше а, цун кхетам ба.

У всякого, кто читает советскую газету, (у того) есть сознание.

Всякий, кто читает советскую газету, имеет сознательность.

б. Дательное

Газета мел дешачунна дукха хІама довз.

МоллагІа а газета дешачунна дуккха а хІама довз.

Всякому, кто читает газету, известно многое.

Газета моллагІчо деша а, цунна дуккха а хІама довз.

Каждому, кто читает газету, известно очень многое.

Каждому, кто бы ни читал газету, известно очень многое.

в. Творительное

Газета мел дешачунца дувц вай.

МоллагІа а газета дешачунца, дувц вай.

Мы разговариваем со всяким, что читает газету.

МоллагІчо газета деша а, цунца дувц вай.

Мы разговариваем со всеми, кто бы ни читал газету.

г. Вещественное

Газета мел дешачунах наха пайда боал.

Народ получает пользу от всякого, кто читает газету.

Газета моллагІа дешачунах наха пайда боал.

Народ получает пользу от всякого, кто читает газету.

Газета моллагІчо деша а, цунах наха пайда боал.

Народ получает пользу от каждого, кто бы ни читал газету.

д. Местное

Газета мел дешачунга вай яздора.

МоллагІа а газета дешачунга вай яздора.

Мы писали каждому, кто читает газету.

Газета моллагІчо || хьаннагІчо деша а, цунга яздора вай.

Всякому, кто читает газету, мы писали.

Буквально: Кто б газету ни читал, мы к нему писали.

е. Сравнительное

Газета мел дешачарел кІезигагІа кхет йоазув ца хов саг.

Неграмотный человек понимает меньше всех тех, кто читает газету.

Следует заметить, что условная форма обобщенных придаточных предложений может быть выражена параллельно и с помощью деепричастия прошедшего совершенного времени, как и всякая условная форма (см. стр. 450):

Газета моллагIчо дийишача || деише || дийишача гIоне, цун кхетам ба.
У всякого, кто читает газету, есть сознание.

*Газета хъаннагIчо || моллагIчо деише а, царал кIезигагIа кхет
йоазув || дешар ца хов саз.*

Неграмотный человек понимает меньше каждого из тех, кто читает газету.

Буквально: Если кто читает газету, неграмотный человек понимает меньше их.

Определительные причастные придаточные предложения с обобщенным значением не имеют второй параллельной формы. Они образуются путем простого добавления в придаточное предложение слова *массава а* 'каждый, всякий', как и в русском языке:

б. Определительное с обобщенным значением:

а. При субъекте (в непродуктивной форме)

Газета деша саз массава а кхеташ хул.

Каждый человек, который читает газету, бывает сознательным.

Каждый читающий газету человек бывает сознательным.

б. При субъекте (в продуктивной форме)

Массава а газета дешача сага || саго наха керда хабараш дуvc.

Каждый человек, который читает газету, рассказывает людям последние известия.

Каждый читающий газету человек рассказывает людям новые известия.

в. При объекте

Оаха лоархI, массава а газета дика деша саз.

Мы уважаем каждого хорошо читающего газету человека.

Мы почитаем || уважаем каждого человека, который хорошо читает газету.

г. При предикате

Дийиш саз – массава а газета деша саз ва.

Начитанный человек – это всякий человек, который читает газету.

д. При косвенном дополнении

Родительном

Массава а газета дешача сага кхетам ба.

У каждого, кто читает газету, есть сознательность (понимание).

Дательном

Массава а газета дешаца сага дуккха хлама довз.

Каждому человеку, который читает газету, знакомо (очень) многое.

Творительном

Газета дешаца массава а сагаца дувц вай.

Мы разговариваем с каждым человеком, который читает газету.

Вещественном

Газета дешаца массава а сагах наха пайда боал.

Люди получают пользу от каждого человека, который читает газету.

Местном

Газета дешаца массава а сагага вай язду.

Мы пишем каждому человеку, который читает газету.

Сравнительном

Газета дешаца массава а сагал кезигагЛа кхеташ ва йоазув ца хов саг.

Неграмотный человек понимает меньше всякого человека, который читает газету.

ГЛАВА 4. МАСДАР КАК ПРИДАТОЧНАЯ ФОРМА

Масдарные придаточные предложения. Те же самые типы придаточных иредложений, которые мы только что рассмотрели (т. е. придаточные предложения субъектные, объектные, предикатные, дополнительные и определительные), могут быть выражены предложениями, в которых придаточная форма выступает в виде масдара. Масдар представляет собой отглагольное имя существительное. В ингушском языке он может быть образован, как и неопределенное наклонение, от каждого глагола. По-русски масдар соответствует отглагольному существительному с суффиксом *-ние*, а во многих случаях его можно перевести и неопределенным наклонением или описательно. По своему значению масдар выражает процесс действия. В то время

как причастие, в действительном значении обозначающее субъект мысли, и причастие со страдательным значением, обозначающее объект мысли, даже в том случае, когда они образованы от переходного глагола, не могут иметь при себе больше одного главного члена придаточного предложения (в первом случае – прямого дополнения, во втором случае – подлежащего, см. стр. 314), масдар может иметь при себе словесно выраженным как подлежащее, так и прямое дополнение, разумеется в том случае, если он образован от переходного глагола. Таким образом, причастие не имеет при себе полного выражения главных членов предложения, масдар же представляет такую придаточную форму сказуемого, при которой могут быть полностью выражены все члены придаточного предложения. В этом основное отличие масдарных придаточных предложений от причастных. Масдарные придаточные предложения мы классифицируем так же, как и причастные. Таким образом, могут быть: субъектные (в двух формах – продуктивной и непродуктивной), объектные, предикатные, дополнительные и определительные масдарные предложения. Так как масдар представляет собой склоняемую часть речи – имя существительное, то различие указанных выше типов масдарных придаточных предложений выражается в изменении падежной формы масдара. Правда, мы должны отметить, что ряд падежных форм масдара выходит за пределы значения вышеуказанных типов придаточных предложений. Это относится прежде всего к дательному падежу масдара (см. придаточные предложения обстоятельства причины и цели, стр. 448) и отчасти к именительному его падежу (см. придаточные предложения обстоятельства цели при глаголах “желать, требовать”, а также придаточные при глаголах “чувствовать, сознавать”, стр. 358), а также к местному падежу масдара (придаточные предложения объектные при глаголе *догдаха* ‘надейся’, а также придаточные обстоятельства образа действия, стр. 434).

Приводим примеры употребления масдара в качестве придаточной формы в придаточных предложениях различных типов.

1. Субъектное придаточное предложение:

а. Масдар как продуктивный субъект:

Хьо варо тхона гIо ду.

Твой приход || приезд оказывает нам помощь.

Трактористаша колхозий лаьтта дика ахаро колхозхошта дукха пайда лу.

То (обстоятельство), что трактористы пахут колхозную землю хорошо, приносит много пользы колхозам.

Комсий бешемаш дегIаякхкаро колхозаашта дукха пайда лу.

Рост виноградников приносит много пользы колхозам.

То (обстоятельство), что виноградники растут, приносит большую пользу колхозам.

В приведенных примерах при масдаре словесно выражены все главные члены придаточного предложения. В первом примере масдарное предложение представляет собой непереходный оборот с подлежащим в непродуктивной форме. Во втором предложении масдарное придаточное предложение представляет собой переходный оборот, в котором имеется подлежащее в продуктивной форме – *трактористаша* и прямое дополнение в непродуктивной форме – *лаьтта* и т. д.

Следует отметить, что непереходное и, реже, переходное масдарное придаточное предложение может иметь и иную форму для выражения логического подлежащего – вместо активного падежа родительный падеж, как это видно из следующих примеров:

Хьан варо тхона гIо ду.

Твой приход оказывает нам помощь.

Комсий бешамий дегIаякхкаро колхозаашта дукха пайда лу.

Рост виноградников приносит много пользы колхозам.

Данная конструкция масдарного придаточного предложения не имеет, следовательно, грамматического подлежащего. Мы видим здесь смысловой субъект в форме родительного падежа, причем остальные члены придаточного масдарного предложения остаются в своей обычной форме. Практически в этих случаях можно было бы считать, что мы не имеем придаточного предложения, хотя такое ингушское масдарное предложение стоит все-таки ближе к форме самостоятельного придаточного предложения, чем русская конструкция с отглагольным существительным.

б. Масдар как непродуктивный субъект:

Оаха боамби бер пайдахь хул Советски паччахьалкхенна.

То (обстоятельство), что мы сеем хлопок, приносит пользу Советскому государству.

Из тхацига вар ший ханнахь хиннад.

Прибытие его к нам было своевременным.

То (обстоятельство), что он к нам прибыл, было своевременным.

Трактористаша оахам дар укх шера дика хургда.

Пахота трактористов в этом году будет хорошей.

Буквально: То (обстоятельство), как трактористы будут пахать в этом году, будет хорошим.

Тха боамби бер пайдехь хиннад Советски паччахьалкхенна.

Наш посев хлопка был полезен Советскому государству.

Так же, как и в предыдущих случаях, и здесь мы можем придать подлежащему косвенную форму:

Цун вар ший ханнахь хиннад.

Его прибытие к нам было своевременным.

Трактористий оахам дар укх шера дика хургда.

Пахота трактористов в этом году будет хорошей.

В последних примерах мы также можем считать, что масдар не представляет собой настоящей придаточной формы, а является конструкцией с отглагольным существительным в простом предложении.

Помимо этих случаев, масдар в форме именительного падежа употребляется и как придаточная форма сказуемого в объектных придаточных предложениях при глаголах со значением “чувствовать, сознавать”:

Сона хов, из вар.

Я знаю, что он приехал.

Буквально: Мне известно то (обстоятельство), что он приехал.

Эта форма по теперешнему ее значению объектного придаточного предложения грамматически в ингушском языке представляет собой субъектное масдарное придаточное предложение (подробности см. на стр. 86).

2. Объектное придаточное предложение:

Масдар, как объект:

Нохч-ГалгIай АССР-о пайдехь || пайдане лоархI, оаха боамби бер.

Чечено-Ингушская АССР считает прибыльным то, что мы сеем хлопок.

Стахановски движене а, социалистически яхь а тоадаьд, беррига а болхлоша заводашка балхаи дар.

Стахановское движение и социалистическое соревнование улучшили работу всех рабочих на заводе.

И в этих случаях масдарное придаточное легко превращается в масдар с косвенной формой (родительным падежом) подлежащего:

Нохч-ГалгIай АССР-о пайдахьа лархI тха боамби бер.

Чечено-Ингушская АССР считает полезным наше хлопко-сеяние.

Стахановски движенеи, социалистически яхьои тоадаьд, деррига а болхлои балхаи дар.

Стахановское движение и социалистическое соревнование улучшило работу рабочих.

Объектное масдарное придаточное предложение исторически развивается в придаточное предложение обстоятельства цели. Так, например:

Колхозхоша трактористашкара лех, цар шоай лаьтта дика ахар.

Колхозники требуют от трактористов, чтобы те вспахали их землю хорошо.

В этом предложении глагол *леха* 'ищи', развивает свое значение в значение "требую, желаю". Вследствие такого развития происходит и развитие объектного значения масдара в целевое. Приведем еще пример целевого значения масдара в форме объекта:

Правленес колхозникашта тIадулл, цар ялат дера план ший ханнахьа кхоачащяр.

Правление обязывает колхозников, чтобы они своевременно выполнили посевной план.

Подробно смотри ниже, стр. 445.

3. Предикатное придаточное предложение:

Масдар, как именная часть сказуемого:

Колхоза правленес кьоастадаь гIулакх, са лаьтта ахара да.

Разобранное колхозным правлением дело (есть) о моей вспашке земли.

Разобранное колхозным правлением дело – это о том, что(б) я вспахал || пашу || вспашу землю.

Колхозни собрание председателю даъ къамаъл, б!аьтання колхозхоша ялат дера хъакъехъа да.

На колхозном собрании председатель произнес речь о том, чтобы колхозники посеяли весной хлеб.

Буквально: Речь, произнесенная председателем на колхозном собрании, была о весеннем севе хлебов колхозниками.

Юртсовете баъ соцам, юртарча наха шоашита хий диллар ба.

В сельсовете принято постановление о проведении сельчанам воды для себя.

Буквально: Постановление, которое принято в сельсовете, есть о том проведении сельчанами воды для себя.

В этих масдарных предложениях масдар может иметь формы родительного падежа (см. первый пример). Следовательно, в этом случае он имеет значение определения-прилагательного в составе именного сказуемого. Первое предложение, таким образом, первоначально должно было обозначать: “колхозное правление определило дело... (как) пахотное”. По-русски, таким образом, перевести точно по форме этот оборот очень трудно. Что касается дальнейшего развития значения, то родительный падеж масдара приобретает целевой оттенок и все масдарное предложение в приведенном первом примере представляет собой определение-сказуемое к слову *г!улакх* как подлежащему. Значение родительного падежа масдара, таким образом, весьма близко к значению неопределенного наклонения.

4. Дополнительные придаточные предложения.

а. Масдар как родительное дополнение

Хъо вахара пайда бац.

От того, что ты ушел, пользы нет.

Буквально: У того, что ты ушел, пользы нет.

Из лелара кеп яц.

У его походки нет формы.

У того, как он ходит, нет определенного вида.

Буквально: У того, как он ходит, формы нет.

Приведенные масдарные предложения можно легко превратить в косвенную форму их с родительным падежом логического субъекта:

Хъа вахара пайда бац.
От твоего ухода нет пользы.

Цун лалара кеп яц.
У его походки нет формы.

В этих случаях мы можем опять-таки не считать масдарную конструкцию придаточным предложением. Подобное же превращение именительного или активного падежа подлежащего в масдарном придаточном предложении в родительный падеж логического субъекта возможно и во всех нижеследующих случаях употребления масдара.

б. Масдар как дательное дополнение

Хъо машинаца вахарна билет эш.

Для того, чтобы ты поехал на поезде, нужен билет.

Буквально: Для поездки тебе (поездке твоей) на поезде нужен билет.

Из тоаваларна лорал дизза.

Для того, чтобы он выздоровел, нужна медицинская помощь.

Буквально: Его выздоровлению нужна медицинская помощь.

Те же предложения с косвенной формой подлежащего при масдаре:

Хъа машинаца вахарна билет эш.

Для твоей поездки на поезде нужен билет.

Цун тоаваларна лорал дизза.

Его выздоровлению нужна медицинская помощь.

Из примеров ясно видно, как первоначальное дательное значение масдара (форма дательного падежа) развивается значение цели (другие примеры см. на стр. 448). Дательная форма масдара при глаголе *кхера* 'боясь', которая употребляется в значении объектного придаточного предложения, обязана своим происхождением, очевидно, тому обстоятельству, что этот глагол в ингушском языке первоначально требовал дательного падежа – "бояться кому" вместо буквального "бояться в кого" (примеры [родительного падежа. – прим. ред.] см. на стр. 375).

в. Масдар, как творительное дополнение

Трактористо шийгара хъокхам белар колхоза лаьтта дика ахарца.

Тракторист показал себя примерным в отношении вспашки колхозной земли.

Буквально: Тракторист показал со своей стороны пример вспашкой колхозной земли.

Дешархочо шийгара хьокхам белар дешар дика Йоаморца.

Ученик показывает со своей стороны пример в отношении хорошего усвоения учебы.

Буквально: Ученик со своей стороны показывает путь хорошим усвоением учебы.

г. Масдар как вещественное дополнение

Тракториста лаятта дика ахарах пайда эц колхозо.

От того, что тракторист пашет землю хорошо, колхоз получает пользу.

Буквально: Из того (обстоятельства), что тракторист пашет землю хорошо, колхоз получает пользу.

Из примеров видно, что первоначальным значением вещественного падежа масдара является значение пребывания внутри, движения внутрь или движения изнутри чего-нибудь.

д. Масдар как местное дополнение (в его основной и производных формах).

Лаятта дика ахарга хьежже хул ялатий дегладар.

Рост хлебов бывает в соответствии с хорошей запашкой земли.

Буквально: Рост хлебов бывает в точности смотря на хорошую запашку земли.

Къахьешамхоша Илмаш дешарга гIолла паргIато хул адама.

Благодаря тому, что трудящиеся изучают науки, человечество получает пользу.

Дешаргахьа пайда гу вайна.

Мы видим пользу в учении.

Оаи Илмаш дешаргахьа пайда гу вайна.

Мы видим пользу в том, что вы изучаете науки.

Шун дешаргахь пайда гу вайна.

Мы видим пользу в вашем учении.

В последнем примере продуктивная форма подлежащего при масдаре заменена родительным падежом логического субъекта и тем самым масдарное придаточное предложение здесь превратилось в простой член главного предложения.

Цадешар дІадаккхаргахъа къовсам лоаттабу вай.

Мы боремся за ликвидацию неграмотности (необразованности).

Буквально: Мы ведем борьбу в сторону ликвидации неграмотности.

Оаш Іилмаи дешаргахъа къовсам лоаттабу вай.

Мы ведем борьбу за то, чтобы вы изучали науки.

Буквально: Мы ведем борьбу в сторону того, чтобы вы изучали науки.

Шун дешаргахъа къовсам лоаттабу вай.

Мы ведем борьбу за вашу учебу.

Буквально: Мы ведем борьбу в сторону вашей учебы.

Дешаргара || дешарах пайда эц оаха.

Мы получаем пользу от учения.

Буквально: Мы берем пользу из учения.

Кагийча Іилмаи дешаргара пайда эц вай.

Мы получаем пользу от того, что молодежь изучает науки.

Кагийча дешаргара пайда эц вай.

Мы получаем пользу от учения молодежи.

Къахъегамхоша Іилмаи дешаргахъара паргІато хул адама.

От того, что трудящиеся изучают науки, бывает свобода человечеству.

Буквально: Со стороны того, что трудящиеся изучают науки, бывает свобода человечеству.

Къахъегамхоша Іилмаи дешарга гІолла паргІато хул адамашта.

Благодаря тому, что трудящиеся изучают науки, бывает свобода человечеству.

Буквально: Через то, что трудящиеся изучают науки, бывает свобода человечеству.

Оаш дешарга гІолла ба шу Іилмах кхетара никъ.

Путь ваш к учению – есть для вас путь к пониманию науки.

е. Масдар, как сравнительное дополнение

Берригача къахъегамхошта Іилма харал дика хІама дац цхъаккхе а.

Нет ничего лучше того, чтобы все трудящиеся знали науку.

Буквально: Нет ничего лучше, чем все трудящиеся знали (бы) науку.

Итак, масдарные придаточные предложения мы можем почти во всех случаях легко превращать в простой член предложения, заменив в них продуктивную или непродуктивную форму подлежащего родительным падежом. Состав масдарного придаточного предложения при этом значительно упрощается: после родительного падежа, обозначающего логический субъект, в ингушском языке неудобно ставить имя существительное, так как в этом случае родительный падеж превращается в определение к нему. Поэтому, когда мы заменяем подлежащее родительным падежом, из состава масдарного придаточного предложения исчезают прямое и косвенное дополнения и обычно в нем остаются лишь обстоятельственные слова, как это мы видим в вышеприведенных примерах.

5. Определительное придаточное предложение с масдаром в качестве определения

а. Масдар, как определение при подлежащем:

Оаха лаьтта ахара гIулакх дика да.

Мы хорошо выполняем дело запашки земли.

Буквально: Дело того, что мы пашем землю, – хорошо.

Вай лаьтта ахара гIулакхо пайда лу колхозаьшта.

То обстоятельство, что мы пашем землю, приносит пользу колхозам.

Буквально: Дело того, что мы пашем землю, приносит пользу колхозам.

Тха лаьтта ахара гIулакх дика да.

Буквально: Дело нашего пахания земли || пахания нашей земли – хорошо (есть).

В последнем примере продуктивное подлежащее при масдаре заменено родительным падежом.

б. Масдар как определение при объекте:

Колхоза правленес кьоастадаьд аз лаьтта ахара гIулакх.

Колхозное правление разобрало дело о том, что я запахал || пашу || вспашу землю.

Буквально: Колхозное правление разобрало дело, которое (относится к тому), что я запахал || пашу || вспашу землю.

Это предложение следует отличать от:

Колхоза правленес кьоастадаьд гИулакх аз лаьтта ахар да.

Разобранное колхозным правлением дело есть о том, что я пахал || пашу || вспашу землю.

Дело, которое разобрало колхозное правление, есть о том, что я вспахал || пашу || вспашу землю.

а также от:

Колхоза правленес кьоастадаьд ший лаьтта ахара гИулакх.

Колхозное правление разобрало дело о том, что вспахали || пашут || вспашут его землю.

В первом примере родительный падеж масдара употребляется в качестве определения при слове *гИулакх*. Во втором примере масдар становится именной частью составного сказуемого. Наконец, в последнем примере активный падеж подлежащего при масдаре заменен родительным падежом, но, благодаря тому, что следующее слово *лаьтта* является именем существительным, этот родительный падеж получает значение определения к нему, а не логического подлежащего. Таким образом, мы различаем:

Аз лаьтта ахара гИулакх.

Дело о том, что я вспахал землю.

Са лаьтта ахара гИулакх.

Дело о том, что вспахали мою землю.

Са дика ахара гИулакх.

Дело о том, что я хорошо вспахал.

В последнем примере родительный падеж, после которого стоит не имя существительное, а прилагательное в значении наречия, получает значение логического субъекта.

Тхона лаьтта ахара гИулакх.

Дело о том, чтобы нам вспахали землю.

Дело о том, что нам вспахали землю.

Из примера видно, что в некоторых случаях масдар имеет довольно неопределенное значение – как целевое, так и объектное.

в. Масдар как определение при предикате:

Колхоза правленес кьоастадаьр, аз латта ахара гИулакх да.

То, что разобрало колхозное правление, есть дело о том, что я пахал землю.

Тха месткома заседане дийцар – керда членаи хьаэцара гЛу-лакх да.

То, что обсуждено на заседании нашего месткома, – это дело о принятии новых членов.

Тха месткома заседане дийцар, оаха керда членаи тIаэцар да.

То, что обсуждено на заседании нашего месткома, это дело о том, чтобы мы приняли новых членов.

То, что обсуждено на заседании нашего месткома, есть дело о принятии нами новых членов.

В последнем примере мы имеем масдарное предикатное придаточное предложение с подлежащим в продуктивной форме. В предпоследнем же примере масдар является простым членом (составной частью именного сказуемого) главного предложения, так как в этом случае при масдаре нет подлежащего.

г. Масдар как определение при косвенных дополнениях:

При родительном

Хьехархочо оттайир дешархошта дешара балха план.

Учитель составил ученикам план учебной работы.

Хьехархочо оттаяьй дешархоша дешара план.

Буквально: Учитель составил план работы, как должны учиться ученики.

Колхоза правленес оттабу, колхозхоша шоай хьал тоадара гЛулакха никъ.

Колхозное правление устанавливает путь улучшения (материального) положения колхозников.

Буквально: Колхозное правление устанавливает путь дела того, как колхозники свое материальное положение улучшат.

При дательном

Колхозхоша балхаи дика дара гЛулакха равза хиннав председатель.

Председатель доволен тем, что колхозники работали хорошо.

Буквально: Председатель доволен делом того, что колхозники работали хорошо.

Дешархоша дика Иоамора гЛулакха гIo ду Адабий Сердалон Комиссариато.

Народный Комиссариат Просвещения помогает учащимся хорошо учиться.

Буквально: Народный Комиссариат Просвещения оказывает помощь нуждам того, чтобы ученики хорошо учились.

При творительном

Тракториста пример гойт колхозий лътта ше толашагIа ахара балхаца.

Тракторист показывает пример в отношении работы по хорошей пахоте колхозной земли.

Хъехархоша дешархошта дика хъехара навкъаца тоалу школен гIулакх.

Путем хорошего преподавания со стороны учителей учащимся улучшается постановка дела в школах.

Буквально: Путем того, что учителя хорошо преподают ученикам, улучшается школьное дело.

При вещественном

Кагийча наха Илмаш Иоамадара балхах дувц оаха.

Мы обсуждаем дело изучения наук молодежью.

Буквально: Мы обсуждаем работу того, чтобы молодежь изучала науки.

Колхозхоша лътта дика леладара гIулакхах доал колхозий ялаташ хъувкъар.

Хороший уход за землей со стороны колхозников вызывает урожайность колхозных хлебов.

Буквально: Из дела того, что колхозники хорошо ухаживают за землей, выходит рост колхозных хлебов.

При местном в его различных формах

Колхоза правлени хъож колхозхоша балхаш дара гIулакхага.

Колхозное правление следит за делом выполнения работ колхозниками.

Буквально: Колхозное правление смотрит на дело того, как колхозники выполняют работы.

Школан дирекци хъеж хъехархоша хъехара балхага.

Дирекция школы следит за работой преподавания.

Буквально: Дирекция школы смотрит на работу того, как преподают преподаватели.

При сравнительном

Колхозхой, шоай декхараши ший ханнахъа кхоачашидара гIулакхал совгI, говзалаши Иоамие декхарийла ба.

Колхозники, кроме выполнения своих обязанностей, должны приобретать квалификацию.

Колхозхой, колхозе болх бара гIулакхал совгI, говзалаи Юамае декхарийла ба.

Колхозники, кроме выполнения работы в колхозе, должны приобретать квалификацию || повышать знания.

В предпоследнем примере мы имеем косвенную форму масдара с родительным падежом взамен подлежащего при нем, в последнем же примере мы имеем масдарное придаточное предложение с подлежащим в продуктивной форме.

В отношении употребления знаков препинания при масдарном придаточном предложении мы можем установить следующие правила: масдар с относящимися к нему членами предложения следует считать придаточным предложением лишь в том случае, если при нем имеется подлежащее в продуктивной или непродуктивной форме. Если же при масдаре логический субъект стоит в форме родительного падежа, или масдар употреблен без своего подлежащего, практически мы можем считать его членом простого предложения. В первом случае начало масдарного придаточного предложения следует отделять запятой от предшествующей ему части главного предложения, так как отсутствие запятой может привести к смешению членов масдарного предложения с членами главного предложения. Конец масдарного придаточного предложения нельзя отделять запятой от следующего за ним главного предложения, так как масдар, как и причастие, представляет собой слово, входящее одновременно в состав и главного, и придаточного предложения. Из приведенных примеров мы уже видели, что по своим падежным окончаниям масдар входит в состав главного предложения или как субъект в двух его формах, или как объект, или как именная часть сказуемого, или как косвенное дополнение, или, наконец, как определение при каком-либо члене главного предложения. На этом основании после масдара запятую ставить нельзя. Одновременно масдар представляет собой главный член придаточного предложения -- его сказуемое. Следовательно, отделить масдар от предшествующих ему и с ним непосредственно связанных членов придаточного предложения тоже нельзя. Равным образом нельзя выделять масдар запятыми и в том случае, если он не имеет при себе никаких своих главных членов, так как в этом случае масдар уже вне всякого сомнения можно рассматривать как простой член главного предложения. Таким обра-

зом, ни при самом масдаре, ни непосредственно перед ним, ни непосредственно после него запятой ставить нельзя во всех случаях употребления масдара. Употребление запятой при масдарном придаточном предложении следует ограничить лишь одним случаем – когда масдар представляет собой сказуемое развитого придаточного предложения, в котором налицо подлежащее в обычно свойственной ему падежной форме (именительный или активный падеж). В этом случае можно отделить начало масдарного предложения от предшествующей ему части главного предложения, так как в этом случае может произойти смешение вследствие неправильного отнесения двух подлежащих – подлежащего в масдарном придаточном предложении и подлежащего главного предложения – в состав того или другого предложения.

Что касается тех случаев, когда масдар исторически развил значение придаточной формы причины или цели, или объекта при отдельных глаголах (*кхиэра, догдаха*), или образа действия (с удвоением согласного и добавлением союза *ма*), то во всех этих случаях употребление запятой для выделения масдарного придаточного предложения с обеих сторон, по нашему мнению, обязательно. Подробнее об этом будет сказано в соответствующих разделах синтаксиса сложного предложения.

В заключение следует сказать несколько слов об отличии масдарного придаточного предложения от русского оборота с отглагольным существительным – оборота, который начинает все чаще употребляться в современном русском литературном языке взамен конструкции с неопределенным наклонением. При русском обороте с отглагольным существительным, которое тоже может иметь при себе смысловое подлежащее, прямое дополнение или другие члены предложения, эти члены обычно не сохраняют свойственной им грамматической формы именительного и винительного падежей. Именительный падеж подлежащего или винительный падеж прямого дополнения заменяются при русском переходном отглагольном существительном первый – творительным падежом, а второй – родительным падежом. В случае же непереходного отглагольного существительного именительный падеж при нем заменяется родительным падежом. Таким образом, в русском языке нет грамматического сходства с масдарным придаточным предложением ингушского языка. В ингушском языке масдар или имеет при себе все члены предложения в их обычной грамматически ясно выраженной форме (именительный или активный падеж подлежащего, име-

нительный падеж прямого дополнения и т.д.), или же в случае замены падежа подлежащего родительным падежом (случай, который мы называли косвенной формой масдарного придаточного предложения) при ингушском масдаре все-таки может стоять прямое дополнение в именительно-винительном падеже. Таким образом, этот главный член ингушского предложения остается во всех случаях в своей обычной падежной форме. Так, например, русская конструкция при отглагольном существительном *план добывания нефти рабочими грозненских промыслов*, при которой смысловое подлежащее стоит в творительном падеже, а смысловое прямое дополнение принимает форму родительного падежа, по-ингушски может быть передана настоящим масдарным придаточным предложением: *Шолжа-Галий промыслай болхлоша мехкдаьтта даккхара план*, в котором подлежащее *болхлоша* стоит в своей обычной форме (активный падеж), прямое дополнение *мехкдаьтта* тоже имеет свою постоянную форму (именительно-винительный падеж) и лишь сказуемое принимает форму отглагольного имени существительного в родительном падеже, будучи определением к слову *план*. В другой своей форме, которую мы называли косвенной масдарной конструкцией, ингушский язык приближается к русскому: *Болхлой даккхара план* 'план добывания рабочими' (буквально: "план рабочих || рабочего добывания") или *мехкдаьтта даккхара план* 'план добывания нефти'. Здесь масдарная конструкция заменяет обычную форму подлежащего формой грамматического косвенного дополнения в родительном падеже, что сходно с русским языком, но сохраняет обычную форму прямого дополнения (именительно-винительный падеж). Сохраняется в этом случае и согласование масдара как сказуемого с предшествующим ему прямым дополнением в классе. Следовательно, и в этом своем виде ингушская масдарная конструкция лишь сближается с русской конструкцией при отглагольном существительном, но полностью все же не совпадает с ней. Ингушский масдар сохраняет больше признаков глагольного согласования и управления, чем русское отглагольное существительное.

Скажем несколько слов о временных значениях масдара. В отличие от причастия и деепричастия, масдар не имеет временных форм. Поэтому временное значение настоящего, будущего или прошедшего времени придается масдару исключительно временной формой или основным значением глагола-сказуе-

мого главного предложения. Если глагол-сказуемое главного предложения по самому своему значению или по своей временной форме выражает действие, происходящее в настоящем времени, то и масдар приобретает значение настоящего времени и т.д. Для выражения будущего времени иногда употребляется составной масдар, образуемый путем добавления масдара от вспомогательного глагола *хила* 'будь' – масд. *хилар* 'становление; то обстоятельство, что становится || станет'. Если же глагол-сказуемое главного предложения требует по смыслу одновременного или предшествующего ему действия, то и масдар приобретает оттенок настоящего или прошедшего времени, смотря по временной форме сказуемого главного предложения. Следовательно, в большинстве случаев масдар не имеет временных форм, временной же его оттенок зависит от временной формы сказуемого главного предложения. В этом большое отличие масдара от причастия. Ингушское причастие, наоборот, имеет всегда ясно выраженную временную форму, значение которой почти не зависит от временного значения сказуемого главного предложения. Единственный случай, когда ингушское причастие может изменить свой временной оттенок, – это случай употребления в главном предложении прошедшего несовершенного (многократного) времени. Ингушское причастие в соединении с этим временем главного предложения приобретает тоже оттенок прошедшего несовершенного времени, оставаясь по форме образованием прошедшего совершенного времени (перфекта). Точно так же при употреблении в главном предложении давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта) ингушское причастие тоже приобретает оттенок давнопрошедшего времени. Таким образом, в зависимости от времени сказуемого главного предложения ингушское причастие может изменять лишь некоторые временные оттенки, в то время как ингушский масдар приобретает в связи с этим основные временные значения.

ГЛАВА 5. ПРОЧИЕ ТИПЫ ОБЪЕКТНЫХ ПО ЗНАЧЕНИЮ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Придаточные предложения при глаголах со значением "чувствовать, сознавать". Выше мы уже отмечали (стр. 87), что глаголы со значением "чувствовать, сознавать" составляют в

ингушском языке особую группу глаголов, которые требуют при себе наличия субъекта в форме дательного падежа. Сравнительно немногие глаголы из этой группы могут иметь подлежащее в именительном или активном падеже. В отношении употребления придаточных форм все эти глаголы также выделяются, так как при них употребляются некоторые своеобразные придаточные формы сказуемого. В первую очередь здесь идет речь о придаточных предложениях, которые сочиняются в русском языке с помощью союза *что* (следует отличать от относительного местоимения *что*) и по значению являются объектными придаточными предложениями, в которых, однако, объектное значение относится непосредственно к глаголу-сказуемому, а не к имени существительному (не к предметному объекту). Чтобы понять это различие, можно сравнить русские предложения:

Я знаю (то), что он сказал.

Я знаю, что он сказал (это).

В первом случае придаточное предложение по значению представляет собой предметный объект: “я знаю те слова, которые он сказал”. Во втором случае придаточное предложение является таким объектом, который выражает факт совершения действия, т. е. “я знаю факт совершения самого действия, факт высказывания”. Поэтому во втором предложении может быть выражен однозначным словом объект при сказуемом *сказал* — *это*, в то время как в первом предложении объект при глаголе *сказал* в составе придаточного предложения не может быть выражен однозначным словом и заменяется относительным местоимением *что*. Таким образом, в первом предложении слово *что* по содержанию имеет предметный характер, во втором же предложении это слово по содержанию имеет глагольный характер, относится непосредственно к глаголу. Для различения этих двух значений слова *что* в русской орфографии над первым допускается ставить ударение (относительное местоимение *что*), второе же *что* остается всегда без ударения и теряет свое местоименное значение (относительный союз *что*). В данном разделе речь как раз идет о таких ингушских придаточных предложениях, которые соответствуют русским объектным предложениям с относительным союзом *что*, в то время как русские объектные придаточные предложения с относительным местоимением *что* передаются ингушским причастным придаточным

предложением, где причастие имеет значение объекта (см. выше, стр. 293).

В ингушском языке в качестве придаточной формы в этом случае мы ожидали бы увидеть не причастие, которое имеет здесь предметное значение, а масдар, который как раз имеет значение процесса действия. И действительно, во многих случаях глаголы со значением “чувствовать, сознавать” имеют при себе масдар в качестве придаточной формы сказуемого. Тем не менее данная группа глаголов в различных случаях требует при себе различных придаточных форм и по этому признаку разбивается на подгруппы. Таких подгрупп мы насчитываем семь.

1. Глаголы, при которых в качестве придаточной формы употребляется масдар в именительном падеже:

Тхона лайнадар цу хIамай бесаи тайп-тайпара хилар.

Нам хотелось, чтобы цвета этих вещей были разнообразными.

Мы хотели, чтобы эти вещи были разнообразными по окраске.

Тхона дайнад цу хIамай бесаи тайп-тайпара хилар.

Нам видно, что цвета этих вещей стали разнообразными.

Мы увидели, что эти вещи стали разнообразными по окраске.

Сона хов ду хIамай гIулакхаи баих-баиха хилар.

Мне известно, что свойства этих вещей стали различными.

Я знаю, что свойства этих вещей стали различными.

Вайна кьоастаду цу бежай куцаи баих-баиха хилар.

Мы различаем, что масти этого скота стали различными.

Сона хов, из вена хилар.

Я знаю, что он пришел || приехал.

Сона хов, Ia и книжка дешар.

Я знаю, что ты читал эту книгу.

Сона лов, хьо тхоайцига вэр.

Мне хочется, чтобы ты пришел к нам.

Колхоза доахан лелочунта деза, ший доахан совдалар.

Пастуху колхозного скота нравится, чтобы его скот размножался.

Пастух колхозного скота любит, чтобы его скот размножался.

Тхона дайнад из вена хилар.
Мы видели, что он приехал.

Вайна из воаища хилар лов.
Мы хотим, чтобы он был с нами.

Тхона хов, хьо тхоайцига хилар.
Мы знаем, что ты у нас.

Сона хайнадар, из укхаза сацар.
Я знал, что он остановился здесь.

Цунна ловргдар, со цига висар.
Ему захотелось бы, чтобы я остался там.

Хьона хов, из соьца вар.
Ты знаешь, что он пришел со мной.

Тхона лац, уж тхоайл хьалха бовлар.
Мы не хотим, чтобы они опередили нас.

Из примеров видно, что при глаголах *гуо* 'видь', *ха* 'знай', *ла* 'желай', *та* 'будь годным, подходи к чему-нибудь, желай', *тоьа* 'будь достаточным', *иэша* 'недоставай', *кьоастада* 'разбирай/различай', *довза* 'будь знакомым', *дизза* 'люби, нравься' в качестве придаточной формы употребляется масдар в именительном падеже. Этот масдар представляет собой субъектное придаточное предложение, так как все перечисленные нами выше глаголы имеют при себе логический субъект в дательном падеже (см. выше, стр. 87), грамматический же субъект стоит при них в именительном падеже (логический объект). По-русски такие придаточные предложения переводятся или с союзом *что*, или с союзом *чтобы* (последний при глаголах со значением "желать, требовать": *ла* 'желай', *дизза* 'люби, нравься' и др.). Следовательно, в ингушском языке мы имеем в данном случае придаточные предложения, субъектные по форме, но объектные по значению.

2. Глаголы, при которых в качестве придаточной формы употребляется масдар в местном падеже:

Аз догдоах, из варга.
Я надеюсь, что он придет || приедет.

Тхо хьезж, хьо тхоайцига варга.
Мы ждем, что ты придешь к нам.
Буквально: Мы смотрим на то, что ты придешь к нам.

Со хъеж, Ia из книжка дешарга.
Я жду, что ты прочтешь эту книгу.

Цар сатессар, шой нана ярга.
Они с нетерпением ждали, что их мать придет.

Из примеров видно, что местный падеж масдара употребляется в значении русского объектного придаточного предложения при немногих глаголах со значением “ждать, надеяться”. Историческое происхождение этой формы довольно ясно: *догдаха* ‘надейся’ буквально обозначает “вынь сердце на что-нибудь”, *сатасса* ‘ожидай с нетерпением’ буквально обозначает “урони душу на что-нибудь” в смысле “стремись душой к чему-нибудь”, а глагол *хъажа* ‘смотри на что-нибудь’ сохраняет свое первоначальное значение и сейчас, в переносном же значении он употребляется в смысле “жди, ожидай”. Таким образом, употребление формы местного падежа масдара при этих глаголах хорошо объясняется из исторического развития их значения (еще об употреблении формы местного падежа масдара см. выше, стр. 362).

3. Глаголы, при которых в качестве придаточной формы употребляется масдар в родительном падеже:

Со кхер из вара || вар.
Я боюсь, что он придет || приедет.

Тхо кхер хьо машинá || машинах тIехъависара || тIехъависар.
Я боюсь, что ты опоздаешь на поезд.

Из машина тIахъависа хилара || хилар кхер со.
Я боюсь, что он опоздал на поезд.

Таким образом, при глаголе *кхиэра* ‘бойся’ употребляется родительный падеж масдара в качестве объектной придаточной формы. Параллельно с родительным падежом, как это видно из примеров, можно употреблять и именительный падеж масдара в данном случае, что объясняется, по-видимому, исчезновением конечного гласного масдара при произношении (обычная редукция конечного краткого гласного, характерная для ингушского языка).

4. Глаголы, при которых в качестве придаточной формы употребляется инфинитив (неопределенная форма глагола):

Сона лов, хьб сайца хила.
Я хочу, чтобы ты был со мной.

Цунна соца ва ловра.
Ему хотелось пойти со мной.

Тхона лов, оахош деша.
Нам хочется, чтобы мы учились.

Тхона лайнадар, тхоаш цунца даха.
Мы хотели, чтобы мы пошли с ним.
Нам было желательно, чтобы мы пошли с ним.

Царна ловхургдар шоаш цагIа биса.
Может быть, они хотели, чтобы они остались дома.

Шоана лов хургдац, шоаш соца Iе.
Может быть, вам нежелательно, чтобы вы остались со мной.

Цунна Iаьмад книжка деша.
Он учился читать книгу.

Сона Iамаргда газета тIа статьяш язье.
Я научусь писать статьи в газету.

Хьона Iам машина лело.
Ты приучаешься водить машину.

Сона ловргдац деш хIама доацаш дела.
Я не желаю ходить напрасно.
Буквально: Я не буду желать || не пожелаю ходить напрасно.

Из примеров видно, что инфинитив (неопределенное наклонение) употребляется в качестве придаточной формы сказуемого собственно только при глаголе *ла́* 'желай', так как лишь при этом глаголе инфинитив может иметь свое отдельное подлежащее. При других глаголах, например, *Iáma* 'учись (усваивай)' инфинитив не может иметь при себе отдельного подлежащего, что имеет место также в отдельных случаях и при глаголе *ла́*. В этих случаях мы считаем инфинитив простым членом предложения. Следовательно, инфинитив, как и масдар, может выступать в ингушском языке и в качестве придаточной формы и в качестве простого члена предложения. В приведенных выше примерах инфинитив представляет собой или сказуемое в объектном придаточном предложении (в случае разных подлежащих), или прямое дополнение, т. е. простой член главного предложения (в случае одинаковых подлежащих). Сверх того, инфинитив может употребляться как придаточная форма в придаточных предложениях обстоятельства цели (см. ниже, стр. 445).

В отношении расстановки запятых при инфинитивном придаточном предложении можно придерживаться тех же правил, что и при масдаре. Если инфинитив имеет при себе свои главные члены, то начало этого придаточного предложения можно отделять запятой от предшествующих ему членов главного предложения. Для выделения конца такого придаточного предложения запятой нельзя привести тех возражений, которые имеют место в отношении масдара. Поэтому можно было бы установить правило выделять инфинитивные придаточные предложения запятыми с обеих сторон. В случае же, когда инфинитив не имеет при себе главных членов и когда мы его считаем простым членом главного предложения, запятые, разумеется, ставить не следует ни перед, ни после инфинитива.

5. Глаголы, при которых в качестве придаточной формы, употребляется форма с суффиксом *-лга*, *-илга* или *-ий*, *-ийла*:

Сона хов, из вешилга || венавий.

Я знаю, что он пришел || приехал.

Хьона лац, из цунца хулга.

Ты не хочешь, чтобы он был с ним.

Сона ховра, цо хIанз дешилга || деший.

Я знал, что он теперь учится.

Цунна ловра, со шийца воагIулга || воагIийла.

Он хотел || желал, чтобы я поехал || пошел с ним.

Тхона хайнадар ер шуца социлга || соций.

Мы знали, что он остается с вами.

Со шоаища социлга, лацар царна.

Они не хотели, чтобы я остался с ними.

Цига тхо кхоачилга || кхоачий ховра царна.

Они знали, что мы прибываем туда.

Царна хайнад, со цига воацилга.

Они знали, что меня нет там.

Цунна ца хайна хила мег, вай доагIулга || доагIий.

Может быть, он не знал, что мы приедем || придем.

Тхона хайнадацар, шу укхаза даьхкалга || даьхкадий.

Мы не знали, что вы приехали сюда.

Царна хови хиннадар, из хьакхоачаргволга || хьакхоачаргвий.

Оказывается, они знали, что он придёт.

Из цига хиннилга || хиннавий, хайнадацар сона.

Я не знал, что он был там.

Сона лов, из укханца хулга.

Мне хочется, чтобы он был с ним.

Сона лайнад, из укханца хулга.

Я захотел, чтобы он был с ним.

Сона ловгдац, из укханца хулга.

Я не пожелаю, чтобы он был с ним.

Хьона хов, из цига венаига || венавий.

Ты знаешь, что он приехал.

Хьона хов, из цига воагИлга || воайгИий.

Ты знаешь, что он приезжает (ли).

Сона хов, из цига воагIаргволга || воагИийла || воагИий.

Я знаю, что он приедет (ли).

Из последнего примера мы видим, что параллельно форме с суффиксом *-лга*, *-илга* которая представляет собой специфическую особенность ингушского языка, употребляется также придаточная форма с суффиксом *-йла*, *-ийла*, которая характерна для чеченского языка. Чеченская форма, которую Услар определяет как сослагательное наклонение, несомненно, одного происхождения с параллельно употребляемой ингушской формой, которую Мальсагов в своей грамматике называет “именным наклонением”.¹ Несомненно, что как чеченская, так и ингушская форма – одного происхождения. Чеченская форма с суффиксом *-йла*, *-ийла* представляет собой результат перестановки согласного *г*, смягченного с превращением его в неслоговую часть дифтонга (*йла* ← *гла* ← *лга*). Ингушская же форма с суффиксом *-лга*, которую мы считаем более архаичной, является формой местного падежа отглагольного имени с суффиксом *-л* (об этом см. ниже, стр. 394).

Придаточная форма с суффиксом *-й*, *-ий*, исторически восходит, по-видимому, к вопросительной форме сказуемого, которая с этим суффиксом употребляется в вопросительных предло-

¹ Мальсагов З. Ингушская грамматика со сборником ингушских слов. Владикавказ, 1925. - С. 75.

жениях. На эту связь по происхождению указывает образование этой формы от всех времен, а также тот оттенок значения сомнительности, который имеют приведенные нами выше придаточные формы с этим суффиксом. Ср., например:

Сона хов из вар.

Я знаю, что он приехал || приезжает || приедет.

Сона хов из венавий.

Буквально: Я знаю, что он приехал (ли).

Таким образом, форма с суффиксом *-й, -ий*, являясь по своему происхождению формой прямого вопроса, становится затем формой косвенного вопроса, которая обычна при глаголе *хá* в главном предложении (ср. ниже, стр. 393). Неясно только употребление этой формы при таком глаголе, как *ла* 'желай'. Кроме двух вышеприведенных глаголов, придаточная форма с суффиксом *-й, -ий* употребляется также при глаголе *хъежэ* 'посматривай', в случае его переносного значения "жди, ожидай":

Со хъежэ из воагIий.

Я жду, что он едет (ли).

Я ожидаю, что он приехал.

Со хъежэ, из воагIаргвий || вогIур вуйла.

Я ожидаю, что он приедет.

Я жду, чтобы он приехал.

Но: Со хъежэ, из варе || варга.

Я ожидаю, что он приезжает || приедет (см. выше, стр. 373).

6. Придаточное предложение в форме главного предложения.

Сона мотт, из венав.

Я полагаю, что он приехал.

Я думаю, что он приехал.

Мне представляется, что он приехал.

Сона моьтту, хIанз догIа доагIар да.

Я полагаю, что сейчас пойдет дождь.

Хьона мотт, из цига вахавац.

Ты думаешь, что он не пошел туда.

Цунна мотт, из укхаза воагIа.

Он думает, что он приедет сюда.

Тхона моттаделар, хьо дийша ваьннав.

Нам казалось, что ты окончил учебу.

Шоана меттаа хургдар, со цига кхоачаргвац.

Вы наверно подумали (бы), что я не прибуду || приеду туда.

Царна моттаи хиннадар, сога дешалургдац.

Они подумали было, что я не смогу учиться.

Вайна моттацар, из дагИоргва.

Мы не думали, что он уйдет.

Итак, придаточное предложение в форме главного предложения, которое подчиняется другому главному без всяких союзов, употребляется при глаголе *мотта* 'думай, полагай, представляется, кажется'. Эта форма представляет собой тип чисто интонационного придаточного предложения. Можно было бы, конечно, попытаться истолковать здесь главное предложение как вводное "мне кажется, как мне кажется, кажется, мне думается, как мне думается, думается" и т. д. Однако исторически в данном случае главное предложение в ингушском языке не является вводным, так как оно может иметь в своем составе любое подлежащее в форме всех трех лиц и свободно изменяется по всем временам. Поэтому более правильным следует считать, что в данном случае мы имеем архаический остаток чисто интонационных придаточных предложений.

7. Придаточное предложение в форме главного с союзами *аьнна, яхаш*.

Сона хоз, из венав аьнна || яхаш.

Я слышу, что он приехал

Сона хоз, из венав аьнна || яхаш.

Я слышал (буквально: услышал, т. е. узнал), что он приехал.

Из венав аьнна, хет сона.

Мне кажется, (что) он приехал.

Из венав яхаш м|| аьнна-м, хезад сона.

Я (только) слышал, будто бы он приехал.

Из венав яхаш || аьнна, ма хезад сона.

Я слышал, будто бы он приехал.

Сона хезад, хьо Боку вахав аьнна || яхаш.

Я слышал, что ты поехал в Баку.

Я слышал, ты поехал в Баку.

Хьо деша вахав аьнна, хет сона.

Мне кажется || я думаю, что ты поехал учиться.

Из цIакхачав аьнна || яхаи, хезад тхона.

Мы слышали, что он прибыл домой.

Из хIанз дIавахав аьнна, хет сона.

Мне кажется, что он теперь уехал.

Тхона хезадар, хьо цига вахав аьнна || яхаи.

Мы слышали, что ты поехал туда.

Со юрта венав аьнна || яхаи, хеза хиннадар царна.

Оказывается, они слышали, что я приехал в селение.

Цигахьа лоа дийлхад аьнна || яхаи, хезад тхона.

Мы слышали, что там пошел снег.

Из Баку вода аьнна || яхаи, хезад сона.

Я слышал, что он едет в Баку.

Хьо базар тIа гIоргва аьнна || яхаи, хезад сона.

Он слышал, что ты пойдешь на базар.

Шу цIа доагIарда аьнна, хийттад царна.

Им показалось, что вы приедете домой.

Уж укхаза боагIа аьнна, хеттаргда сона.

Мне казалось, что они идут сюда.

Из деша вода аьнна || яхаи, хозаргда хьона.

Ты услышишь, что он едет на учебу.

Из базар тIа гIоргва аьнна, хетаргда хьона.

Тебе будет казаться, что он поедет на базар.

Хьо юрта вода аьнна, хет сона.

Мне кажется, что ты поедешь в селение.

Из школе вахав аьнна, хет сона.

Мне кажется, что он пошел в школу.

Хьо гIулакхе вода || отт яхаи || аьнна, хоз сона.

Я слышу, что ты поступаешь на службу.

Из базар тIа вахав яхаи || аьнна, хоз сона.

Я слышу, что он поехал на базар.

Придаточное предложение в форме главного со словами *аьнна, яхаи*, которые приобретают здесь значение служебных

слов-союзов, употребляется при глаголах *хаза* ‘слышь, услышь’ и *хизта* ‘кажись, представляйся’. Исторически, по-видимому, мы имели и при этих глаголах бессоюзное придаточное предложение в форме главного, как и при глаголе *мотта* (см. выше). В современном же ингушском языке придаточное предложение, хотя и сохраняет здесь форму главного, но употребляется лишь с союзными словами *аьнна*, *яхаш*. В настоящее время эти слова получили в придаточном предложении значение русского относительного союза *что*. Однако они происходят от полнозначных слов, которые и сейчас еще употребляются в самостоятельном своем значении в ингушском языке. *Аьнна* представляет собой причастие прошедшего совершенного времени от глагола *ала* ‘скажи’, употребляемое в значении деепричастия того же времени. *Яхаш* является деепричастием настоящего времени от глагола *яха* ‘говори’. Таким образом, *аьнна* буквально значит “сказав”, а *яхаш* “говоря”. Как мы увидим ниже, эти служебные слова употребляются при прямой и косвенной речи, где они ближе сохраняют свое прямое значение. В то же время постоянное употребление этих слов при прямой речи исторически превратило их в слова с союзным значением. Появившись в таком значении при глаголах со значением “говорить”, эти слова оказались перенесенными в этом новом своем значении и на случаи употребления придаточных предложений при глаголе со значением “слышать” – *хаза*. Таким образом, предложение *Сона хет, из венав аьнна || яхаш* буквально обозначало “Я слышал, он приехал, сказав || говоря”, т. е. “я слышал, сказали || говорят, он приехал” и т. д. В дальнейшем они, очевидно, были перенесены и на глагол *хизта* ‘кажется’: *Сона хет, из венав аьнна*, буквально: “мне кажется, он приехал, сказав”, т. е. “мне кажется, сказали, он приехал”. Этому превращению полнозначных слов в союзы несомненно способствовало их частое употребление при глаголах со значением “говорить” и “слышать”. В конце концов это употребление сделалось обязательным в связи с этими глаголами и самые слова потеряли реальное свое значение, превратились в союзы, а интонационные придаточные предложения превратились в предложения, подчиненные с помощью вновь образовавшихся относительных союзов. Таким образом, здесь мы имеем блестящий пример того, как почти на наших глазах возникает значение относительного союза из значения самостоятельного слова, как полнозначное слово превращается в слово со служебным значением и как в связи с этим интонаци-

онный способ подчинения предложений становится союзным способом подчинения.

Из приведенных примеров видно также, что между этими двумя служебными словами *аьнна* и *яхаш* существует определенная разница в употреблении. В том случае, когда в главном предложении сказуемым служит глагол *хиэта*, при придаточном предложении не может быть употреблено слово *яхаш*. В случае же употребления в главном предложении глагола *хаза* при придаточном предложении одинаково могут употребляться оба служебных слова – и *аьнна* и *яхаш*. Об иной разнице в их употреблении – временном различии, см. ниже, раздел “Прямая и косвенная речь” (стр. 389).

Что касается употребления знаков препинания во всех приведенных нами типах придаточных предложений при глаголах со значением “чувствовать, сознавать”, то, за исключением маедара и инфинитива (см. выше 1–4 формы придаточных предложений, о знаках препинания при которых мы уже говорили), во всех остальных случаях придаточные предложения разбираемого нами типа следует выделять запятой с обеих сторон.

Приводим здесь список глаголов со значением “чувствовать, сознавать”, которые употребляются частью с дательным, частью же с именительным или родительным падежом смыслового подлежащего.

Глаголы со значением “чувствовать, сознавать”.

С дательным:

С активным:

С именительным:

Хаза – слышь, *Догдаха* – надейся. *Кхиэра* – бойся.
услышь.

Хá – знай. *Сатасса* – жди с не- *Хьяжа* – смотри.
терпением (выждидай).

Лá – желай. *Хьяжъяккха* – обо- *Хьежа* – жди.
най.

Дизза – люби, *Чамбаккха* – пробуй *Тиэша* – верь.
нравься. на вкус.

Довза – будь зна- *Зембаккха* – наблюдай *Кхиэта* – понимай.
комым. || обращай внимание ||
сделай опыт.

Хиэта – кажись. *Теркойиэ* – присмат- *Кхиэ* – понимай,
ривай, посматривай осознавай.

(за кем).

Гуо – видь.

Къоабалдиэ – прими, *Мерзлиэ* – привы-
одобри. кай.

Тá – годись, будь *Зиэ* – следи, проследи, *Іáма* – обучайся,
к лицу, подходи. испытай. учись, усваивай.

Мотта – думай, *Тилла* – чуй, ищи, *Шеллиэ* – про-
иолагай. охоться. стынь, охладись.

Дицлиэ – забудь. *Уйла йиэ* – мысли. *ВІоахлиэ* – взопрей,
согрейся.

Дáгада – вспомни.

КІадлуо – уставай.

Корадиэ – найди.

Къоастадиэ – раз-
личи, отличи, раз-
бери (глазами),
отдели.

Къаста – разде-
лись, разойдись.

Тарлиэ – обознай-
ся, подходи.

Тарлиэ – упо-
добься, будь удач-
ным, ладь, ладься.

Мега – будь к ли-
цу, подходи, го-
дись.

Мега – ладь (с кем-
нибудь).

Іэша – будь в не-
достатке, надо-
бься.

Іэша – будь по-
беж денным.

Тоъа – будь доста-
точным, хватай
(кому-нибудь).

КІордадиэ – будь
надоевшим, надо-
едай.

Іáма – обучайся,
учись.

То же с родительным падежом.

Догда – желайся, будь желанным (хочется, душа лежит к че-
му-нибудь).

СамIаgIyo -- люби.

СаготIиэ -- скучай, печалься, грусти.

Сахъовза -- скучай, печалься, грусти.

Сакъердалиэ -- веселись, радуйся.

КарагIдала -- будь способным (к чему-нибудь), будь усердным; будь тем, у кого работа спорится.

Уйла йоха -- будь рассеянным.

То же с родительным падежом при инфинитиве другого глагола:

Дизза -- будь нужным, необходимым.

Мега -- сходи с рук, будь дозволенным.

Прямая и косвенная речь. Прямой речью называется речь другого лица, переданная в той же точно форме, в которой он ее произнес или написал. Косвенной речью называется такая передача речи другого лица, при которой эта речь превращается в придаточное предложение, в то время как сказуемым главного предложения служит глагол со значением "говорить". Под глаголами со значением "говорить" мы понимаем здесь все глаголы, имеющие значение общения с помощью речи, например: "говорить, читать, писать, предлагать, сообщать" и т. д. По своему происхождению придаточные предложения, выражающие косвенную речь, представляют собой те же объектные придаточные предложения, что и при глаголах со значением "чувствовать", "сознавать". В ингушском языке форма придаточных предложений при глаголах с прямым значением "говорить" несколько отличается от формы, употребительной при таких глаголах, как "писать, читать" и пр. Поэтому мы делим глаголы со значением "говорить" по этому признаку на две группы: глаголы, обозначающие "говорить" в собственном смысле слова, и глаголы со значением "читать, писать" и т. д.

Прямая речь в ингушском языке так же, как и в русском, передается без всяких изменений в форме главного предложения. Так же, как и в русском, вносное предложение при прямой речи ("он сказал, он говорил, он писал" и т. д.) или выделяется запятыми, если оно стоит не в начале прямой речи, или имеет после себя двоеточие или тире, если оно стоит в начале ее. Прямая речь заключается в кавычки.

Ленина, вай сийлахь воккхача учитело, оалар: “Къа ца хъегаче хIама яац”.

Ленин, наш великий учитель, говорил: “Кто не трудится, тот не ест”.

Цо аьлар: “Со селхан венав”.

Он сказал: “Я приехал вчера”.

В народном языке, в особенности в фольклоре, при прямой речи употребляются слова *аьнна*, *яхаш*, о которых мы уже говорили выше. Здесь эти слова не играют, конечно, роли союзов, но в то же время представляют собой не вполне однозначные слова, так как в силу частого и обязательного их употребления реальное значение этих слов значительно потускнело. Следовательно, слова *аьнна*, *яхаш* и в данном случае находятся на пути превращения их в служебные слова:

Ленина аьннад: “Болх ца бечо хIама яац”, аьнна.

Ленин сказал: “Кто не работает, тот не ест”, (сказав).

Майдан тIа а вайнна цIогIа техар цо: “ХIаьй, юрта кIантий, хъагулле!”, аьнна, аьлар.

Выйдя на площадь, он закричал: “Эй, собирайтесь сюда, сельские молодцы!” сказав, сказал (*народная песня*).

Бригадиро цIогIа деттар: “Собрание гулле!”, яхаш.

Бригадир кричал: “Собирайтесь на собрание!”, говоря.

Косвенная речь в ингушском языке выражается, собственно, тоже формой главного предложения. Единственным отличием косвенной речи от прямой служит употребление в последней возвратных местоимений третьего и других лиц: *ше* ‘сам, себя’ и т. п., которые заменяют в этом случае личные местоимения всех трех лиц. Однако это имеет место лишь в случае одинаковых подлежащих в обоих предложениях:

Цо аьлар: “Со селхан венав”.

Он сказал: “Я приехал вчера” (прямая речь).

Цо аьлар, ше селхан венав.

Он сказал, что он приехал вчера (косвенная речь).

Буквально: Он сказал, сам приехал вчера.

Цо аьлар: “Iа са книжка ийцар”.

Он сказал: “Ты взял мою книгу” (прямая речь).

Цо аьлар, Iа ший книжка ийцар.

Он сказал, что ты взял его книгу (косвенная речь).

“Аз из гІулакх дир”, — аьлар Іа (прямая речь).

Ты сказал: “Я сделал это (дело)”.

Іайха из гІулакх дир, аьлар Іа (косвенная речь).

Ты сказал, что ты сделал это (дело).

В третьем от конца предложении, хотя мы имеем и разные подлежащие, подчиненность придаточного предложения главному выражается особой формой притяжательного местоимения (притяжательные местоимения в ингушском языке бывают двух родов: простые притяжательные, образуемые от личных местоимений, и возвратно-притяжательные, которые образуются от возвратных местоимений). Таким образом, точнее будет сказать, что косвенная речь может быть выражена в ингушском языке с помощью употребления возвратного местоимения в случае одинаковых подлежащих в главном и придаточном предложении, а также во всех тех случаях, когда в составе косвенной речи имеется какое-либо из личных или возвратных местоимений, относящихся по смыслу к подлежащему или другому члену главного (т. е. вносного) предложения:

Іа суога аьлар: “Са книжка хьада”.

Ты мне сказал: “Отдай мою книгу” (прямая речь).

Іа сога аьлар, аз хьай книжка деннад.

Ты мне сказал, что я отдал твою книжку (косвенная речь).

Несмотря на более широкое применение в ингушском языке возвратных местоимений в значении относительных, все же возможности выражения этим способом косвенной речи остаются крайне ограниченными. Так, например, предложение *Цо аьлар, Іа са книжка ийцар* можно понять двояко: “Он сказал: Ты взял мою книгу” или “Он сказал, что ты взял мою книгу”. Следовательно, только с помощью знаков препинания и употребления кавычек мы можем в ряде случаев отличить ингушскую прямую речь от косвенной.

При второй группе глаголов “говорить” (т. е. при глаголах со значением “читать, писать” и т. д.) употребляются и другие способы подчинения придаточного предложения. Приведем примеры:

Из венав аьнна, дийшар аз газета тІа.

Я прочел в газете, что он приехал.

Іа саг йоалаяый яхаи, язду цо сога.
Он мне пишет, что ты женился.

Іа саг йоалаю яхаи ||аьнна, яздаьд цо сога.
Он мне написал, что ты женишься.

Из гІоргва аьнна, дийшар аз газетаи тІа.
Я прочел в газетах, что он уедет.

Тахан из венав аьнна || яхаи, дийцар сона.
Мне рассказывали, что он приехал сегодня.

Из тхацига воагІа аьнна, аьлар сога.
Мне сказали, что он придет к нам.

Тхацига воагІа аьнна, аьлар цо сога.
Он мне сказал, что придет к нам.

Из примеров видно, что при глаголах со значением “читать, писать, рассказывать” и т. д. косвенная речь употребляется в форме главного предложения с союзными словами *аьнна, яхаи*. Об этих союзных словах и их происхождении мы уже говорили выше. Можно легко предположить, что в народном языке те же союзы употребляются и в случае передачи косвенной речи при глаголах со значением “говорить”, однако это в литературном языке почему-то не принято. Между тем, употребление этих союзов для передачи косвенной речи во всех случаях помогло бы установить в ингушском литературном языке более тонкое разграничение между прямой и косвенной речью. Так, например:

1. *Цо дийцар, Іа са книжка ийцар яхаи.*

2. *Цо аьлар, Іа са книжка ийцар аьнна.*

можно было бы понимать как:

1. Он говорил, что ты взял мою книгу.

2. Он сказал, что ты взял мою книгу.

Прямую же речь в литературном языке можно было бы оставлять всегда без добавления слов *аьнна, яхаи* в их союзном значении, так как в этом случае они теряют почти всякий смысл. Из других форм, которые употребляются для передачи косвенной речи, отметим форму масдара в именительном падеже:

Из ваха хилар, дийшар аз газета тІа.

Я прочел в газете, что он уехал.

Я прочел в газете, что он в отъезде.

Буквально: Я прочел в газете то (обстоятельство), что он стал уехавшим.

В данном примере, однако, употребление масдара не является обычным. Параллельно с формой косвенной речи в виде главного предложения масдар употребляется для передачи косвенной речи при глаголах *яздиэ* 'пиши', *дувца* 'разговаривай || рассказывай', но не при глаголах *ála* 'скажи', *яха* 'говори', *ди-шиа* 'читай':

Иа дийцар, из вэр.

Ты рассказал, что он приехал.

Цо яздаьд, из вахар.

Он написал, что тот уехал.

В общем следует сказать, что различие между прямой и косвенной речью в ингушском также недостаточно развито. Эти предложения представляют собой исторический пережиток интонационного выражения придаточных предложений. Для постоянного выражения формы косвенной речи, как мы уже говорили выше, можно было бы использовать относительные союзы *аьнна*, *яхаши*, которые в народной речи употребляются безразлично как в случае прямой, так и в случае косвенной речи. Для ингушского литературного языка можно было бы установить постоянную разницу: при прямой речи совсем не употреблять этих союзных слов, а при косвенной речи необходимо сделать их употребление в значении русского союза *что* обязательным (разумеется, это не относится к употреблению глагола *аьнна* в его прямом значении "сказавши"). Тогда мы будем иметь в литературном языке постоянное различие между прямой и косвенной речью – различие, которое безусловно необходимо для большей точности выражения в каждом развитом литературном языке.

Два слова следует сказать о разнице в употреблении союзных слов *аьнна* и *яхаши* при глаголах со значением "говорить". Так как союзное слово *аьнна* имеет форму прошедшего совершенного времени, а такое же слово *яхаши* – настоящего времени, то мы могли бы ожидать, что первый союз будет употребляться лишь в связи с прошедшим временем и в случае совершенного или однократного значения сказуемого в главном предложении, а второй союз – лишь в связи с настоящим временем и несовершенным или многократным значением глагола-сказуемого. И действительно, такое употребление имеет место в ряде случаев:

Из венав аьнна, дийшар аз газета тIа.
(в этом случае использовать союз *яхар* нельзя)
Я прочел в газете, что он приехал.

Іа саг йоалаяый яхаш, язду цо сога.
(в этом случае сказать *аьнна* нельзя)
Он мне пишет, что ты женился.

Цо дийцар, Іа са книжка ийцар аьнна.
(в этом случае использовать союз *яхар* нельзя)
Он говорил, что ты взял мою книгу.

Цо дувц, Іа са книжка эц яхаш.
(в этом случае союз *аьнна* нельзя)
Он говорит, что ты берешь мою книгу.

Из примеров видно, что в связи с прошедшим временем в главном предложении (точнее – с теми прошедшими временами, которые имеют совершенное значение) здесь можно употреблять слово *аьнна*, но нельзя употреблять союз *яхаш* и, наоборот, в связи с настоящим временем в главном предложении здесь можно употреблять союз *яхаш* и нельзя употреблять союз *аьнна*. Однако в ряде случаев, как это можно заметить, эта первоначальная разница в употреблении двух союзных слов в современном ингушском языке уже нарушена и оба союза употребляются почти безразлично один вместо другого. Так как разница в употреблении этих двух союзов в зависимости от их временного значения сохранилась лишь при глаголах со значением “говорить”, где мы должны признать превращение этих слов в союзы наиболее древним явлением, то мы считаем это временное различие двух союзов остатком их первоначального значения и новым доказательством их происхождения от самостоятельных глагольных форм. Что касается употребления обоих союзов при глаголах *хаза* ‘услышь’ и *хизта* ‘кажись’, то, как мы говорили выше, там существует иная разница в их словоупотреблении (см. выше стр. 383).

Прямой и косвенный вопрос. Под прямым вопросом мы понимаем форму простого предложения вопросительного типа. Под косвенным же вопросом мы разумеем случаи, когда вопросительное предложение из главного превращается в придаточное, большей частью при глаголе-сказуемому *ха* ‘знай’ в главном предложении. В ингушском языке возможны обе эти формы вопроса.

Прямой вопрос. Прямой вопрос существует в ингушском языке в двух формах – во-первых, в форме предложения вопросительного типа, в котором вопрос выражен или интонационно, или специальным суффиксом сказуемого *-ий* (см. типы предложения, стр. 34), и во-вторых, в форме реального утвердительно-го предложения со включением в его состав вопросительных местоимений и наречий. Таким образом, в ингушском существует в сущности три типа вопросительного предложения: интонационный вопрос, глагольный вопрос (глагольно-суффиксальным способом), или местоименно-наречный вопрос (способ вопросительных местоимений и наречий). Смешанного способа, т.е. способа, при котором применялись бы одновременно обе эти формы выражения вопроса, в ингушском языке не существует. Последние две формы вопроса – глагольно-суффиксальный и местоименно-наречный – различаются также и по значению. Суффиксально выраженный вопрос представляет собой вопрос, относящийся по смыслу к сказуемому, т.е. к процессу действия, что соответствует русскому вопросительному предложению, выраженному или вопросительной интонацией или с частицей *ли*, поставленной при сказуемом. Местоименно-наречный вопрос, т.е. вопрос, выраженный вопросительным местоимением или наречием, представляет собой вопрос, по значению относящийся к какому-либо члену предложения, кроме сказуемого, т.е. к предмету, его качеству или обстоятельству действия. По-русски этот вопрос передается тоже путем включения в предложение вопросительных местоимений и наречий, полностью сохраняющих свое вопросительное значение. Наконец, интонационный вопрос может выражать, как мы это увидим ниже из примеров, оба вышеуказанных вопросительных значения. При обычном порядке слов он выражает вопрос, относящийся по смыслу к сказуемому, т.е. к процессу действия, при инверсии же он выражает вопрос, относящийся по смыслу к тому члену предложения, который выделен порядковым удалением. Приведем примеры на все формы прямого вопроса в ингушском языке:

Глагольная форма вопроса

Хьо театре водий?

Идешь ли ты в театр?

Хьо театре вода?! (интонационный вопрос).

Ты идешь в театр?!

Ia тахан болх бой?

Работаешь ли ты сегодня?

Тахан болх бу Ia?! (интонационный вопрос).

Ты работаешь сегодня?!

XIamma a || xIama хиннадий цига?

Не случилось ли чего-нибудь там?

Ничего не случилось там?

Из примеров видно, что в ингушском, как и в русском языке, глагольная форма вопроса может быть выражена не только специальной глагольной формой (в русском языке – служебной частицей *ли* при глаголе), но и одной только интонацией (интонационный вопрос, ср. выше, стр. 20).

Местоименно-наречная форма вопроса.

Мала вода театре?

Кто идет в театр?

Кто пойдет в театр?

Маца гIоргва хьо театре?

Когда пойдешь в театр?

Мича гIоргва хьо кхоани?

Куда пойдешь ты завтра?

Куда поедешь ты завтра?

Мичахьа || мича вар хьо селхан?

Где ты был вчера?,

Фу хиннад цига?

Что случилось там?

Что там произошло?

Из примеров видно, что вопросительное значение в случае местоименно-наречного вопроса выражается исключительно значением вопросительных местоимений и наречий. Форма сказуемого в этом случае остается совершенно неизменной.

Косвенный вопрос. Косвенный вопрос представляет собой придаточное предложение при главном, в котором сказуемым служит обычно глагол *ха́* ‘знай’ преимущественно в отрицательной его форме, а также в редких случаях – глагол *гуо* ‘видь’. Придаточные предложения, выражающие косвенный вопрос, представляют собой в ингушском языке предложения, по форме выражающие прямой вопрос местоименно-наречного типа, ко-

которые просто включены в состав сложноподчиненного предложения. Внешняя форма прямого вопроса при этом совершенно не меняется. Однако вопросительные местоимения и наречия в этом случае теряют свое вопросительное значение и превращаются в относительные (об историческом значении этого явления см. выше, стр. 280). Приведем примеры:

Сона хац, театре мала гЙоргва.

Я не знаю, кто пойдет в театр.

Сона хац, хьо театре маца гЙоргва.

Я не знаю, когда ты пойдешь в театр.

Сона хац, хьо кхоана мича гЙоргва.

Я не знаю, куда пойдешь || поедешь ты завтра.

Сона хац, селхан хьо мича || мичахъа хиннав.

Я не знаю, где ты был вчера.

Сона хац, цига || цигахъа фу хинна.

Я не знаю, что случилось там || в той стороне.

Я не знаю, что там произошло.

Простое сравнение этих примеров с приведенными выше показывают, что косвенный вопрос в данной форме представляет собой простое включение вопросительного предложения в состав сложноподчиненного. Продолжим примеры:

Сона-м хац, малагIа бригада хьалхаяьннай, вай заводе.

Я не знаю, которая бригада опередила на нашем заводе.

Сона хац, шун школе масса класс я.

Я не знаю, сколько классов в вашей школе.

Из мицта вера, дайра сона.

Я видел, как он приехал.

Из маца вера, дайра сона.

Я видел, когда он приехал.

Вторая форма косвенного вопроса заключается в том, что в сложноподчиненное предложение включается в качестве придаточного предложения глагольно-суффиксальный вопрос без всякого изменения его формы или глагольная форма с суффиксом *-лга*. Эти предложения представляют собой уже переход к настоящим придаточным формам – к одним из тех, которые

употребляются в качестве придаточных предложений при некоторых глаголах со значением “чувствовать, сознавать”:

Сона хац, из театре гIоргволга || гIоргвий.

Я не знаю, пойдет ли он в театр.

Буквально: Я не знаю, что он пойдет в театр.

Сона хац, цига хIама хинилиша || хиннадий.

Я не знаю, не случилось ли там что-нибудь.

Буквально: Я не знаю, что случилось там что-нибудь (или нет).

Сона хац, шу кхоана цIа доагIаргдолга || доагIаргдий.

Я не знаю, приедете ли вы завтра домой.

Сона-м хац, вай бригада хьалхаяьнинилга || хьалхаяьннайий.

Я не знаю, опередила ли наша бригада.

В русском языке, кроме двух перечисленных форм косвенного вопроса, существует еще одна разновидность второй формы: частица *ли* может стоять не только при сказуемом, но и при других членах как прямого вопроса, так и косвенно-вопросительного придаточного предложения. В этом случае вопросительное значение относится не к сказуемому-действию, а к тому члену предложения, при котором стоит частица *ли*. В ингушском языке, если в предложении налицо глагольное сказуемое, это перемещение вопросительного значения достигается только переменой порядка слов, вопросительный же суффикс *-ий* или придаточная форма с суффиксом *-лга* могут оформлять лишь сказуемое. Приведем примеры:

Сона хац, из городе водий.

Я не знаю, поедет ли он в город.

Сона-м хац, из тахан водий.

Я не знаю, сегодня ли он поедет.

Сона-м хац, тахан из водий.

Я не знаю, он ли поедет сегодня.

В русском языке косвенный вопрос может иметь условную (сослагательную) форму. В ингушском языке это передается формой реально-желательного наклонения в косвенно-вопросительном предложении с присоединением к нему вопросительного суффикса *-ий*. Приведем примеры:

Сона-м хац, из городе гIоргварий.

Я не знаю, поехал ли бы он в город.

Сона-м хац, из тахан гЛоргварий.

Я не знаю, поехал ли бы он сегодня.

ГЛАВА 6. ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Обстоятельственные придаточные предложения. Обстоятельственные придаточные предложения представляют собой те же типы, что и обстоятельственные слова в простом предложении. Следовательно, мы различаем придаточные предложения обстоятельства места, обстоятельства времени, обстоятельства образа действия, обстоятельства причины и обстоятельства цели. Придаточные предложения обстоятельства образа действия можно иначе назвать придаточными предложениями обстоятельства качества действия, так как по существу они выражают качество действия.

Придаточные предложения обстоятельства места. Придаточные предложения обстоятельства места имеют в качестве сказуемого причастие в специальной форме местного падежа с суффиксом *-ча*, т. е. особую причастную по происхождению придаточную форму. Этот суффикс происходит от послелога *чу* 'в, внутри' (в полном пространстве). Как и послелог, суффикс придаточной формы обстоятельства места может иметь окончания всех производных форм местного падежа: форма движения и пребывания -- окончание *-ча*, форма направления -- окончание *-чахъа*, форма исхода -- окончание *-чара*, форма направления и исхода -- окончание *-чахъара*, форма движения через -- окончание *-ча гЮлла*, форма направления и движения через -- окончание *-чахъа гЮлла* и т. д. Следовательно, причастие, заменяющее сказуемое в придаточных предложениях обстоятельства места, имеет все формы местного падежа. Однако оно всегда отличается от обычных форм местного падежа того же причастия (которое употребляется в придаточных дополнительных предложениях) специальным, свойственным лишь причастию, выражающему обстоятельство места, суффиксом *-ча*. Этот суффикс пишется слитно с причастием.

Окончания формы причастия в придаточных обстоятельства места соответствуют русским указательным наречиям *там, ту-*

да, *оттуда* и т. д., которые употребляются в соответственных главных предложениях, в то время как русские относительные союзы (наречия) *где, куда, откуда* передаются в ингушском языке основным значением глагола, от которого образовано причастие. Если глагол выражает пребывание (т.е. неподвижность), то это будет соответствовать русскому относительному союзу *где*. Если глагол выражает движение, то это соответствует русскому относительному союзу *куда*. Если, наконец, глагол выражает исход (т. е. действие, направленное из того пункта, о котором идет речь), то это соответствует по значению русскому *откуда*. И в этом случае, как при причастиях, заменяющих главные члены предложения и его косвенные дополнения, мы видим, что передача относительного союзного значения в ингушском языке недостаточно развита. Правда, в придаточных предложениях обстоятельства места данная неразвитость не имеет такого большого значения, так как глаголы по самому своему содержанию почти всегда с достаточной точностью определяют то относительное значение, которое соответствует русским союзам *где, куда, откуда*.

Будучи причастными по своей форме, придаточные обстоятельства места могут иметь те же разновидности, какие имеют причастные придаточные предложения рассмотренных нами выше типов. Придаточные обстоятельства места могут легко превращаться в определительные придаточные предложения при обстоятельствах места, а также образовывать придаточные предложения обстоятельства места с обобщенным значением. Приведем примеры, которые дадут представление об этой форме обстоятельственных придаточных предложений:

Со водача, дукха балхаш да.

Там, куда я иду, много работы.

Со водача, дукха а ух.

Туда, куда я иду, и многие (другие) ходят.

Со водачара, со юхаверзаргва сарахъа.

Оттуда, куда я иду, я возвращусь вечером.

Из примеров ясно видно, что изменения русских указательных наречий *там, туда* и *оттуда* точно соответствуют изменению окончаний ингушского причастия: форма движения и пребывания соответствует русскому *туда, там*, а форма исхода – русскому *оттуда*. В ингушском литературном языке, как и в

русском, можно добавить в состав предложения указательное (местное) наречие:

Цига, со водача, дукха балхаи да.

Там, куда я иду, много работы.

Цига, со водача, дуккха а ух.

Туда, куда я иду, многие ходят.

Цигара, со водачара, со юхаверзаргва сарахъа.

Оттуда, куда я иду, я возвращусь вечером.

Из примеров ясно видно, что ингушское указательное наречие повторяет окончания причастия. Следовательно, значение указательных наречий уже выражено суффиксами ингушского причастия. С этой точки зрения добавление указательных наречий в ингушское предложение представляет собой лишь повторение того же значения, которое уже выражено причастием, т.е. является своего рода плеоназмом (переполнением смысла) и кажется, таким образом, излишним. Однако под влиянием русских синтаксических конструкций это повторение прочно входит в литературный ингушский язык.

Приведем примеры, которые покажут, как передается в ингушском языке значение русских относительных союзов *где, куда, откуда*:

Со вахача, йЙайха я.

Там, где я нахожусь || живу, тепло.

Со водача, дукха балхаи да.

Там, куда я иду, много работы.

Со воагIача, дукха балхаи да.

Там, откуда я иду, много работы.

Цига, со вахача, йЙайха я.

Там, где я нахожусь || живу, тепло.

Цига, со водача, дукха балхаи да.

Там, куда я иду, много работы.

Цига, со хъавоагIача, дукха балхаи да.

Там, откуда я иду, много работы.

Из примеров ясно видно, что изменение русских относительных союзов (наречий) *где, куда, откуда* не вызывает в ингушском языке изменения окончания причастий и, следовательно

но, не зависит от него. Передача относительных значений вызвана здесь сменой глаголов с различным значением – глаголов, от которых образовано причастие. Глагол *ва́ха* ‘живи’ выражает пребывание, нахождение в одном месте. Следовательно, причастие от него передает значение русского относительного союза *где*. Глагол *гIуо* ‘иди (туда), пойдй’, от которого образовано причастие настоящего времени *воадача*, всегда обозначает направление движения от говорящего и потому передает значение русского относительного союза *куда*. Наконец, глагол *вуола* ‘иди (сюда), приходи’ показывает обратное направление движения – в сторону говорящего и потому в данном предложении точно передает значение русского относительного союза *откуда*. Приведем еще примеры ингушских предложений обстоятельства места:

Хьо хъеж, из латтачахъа.

Ты смотришь (по направлению) туда, где он стоит.

Хий доагIа, из лоам болчахъара.

Река течет (по направлению) оттуда, где эта гора.

Цига, бIаьсти вай болх баьча, лаьтта дика да.

Там, где мы весной работали, земля хорошая.

Со хъеж цига, хьо лаьттача.

Я смотрю туда, где ты стоял.

Со хиннача, балхаи дукха дар.

Там, где я был, было много работы.

Со латтача, малх бIайха хъеж.

Там, где я стою, солнце печет.

Бувально: Туда, где я стою, солнце жарко смотрит.

Со веначара, атта дар балхаи.

Там, откуда я пришел, работа легкая.

Со ваха́чахъа, дукха дар балхаи.

В той стороне, куда я съездил, было много работы.

В той местности, куда я съездил, было много работы.

Со веначахъара, атта дар балхаи.

В той стороне, откуда я приехал, работа была легкая.

Со хиннача гIолла, балхаи дукха дар.

В той округе, где я был, было много работы.

Буквально: Там насквозь, куда я съездил, было много работы.

Со хинначахъа гЮлла, балхаи атта дар.

В той округе, вдоль которой я был, работа была легкая.

В той округе, где я был, работа была легкая.

Буквально: По направлению туда насквозь, где я был, работа была легкая.

Цига, со хиннача, балхаи дукха дар.

Там, где я был, было много работы.

Цига, со латтача, малх кхийтар.

Туда, где я стою, заглянуло солнце || попали солнечные лучи.

Там, где я стою, появилось солнце.

Цигара, со веначара, хъо а хъавенав.

Оттуда, откуда я прибыл, приехал и ты.

Цигахъа, со вахачахъа, атта дар балхаи.

В том направлении, куда я съездил, работа была легкая.

Цигахъара, со веначахъара, хъо а хъавоагIа.

С того направления, откуда я прибыл, едешь и ты.

С той стороны, откуда я прибыл, едешь и ты.

Придаточные определительные при обстоятельстве места.
Эти предложения имеют точно такую же форму, что и придаточные определительные при склоняемых членах предложения (см. стр. 305):

Со хиннача метте балхаи дукха дар.

В том месте, где я был, было много работы.

Со латтача метте малх кхийтар.

В том месте, где я стою, появилось солнце || припекло солнце.

Буквально: В том месте, где я стою, ударило солнце.

Со венача меттера балхаи атта дар.

В том месте, откуда я приехал, работа была легкая.

Со венача оагIорахъа балхаи атта дар.

В той стороне, откуда я прибыл, работа была легкая.

Буквально: В направлении того места, откуда я прибыл, работа была легкая.

Со венача оагIорахъа ра балхаи атта дар.

В той стороне, откуда я прибыл, работа была легкая.

Буквально: По направлению от того места, откуда я прибыл, работа была легкая.

Придаточные обстоятельства места с обобщенным значением.
Эти придаточные предложения легко образуются от соответственных придаточных обстоятельства места путем добавления слова *миччахъа а* 'всюду, везде' в различных его местных формах в состав главного или придаточного предложения, а также иногда путем добавления слова *мел* 'столько, столь' в состав придаточного предложения:

Со хиннача, миччахъа а, балхаиш дукха дар.

Там, где я был, везде было много работы.

Миччахъа а, со лаьттáча, малх кхийтар.

Там, где я стоял, повсюду появилось солнце.

Буквально: Туда, где я стоял, повсюду ударило солнце.

Миччахъара а, со веначара, нах хъабаьхкар.

Оттуда, откуда я приехал, отовсюду сюда ехали люди.

Миччахъа а, со мел вахачахъа, балхаиш атта дар.

В том направлении, куда я съездил, повсюду была легкая работа.

Со веначахъара миччахъара а, балхаиш атта дар.

В той стороне, откуда я приехал, повсюду была легкая работа.

Буквально: По направлению оттуда, откуда я приехал, повсюду была легкая работа.

Миччахъа а, со хиннача, балхаиш дукха дар.

Повсюду, где я был, было много работы.

Вторая форма придаточных предложений обстоятельства места с обобщенным значением образуется тем же способом, что и при придаточных причастных предложениях – субъектных, объектных, предикатных и дополнительных. В состав придаточного предложения добавляется слово *миччахъа* 'везде, всюду, повсюду', а сказуемое принимает формы, свойственные условным придаточным предложениям при реальном условии:

Со миччахъа хиннавале а, цига балхаиш атта дар.

Всюду, где бы я ни был, там работа была легкая.

Со миччахъа лаьттавалe а, цига малх кхийтар.

Всюду, где бы я ни стоял, (там) появлялось солнце.

Буквально: Если я где стоял, туда ударило солнце.

Со миччахъара венавале а, цигара балхаи атта дар.

Откуда бы я ни приезжал, (там) всюду работа была легкая.

Со миччахъара венавале а, цигара нах хъабаъхкар.

Отовсюду, откуда бы я ни приезжал, (оттуда) прибывали сюда люди.

Со миччахъа вахавале а, цигахъа балхаи атта дар.

Повсюду в той стороне, куда я съездил, (в том направлении) работа была легкая.

Ше миччахъа ваха вале а, толам боаккхаргхилерах тешам бахъар цо иийца.

Всюду, куда он приходил, он приносил с собой уверенность в победе.

Всюду, куда бы он ни приходил, он приносил с собой веру в то, что будет достигнута победа.

Ше миччахъа вахавале а || вахча а, ше тергхиларах || толаргхиларах тешар из.

Всюду, куда он приходил, он верил в победу.

Всюду, куда бы он ни приходил, он верил в то, что будет победа.

Со миччахъара венавале а, цигара балхаи атта дар.

В той стороне (в том направлении), откуда я приехал, повсюду была легкая работа.

Буквально: Если я откуда и приезжал, из того направления была легкая работа.

Придаточные обстоятельства времени. Придаточные обстоятельства времени представляют собой в ингушском языке большое многообразие форм. Поэтому в целях облегчения классификации эти придаточные предложения удобнее распределить на три группы в соответствии с их значением. В основу этой классификации мы кладем временное отношение между действием, выражаемым главным предложением, и действием, которое выражается придаточным предложением. Если действие придаточного предложения предшествует действию главного предложения, т. е. совершается перед действием главного предложения, то мы относим эти формы придаточных предложений в раздел предшествования во времени. Если действие главного и придаточного предложения совершается одновременно, то мы относим такие придаточные предложения в раздел, выражающий одновременность. Если действие придаточ-

ного предложения следует за действием главного предложения, т. е. действие придаточного предложения совершается после действия главного предложения, то мы относим эти придаточные предложения в раздел последовательности во времени. Таким образом, придаточные предложения обстоятельства времени мы делим на: придаточные предложения, выражающие предшествование во времени, придаточные предложения, выражающие одновременность, и придаточные предложения, выражающие последовательность во времени. Итак, наша классификация исходит из временного соотношения действия придаточного и действия главного предложения.

Придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие предшествование во времени. Предшествование во времени проще всего выражается в ингушском языке спрягаемой формой глагола с суффиксом *-е* или *-ийя* и союзом *а* перед ней:

Оаха, болх а бийя, салоI.

Поработав, мы отдыхаем.

Мы работаем и потом отдыхаем.

Употребление этой формы предшествования во времени весьма ограничено. Она употребляется только при настоящем и прошедшем несовершенном времени в главном предложении. Эта форма предшествования во времени исторически происходит из простого сочинения двух главных предложений с помощью союза *а* или союзного суффикса *-и* (см. стр. 272). В настоящее же время она стала формой подчинения придаточного предложения главному, а союзный суффикс или союз перестал сознаться здесь в союзном значении, слился с предшествующим словом и получил значение временного окончания придаточной формы.

1. Настоящее время с суффиксом *-ийя* или *-е* и союзом *а* перед ним.

Колхозхоша хьакха а хьекхе, цIа дахь ялаташ.

Скосив, колхозники свозят домой хлеба.

Убрав, колхозники свозят домой урожай.

Оаш хьакха а хьекхе, оаха цIа дахь ялаташ.

После того, как вы косите, мы возим хлеб домой.

Колхозхоша хьакха а хьекхе, цIадахьара ялаташ.

Скосив, колхозники возили домой хлеб.

Убрав, колхозники возили домой урожай.

Оаш хьыэкха а хьийкхе, оаха цIа кхухъара ялаташ.

После того как вы косили, мы возили домой хлеб.

Из этих примеров видно, что форма с суффиксами *-е* или *-ийя* и союзом *а* перед нею употребляется только при настоящем или прошедшем несовершенном времени в главном предложении. Она имеет значение действия несовершенного вида и употребляется с теми временами главного предложения, которые в ингушском языке имеют это видовое значение.

2. Причастие прошедшего совершенного времени с союзом *а* перед ним.

Колхозхоша хьакха а хьекхá, дера ялаташ цIа.

Скосив, колхозники свезли домой урожай.

Оаш хьакха а хьекхá, оаха цIа дера ялаташ.

После того как вы скосили, мы свезли домой хлеб.

Колхозхоша хьакха а хьекхá, цIа дахьаргда ялаташ.

Скосив, колхозники свезут домой урожай.

Оаш хьакха а хьекхá, оаха цIа дахьаргда ялаташ.

После того как вы скосите, мы свезем домой хлеб.

Из примеров видно, что вторая обычная форма выражения предшествования во времени – это причастие прошедшего совершенного времени, употребляемое здесь в его несамостоятельной форме в значении деепричастия. Так же, как и в русском языке, причастие прошедшего времени в значении деепричастия совершенного вида, выражает здесь действие, предшествующее действию главного предложения, и употребляется при всех временах, кроме настоящего и прошедшего несовершенного, в главном предложении. Перед придаточной формой в этих случаях может употребляться союз *а* 'и'.

Третья форма, выражающая предшествование во времени, – это деепричастие прошедшего совершенного времени. Как и в русском языке, деепричастие прошедшего времени имеет значение совершенного вида и выражает действие, предшествующее действию главного предложения. В русском языке для перевода этой формы можно употреблять деепричастие совершенного вида. Форма же ингушского деепричастия настоящего времени, как русская форма деепричастия несовершенного вида, выражает одновременность с действием главного предложения (см. ни-

же, стр. 410). Приведем примеры на употребление ингушского деепричастия прошедшего совершенного времени.

3. Деепричастие прошедшего совершенного времени.

а. С суффиксами *-ча*, *-чахъа*.

Оаха, болх бича, салоI.

Поработав, мы отдыхаем.

Оаха, болх бича, салеIар.

Поработав, мы отдохнули.

Оаха, болх бича, салоIаргда.

Поработав, мы отдохнем || будем отдыхать.

Из примеров видно, что деепричастие прошедшего совершенного времени не изменяется по временам и не зависит от изменения времен в главном предложении в том случае, если оно выражает предшествование во времени.

Ингушское деепричастие прошедшего совершенного времени имеет три формы с суффиксами, напоминающими собой местные суффиксы: *бича*, *бичахъа*, *бичахъане*; вместо последней употребляется также *бича гIоне*. Смысловая разница между первыми двумя формами неясна. Первая форма напоминает собой местную форму движения и пребывания, вторая форма — местную форму направления. Между этими двумя формами нет никакой разницы в употреблении:

Оаха, болх бичахъа, салоI.

Поработав, мы отдыхаем.

Оаха, болх бичахъа, салеIар.

Поработав, мы отдохнули.

Оаха, болх бичахъа, салоIаргда.

Поработав, мы отдохнем || будем отдыхать.

Что касается третьей формы, то она употребляется обычно лишь при будущем времени в главном предложении или реже — при настоящем или прошедшем несовершенном времени в его составе. Все эти три формы связаны друг с другом единством образования: они образуются от формы одного и того же прошедшего совершенного времени.

б. Деепричастие прошедшего совершенного времени с суффиксом *-чахъане* или с суффиксом *-ча* и добавлением слова *гIоне*.

Оаха, болх бича гIоне || бичахъане, салоIаргда.
Поработав, мы будем отдыхать || отдохнем.

Оаха, болх бича гIоне || бичахъане, салоI.
Поработав, мы отдыхаем.

Оаха, болх бича гIоне || бичахъане, салоIар.
Работая, мы отдыхали.

Деепричастная форма с суффиксом *-чахъане* или с суффиксом *-ча* и добавлением слова *гIоне* приобретает и другой временной оттенок, который виден из следующих примеров:

Со городе вахча гIоне || вахчахъане, ух со театре.
С тех пор, как я переехал в город, я хожу в театр.

Ше тоавелча гIоне || тоавелчахъане, бу цо болх.
С тех пор, как он выздоровел, он работает.

Со деша волавелча гIоне || волавелчахъане, урокаш яхийтац аз.
С тех пор, как я начал учиться, я не пропускаю уроков.

Ингушское деепричастие прошедшего совершенного времени, в отличие от русского деепричастия, может употребляться и при разных подлежащих в придаточном и главном предложении. Это касается всех трех перечисленных нами разновидностей деепричастных форм предшествования во времени:

Хьо школе вахча, со цIагIа Ia.
После того, как ты пошел в школу, я сижу дома.
После того, как ты пойдешь в школу, я буду сидеть (симу) дома.

Хьо школе вахча, со цIагIа Iергва.
После того, как ты пойдешь в школу, я буду сидеть дома.

Хьо школе вахча, со цIагIа Iара.
После того, как ты пошел в школу, я сидел дома.
После того, как ты уходил в школу, я сидел дома.

Хьо школе вахча, со цIагIа Iийр.
После того, как ты пошел в школу, я посидел дома.

Хьо школе вахчахъане, со цIагIа Iергва.
После того, как ты пойдешь в школу, я буду сидеть || посижу дома.

Четвертой формой выражения предшествования во времени в ингушском языке служит сравнительный падеж самостоятель-

ного причастия прошедшего совершенного времени с присоединением к нему послелога *mlexʔagIa*, что в совокупности соответствует русскому “после того, как; вслед за тем, как”.

4. Сравнительный падеж самостоятельного причастия прошедшего совершенного времени с послелогом *mlexʔagIa*:

Колхозхоша хьекхачул mlexʔagIa, цIадахьара ялаташ.

После того, как колхозники косили, они свозили домой урожай.

Оаш хьекхачул mlexʔagIa, оаха цIа дера ялаташ.

После того, как вы скосили, мы свезли домой урожай.

Колхозхоша хьекхачул mlexʔagIa, (цар) цIа дера ялаташ.

После того, как колхозники скосили, (они) привезли домой урожай.

Оаш хьекхачул mlexʔagIa, оаха дIа дахьаргда ялаташ.

После того, как вы скосите, мы свезем домой урожай.

Колхозхоша хьекхачул mlexʔagIa, (царц) цIа дахьаргда ялаташ.

После того, как колхозники скосили, (они) свезут домой урожай.

Оаха болх баьчул mlexʔagIa, салоI.

После того, как мы поработали, мы отдыхаем.

Оаха болх баьчул mlexʔagIa, салеIар.

После того, как мы поработали, мы отдохнули.

Оаха, болх баьчул mlexʔagIa, салоIаргда.

После того, как мы поработаем, мы отдохнем.

Хьо школе вахачул mlexʔagIa, со цIагIа Ia.

После того, как ты пошел в школу, я сижу дома.

После того, как ты пойдешь в школу, я буду сидеть дома.

Хьо школе вахачул mlexʔagIa, со цIагIа Iара.

После того, как ты уходил в школу, я сидел дома.

Хьо школе вахачул mlexʔagIa, со цIагIа Iийнавар.

После того, как ты пошел в школу, я сидел || остался дома.

Хьо школе вахачул mlexʔagIa, со цIагIа Iергва.

После того, как ты пошел в школу, я буду сидеть дома.

Кроме упомянутых здесь форм, в ингушском языке существует еще несколько способов для выражения мгновенной

смены действий, что передается по-русски с помощью слов *как только...*; *как только...*, *так сейчас же...* Эти формы в ингушском языке исторически происходят от форм придаточных форм обстоятельств образа действия, на что указывает употребление в них союза *ма* ‘как’ в значении “как только” (см. стр. 433). В русском разговорном и народном языке мы имеем аналогичное употребление союза *как* во временном значении: *Как только пришел, разделся; Как пришел, разделся.*

5. Придаточная форма с удвоением согласного и с суффиксом *-из* или *-гийз* и союзом *ма* перед ней.

Айса болх ма бинне а || ма бинге а салоI аз.

Я, как только поработал, (сейчас же) отдыхаю.

Ше говра тIара Io ма vessa а || ма vessange а, говра кулг хьек-хар баьречо.

Как только он (сам) слез с лошади, всадник погладил рукой лошадь.

Как только всадник слез с лошади, он погладил рукой лошадь.

Ше машина тIа ма хайяа || хайнге а, машина йолаямийтар шофери.

Как только он (сам) сел в машину, шофер двинул машину.

Как только шофер сел в машину, он двинул ее вперед.

Со иийна гуча ма ваьлла || ма ваьлланге а, вайзар цунна со.

Как только я ему показался, (сейчас же) он меня узнал.

Приведенная в этих примерах придаточная форма исторически представляет собой форму прошедшего недавнего времени – форму, которая не сохранилась в спряжении глагола в современном ингушском языке, но существует в чеченском: ср. *бин* ‘(только что) сделал, (сейчас только) сделал’. Эта форма недавно прошедшего времени употребляется, как и в придаточном обстоятельстве образа действия, с удвоением согласного, с суффиксом *-из* (*-ийя*, *-йя*) или *-ге* и союзом *ма* перед нею.

Следующая приводимая ниже форма, по-видимому, представляет собой ту же форму недавно прошедшего совершенного времени с местным суффиксом *-гехь* и удвоением согласного. Удвоение согласного в обеих данных формах служит для усиления оттенка мгновенного предшествования действия, в то время как в придаточных предложениях обстоятельства образа дей-

ствия (см. ниже, стр. 433) такое же удвоение согласных употребляется для выражения оттенка точного сходства каких-либо двух явлений. Приведем примеры на эту вторую форму мгновенного предшествования действия:

6. Придаточная форма с удвоением согласного, суффиксом *-гехь* и союзом *ма* перед нею.

Айса болх ма бингехь, салоI аз.

Я, как только поработал, сейчас же отдыхаю.

Как только я поработал, я сейчас же отдыхаю.

Из цIа ма кхаьччангехь, из волча вахар со.

Как только он прибыл домой, я пошел к нему.

Как только он прибыл домой, я пошел туда, где он находится.

Ше чу ма ваьллингехь, салам делар цо.

Он, как только вошел, поздоровался с нами.

Хьехархо чу ма ваьллангехь, хьалгIайттар дешархой.

Как только учитель вошел, ученики встали.

Дешархоша, шоаи хьал ма гIайттангехь, юьхь а, кулг а дул шоай.

Учащиеся, как только встали, моют свои и лицо, и руки.

Как только учащиеся встают, они моют и лицо, и руки.

Ше хи чу ма ийккхангехь, нек диэ воливелар из.

Как только он влез в воду, сейчас же начал плыть.

Как только он влез в воду, сейчас же поплыл.

Кроме того, в народной речи употребляется и настоящая форма придаточных обстоятельства образа действия (см. ниже, стр. 433) в значении мгновенного предшествования во времени, например:

7. Придаточная форма обстоятельства образа действия в значении времени.

Айса болх ма барра, салоI аз.

Буквально: Сколько я работаю, столько я и отдыхаю.

Как поработаю, я отдыхаю.

Как я работаю, так и отдыхаю.

Аз укх сахьате ду из, Iа ма аллара.

Я делаю это сейчас же, как ты сказал.

Я делаю это тотчас же, как ты сказал.

Эта ингушская народная форма придаточных предложений обстоятельства времени совпадает с употреблением союза *как* в русском языке в таком же значении (т. е. *как* вместо *когда*).

Для выражения мгновенного предшествования во времени в ингушском языке употребляется также форма деепричастия настоящего времени с удвоением согласного и местным суффиксом *-ехь*. Эта же форма имеет и другое значение – одновременности. Различие смысла мгновенного предшествования во времени и одновременности зависит от контекста, т. е. от связи слов в предложении. Приведем примеры:

8. Деепричастие настоящего времени с удвоением согласного и суффиксом *-ехь*.

Из цIа кхоаччашехь, со вахар из волча.

Как только он прибыл домой, я пошел к нему (буквально: я пошел туда, где он есть).

Ше чувоаллешехь, салам делар цо тхого.

Он, как только вошел, поздоровался с нами.

Хьехархо чувоаллашехь, хьалгIайттар дешархой.

Как только учитель вошел, ученики встали.

Дешархоша, шоаши хьалгIовтташехь, юьхь а, кулг а дул шоай.

Как только учащиеся встают, они моют и лицо, и руки.

Ше хи чу эkkхашехь, нек де волавелар из.

Как только он влез в воду, сейчас же поплыл || начал плыть.

Колхозхоша, шоаши ялаташ хьоккхашехь, кхоачашъю пачча-хьалкхенна ялаташ дIадалара план.

Колхозники, как только убрали свой урожай, выполняют план хлебосдачи государству.

Кхий чура арайоаккхашехь, кулг хьокх цо ший говра.

Он гладит рукой свою лошадь, как только выводит из конюшни.

Со хIама йша воаллашехь, цергаши цIенью аз.

Как только я что-либо поем, я чищу зубы.

Как только я окончу есть, я чищу зубы.

Ше язде волалушшехь, гIаьле оз цо.

Как только он начинает писать, он курит папиросу.

В приведенных примерах следует отличать форму *воаллашихь* как деепричастие от глагола *вала* 'кончай' и форму *вуолалушихь* как деепричастие от глагола производно-непереходного залога *вуолале* 'начинай, будь в состоянии начать', так как обе эти формы могут смешаться в произношении.

Последний из приведенных нами примеров показывает, как данная деепричастная форма может изменить значение предшествования во времени в значение одновременности.

Тхоаш вІашагІ къастташихь, моаршал лу оаха вІаши.

Как только мы расстаемся, мы прощаемся.

В тот момент, когда мы расстаемся, мы прощаемся.

В этом примере мы наблюдаем ту же форму уже в чистейшем значении одновременности (см. ниже, стр. 413). Следует отметить, что эта же придаточная форма – деепричастие настоящего времени с удвоением согласного и местным суффиксом *-ехь* – употребляется и в значении уступительной придаточной формы (см. стр. 457). Это употребление отличается от временного тем, что при нем одно из двух предложений (главное или придаточное) обычно имеет отрицательную форму, сравни:

Тхоаш вІашагІкъастташихь, моаршал ца даланнар оаха.

Хотя мы расстались, мы не попрощались.

Несмотря на то, что мы расстались, мы не попрощались.

Придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие одновременность. Мы имеем здесь в виду такие придаточные предложения обстоятельства времени, действие которых происходит одновременно с действием главного предложения. Самая простая и обычная форма для выражения одновременности в ингушском языке, как и в русском, – это деепричастие настоящего времени. Такое деепричастие соответствует по своему значению русскому деепричастию несовершенного вида и может употребляться, как и в русском языке, при любом времени в главном предложении:

1. Деепричастие настоящего времени.

Яздеш гІаьле увз цо.

Когда он пишет, он курит папиросу.

Яздеш гІаьле эзар цо.

Когда он писал, он закурил папиросу.

Писавши, он закурил папиросу.

Яздеи главле озаргья цо.

Когда он будет писать, он закурит || будет курить папиросу.

В отличие от русского языка, данное деепричастие, как и деепричастие прошедшего совершенного времени (см. выше, стр. 405), употребляется не только в случае одинаковых, но и в случае различных подлежащих в обоих предложениях:

Болх беи, или оал цар.

Работая, они поют.

Когда они работают, они поют.

Оаха болх беи, или оал цар.

Когда мы работаем, они поют.

Оаха болх беи, или аьлар цар.

Когда мы работали, они пели.

Оаха болх беи, или оалар цар.

Когда мы работали, они пели.

Оаха болх беи, или аргда цар.

Когда мы будем работать, они будут петь || споют песню.

Приведем еще примеры на употребление деепричастия для выражения значения одновременности:

Деша водаи, сакьердалу са.

Когда я иду учиться, мне бывает весело.

Тхо цла доаглаи, догла доаглар.

Когда мы ехали домой, шел дождь.

Уж дла болхаи, со а вахар царца.

Когда они выезжали, и я поехал с ними.

Школера се юхавераи, газета дахъ аз.

Когда я возвращаюсь из школы, я приношу газету.

Со балха водаи, сайна эшар хъу аз.

Когда я иду на работу, я беру (с собой) все, что мне нужно.

Идя на работу, я беру (с собой) все, что мне нужно.

Цуола дийглар, аз газета дешаи.

Он слушал, когда я читал газету.

Шоана клордадаь хургдар, из дукха лувш.

Вам может быть надоело || было неприятно, что (буквально: когда) он много говорил.

Цо болх беш, оаха салоI.

Когда он работает, мы отдыхаем.

Деепричастие настоящего времени в той же форме употребляется также для выражения придаточного предложения обстоятельства образа действия (см. ниже, стр. 432), которое в русском языке после глаголов со значением “чувствовать, сознавать, говорить” приобретает одновременно смысл объектного придаточного предложения:

Хьона хеза хургда, цо пандарца или оалаш.

Буквально: Может быть ты слышал, когда он пел песню под гармошку.

Может быть ты слышал, как он пел песню под гармошку.

Такое же деепричастие для выражения одновременности может употребляться и с удвоением согласного. Это удвоение подчеркивает точное совпадение момента обоих действий и соответствует русскому придаточному предложению обстоятельства времени со словами *в тот самый момент, когда*:

2. Деепричастие настоящего времени с удвоением согласного.

Из городе воддаш, цIа кхаьчар со.

В тот самый момент, когда он уезжал в город, я подошел к дому.

Из цIагIара аравоаллаш, цунна духьал кхийтар со.

В тот самый момент, когда он выходил из дому, я встретил его.

Сахуллаш, догIа доладелар.

В тот самый момент, когда рассветало, пошел дождь.

Укхаза дийнахь иийтта сахьт доаллаш, Америке бийсанна иийтта сахьат доал.

В тот самый момент, когда у нас 12 часов дня, в Америке 12 часов ночи.

Школяра из аравоаллаш, цунна духьалкхет со.

В тот самый момент, когда он выходит из школы, я встречаю его.

Школера из аравоаллаш, цунна духьалкхийтар со.

В тот самый момент, когда он выходил из школы, я встретил его.

Школера из аравоаллаш, цунна духьалкхетар со.

В тот самый момент, когда он выходил из школы, я встречал его.

Школера из аравоаллаш, цунна духьал кхетаргва со.

В тот самый момент, когда он будет выходить из школы, я встречу его.

В том же самом значении употребляется другая удвоительная форма деепричастия настоящего времени с местным суффиксом -ехъ:

3. Деепричастие настоящего времени с удвоением согласного и суффиксом -ехъ.

Из города воддашихъ, цIа кхаьчар со.

В тот самый момент, когда он уезжал в город, я пришел домой.

Из цIагIара аравоаллашихъ, цунна духьал кхийтар со.

В тот самый момент, когда я выходил из дому, я встретил его.

Сахуллашихъ, догIа доладелар.

В тот самый момент, когда рассветало, пошел дождь.

Укхаза дийнахъ иийтта сахьат доаллашихъ, Америке бийсанна иийтта сахьат доал.

В тот самый момент, когда у нас 12 часов дня, в Америке 12 часов ночи.

Школера из аравоаллашихъ, цунна духьалкхет со.

В тот самый момент, когда он выходит из школы, я встречаю его.

Школера из аравоаллашихъ, цунна духьалкхийтар со.

В тот самый момент, когда он выходил из школы, я встретил его.

Школера из аравоаллашихъ, цунна духьалкхетар со.

В тот самый момент, когда он выходил из школы, я встречал его.

Школера из аравоаллашихъ, цунна духьалкхетаргва со.

В тот самый момент, когда он будет выходить из школы, я встречу его.

Причастие прошедшего совершенного времени в несамостоятельной форме косвенного падежа при слове *гIолла* (буквально: “по, кругом, через”) употребляется в значении “в тот момент, тогда”:

4. Причастие прошедшего совершенного времени со словом *гЮлла*.

Оаха тхоай гЮлакх доладаьча гЮлла, хьо юрта вахар.

Ты поехал в аул в тот момент, когда мы начали свое дело.

Сои изи хІама даа Іоахайишача гЮлла, чувера цхьа новкъост.

В тот момент, когда я и он сели покушать, пришел один товарищ.

Со балхара цІа кхаьчъа гЮлла, хьаьиий а баьхк а, царца кино вахар со.

В тот момент, когда я пришел домой с работы, пришли гости и я пошел с ними в кино.

Из школера цІа венача гЮлла, цунга каьгІат дера.

В тот момент, когда он пришел домой из школы, ему принесли письмо.

Особо следует отметить ингушскую форму мгновенной одновременности, которая передается с помощью слова *метте* (местный падеж от слова *мотт* 'место') буквально: "в месте", что в данном случае получает значение "в тот самый момент". Перед словом *метте* стоит в качестве определения к нему причастие соответствующего соответствующего глагола с удвоением согласного. Таким образом, по своему происхождению данный тип придаточного предложения представляет собой местную форму придаточного определительного предложения, которая развила значение временное. Слово *метте* здесь так же, как и рассматриваемые далее слова *хана* и *юкъя* (см. ниже) в современном языке получает значение служебного слова.

5. Причастие прошедшего совершенного времени со словом *метте* и удвоением согласного.

Оаха тхоай гЮлакх доладаьча метте, хьо юрта вахар.

В тот самый момент, когда мы начали свое дело, ты поехал в аул.

Сои изи хІама даа Іоахайишача метте, чувера цхьа новкъост.

В тот самый момент, когда я и он сели покушать, пришел один товарищ.

Со балхара цІа кхаьчъа метте, хьаьиий а баьхка, царца кино вахар со.

В тот момент, когда я пришел домой с работы, пришли гости и я пошел с ними в кино.

Из школера цла веннача метте, цунга каьглат дера.

В тот самый момент, когда он пришел домой из школы, ему принесли письмо.

Этот случай представляет собой интересное развитие понятия “место” в понятие “время”. Возможно, что это есть пережиток той отдаленной эпохи, когда слова-понятия “место” и “время” еще не были дифференцированы.

Весьма употребительны в ингушском языке описательные формы для выражения одновременности. Она образуется путем присоединения причастия настоящего времени в общей форме косвенных падежей (несамостоятельное склонение) к словам *хана* и *юкъя*. Оба эти слова представляют собой падежные формы от имен существительных *хан* ‘время’ и *юкъ* ‘середина’, которые служат определяемыми к предшествующему им причастию. В переводе на русский язык форма с добавлением слова *хана* обозначает “в то время, когда; в то время как”, а форма со словом *юкъя* – “в то время, как; в то время, когда; в течение, в продолжение того времени, как” (буквально: “в середине, среди”). Оба эти слова, по происхождению имена существительные, теряют в данном случае значение полнозначных слов и находятся на пути превращения их в служебные слова.

6. Причастие всех времен со словом *хана*.

Оаха болх бу, Ia салоIача хана.

В то время, как ты отдыхаешь, мы работаем.

В то время, когда ты отдыхаешь, мы работаем.

Хьуна гIанаи IажагIадала долалу, гуйра хулча хана.

В то время, когда наступает осень, листья в лесу начинают желтеть.

Тха школе хьалхарча смена болх дIабоалача хана, шолгIачу сменá болх болалу.

В то время, как в нашей школе кончается работа первой смены, начинает работать вторая смена.

Тхо цла доагIа, уж балха дIаболхача хана.

Мы приходим домой в то время, когда они уходят на работу.

Тхо цла даьхкар, уж балха бахача хана.

Мы пришли домой в то время, когда они ушли на работу.

Тхо цIа даьхкар, уж балха боьлхача хана.

Мы пришли домой в то время, когда они уходили на работу.

Тхо цIа доагIара, уж балха баханча хана.

Мы приходили домой в то время, когда они уходили на работу.

Та же форма может употребляться и с удвоением согласного в слове хана. В этом случае она получает оттенок точного совпадения во времени двух действий.

Оаха тхоай гIулакх доладаьча ханна, хьо юрта вахар.

В то самое время, когда мы начали свое дело, ты поехал в аул.

Сои изи хIама даа Iохайшача ханна, чувера цхьа новкъост.

В то самое время, когда я и он сели покушать, пришел один товарищ.

Со балхара цIа кхавчача ханна, хьаший а баьхка, царца кино вахар со.

В то время, когда я пришел домой с работы, пришли гости и я пошел с ними в кино.

Из школера цIа венача ханна, цунга каьгIат дера.

В то самое время, когда он пришел домой из школы, ему принесли письмо.

7. Причастие всех времен со словом юкъа.

Аз деш, бери наб еча юкъа.

Я читаю в то время, когда ребенок спит.

Я читаю во время сна ребенка.

Оаха болх бу, цар салоIача юкъа.

Мы работаем в то время, как они отдыхают.

Мы работаем в то время, когда они отдыхают.

Аз бер Iалаишу, нанас дешача юкъа.

Я ухаживаю за ребенком в то время, как мать учится.

Аз бер Iалаишора, нанас дешача юкъа.

Я ухаживал за ребенком в то время, как мать училась.

Аз бер Iалаидаьд, нанас дийшача юкъа.

Я ухаживал за ребенком в то время, как мать училась.

Буквально: Я поухаживал за ребенком в то время, как мать поучилась.

Аз бер Іалашдергда, нанас дешача юкъя.

Я буду ухаживать за ребенком в то время, как мать будет учиться.

Аз бер Іалашдергда, нанас дешаргдолча юкъя.

Я буду ухаживать за ребенком в то время, как мать будет учиться.

Русские придаточные предложения, выражающие одновременность с помощью союза *пока*, передаются в ингушском языке двумя формами – придаточным предложением в форме главного предложения со включением в его состав слова *мел* 'сколько, как много' перед сказуемым или такой же формой главного предложения со сказуемым в составной форме (обобщенный залог), между составными частями которого вставляется слово *мел*:

8. Форма главного предложения со словом *мел* перед сказуемым.

Аз бер Іалашду, нанас мел деш.

Я ухаживаю за ребенком, пока мать учится.

Оаха болх бу, цар са мел лоІ.

Мы работаем, пока они отдыхают.

Оаха болх бир, цар са мел лоІ.

Мы поработали, пока они отдохнули.

Оаха болх бора, цар са мел лоІ.

Мы работали, пока они отдыхали.

Оаха болх бергба, цар са мел лоІ.

Мы будем работать, пока они будут отдыхать || отдохнут.

9. Форма главного предложения со сказуемым в обобщенном залоге и со словом *мел* перед связкой.

Аз деш, бер наб еш мел да.

Я читаю, пока ребенок спит.

Я (обычно) читаю, пока ребенок спит.

Аз бер Іалашду, нана дешаш мел я.

Я (обычно) ухаживаю за ребенком, пока мать учится.

Оаха болх бу, уж салоІаш мел ба.

Мы (обычно) работаем, пока они отдыхают.

Оаха болх бира, уж салоІаи мел ба.
Мы поработали, пока они отдохнули.

Оаха болх бора, уж салоІаи мел ба.
Мы (обычно) работали, пока они отдыхали.

Оаха болх бергба, уж салоІаи мел ба.
Мы (обычно) будем работать, пока они будут отдыхать.

Придаточные предложения обстоятельства времени, выражающие последовательность во времени. Мы разумеем здесь такие придаточные предложения, действие которых следует за действием главного. Наиболее простая форма, выражающая в ингушском языке последовательность во времени, представляет собой предельную форму местного падежа (суффикс *-лца*), образованную, по-видимому, от инфинитива. Инфинитив в настоящее время в ингушском языке не склоняется. Однако в качестве следов его склонения сохраняется ряд форм, одна из которых и указана нами в данном случае (другие формы см. стр. 421). Сам инфинитив по своему окончанию представляет собой как бы форму родительного падежа. Можно предположить, что как инфинитив, так и указанные нами здесь формы представляют собой остатки древнего склонения глагольного корня, который и сейчас еще употребляется в ряде случаев в виде повторения перед глаголом (ср. формы с союзом *а*, с отрицанием *ма* и т. д.). Рассматриваемая нами здесь предельная форма глагола имеет, как обычно, удвоение согласного. По-русски она переводится словами “до того, как; перед тем, как”:

1. Предельная форма глагола с суффиксом *-лца*.

Со цІа ваххалца, яздыр аз.
До того, как я ушел домой, я писал.
До своего ухода домой я писал.

Сона математика хацар, айса из Іоамадалца.
Я не знал математики до тех пор, пока не выучил ее.

Из дийиша валлалца, городе ваьхар со.
Я жил в городе до того, как он окончил учение.
Я жил в городе до тех пор, пока он не кончил учения.

Цо болх болабалица, оаха салеІар.
До того, как он начал работать, мы отдохнули.

Бер самадаллалца, деш аз.

До того, как ребенок просыпается, я читаю.

Бер самадаллалца, дийшар аз.

До того, как ребенок проснулся, я почитал.

Бер самадаллалца, дешаргда аз.

До того, как ребенок проснется, я буду читать.

Чаще употребляется в ингушском языке форма последовательности во времени, состоящая из несамостоятельной формы причастия в общей форме косвенных падежей с добавлением к нему слов *ханага кхаччалца*, что буквально соответствует русскому *вплоть до того момента, как; вплоть до того времени, когда || как; до тех пор, пока (не)*.

2. Причастие всех времен со словом *ханага кхаччалца*.

Аз деш, бер сомадоалача ханага кхаччалца.

Вплоть до того времени, когда ребенок просыпается, я читаю.

До тех пор, пока ребенок не просыпается, я читаю.

Со цIа водача ханага кхаччалца, яздыр аз.

Вплоть до того времени, как я ушел домой, я писал.

Сона математика хацар, айса из Йоамадаьча ханага кхаччалца.

Я не знал математики вплоть до того времени, как выучил ее.

Я не знал математики до тех пор, пока не выучил ее.

Из дийша воалача ханага кхаччалца, городе ваьхар со.

Я жил в городе вплоть до того времени, как он окончил учение.

Я жил в городе до тех пор, пока он не окончил учения.

Цо болх болоча ханага кхаччалца, оаха салеIар.

Вплоть до того момента, как он начал работать, мы (отдохнули) отдыхали.

До тех пор, пока он не начал работать, мы (отдохнули) отдыхали.

Советски Iаьдал эттаIча ханага кхаччалца, хала даьхадар вай.

Вплоть до того момента, как установилась Советская власть, нам (всем) жилось тяжело.

Бер сомадоалача ханага кхаччалца, аз деш.

Вплоть до того момента, как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сомадоалача ханага кхаччалца, дийшар аз.

Вплоть до того момента, как ребенок проснулся, я почитал.

Бер сомадоалача ханага кхаччалца, дешара аз.

Вплоть до того времени, как ребенок просыпался, я читал.

Бер сомадоалача ханага кхаччалца, дешаргда аз.

Вплоть до того момента, как ребенок проснется, я буду читать.

Бер сомадоалача ханага кхаччалца, дийшар аз.

Вплоть до того момента, как ребенок проснулся, я почитал.

Сверх того, в ингушском языке имеются формы с добавлением слова *хьалха* в простой и усилительной форме *хьалхха*. Первая соответствует русскому *прежде, раньше*, вторая – (как раз) *прежде, (как раз) раньше того самого момента, когда*. Наречие *хьалха* употребляется здесь в качестве послелогоа при слове *ха* ‘время’, которое при этом принимает форму сравнительного падежа. *Ханал хьалха* буквально значит “прежде того времени, как; прежде, чем”, а *ханал хьалхха* – “до того самого момента, как; до того самого времени, как”:

3. Причастие при словах *ханал хьалхха* || *хьалха*.

Аз дийшар, бер самадоалача ханал хьалхха.

Прежде, чем ребенок проснулся, я почитал.

До того самого момента, как ребенок проснулся, я читал.

Со цIа водача ханал хьалхха, яздиr аз.

Прежде, чем я пошел домой, я написал.

Прежде, чем пойти домой, я написал.

Сона математика хацар, айса из Йоамадаьча ханал хьалха.

Я не знал математики, прежде чем не выучил ее.

Из дийша воалача ханал хьалхха, городе ваьхар со.

Я жил в городе, прежде чем он кончил учение.

Я жил в городе перед тем самым моментом, когда он окончил учение.

Цо болх болоча ханал хьалхха, оаха салеIар.

Прежде, чем он начал работать, мы отдохнули.

Бер сомадоалача ханал хьалхха, деш аз.

Прежде, чем ребенок проснулся, я читаю.

Прежде, чем ребенок проснется, я читаю.

Бер сомадоалача ханал хьалхха, дешар аз.

Прежде, чем ребенок просыпался, я читал.

Бер сомадоалача ханал хьалхха, дешаргда аз.
Прежде, чем ребенок проснется, я буду читать.

Бер сомадаьннача ханал хьалхха, дийшар аз.
Прежде, чем ребенок проснулся, я почитал.
Прежде, чем ребенок проснется, я читал.

Кроме данной описательной формы, существует еще простая форма – глагольная основа в сравнительном падеже с присоединением к нему окончания местного падежа *-из*, служащая для выражения того же значения. Эта форма употребляется как без удвоения согласного, так и с удвоением его. В последнем случае данная форма приобретает усилительное значение. Переводится эта форма в простом своем виде через русское *перед тем, как*, а в усилительной форме – через русское *(как раз) перед тем, как*.

Можно предполагать, что так же, как инфинитив, предельная форма глагольной основы (см. стр. 418) и сравнительная форма (см. стр. 421-423), данная форма представляет собой остаток древнего склонения глагольной основы:

4. Сравнительный падеж от глагольной основы с суффиксом *-е (-из)*.

Аз деш, бер сомадалале.
Перед тем, как ребенок просыпается, я читаю.
Перед тем, как ребенок проснется, я читаю.
Перед тем, как ребенку проснуться, я читаю.

Со цIа вахале, яздир аз.
Перед тем, как уйти домой, я писал.

Сона математика хацар, айса из Иоамадале.
Я не знал математики перед тем, как выучил ее.

Из дийша валале, городе ваьхар со.
Я жил в городе перед тем, как он окончил учение.

Цо болх болабале, оаха салеIар.
Перед тем, как он начал работать, мы отдохнули.

Советски Iабдал оттале, хала дехар вай.
Перед тем, как установилась Советская власть, нам (всем) жилось тяжело.

Бер сомадалале, дийшар аз.
Перед тем, как ребенок проснется, я почитал.
Перед тем, как ребенку проснуться, я почитал.

Бер сомадалале, дешар аз.

Перед тем, как ребенок просыпается, я читал.

Перед тем, как ребенок просыпался, я читал.

Бер сомадалале, дешаргда аз.

Перед тем, как ребенок проснется, я почитаю.

Перед тем, как ребенок будет просыпаться, я буду читать.

Та же форма употребляется с удвоением согласного в усиленном значении, что соответствует русскому *перед тем самым моментом, как*.

5. Сравнительный падеж от глагольной основы с суффиксом *-иэ* и удвоением согласного.

Бер сомадаллале, деш аз.

Перед тем самым моментом, как ребенку просыпаться, я читаю.

Перед тем самым моментом, как ребенку проснуться, я читаю.

Бер сомадаллале, дийшар аз.

Перед тем самым моментом, как ребенок проснулся, я почитал.

Перед тем самым моментом, как ребенку проснуться, я почитал.

Бер сомадаллале, дешар аз.

Перед тем самым моментом, как ребенок просыпался, я читал.

Бер сомадаллале, дешаргда аз.

Перед тем самым моментом, как ребенок проснется, я буду читать.

Перед тем самым моментом, как ребенку проснуться, я буду читать.

Та же форма без удвоения согласного употребляется и описательно – с добавлением слова *хьалха* в его простой и усиленной форме, что соответствует русскому *прежде, чем; раньше, чем*:

6. Сравнительный падеж от глагольной основы с суффиксом *-е* и послелогом *-хьалха* или *-хьалхха*:

Бер сомадалале хьалхха, аз дийшар.

Бер сомадаллале хьалха, дийшар аз.

Прежде, чем ребенок проснется, я почитал.

Прежде, чем ребенку проснуться, я почитал.

Буквально: Прежде || до того самого момента, как ребенок проснется, я почитал.

Со цIа вахале хьалхха, яздир аз.

Вплоть до того самого момента, как уйти домой, я писал.

Сона математика хацар, айса из Иоамадале хьалхха.

Сона математика хацар, айса из Иоамадалле хьалхха.

Я не знал математики прежде, чем не выучил ее.

Из дийша валале хьалхха, городе ваьхар со.

Прежде, чем он окончил учение, я жил в городе.

Прежде, чем ему окончить учение, я жил в городе.

Цо болх бале хьалхха, оаха салеIар.

Цо болх балле хьалхха, оаха салеIар.

Прежде, чем он начал работать, мы отдохнули.

Прежде, чем ему начать работу, мы отдохнули.

Бер сомадалале хьалхха, деш аз.

Бер сомадаллале хьалхха, деш аз.

Прежде, чем ребенок проснется, я читаю.

Прежде, чем ребенку проснуться, я читаю.

Бер сомадалале хьалхха, дешар аз.

Прежде, чем ребенок просыпался, я читал.

Бер сомадалале хьалхха, дешаргда аз.

Прежде, чем ребенок проснется, я почитаю || буду читать.

Прежде, чем ребенку проснуться, я почитаю || буду читать.

Придаточные обстоятельства времени с обобщенным значением. Придаточные обстоятельства времени с обобщенным значением могут быть образованы от всех вышеказанных типов временных придаточных предложений. Первая форма данных придаточных с обобщенным значением образуется путем простого добавления в их состав слова *массаза а* 'сколько раз' (суффикс *-за* обозначает здесь "раз"), которое образовано от вопросительного наречия *маса?* 'сколько?'. В данном случае это производное вопросительное наречие теряет свое вопросительное и приобретает относительное значение.

Вторая форма этих придаточных с обобщенным значением представляет уже знакомую нам условную форму придаточного сказуемого (ср. выше стр. 449):

Массаза а болх а бийя, салоI оаха.

Всякий раз, как мы поработаем, мы отдыхаем.

Массаза а болх а бийя || байя, салоI оаха.

Всякий раз, как мы поработаем, мы отдыхаем.

Массаза а тхо дийша даьлча, уж деша болалу.
Всякий раз, как мы закончили учебу, они начинают учиться.

Массаза а оахош болх бича, салоI оаха.
Всякий раз, как мы поработаем, мы отдыхаем.

Массаза а оахош болх бича гIоне, салоIаргда оаха.
Массаза а оахош болх бичахьане, салоIаргда оаха.
Всякий раз, как мы поработаем, мы будем отдыхать.

Массаза а оахош болх баьчул тIехьагIа, салоI оаха.
Всякий раз после того, как мы поработаем, мы отдыхаем.

Массаза а айса болх ма биннахь, салоI аз.
Всякий раз, как только я поработал, я отдыхаю.

Массаза а айса болх ма барра, салоI аз.
Всякий раз, (смотря по тому) сколько я работаю, я отдыхаю.

Последний пример имеет значение не только временного, но и количественного придаточного предложения:

Массаза а вахая гIой, хьож со.
Всякий раз, как я иду, я смотрю.

Массаза а из цIа ма ххаьччангехь, со водар, из волча.
Всякий раз, как он приходит домой, я ходил к нему.

Массаза а ше яздеи, гIаьле увз цо.
Всякий раз, как он пишет, он курит папиросу.

Массаза а шоаи болх беи, или оал цар.
Всякий раз, как они работают, они поют песню.

Массаза а из городе водаи, цIа кхоачар со.
Всякий раз, как он уезжал в город, я подходил к дому.

Массаза а из городе воддаи, цIа кхоачар со.
Всякий раз, как только он уезжал в город, я подходил к дому.

Оаха болх бу, массаза а цар салоIоча хана.
Мы работаем всякий раз в то время, когда они отдыхают.

Аз деи, массаза а бери наб мел ю.
Я читаю всякий раз, пока ребенок спит.

Аз деи, массаза а бери наб еи мел да.
Я (обычно) читаю всякий раз, пока ребенок спит.

Массаза а бери самадаллалца, деи аз.

Всякий раз до того, как ребенок проснется, я читаю.
Всякий раз до того, как ребенку проснуться, я читаю.

Массаза а бер сомадоалача ханага кхаччалца, деш аз.
Всякий раз вплоть до того момента, как ребенок проснется, я читаю.

Массаза а бер сомадоалача ханал хьалхха, деш аз.
Всякий раз перед тем (временем), как ребенку проснуться, я читаю.

Аз деш, массаза а бер сомадалале.
Я читаю всякий раз перед тем, как ребенок проснется.

Массаза а бер сомадалале, деш аз.
Всякий раз перед тем самым моментом, как ребенку проснуться, я читаю.

Массаза а бер сомадалале хьалхха, деш аз.
Всякий раз, прежде чем ребенок проснется, я читаю.

Массаза а бер сомадалале хьалха, деш аз.
Всякий раз, прежде чем ребенок проснется, я читаю.
Всякий раз, прежде чем ребенку проснуться, я читаю.

В следующих примерах слово *массаза* употребляется без добавления к нему слова *а*:

Аз деш, бери наб массаза ю.
Я читаю всякий раз, пока ребенок спит.

Бери наб массаза ю аз дийшар.
Всякий раз, как ребенок спал, я читал.

Бери наб массаза ю деш аз.
Всякий раз, как ребенок спит, я читаю.

ХIара оахош болх массаза бу а, оаха тIехкхоачаш йора нормаш.

Всякий раз, как мы работали, мы перевыполняли нормы.

ХIара оахош болх массаза бу а, оаха тIехкхоачашйир норма.
Всякий раз, как мы поработали, мы перевыполнили норму.

ХIара оахош болх массаза бу а, оаха тIехкхоачашью норма.
Всякий раз, как мы работаем, мы перевыполняем норму.

ХIара оахош болх массаза бу а, тIехкхоачашьергья оаха норма.

Всякий раз, как мы будем работать, мы будем перевыполнять норму.

В следующих примерах употребляется опять слово *массаза* с добавлением к нему союза *а*:

Массаза а бер сомадоалача ханал хьалхха, дешар аз.

Всякий раз перед тем (временем), как ребенок просыпался, я читал.

Аз деш, массаза а бер сомадоалача ханал хьалхха.

Я читал всякий раз перед тем (временем), как ребенок проснется.

Массаза а бер сомадалале, деш аз.

Всякий раз перед тем, как ребенок проснется, я читаю.

Массаза а бер сомадалале хьалхха, деш аз.

Всякий раз прежде, чем ребенок проснется, я читаю.

Вторая форма обобщенного придаточного предложения обстоятельства времени выражается, как и в случае других придаточных предложений с обобщенным значением, условной формой придаточного сказуемого; при этом в состав придаточного предложения добавляются слова *мичча хана*. Это сочетание слов включает в себя вопросительное наречие места *мичча?* ‘куда?’ в удвоительной форме и местный падеж в основной форме движения и пребывания с архаическим окончанием *-а* от слова *ха* ‘время’. Таким образом, *мичча хана* буквально значит “куда бы ни время” (еще один пример совмещения понятий “место” и “время”, ср. стр. 224). Следовательно, и здесь вопросительное наречие превращается в относительное союзное слово. Приводим примеры обобщенных придаточных предложений обстоятельства времени, имеющих условную форму:

Мичча хана оаха болх баь бале а, тлехкхоачаийир оаха норма.

Когда бы мы ни работали, мы перевыполняли норму.

Оахош болх мичча хана бойя я, салоI оаха.

Всякий раз, как мы работаем, мы отдыхаем.

Буквально: Если мы когда и работаем, мы отдыхаем.

Оахош болх мичча хана бойя а, салеIар оаха.

Всякий раз, как мы поработали, мы отдохнули.

Оахош болх мичча хана бича а, салоI оаха.

Всякий раз, как мы поработали, мы отдыхаем.

Оахош болх мичча хана бичахь а, салоI оаха.
Всякий раз, как мы поработали, мы отдыхаем.

Оахош болх мичча хана бича гIоне, салоI оаха.
Всякий раз, как мы поработали, мы отдыхаем.
Всякий раз, как мы поработаем, мы отдыхаем.

Оахош болх мичча хана баь бала а, цул тIехьагIа, салоI оаха.
Всякий раз, как мы поработали, (после этого) мы отдыхаем.
Всякий раз, как поработаем, (после этого) мы отдыхаем.

Оахош болх мичча хана бойя а, цул тIехьагIа салоI оаха.
Всякий раз, как мы работаем, (после этого) мы отдыхаем.

Оахош болх мичча хана бергбале а, цул тIехьагIа салоIаргда оаха.

Всякий раз, как мы будем работать, (после этого) мы будем отдыхать.

Айса болх мичча хана баьбале а, цул тIехьагIа салеIар аз.
Всякий раз, как я поработал, (после этого) я отдыхал.
Буквально: Всякий раз, как я поработал, после этого я отдохнул.

Из цIа мичча хана кхоаче а, из волча, вода со.
Всякий раз, как он приходит домой, я хожу к нему.

Из цIа мичча хана кхаьчавале а, из волча, ухар со.
Всякий раз, как он приходил домой, я приходил к нему.
Буквально: Всякий раз, как он пришел домой, я пришел туда, где он находится.

Из цIа мичча хана кхоачаргвале а, из волча, гIоргва со.
Всякий раз, как он придет домой, я буду приходить к нему.
Всякий раз, как он будет приходить домой, я буду приходить к нему.

Мичча хана ше яздойя а, цу хана гIаьле увз цо.
Всякий раз, как он пишет, (в то же самое время) он курит папиросу.

Мичча хана ше яздойя а, цу хана гIаьле увзар цо.
Всякий раз, как он писал, (в то же самое время) он курил папиросу.

Мичча хана ше яздайя а, цу ханна гIаьле увзаргья цо.

Всякий раз, как он будет писать, (в то же самое время) он будет курить папиросу.

Мичча хана шоаш болх бойя а, цу ханна или оал цар.

Всякий раз, как они работают, (в то же самое время) они поют песню.

Из горODE мичча хана воде а, цу ханна цла кхоачар со.

Всякий раз, как он отправлялся в город, (в то же самое время) я подходил к дому.

Цар са мичча хана доле а, цу хана оаха болх бу.

Всякий раз, как они отдыхают, (в то же самое время) мы работаем.

Беро наб мичча хана йойя а, цу ханна деш аз.

Всякий раз, как ребенок спит, (в то же самое время) я читаю.

Бер сома мичча хана доале а, цу ханналца деш аз.

Всякий раз, как ребенок просыпается, (до этого самого времени) я читаю.

Бер сомадоала ха мичча хана яле а, цу ханаги кхаччалца деш аз.

Всякий раз (в то время), когда просыпается ребенок, (вплоть до этого времени) я читаю.

Бер сома мичча хана доале а, цу ханал хьалхха деш аз.

Всякий раз (перед тем временем), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сома мичча хана доале а, из ха хилале деш аз.

Всякий раз (перед наступлением того времени), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сома мичча хана доале а, цу ханнале деш аз.

Всякий раз (перед тем временем), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сома мичча хана доале а, из ха хилале деш аз.

Всякий раз (перед наступлением этого самого времени), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сома мичча хана доале а, цу ханнале деш аз.

Всякий раз (перед тем самым временем), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сома мичча хана доале а, из ха хилале хьалхха, деш аз.

Всякий раз (прежде, чем наступит то время), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сома мичча хана доале а, цу ханал хьалхха деш аз.

Всякий раз (раньше того времени), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сома мичча хана доале а, из ха хиллале хьалха, деш аз.

Всякий раз (перед самым наступлением того времени), как ребенок просыпается, я читаю.

Бер сома мичча хана доале, цу ханал хьалхха деш аз.

Всякий раз (раньше того самого времени), как ребенок просыпается, я читаю.

Интересно, что в приводимых примерах окончание слова *ха* (*ханналца*, *ханала*) совпадает с окончаниями придаточных форм глагола, когда они выражены простыми формами – *сомадоалача ханага кхаччалца* (послелог *кхаччалца* сам по себе исторически является предельной формой от глагола *кхачча* ‘достигай’), *сомадалале* и т. д. Это лишний раз доказывает, что придаточная форма глагола по своим окончаниям одновременно является и тем же самым главным членом предложения, что и простой член предложения, который заменяется данной придаточной формой.

Окончание *-алца* представляет собой не что иное, как одну из производных форм местного падежа – форму предела, окончание же *-ле* (*-лиэ*) представляет собой окончание сравнительного падежа *-л* с присоединением к нему окончания основной формы местного падежа *-е*. Таким образом, мы имеем здесь как бы двойное склонение – местный падеж, образованный от сравнительного.

Придаточные определительные при обстоятельствах времени.
Придаточные предложения обстоятельства времени во многих случаях легко заменяются придаточными определительными при словах – обстоятельствах времени, входящих в состав главного предложения. Эта замена может иметь место во всех тех случаях, когда придаточная форма сказуемого представляет собой причастие. Причастие в этом случае принимает общую форму косвенного падежа (несамостоятельное склонение) перед определяемым, определяемое же слово принимает обычные падежные окончания местного падежа, которые свойственны обстоятельствам времени. В качестве слов-определяемых употреб-

ляются обычно слова, обозначающие время: *ха* 'время', *з́ама* 'время, период времени' и т. д. Приведем примеры придаточных определительных предложений при обстоятельствах времени:

Айса болх беча сахъаташка сакъердалу са.

В те часы, когда я работаю, я нахожусь в веселом настроении.

Буквально: В те часы, в которые я работаю, я нахожусь в веселом настроении.

Айса болх беча заман чухъ сакъердалу са.

В то время, когда я работаю, я нахожусь в веселом настроении.

Айса болх беча замалахъ сакъердаделар са.

В то время, когда я поработал, я был в веселом настроении.

В то время, в которое я работал, я был в веселом настроении.

Шоаш болх баъча сахъатал тlехъагlа, салел цар.

После того часа, как они поработали, они отдыхают.

Айса болх баъча замал тlехъагlа, салел аз.

Айса болх баъчча замал тlехъагlа, салел аз.

Как раз после того времени, как я кончу (кончил) работать, я отдыхаю.

Как раз после того времени, как я поработал, я отдыхаю.

Из цlа кхоачача сахъата со водар, из волча.

В тот час, когда он приходил домой, я приходил к нему.

Из цlа кхаъччача минута со водар, из волча.

В ту самую минуту, когда он приходил домой, я приходил к нему.

Ше язdechа замалахъ сакъердалу цун.

В то время, когда он пишет, у него веселое настроение.

Шоаш болх беча сахъаташка сакъердалу цар.

В то время, когда они работают, у них веселое настроение.

Из горoде водача минута цlа кхоачар со.

В ту минуту, когда он отправлялся в город, я подходил к дому.

Из горoде воддача минута цlа кхоачар со.

В ту самую минуту, когда он отправлялся в город, я подходил к дому.

Аз деш, бeрo наб eчa сахъата.

Я читаю в те часы, когда ребенок спит.

Аз деш, бер наб еш долча сахъата.

Я читаю в те часы, когда ребенок (обычно) спит.

Бер сомадаллалца йолча замалахъ деш аз.

До того времени, как ребенок просыпается, я читаю.

До того времени, как ребенок проснется, я читаю.

Аз деш, бер сомадоалача сахъатале.

Я читаю перед тем временем (часом), как ребенок просыпается.

Бер сомадалале хъалхха долча сахъата деш аз.

Буквально: Я читаю в то время (в тот час), которое раньше, чем просыпается ребенок.

Употребление запятой в придаточных предложениях обстоятельства времени. Придаточные предложения обстоятельства времени можно отделять запятой от главного во всех случаях. В особенности это необходимо в том случае, когда придаточное предложение стоит после главного, так как иначе мы можем смешать члены главного и придаточного предложений. В тех же случаях, когда придаточное предложение стоит впереди главного, последние его слова по своему окончанию обычно входят в состав главного предложения. Однако эти слова, как например *тлехъа, кхаччалца, хъалха*, настолько близки здесь по значению к служебным словам, что, по моему мнению, их можно отделять от главного запятой во всех случаях. На это указывает и интонационное деление сложноподчиненного предложения, которое относит это слово к составу придаточного предложения.

Что касается придаточных определительных предложений при обстоятельствах времени, то здесь запятую следует ставить лишь в том случае, когда придаточное предложение следует за главным, так как последним словом в придаточном предложении является обстоятельство времени, входящее в состав главного в качестве второстепенного его члена.

Придаточные предложения обстоятельства образа действия. Самой простой формой для выражения придаточного предложения обстоятельства образа действия служит деепричастие. Эта форма придаточных обстоятельства образа действия совпадает с деепричастной формой придаточных обстоятельства времени (см. стр. 412). Единственным отличием служит смысловой оттенок такого деепричастия и постановка вопроса *мишита?* 'как?, какой?' в случае придаточных обстоятельства образа действия. Придаточные же обстоятельства времени отвечают на

вопрос *маца?* 'когда?'. Однако и это отличие во многих случаях не дает нам возможности отделить придаточные предложения первого рода от вторых, так как бывают такие придаточные предложения, по отношению к которым можно с одинаковым правом задать и тот и другой вопрос, например:

Водаш гIаьле увз цо.

Идя, он курит.

Когда идет, он курит.

Следовательно, придаточные предложения обстоятельства образа действия в их деепричастной форме незаметно переходят в придаточные предложения обстоятельства времени и наоборот. Приведем примеры придаточных предложений обстоятельства образа действия в их деепричастной форме:

Новкѣа водаш, дукха дувц цо хабараи.

Идя по дороге, он рассказывает много (новостей).

Новкѣа водаш, дукха дувцар цо хабараи.

Идя по дороге, он рассказывал много (новостей).

Нах кхета а беи, ду цо кѣамаьл.

Он произносит речь, делая ее понятной людям.

Он произносит речь в понятной для людей форме.

Нах кхета а беи, дора цо кѣамаьл.

Он произносил речь, делая ее понятной людям.

Он произносил речь в понятной для людей форме.

ЧIоагIа а луви, дувц цо керда хабараи радио чугIолла.

Громко произнося, он рассказывает по радио последние известия.

ЧIоагIа а луви, дувцара цо радио чугIолла керда хабараи.

Громко произнося, он рассказывал по радио последние известия.

Ура латтаи, язду цо.

Он пишет стоя.

Юхайна ваIаи, яздир цо каьгIат.

Он пишет сидя.

Юхайна ваIаи, яздир цо каьгIат.

Сидя, он написал письмо.

Юхайна ваӀаш, яздора цо йоазув.

Сидя, он писал.

Из последних трех примеров видно, что при изменении по временам сказуемого главного предложения, деепричастие по временам не изменяется. Деепричастие, выражающее придаточную форму обстоятельства образа действия, всегда имеет форму настоящего времени. Этим деепричастная форма образа действия отличается от деепричастных форм обстоятельства времени, для выражения которых могут употребляться и другие временные формы деепричастия.

Следующая, наиболее употребительная форма ингушских придаточных предложений обстоятельства образа действия обычно представляет собой настоящее время спрягаемого глагола с удвоением согласного и добавлением к нему (перед ним) союза *ма* 'как'. Впрочем, эта придаточная форма может изменяться и по временам, например:

Цо ма деишиа, аз а деш газета.

Как он читает, так и я читаю газету.

Я читаю газету так же (быстро), как и он.

Іа ма яхха, ду аз из гІулакх.

Я делаю это так, как ты говоришь.

Іа ма дувца, хоза дар из кино-картина.

Как ты рассказываешь, так и была хороша (красива) эта кинокартина.

Эта кинокартина была так хороша, как ты рассказываешь.

Іа ма оалла, яздир аз.

Я написал так, как ты сказал.

Я написал так же (быстро), как ты говорил.

Іа ма оалла, яздергда аз.

Я напишу так, как ты скажешь.

Я напишу так же (быстро), как ты будешь говорить.

Іа ма аллара, язду аз.

Я пишу так, как ты сказал.

Іа ма аллара, яздир аз.

Я написал так, как ты сказал.

Іа ма аллара, яздергда аз.

Я напишу так, как ты сказал.

Іа ма бу, аз бу болх.

Я работаю столько же, сколько и ты.

Я работаю так же, как и ты.

В последнем примере форма с союзом *ма* может иметь и количественное значение.

Из примеров видно, что в данном случае в качестве придаточной формы прошедшего времени употребляется масдар с удвоением последнего согласного (окончание *-ра, -рра*), в качестве же будущего времени употребляется форма, представляющая собой слияние формы причастия настоящего времени с удвоительной формой масдара:

Іа ма оалла, яздергда аз.

Я напишу так, как ты скажешь.

Іа ма аллара, яздергда аз.

Я напишу так, как ты сказал.

Іа ма алргдарра, яздергда аз.

Я напишу так, как ты скажешь || будешь говорить.

Іа ма дешаргдарра, аз а дешаргда газета.

Как ты будешь читать, так и я буду читать газету.

Іа ма дешаргдарра, аз а яздергда.

Как ты будешь читать, так и я напишу.

Іа ма барра, болх бу аз.

Я работаю именно так же (быстро), как ты поработал.

Удвоительную форму масдара *дарра* от глагола “делать” не следует смешивать с одинаково звучащей удвоительной формой от прошедшего времени вспомогательного глагола *дарра* ‘был’:

Цига ма варра, укхаза а вар из.

Как там он был, так и здесь он был.

Он был как там, так и здесь.

Это единственный случай употребления в литературном языке удвоительной формы прошедшего несовершенного времени. В других глаголах, как мы видели выше, удвоительная форма прошедшего времени заменяется удвоительной формой масдара:

Іа ма дешиара, аз а яздергда.

Как ты прочитал (т. е. продиктовал), так я и напишу.

Іа ма яххара, ду аз из гІулакх.
Как ты говорил, так я это и делаю.

Ішоана ма ловва, вах со.
Я живу так, как вам хочется.

Ішоана ма ларра, вах со.
Я живу так, как вам хотелось.

Ішоана ловрг ма дарра || ма лорва, вахаргва со.
Я буду жить так, как вам хочется.

Вышеприведенные способы выражения придаточных форм обстоятельства образа действия, в особенности удвоительная формой масдара, менее обычны для ингушского языка. Наиболее употребительна следующая описательная форма для выражения придаточных обстоятельства образа действия: удвоительная или простая форма причастия всех времен в несамостоятельном употреблении при слове *беса* (родительный падеж единственного числа от имени существительного *бос* – буквально “цвет”, здесь в переносном значении “вид, образ”) в его простой или удвоительной форме *бесса*. По-русски это соответствует словам *в таком виде, как; таким образом, как и; подобно тому, как* или в усилительной форме *в таком же точно виде, как; таким же точно образом, как и; в точности как и; именно так, как*. Приведем примеры:

Описательная форма придаточных обстоятельства образа действия (удвоительное или неудвоительное причастие всех времен при слове *беса, бесса*).

Іа дийц́а́ча беса, да из.
Это (есть) подобно тому, как ты рассказал.

Іа дийц́а́ча бесса, да из.
Это есть именно так, как ты рассказал.

Іа баъча беса, болх бу аз.
Я делаю работу подобно тому, как ты ее сделал.

Іа баъчча бесса, бу аз болх.
Я делаю работу именно так, как ты ее сделал.

Цо деша́ча беса, деш аз газета.
Я читаю газету подобно тому, как он читает.

Цо деи́шча бесса, аз а деш газета.

Я читаю газету именно так, как он читает.

Хьона хозача беса, сона а хоз.

Я слышу подобно тому, как ты слышишь.

Хьона хозача бесса, сона а хоз.

Я слышу именно так, как ты слышишь.

Хьо гIоргволча беса, со а гIоргва.

И я пойду подобно тому, как ты пойдешь.

Хьо гIоргволчча бесса, со а гIоргва.

И я пойду именно так, как ты пойдешь.

Хьона хетача беса, дац из.

Это не (есть) так, как тебе кажется.

Иа оаллача бесса, аз а оал или.

Именно так, как ты поешь, и я пою песню.

Хьона хийтача беса, хургдац из.

Это не будет так, как тебе показалось.

Иа аннача бесса, яздергда аз.

Я напишу именно так, как ты говорил.

Иа аргдолчча бесса, яздергда аз.

Я напишу именно так, как ты скажешь.

Цига хулча беса укхаза а вар из.

Он был здесь в таком же виде, как бывает там.

Цига хулчча бесса укхаза а вар из.

Он был здесь именно в таком же виде, как бывает там.

Цига хиннача беса, укхаза а хилар из.

Он был здесь в таком же виде, как и там (был).

Цига хиннача бесса, укхаза а хилар из.

Он был здесь именно в том же виде, как и там (был).

Цига хургволча бесса, укхаза а хургва из.

Он будет здесь именно в том же виде, как и там (будет).

Цига хургволчча бесса, укхаза а хургва из.

Он будет здесь именно в том же самом виде, как и там (будет).

Удвоительное ударение может употребляться в данном случае в различных вариациях:

Хьона хетача беса дац из.

Это не (есть) так, как тебе кажется.

Тхона хеттача беса дика чакхбаьлар тха колхоза кIа ардара болх.

Дело обмолота нашей колхозной пшеницы закончилось именно так хорошо, как нам думалось (думается).

Хьона хетача бесса дац из.

Это не (есть) в точности так, как тебе кажется || думается.

Хьона хеттача бесса а, диьра, дац да-м.

Это, ей-богу, совсем не (есть) так, как тебе кажется.

Следующая употребительная ингушская форма для выражения придаточных обстоятельства образа действия представляет собой изменяемое по всем временам причастие с добавлением к нему союзного слова *санна* 'как; подобно тому, как; словно, будто'. Эта форма выражения придаточных обстоятельства образа действия вообще имеет оттенок меньшей точности совпадения действий главного и придаточного предложения, чем предыдущие. Приведем примеры:

Цо бер санна, аз а бу болх.

Я работаю так же, как он работает.

Как он работает, так и я работаю.

Ia яздер санна, цо а язду каьгIат.

Как ты пишешь, так и он пишет письмо.

Он пишет письмо так же, как и ты.

Подобно тому, как ты пишешь, и он пишет письмо.

Ia яздаьр санна, цо а яздора каьгIат.

Подобно тому, как ты писал, и он писал письмо.

Ia яздаьр санна, цо а яздаьд каьгIат.

Подобно тому, как ты написал, и он написал письмо.

Ia яздергда санна, цо а яздергда каьгIат.

Подобно тому, как ты будешь писать, и он будет писать письмо.

Данная описательная форма придаточных предложений обстоятельства образа действия в ингушском языке подчинена интересным ограничениям. Она может употребляться лишь при одинаковых глаголах-сказуемых в обоих предложениях и при том при тех глаголах, которые обозначают реальный трудовой

процесс и имеют видимый материальный объект действия. Во всех остальных случаях сказуемое-глагол из состава придаточного предложения исчезает и это предложение таким образом превращается в простое сравнение с союзами *санна, муо*:

Ia a деш, аз санна.

Ты читаешь, как и я.

Ты читаешь, как я.

Сона а лов деша, хьона санна.

Я хочу читать, как и ты.

Сона а еза пальто, цунна санна.

Мне нужно пальто, как и ему.

Со а венав, хьо санна.

Я пришел так же, как и ты.

Этот замечательный архаизм употребления союза *санна* наводит нас на мысль, что первоначальным объектом в ингушском языке мог быть только видимый объект в его материальной форме, т. е. непосредственный продукт или предмет труда.

Изыяснительные придаточные предложения. Особую разновидность придаточных предложений обстоятельства образа действия представляют собой изыяснительные придаточные предложения, которые передаются по-русски с помощью союзов *так, что; так, чтобы*. В ингушском языке эта форма придаточных предложений передается придаточной формой, имеющей окончание одной из разновидностей сравнительного падежа, которая обозначает точное совпадение данного предмета с другим по величине, качеству и т. д. Эта производная форма сравнительного падежа в ингушском языке осталась лишь в редких случаях и характеризуется удвоением согласного. В данном случае она представляет собой, по-видимому, исторический остаток склонения глагольного корня (см. выше, стр. 419). Приведем примеры:

Сел чоагIа хьо кIаьдваллал, чехка а ма ца даханзар вай-м.

Мы не так быстро шли, чтобы ты так устал.

Мы не настолько быстро шли, чтобы ты так устал.

Хьо ишта сихваллал, доккха хIама а дац цо даьр-м.

Он не столь большое дело наделал, чтобы ты так разволновался.

Из эгIаз ваххал, хIама аьннадац аз цунга.

Я не сказал ему ничего такого, чтобы он мог так рассердиться.

Буквально: Я не сказал ему ничего столько, чтобы он мог так рассердиться.

Iа ехкIа дIаяккхал, во говр яц ер-м.

Это не столь плохая лошадь, чтобы ты думал продать ее.

Это не настолько плохая лошадь, чтобы ты думал продать ее.

Хьона хоза хеттал, дика болх бора цо.

Он работал столь хорошо, чтобы доставить тебе удовольствие.

Он работал настолько хорошо, чтобы доставить тебе удовольствие.

Хьо раьза хиллал, дика болх бергба цо.

Он будет работать настолько хорошо, чтобы ты обрадовался.

Он будет работать так хорошо, чтобы ты обрадовался.

Шоай доаханна сов даллал, доакъар гулду колхозхоша.

Колхозы собирают столько корма, чтобы с излишком хватило для их скота.

Колхозы так собирают корм, чтобы его с излишком хватило для их скота.

Аз яьхар цунга, из кхеттал.

Я говорил ему так, чтобы он понял.

Я говорил ему столько, чтобы он понял.

Аз ях цунга, из кхеттал.

Я говорю ему так, чтобы он понял.

Я говорю ему столько, чтобы он понял.

Аз яхаргда цунга, из кхеттал.

Я буду говорить ему так, чтобы он понял.

Я буду говорить ему столько, чтобы он понял.

Из примеров видно, что данная разновидность сравнительной формы глагольной основы имеет не только изъяснительное значение, но и количественное. В особенности это ясно из следующего примера:

Из бакъахьа долцох кхеттал, аз яьхад цунга: “во ма лела”.

Я ему говорил “не шали” столько (раз), что он мог понять меня правильно.

Приведенная нами форма изъяснительных предложений всегда имеет оттенок точного совпадения по качеству или коли-

честву действия главного предложения с действием придаточного. Наряду с этой формой употребляется и ряд других форм для выражения изъяснительного значения — удвоительная форма причастия (в самостоятельном его виде) или удвоительная форма причастия с общим окончанием косвенных падежей (т. е. в несамостоятельном его виде) при словах *тайпара* (от слова *тайпа* 'способ, род') и *кепара* (от слова *кеп* 'вид, разновидность, образ, форма'). При этих способах выражения изъяснительных придаточных предложений обозначение качества или количества в главном предложении не обязательно. Приведем примеры:

Болх дика балла, дика тоайир аз машина.

Я наладил машину так, чтобы она работала хорошо.

Буквально: Я хорошо наладил машину в точности так, чтобы она работала хорошо.

Болх дика балла тоайир аз машина.

Я наладил машину так, чтобы она хорошо работала.

Буквально: Я наладил машину ту, чтобы она хорошо работала.

Болх дика бечча тайпара, тоайир аз машина.

Я наладил машину таким родом, чтобы она хорошо работала.

Буквально: Я наладил машину хорошо работающим родом.

Болх дика бечча кепара тоайир аз машина.

Я наладил машину таким образом, чтобы она хорошо работала.

Буквально: Я наладил машину из хорошо работающего образа.

Цо юха ца тоххал, ч!оаг!а дийцар аз из г!улакх.

Я говорил в этом деле так крепко, чтобы он не отказался.

Я уговаривал его так крепко, чтобы он не отказался.

Буквально: Я так крепко об этом деле, чтобы он не пошел на попятную (буквально: не бросил обратно).

Цо юха ца туххача кепара дика дир аз из г!улакх.

Я его крепко уговаривал таким образом, чтобы он не отказался.

Буквально: Я крепко говорил об этом деле из того образа, из которого он не отказывается.

Из кхеттал, дика яздыр аз.

Я так хорошо написал, чтобы он понял.

Из кхеттача тайпара, яздир аз.

Я так написал, чтобы он смог понять.

Из кхеттача кепара, яздир аз.

Я написал в таком роде, чтобы он понял.

Из кхеттал, дика яздир аз.

Я так хорошо написал, чтобы он смог понять.

Следует отметить, что в ингушском языке нельзя выразить в форме придаточного предложения такое русское придаточное предложение, которое, в отличие от предыдущих, обозначает уже свершившийся факт и подчиняется с помощью союзов *так, что*. В этом случае в ингушском языке употребляется форма двух простых предложений:

Иштта дика тоайир аз машина, хІанз цо болх дика а бу.

Я так хорошо наладил машину, что (она) теперь работает хорошо.

Буквально: Я так хорошо наладил машину, и теперь она работает хорошо.

Аз иштта чІоагІа дийцар, цо хІанз юха а техадац.

Я так крепко его уговаривал, что теперь он не отказался.

Буквально: Я так крепко его уговаривал, и теперь он не отказался.

Аз иштта дика яздир, из хІанз кхета а кхийттав.

Я так хорошо написал, что теперь он понял.

Буквально: Я так хорошо написал, и теперь он (понять) понял.

Интересно, что и в этом случае русское подчинение предложений передается по-ингушски формой их сочинения. Данную форму следует отличать от приведенной нами выше (см. стр. 433):

Аз тоа ма ярра, дика бу машино болх.

Как я наладил машину, так хорошо она и работает.

При глаголах со значением “чувствовать, сознавать” в русском языке мы имеем обратное соотношение союзных слов (*то*), как. По-ингушски это соотношение передается деепричастной придаточной формой настоящего времени, которая в ингушском понимании буквально представляет собой придаточное обстоятельства времени. Приведем примеры:

Хьона хеза хургда, цо пандарца или оалаш.

Может быть, ты слышал, как он пел песню под аккомпанимент гармошки.

Буквально: Может быть, ты слышал, когда он пел песню с гармошкой.

Тхона вайнавар из халхавоалаи.

Мы видели, как он танцевал.

Мы видели, когда он танцевал.

Царна денна а гора со цига ухаи.

Они ежедневно видели, как я ходил туда.

Буквально: Они каждый день видели, как я ходил туда.

Вайна хезадар цо хабар дувцаи.

Мы слышали, как он рассказывал.

Буквально: Мы слышали, когда он рассказывал.

Данные придаточные предложения по своему значению условно представляют собой объектные придаточные предложения при глаголах со значением “чувствовать, сознать”, но деепричастная придаточная форма в них придает оттенок обстоятельства образа действия, развивающийся из временного значения.

Придаточные предложения обстоятельства причины. Придаточные обстоятельства причины выражаются в ингушском языке в основном двумя формами: простой придаточной формой, представляющей собой дательный падеж масдара (суффикс *-рна*), и описательной придаточной формой, образуемой путем присоединения к несамостоятельной форме причастия в различных временах окончания *-даь||-даьла* ‘так как; потому, что; оттого что’. Кроме того, существует описательная форма обстоятельства причины, выражаемая с помощью добавления слова *бахъан* в его падежных и других формах (*бахъане, бахъан долаи*), что соответствует русским словам *по причине того, что; вследствие того, что*. Формы слова *бахъан* употребляются при именительном падеже ингушского масдара. Приведем примеры:

1. Простая форма (масдар в дательном падеже).

Айха болх барна, Ia салoI.

Ты отдыхаешь потому, что ты поработал.

Ты отдыхаешь, так как ты поработал.

Ты отдыхаешь оттого, что ты поработал.

Шу могаи паргIата корадарна, сакъердалу са.

Я доволен тем, что вы в хорошем состоянии.
Я рад тому, что вы в хорошем состоянии.
Я доволен потому, что вы в хорошем состоянии.

Дада цIагIа хиларна, паргIата даьннад тхо.

Мы довольны тем, что отец дома.
Мы довольны потому, что отец дома.

Из цамоаши хиларна, сагатлу са.

Я беспокоюсь оттого, что он болен.
Я беспокоюсь потому, что он болен.

Из цамарах тоаваларна, самукъа даьннад са.

Я успокоился, потому что он выздоровел.

Нана цIа кхачарна, гIаддахад бераши.

Дети радовались тому, что приехала мать.
Дети радовались потому, что приехала мать.

Хий Iаьржа хиларна, цига сайцар тхо.

Мы остановились там потому, что река поднималась || взду-
лась || разлилась.

2. Несамостоятельная форма причастия с окончанием -даь, -
даьла.

*Да цIагIа воацандаь || воацандаьла || воацадаь || воацадаьла, наб
кхетацар сона.*

Из-за того, что отца не было дома, ночью я не мог заснуть.

Буквально: Из-за того, что отец не был дома, сон не напал на
меня ночью.

*Со могаши воацандаь || воацандаьла || воацадаь, учреждене ва-
ханзар со.*

Из-за того, что я болен, я не пошел в учреждение.

От того, что я болен, я не пошел в учреждение.

Так как я болен, я не пошел в учреждение.

*Заводе болхлочо болх дика баьндаь || баьндаьла || баьдаь ||
баьдаьла, завкомо совгIат || преми делар цунна.*

Из-за того, что рабочий хорошо работал на заводе, завком
премировал его.

Так как рабочий хорошо работал на заводе, завком преми-
ровал его.

*Из дика болхло воландаь || воладаь || воладаьла, массанена а ве-
зар из.*

Все его любят, так как он хороший работник.

Колхозе массадола тайна балха машинаш а, гирсаи а боландаь || боладаь || боладаьла, колхозхоша балхаи атта ду.

Колхозникам легко работать от того, что в колхозе есть для работы машины и орудия всех видов.

Иайха болх бундаь || будаь || будаьла, Ia салоIаргда.

Так как ты работаешь, ты будешь отдыхать.

От того, что ты работаешь, ты будешь отдыхать.

Иайха болх баьндаь || баьдаь || баьдаьла, Ia салоI.

Так как ты работал, ты отдыхаешь.

Иайха болх баьндаь || баьдаь || баьдаьла, Ia салеIад.

От того ты отдохнул, что поработал.

Так как ты поработал, ты отдохнул.

Иайха болх баьндаь || баьдаь || баьдаьла, Ia салоIар.

Так как ты работал, ты отдыхал.

Иайха болх бергболандаь || бергболадаь || бергболадаьла, Ia салоIаргда.

Так как ты будешь работать, ты будешь отдыхать.

От того, что ты будешь работать, ты будешь отдыхать.

3. Описательная форма (масдар в именительном падеже с добавлением слов *бахъан долаш, бахъане*”).

Иайха болх бар бахъан долаш, салоI Ia.

Ты отдыхаешь вследствие того, что ты работаешь.

Ты отдыхаешь по причине того, что ты работаешь.

Тхоаи болх баь да́лар бахъан долаш, сакъердалу тха.

Мы радуемся по причине того, что мы окончили нашу работу.

Мы радуемся вследствие того, что мы закончили нашу работу.

Из цамогаи хилар бахъане, сагатлу са.

Я беспокоюсь по причине того, что он болен.

Я беспокоюсь вследствие того, что он болен.

Хий сайеа||аьржа хилар бахъане, цига сайцар тхо.

Мы остановились по причине того, что река поднялась || вздулась.

Со вар бахъан – кнджка я.

То, по причине чего я пришел, есть книга.

Окончание *-даь*, *-даьла* в ингушском языке принято писать слитно с предшествующим причастием, хотя по происхождению оно, несомненно, представляет собой служебное слово (ср. чеч. *дела*). Слово *бахьан* в его различных формах еще сохраняет свое реальное значение “причина”. Однако вследствие частого его употребления для выражения придаточной формы обстоятельства причины, это слово, несомненно, находится на пути к превращению в служебное слово, т. е. в слово со значением относительного союза.

Все виды придаточных предложений обстоятельства причины следует отделять запятой от главного предложения. Форма дательного падежа *масдара* теряет здесь свое прямое значение и потому тоже должна отделяться запятой от главного предложения вместе со всеми относящимися к ней членами придаточного предложения.

Придаточные предложения обстоятельства цели. Самая простая форма для выражения цели в ингушском предложении — это неопределенное наклонение (инфинитив). Эта форма, однако, употребляется лишь в случае одинаковых подлежащих при инфинитиве и при сказуемом главного предложения, как и в русском языке. Следовательно, инфинитив не может иметь при себе самостоятельного подлежащего, но может иметь остальные члены предложения, например, прямое дополнение и т. д. Поэтому инфинитивную форму обстоятельства цели мы можем не считать придаточным предложением, а называть распространенной инфинитивной конструкцией и не выделять запятыми в составе главного предложения:

Книга яздиш венав со.

Я приехал писать книгу.

Я приехал, чтобы написать книгу.

Оаха ахча ийцар школе йиш.

Мы получили деньги, чтобы построить школу.

Цунга сайна книжка хьаалийта венав со.

Я пришел || приехал, чтобы он мне отдал книгу.

Буквально: Я пришел || приехал, чтобы заставить его возвратить мне книгу.

Хьога сайна книжка далийта венав со.

Я пришел || приехал, чтобы ты мне дал книгу.

Буквально: Я пришел || приехал, чтобы заставить тебя дать мне книгу.

Из последних двух примеров видно, что в случае разных смысловых подлежащих в ингушском языке употребляется своеобразная конструкция – побудительный оборот в виде инфинитивной конструкции. При этом смысловое подлежащее при инфинитиве принимает обычную для побудительного оборота форму местного падежа. Этим способом избегается необходимость иметь при инфинитиве подлежащее в обычно свойственной ему грамматической форме именительного или активного падежа.

Данная особенность инфинитивной конструкции в значении обстоятельства цели свойственна также всем другим формам ингушского придаточного предложения обстоятельства цели. Во всех нижеприводимых случаях придаточные обстоятельства цели, имеющие подлежащее, не совпадающее с подлежащим главного предложения, превращаются в побудительный оборот, смысловое подлежащее в составе которого становится грамматическим косвенным дополнением в форме местного падежа. В ингушском языке нет иного способа для выражения придаточного предложения обстоятельства цели в случае разных подлежащих в составе главного и придаточного предложений.

Кроме инфинитивной конструкции для выражения придаточных предложений обстоятельства цели в ингушском языке имеются следующие описательные способы: способ добавления служебного слова *духъа* ‘для того, чтобы’ или служебного слова *гӀоне* ‘чтобы; для того, чтобы’. Приведем примеры:

Оаха материалаш эц, школа яр духъа.

Мы берем || получаем материалы для того, чтобы строить школу.

Оаха материалаш эц, школа яр гӀоне.

Мы берем || получаем материалы, чтобы строить школу.

Оаха материалаш эц, школа йиз.

Мы берем || получаем материалы (чтобы) строить школу.

Оаха материалаш эц, шуга школе яйтар духъа.

Мы берем || получаем материалы для того, чтобы вы строили школу.

Буквально: Мы берем || получаем материалы для того, чтобы побудить вас строить школу.

Оаха материалаи эц, шуга школе яйтар гӀоне.

Мы берем || получаем материалы, чтобы вы строили школу.

Буквально: Мы берем || получаем материалы, чтобы побудить вас строить школу.

Оаха материалаи эц, шуга школа яйта.

Мы берем || получаем материалы (чтобы) вы строили школу.

Буквально: Мы берем || получаем (чтобы) побудить вас строить школу.

Дешархо библиотеке вода, цигара книжка эцар духъа.

Ученик идет в библиотеку для того, чтобы взять оттуда книгу.

Дешархо библиотеке вода, цигара книжка эцор гӀоне.

Ученик идет в библиотеку, чтобы взять оттуда книгу.

Из тхацига венавар, хъо гор а гӀоне.

Он приходил к нам, чтобы повидать тебя.

Колхозхо кхаика вахавар, ялатийга хъажар гӀоне.

Колхозник пошел в поле, чтобы посмотреть на хлеб.

Из примеров видно, что служебные слова – союзы *духъа* и *гӀоне* употребляются при масдаре. Их всегда следует писать отдельно от последнего, так как они не являются падежными суффиксами масдара. Таким образом, придаточная форма обстоятельства цели в ингушском языке представляет собой по происхождению или масдарную, или инфинитивную конструкцию.

Все вышеперечисленные способы передачи придаточных предложений обстоятельства цели легко могут употребляться один вместо другого.

В редких случаях для выражения придаточных предложений обстоятельства цели употребляется дательный падеж масдара, который, как мы видели выше, в основном служит придаточной формой обстоятельства причины. Целевое значение этой формы может быть понято лишь из связи слов в данном предложении, лишь из контекста:

Оаха из салага вахийтар, цуна дика дарна.

Мы послали его отдыхать с тем, чтобы сделать ему хорошо.

Мы послали его отдыхать за тем, чтобы сделать ему хорошо.

В ингушском языке – это единственный случай, который намекает нам на первоначальное историческое единство форм причины и цели. Во всех остальных случаях придаточные формы причины и цели в ингушском языке строго дифференцированы, строго разграничены друг от друга.

В качестве специфической особенности ингушского языка мы можем указать форму придаточных предложений обстоятельства цели, выраженную причастием настоящего времени в самостоятельной его форме, т. е. выраженную причастным придаточным предложением. В этом случае причастие настоящего времени приобретает значение причастия будущего времени. Эта форма придаточных предложений обстоятельства цели свойственна и чеченскому языку. Приведем примеры:

Ше цу цамагарах тоалург дукха доахан лургдар цо.

Буквально: Чтобы поправиться от этой болезни, он отдал бы много скота.

Он не пожалел бы средств, чтобы оправиться от этой болезни.

Со йоазув хови хург мел доккха хIама дергдар аз.

Буквально: Я перенес бы большие трудности, чтобы узнать письмо.

Я преодолел бы большие трудности, чтобы овладеть грамотой.

Вай болх дика чакхбарг беррига сай низ тIабохийтаргба аз.

Я отдал бы все свои силы для того, чтобы наша работа закончилась хорошо.

Сайх специалист хург мел дукха кьахьегаргда аз.

Я буду стараться, как только могу, чтобы стать специалистом.

Напомним, что та же причастная форма с удвоением согласного употребляется и в изъяснительных придаточных предложениях (стр. 440).

Все ингушские формы придаточных обстоятельства цели следует отделять запятой от главного предложения.

ГЛАВА 7. УСЛОВНЫЕ И УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Условные придаточные предложения. Условные придаточные предложения в ингушском языке так же, как и в русском, имеют две различные формы в зависимости от того, представляет ли собой данное предложение по смыслу реальное или нереальное условие. Сочетание условного придаточного и главного предложений называется условным периодом. Следовательно, условный период может быть реальным и нереальным.

Реальный условный период. Реальным условным периодом мы называем такой, в котором говорится о реально выполненном условии. В главном предложении реального условного периода могут быть употреблены наклонения – реально-утвердительное, реально-отрицательное или вопросительное. В придаточном предложении в этом случае употребляется специальное наклонение, которое мы можем назвать реально-условным (суффикс *-e*). Это наклонение может иметь формы трех времен. Приведем примеры:

Айса билет эце, театре гIоргва со.

Если я куплю билет, я пойду в театр.

Цо сайна билет ийцадале, театре гIоргва со.

Если он мне купил билет, я пойду в театр.

Цо сайна билет ийцадале, театре вода со.

Если он купил для меня билет, я иду в театр.

Цо сайна билет эце, театре вода со.

Если он покупает для меня билет, я иду в театр.

Айса билет ийцадале, театре водар со.

Если я покупал билет, я шел в театр.

Ше билет эце, театре вода из.

Если он покупает билет, он идет в театр.

Селхан ше билет ийцадале, театре вахав из.

Если он вчера купил билет, он пошел в театр.

Ше кхоана билет эцаргдале, театре гIоргва из.

Если он купит завтра билет, он пойдет в театр.

В значении будущего времени в ингушском языке употребляется также форма настоящего времени реально-условного наклонения, например:

Ше кхоана билет эце, театре гIоргва из.

Если он купит завтра билет, он пойдет в театр.

Форма реально-условного наклонения, употребляемая в придаточном предложении сама по себе включает значение русского союза *если*. Тем не менее, благодаря общей тенденции, которая проявляется и в ингушском языке, – тенденции развития союзного способа подчинения взамен бессоюзно-глагольного, при этой форме могут быть употреблены слова *нагахь* – буквально: “редко”, получающее значение “если” и *нагахь санна* – буквально: “как редко”, приобретающее такое же союзное значение. Добавление этих слов является плеонастическим, т. е. оно лишь повторяет смысл, уже выраженный в придаточной форме, лишь несколько усиливая его, что по-русски можно передать словами *в случае, если; в том случае, если*. Тем не менее в современном литературном языке замечается стремление все чаще употреблять эти союзные слова в значении союзов при реально-условном наклонении:

Нагахь цо сайна билет ийцадале, театре гIоргва со.

Нагахь санна цо сайна билет ийцадале, театре гIоргва со.

В случае, если он купил для меня билет, я пойду в театр.

В том случае, если он купил для меня билет, я пойду в театр.

В значении реально-условного придаточного предложения употребляется также деепричастие прошедшего совершенного времени, которое одновременно служит и для выражения предшествования во времени (см. выше, стр. 403):

Айса билет ийцача, театре гIоргва со.

Айса билет ийцахьане, театре гIоргва со.

Айса билет ийцача гIоне, театре гIоргва со.

Буквально: Купив билет, я пойду в театр.

Если я получу билет, я пойду в театр.

При этой форме выражения условных придаточных предложений в ингушском языке чаще употребляются союзные слова *нагахь, нагахь санна*, так как условное значение деепричастия без этого выражается недостаточно точно:

Нагахь айса билет ийцача, театре гIоргва со.

Нагахъ айса билет ийцахъане, театре гIоргва со.

Нагахъ айса билет ийчаца гIоне, театре гIоргва со.

Нагахъ санна айса билет ийча театре гIоргва со.

Нагахъ санна айса билет ийцахъа, театре гIоргва со.

Нагахъ санна айса билет ийцахъане, театре гIоргва со.

Нагахъ айса билет ийча гIоне, театре гIоргва со.

В случае, если я получил || получу билет, я пойду в театр.

В том случае, если я получил || получу билет, я пойду в театр.

Развитие служебного значения союза “если” из первоначального реального значения “редко; как редко; подобно тому, как редко; будто, словно редко” представляет собой поучительный пример развития формального значения из реального. В современном языке, правда, эти два значения дифференцируются тем, что в слове с реальным значением стараются произносить и писать удвоенный согласный, а в союзе – одинарный: *нагахъа* ‘редко’ ~ *нагахъа* ‘в случае, если’. Это различие представляет собой безусловно позднейшее явление – развитие слова-понятия через его раздвоение.

Нереальный условный период. Нереальным условным периодом мы называем такой, который выражает условие, или невыполнимое на деле, или реже – условие, в возможности осуществления которого говорящий сомневается. В главном предложении нереального условного периода употребляется специальное наклонение, которое мы называем реально-желательным. Это наклонение образовано от будущего действительного времени путем замены связки *да* (которая в ингушском языке превратилась в окончание) через прошедшее несовершенное время той же связки *дар* (с соответствующим изменением ее по классам). Следует отметить, что существование этого наклонения в ингушском языке, как и в чеченском языке, не было отмечено ни Усларом, ни Мальсаговым. В придаточном предложении нереального условного периода употребляются формы нереально-условного наклонения (суффикс *-даларе*, который сам представляет собой нереально-условную форму вспомогательного глагола *да*). По-русски в главном и придаточном предложениях нереального условного периода употребляется условное (сослагательное) наклонение, характеризуемое частицей *бы*:

Кхоана айса билет эцаргдаларе, со театре гIоргвар.

Если бы я завтра купил || получил билет, я пошел бы в театр.

Селхан айса билет ийчадаларе, со театре гIоргвар.

Если бы я вчера купил || получил билет, я пошел бы в театр.

Айса укх сахъате билет ийцадаларе, со театре гIоргвар.

Если бы я сейчас купил || получил билет, я пошел бы в театр.

Сайна билет кхавчадаларе, со театре вахахургвар.

Если бы мне || для меня доставали билет, я ходил бы в театр.

Дахача шера айса сезонни билет ийцадаларе, со театре цу хана ухаргвар.

Если бы я в прошлом году купил || получил сезонный билет, я ходил бы в то время в театр.

Ше хIанз билет эцаре, театре гIоргвар из.

Если бы он сейчас купил билет, он пошел бы в театр.

Ше селхан билет ийцадаларе, театре гIоргвар из.

Если бы он вчера купил билет, он пошел бы в театр.

Ше кхоана билет эцаргдаларе, театре гIоргвар из.

Если бы он завтра купил билет, он пошел бы в театр.

В ингушском языке для выражения формы будущего времени нереально-условного наклонения может употребляться и форма настоящего времени:

Ше кхоана билет эцаре, театре гIоргвар из.

Если бы он завтра купил билет, он пошел бы в театр.

Из примеров видно, что реально-желательное наклонение в главном предложении совсем не изменяется по временам, в придаточном же предложении нереально-условное наклонение может иметь формы трех времен.

Как и в реальном условном периоде, здесь при нереально-условном наклонении могут употребляться союзы *нагахъа*, *нагахъа санна*:

Нагахъа санна айса кхоана билет эцаргдаларе, со театре гIоргвар.

Нагахъа кхоана айса билет эцаргдаларе, со театре гIоргвар.

В том случае, если бы я завтра получил билет, я пошел бы в театр.

В случае, если бы я завтра получил билет, я пошел бы в театр.

Как и в реальном условном предложении, и в этом случае взамен нереально-условного наклонения в придаточном предложении можно употребить деепричастную форму прошедшего совершенного времени (за исключением, однако, формы с суффиксом *чахъане* или словом *гIоне*), как без союзов, так и с сою-

зами *нагахъ, нагахъа санна*. В этом случае нереальное значение передается исключительно формой реально-желательного наклонения в главном предложении:

Айса билет ийцача, театре гIоргвар со.

Если бы я получил || купил билет, я пошел бы в театр (в будущем).

Нагахъа айса билет ийцача, театре гIоргвар со.

В случае, если бы я получил || купил билет, я пошел бы в театр (в будущем).

Нагахъа санна айса билет ийцача, театре гIоргвар со.

В том случае, если бы я получил || купил билет, я пошел бы в театр (в будущем).

В случае разных подлежащих в придаточном и главном предложении в ингушском языке употребительна лишь следующая форма нереально-условного периода, когда в придаточном предложении подлежащим является местоимение второго лица, а в главном — местоимение первого лица:

Иа билет эцаргдаларе, театре гIоргвар со.

Если бы ты купил билет, я пошел бы в театр.

Условные придаточные предложения во всех их формах следует выделять запятыми.

Для того, чтобы лучше разобраться в существующих в ингушском языке условных наклонениях и желательных наклонениях, мы прилагаем здесь таблицу этих наклонений с изменением их по временам.

Образование условных и желательных наклонений, употребляемых в главных и придаточных предложениях.

В придаточном предложении	В главном предложении
Наклонения	

	<i>Оахе.</i>
Реально-условное	Если пашет.
	<i>Аьхадале.</i>
	Если пахал вспахал.
	<i>Оахаргдале.</i>
	Если вспашет будет пахать.
Нереально-условное	<i>Оахаре.</i>
	Если бы пахал (сейчас).
	<i>Аьхадаларе.</i>

Если бы вспахал || пахал (в прошлом).

Оахаргдаларе.

Если бы вспахал || пахал (в будущем).

Реально-

желательное

Оахаргдар.

Пахал бы.

Нереально-

желательное

Оахдалара.

Ах, если бы пахал(сейчас).

Аьхадалара.

Ах, если бы вспахал ||
пахал (в прошлом).

Уступительные придаточные предложения. Уступительные придаточные предложения в ингушском языке по форме почти не отличаются от условных. Разница заключается лишь в том, что обычно, если в главном предложении уступительного периода употребляется утвердительное наклонение, то в придаточном бывает отрицательное наклонение, и наоборот. Это и понятно, если вспомнить, что сложноподчиненное уступительное предложение или, иначе говоря, уступительный период представляет собой всегда резкое противопоставление действия главного действию придаточного предложения.

Уступительный период, как и условный период, подразделяется на реальный и нереальный, которые выражают те же оттенки значения, что и соответственные условные периоды.

Реальный уступительный период. Как и в реальном условном периоде, в реальном уступительном употребляются в главном предложении обычные реальные наклонения (реально-утвердительное и реально-отрицательное), а также вопросительное наклонение, в придаточном же предложении – реально-условное наклонение с добавлением к нему частицы *а*, которая происходит от союза *а* ‘и’ в его разделительном значении. Эта частица и служит наряду с содержанием самого предложения единственным отличием реально-уступительных предложений от реально-условных. Временные формы в придаточном и главном предложении реального уступительного периода употребляются точно так же, как и в условном реальном периоде.

Интересно, что в ингушском языке, как и в русском, реально-уступительное предложение может быть передано и простым сочинением двух главных предложений. В этом случае противо-

поставление их достигается или с помощью интонации, или путем постановки противительных союзов:

Аз хьона билет ийцар, хьо театре-м ваханзар.

Я тебе билет купил, (а) ты в театр не пошел.

Аз хьона билет ийцар, цхьабокъда хьо театре ваханзар.

Я тебе билет купил, но ты в театр не пошел.

Эта зачаточная форма уступительных предложений отличается от приводимых ниже настоящих уступительных придаточных предложений, во-первых, наличием в настоящем уступительном придаточном предложении (как и во всех видах ингушских придаточных предложений) возвратных местоимений, по смыслу связанных с подлежащим главного предложения, и, во-вторых, невозможностью поставить после придаточного предложения в начале главного противительный союз, как это обычно имеет место в русском уступительном периоде. Приводим примеры:

Аз хьайна билет эце а, театре гIоргвац хьо.

Хотя я тебе билет и куплю (покупаю), (но) ты в театр не пойдешь.

Аз хьайна билет ийцача а, театре водац хьо.

Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не пойдешь.

Аз хьайна билет ийцача а, театре ваханзар хьо.

Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не пошел.

Аз хьайна билет ийцача а, театре гIоргвац хьо.

Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не пойдешь.

Аз хьайна билет эце а, театре водац хьо.

Хотя я тебе билет и куплю, (но) ты в театр не идешь.

Аз хьайна билет ийцадале а, театре водац хьо.

Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не идешь.

Аз хьайна билет ийцадале а, театре ваханзар хьо.

Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не пошел.

Аз хьайна билет ийцадале а, театре гIоргвац хьо.

Хотя я тебе билет и купил, (но) ты в театр не пойдешь.

Аз хьайна билет ийцадале а, театре водацар хьо.

Хотя я тебе билет и покупал, (но) ты в театр не ходил.

Аз хъайна билет эцаргдаларе а, театре гIоргводац хьо.
Хотя я тебе билет и куплю, (но) ты в театр не пойдешь.

Аз хъайна билет ийцача а, театре водацар хьо.
Хотя я тебе билет и покупал, (но) ты в театр не ходил.

Как видно из примеров, в уступительных придаточных предложениях, как и в условных, могут употребляться не только форма условного наклонения, но и форма деепричастия прошедшего совершенного времени (за исключением форм с суффиксом *-хъа*, *-хъане* или со словом *гIоне*), которая имеет собственно значение временного придаточного предложения.

Как и в условных придаточных предложениях, в начале уступительных могут быть поставлены союзы *нагахь*, *нагахъа санна*:

Нагахъа аз хъайна билет иэце а, театре водац хьо.
Нагахъа санна аз хъайна билет ийце а, театре водац хьо.
Хотя даже я тебе билет и покупаю, (но) ты в театр не идешь.
В случае, если даже я тебе билет и покупаю, ты в театр не идешь.

Нагахъа аз хъайна билет ийцача а, театре водац хьо.
Нагахъа санна аз хъайни билет ийцача а, театре водац хьо.
Хотя даже я тебе билет и купил, ты в театр не идешь.
В случае, если даже я тебе билет и купил, ты в театр не идешь.

Кроме того, уступительное придаточное предложение может быть выражено и описательно – с помощью отрицательной формы деепричастия настоящего времени от глагола *хъажса* 'смотри':

Аз хъайна билет ца эцарга ца хъежаш, театре вода хьо.
Несмотря на то, что я тебе билет не купил, ты в театр идешь.

Буквально: Не дожидаясь того, что я тебе билет не купил, ты в театр идешь.

В этом примере слова *ца хъежаш* приобретают как бы служебное значение русских союзных слов *несмотря на то, что*. Перед словами *ца хъежаш* стоит местный падеж масдара в качестве сказуемого уступительного придаточного предложения, как это обычно имеет место при глаголе *хъажса* 'смотри' (ср. стр. 195). Приведем еще примеры различных временных форм реального уступительного периода:

Аз хъайна билет ийцадеце а, театре гIоргва хьо.
Хотя я тебе билет не купил, ты в театр пойдешь.

Аз хъайна билет ийцадеце а, театре вахар хьо.
Хотя я тебе билет не купил, ты в театр пошел.

Аз билет хъайна ийцадеце а, театре водар хьо.
Хотя я тебе билет не покупал, ты в театр ходил.

Сверх того уступительное значение выражается также придаточной формой деепричастия прошедшего совершенного и будущего времени с удвоением согласного и суффиксом *-шехь*. Эта форма образована по образцу такого же удвоительного деепричастия настоящего времени, которое, однако, имеет значение придаточной формы только обстоятельства времени (см. стр. 410).

Аз хъайна билет эццашехь а, театре водац хьо.
Хотя я билет и покупаю, (но) ты в театр не идешь.

Ше цIа венаваллашехь а, гуча венавацар из тхона.
Хотя он пришел домой, (но) к нам он не появился.

Хъайна со вайнаволлашехь а, йист ца хулаш, дIавахар хьо.
Ты ушел, не сказав ни слова, хотя меня ты видел.

Хъайга из вола яьхадоллашехь а, хьо тхацига хIана ванзар?
Хотя я просил тебя придти, как это ты не пришел к нам?

Хьо городе гIоргволлашехь а, сога хайтанзар Iа.
Хотя ты едешь в город, но ты мне не сообщил об этом.

Ший норма кхоачашъяь ваьнна воллашехь а, хIанз а бу цо болх сиха.

Несмотря на то, что он выполнил свою норму, и теперь он работает быстро.

Аз хъайга цIа вола аьинадоллашехь а, хьо сенга вахар?

Куда же ты пошел, ведь я тебя просил придти домой?

Буквально: Куда же ты пошел, хотя я тебя просил придти домой?

Iайха дийшадоллашехь а, гIулакхе хIана водац хьо?

Ты ведь образованный, почему же ты не поступаешь на службу?

Буквально: Хотя ты образованный, почему же ты не идешь на службу?

Из последних примеров видно, что уступительный характер придаточного предложения ясно выражен в ингушском языке и в тех случаях, когда по-русски данное предложение не может быть облечено в форму уступительного. Это имеет место в сложно-подчиненном уступительно-вопросительном предложении.

Нереальный уступительный период. Нереальный уступительный период в ингушском языке строится совершенно так же, как и нереальный условный период, т. е. в придаточном предложении употребляется нереально-условное наклонение или деепричастие прошедшего совершенного времени (за исключением его форм с аффиксами *-хъа*, *-хъане* или словом *гIоне*) в том и другом случае с союзами *нагахъа*, *нагахъа санна* или без них, а в главном предложении – форма нереально-условного или реального (реально-утвердительного или реально-отрицательного) наклонения:

Аз хъайна билет изцаре а, театре водацар хьо.

Хотя я тебе билет и купил бы, ты в театр не пошел бы (в настоящем).

Аз хъайна билет изцаре а, театре гIоргвацар хьо.

Хотя я тебе билет и купил бы, ты в театр не пошел бы (в будущем).

Аз хъайна билет ийцадаларе а, театре водацар хьо.

Хотя я тебе билет и купил бы, ты в театр не пошел бы (в прошлом).

Аз хъайна сезонни билет ийцадаларе а, театре ахацар хьо.

Хотя я тебе сезонный билет и купил бы, (но) ты в театр не ходил бы (в прошлом).

Аз хъайна билет ийцадаларе а, театре гIоргвацар хьо.

Хотя я тебе билет и купил бы, (но) ты в театр не пошел бы (в прошлом),

Чаще, чем вышеприведенная форма нереального уступительного предложения (с нереально-условным наклонением) употребляется деепричастная придаточная форма с усилительной частицей *а* (деепричастия прошедшего совершенного времени):

Аз хъайна билет ийцача а, театре водац хьо.

Хотя я тебе билет и купил бы, (но) ты в театр не пошел бы (в настоящем).

Аз хъайна билет ийцача а, театре ваханзар хьо.

Хотя я тебе билет и купил бы, (но) ты в театр не пошел бы (в прошлом).

Аз хъайна билет ийцача а, театре гIоргвацар хьо.

Хотя я тебе билет и купил бы, (но) ты в театр не пошел бы (в будущем).

Аз хъайна билет ийцадаларе а, театре водацар хьо.

Аз хъайна билет ийцача а, театре водацар хьо.

Хотя я тебе билет и покупал бы, (но) ты в театр не ходил бы (в прошлом).

Нагахъа аз хъайна билет изцаре а, театре гIоргвацар хьо.

Нагахъа санна аз хъайна билет изцаре а, театре гIоргвацар хьо.

Хотя бы даже я тебе билет и купил, ты в театр не пошел бы.

В случае, если бы даже я тебе билет и купил, ты в театр не пошел бы (в прошлом).

Нагахъа аз хъайна билет ийцадаларе а, театре гIоргвацар хьо.

Нагахъа санна аз хъайна билет ийцадаларе а, театре водацар хьо.

Если бы даже я тебе билет и купил, ты в театр не ходил бы.

В случае, если бы даже я тебе билет и купил, ты в театр не ходил бы.

Из примеров видно, что в нереальном уступительном периоде при нереально-условном наклонении в придаточном предложении в главном употребляется наряду с реально-желательным наклонением также прошедшее несовершенное или будущее время утвердительного или отрицательного наклонения. То же имеет место и в том случае, если в придаточном предложении мы имеем деепричастную придаточную форму. Из деепричастных придаточных форм в уступительном значении совсем не употребляется форма с аффиксами *-чахъа*, *-чахъане* или с добавлением слова *гIоне*, которые имеют лишь временное значение:

Аз хъайна билет ийцачахъане а || гIоне а, театре водацар хьо.

С тех пор, как я тебе билет купил бы, ты в театр не ходил (в прошлом).

Добавление союзов *нагахъа*, *нагахъа санна* в состав уступительного придаточного предложения придает ему оттенок большего противопоставления главному, что мы переводим по-русски с помощью добавления служебных слов *в случае, если бы даже...; хотя бы даже... .*

Таким образом, уступительный период в обоих его формах исторически развивается из условного периода. Это видно из примеров не только ингушского, но и русского языка, в котором уступительное предложение может быть образовано из условного простым прибавлением союза *и* к союзу *если* и далее с особым подчеркиванием уступительного значения – путем прибавления частицы *даже* к тому же союзу:

Если и покупал я тебе билет, ты в театр не ходил.

Если даже я тебе билет покупал, ты в театр не ходил.

Если даже и покупал я тебе билет, ты в театр не ходил.

Русский союз *хотя* представляет собой позднейшее образование – форму деепричастия от глагола *хотеть*, приобретающую служебное значение относительного союза.

Сходным образом и ингушские уступительные придаточные формы (независимо от того, выражены ли они реально-условным или нереально-условным наклонением или деепричастной формой), образуются путем добавления к соответствующим условным придаточным формам частицы *а* (по происхождению – союз *а*), которая приобретает здесь уступительное значение “и, даже”.

Уступительные придаточные предложения во всех случаях их употребления следует отделять запятыми от главного.

Возвратные местоимения в придаточных предложениях. Выше (стр. 339) мы уже отмечали, что в придаточных предложениях по отношению к подлежащему главного, а также для выражения принадлежности какого-либо предмета подлежащему и другим членам главного предложения употребляются возвратные местоимения (в последнем случае употребляются возвратные притяжательные местоимения) в соответствующем падеже. Однако мы приводили примеры лишь на возвратные местоимения третьего лица, приобретающие значение относительных. Возвратные местоимения в ингушском языке имеют столько же лиц, сколько и личные, от которых они образуются. Остальные лица возвратных местоимений, кроме третьего, не приобретают в ингушском языке значения относительных, но в ряде случаев (косвенная речь и т. п.) только они служат отличительным признаком придаточного предложения. Приведем примеры на употребление возвратных и возвратно-притяжательных место-

имений первых двух лиц в различного рода придаточных предложениях:

Со юрта вахча, ловзарга Iийра со цига.
Поехав в селение, я был там на свадьбе.

Буквально: После того, как я поехал в селение, я сидел там на свадьбе.

Сиз союзо вохийте, укх шера курорте гIоргва со.
Если меня пошлет союз, я поеду в этом году на курорт.

Хьиз паргIата ма ваьлла, тханцига веллахь.
Как только ты освободишься, приходи к нам.

Хьиз цо войте, сона тIеьа воагIаргва хьо.
Если он тебя пошлет, ты придешь за мною.

Айса билет ийцадаларе, кино гIоргвар со.
Если бы я (сам) купил билет, я пошел бы в кино.

Сайга цо йохке, из говр эцаргья из.
Если он мне продаст, я куплю эту лошадь.

Iайха каьгI т яздойя, са цIерагIа язделахь.
Если ты будешь писать письмо, то пиши на мое имя.

Хьайна цо билет эце, театре гIор хьо.
Если он купит тебе билет, то ты пойдешь в театр.

Оахош болх болабича, балха сихо ю оаха.
Когда мы начинаем работу, мы быстро работаем.

Тхоашица хьо воагIаре, базар тIа гIаргдар тхо.
Если бы ты пошел с нами, то мы пошли бы на базар.

Оашош дешача хана, дика Iоамадора оаш.
Когда вы обучались, вы хорошо учились.

Шоашица из веча, кино гIаргдарий шу?
Если бы он пошел с вами, вы пошли ли бы в кино?
Буквально: Если бы он пришел с вами, вы пошли ли бы в кино?

Тхоаши школе долхаши, сакьердалу тха.
Когда мы идем в школу, мы радуемся.

Цо хьога аьннадий согара хьай документаши дIаиэца аьнна?
Сказал ли он тебе, чтобы я отдал твои документы?

В последнем примере возвратно-притяжательное местоимение второго лица единственного числа в составе придаточного предложения относится не к подлежащему главного предложения, а к его второстепенному члену. Следовательно, возвратно-притяжательные местоимения могут употребляться в составе придаточного предложения иногда и в тех случаях, когда они относятся по смыслу к второстепенным членам главного предложения.

ГЛАВА 8. СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С НЕСКОЛЬКИМИ ПРИДАТОЧНЫМИ

Связь нескольких придаточных предложений с главным. В случае сложноподчиненного предложения, при котором имеется несколько придаточных предложений, употребляются две различные формы подчинения этих придаточных предложений: несколько придаточных предложений при одном главном могут представлять собой однородные придаточные предложения, т. е. такие, которые употребляются в значении одного и того же члена главного предложения и имеют совершенно одинаковое оформление придаточного сказуемого (одинаковые придаточные суффиксы, одинаковые относительные союзы или местоимения и т. д.); или несколько придаточных предложений представляют собой последовательную цепь подчинения, т. е. последнее придаточное предложение подчинено другому придаточному, а это, в свою очередь, подчинено следующему придаточному, которое, наконец, в свою очередь, подчинено главному. В первом случае мы называем придаточные предложения однородными, во втором случае – последовательной цепью соподчинения придаточных предложений.

Связь однородных придаточных предложений с главным. В случае двух или нескольких однородных придаточных предложений, порядок расположения их друг относительно друга может быть изменен обычно без ущерба для смысла всего сложноподчиненного предложения в целом. Приведем примеры:

Со чувахаш дола, айла йисте даглаш дола цленош дахача шера даь да.

Дом, в котором я живу, (и) который стоит на краю аула, сделали в прошлом году.

В данном предложении имеется два определительных придаточных предложения, которые служат определениями к слову *цѐнош*, входящему в состав главного предложения. Оба придаточных предложения имеют одинаковую составную форму сказуемого, выраженную составным глагольным причастием. Так как оба придаточных предложения здесь совершенно одинаковы по форме, порядок их друг относительно друга может быть изменен без всякого ущерба для смысла:

Айла йисте дагІаиш дола, со чувахаш дола цѐнош дахача шера даь да.

Дом, который стоит на краю аула и в котором я живу, сделали в прошлом году.

В случае постановки однородных придаточных предложений в конце или в середине главного, возможна такая же перемена порядка придаточных предложений друг относительно друга:

Дахача шер даь да, со чувахаш вола, айла йисте дагІаиш дола цѐнош.

Дахача шера даь да, айли йисте дагІаиш а доал, со чувахаш а вола цѐнош.

Для более точного разграничения главного и придаточных предложений в ингушском языке, как и в русском, можно употребить указательное местоимение *из* 'тот, этот' в составе главного предложения перед определяемым словом:

Со чувахаш дола, юрта йисте дагІаиш дола, уж цѐнош дахача шера даь да.

Тот дом, в котором я живу и который стоит на краю аула, сделан в прошлом году.

Юрта йисте дагІаиш дола, со чуІеш дола уж цѐнош дахача шера даь да.

Тот дом, который стоит на краю аула и в котором я живу, сделали в прошлом году.

Дахача шера даь да, со чухуІеш дола, юрта йисте дагІаиш дола уж цѐнош.

Дахача шера даь да, айла йисте дагІаиш дола, со чуІеш дола уж цѐнош.

Подобным же образом мы можем изменять порядок расположения однородных придаточных предложений друг относи-

тельно друга и в случае других типов этих предложений. Приведем примеры:

Два однородных условных предложения

Со мукъа а хуле, Ia билет а эце, вай театре гIоргда.

Если я буду свободен, и если ты купишь билет, мы пойдем в театр.

Ia билет а эце, со мукъа а хуле, вай театре гIоргда.

Если ты купишь билет, и если я буду свободен, мы пойдем в театр.

Вай театре гIоргда, Ia билет а эце, со мукъа а хуле.

Мы пойдем в театр, если ты купишь билет и если буду я свободен.

Вай театре гIоргда, со мукъа а хуле, Ia билет а эце.

Мы пойдем в театр, если я буду свободен и если ты купишь билет.

Два однородных субъектных придаточных с обобщенным значением

Болх дика хъаннагIочо бойя а, балха нормал шовзкъеитт – бIаь процент тIехкхоачаи моллагIчо йойя а, из стахановец ва.

Всякий, кто хорошо работает, всякий, кто перевыполняет норму на 50–100%, тот – стахановец.

Балха нормал шовзкъеитт – бIаь процент тIехкхоачаи моллагIчо йойя а, болх дика хъаннагIочо бойя а, из стахановхо ва.

Всякий, кто перевыполняет норму на 50–100% и всякий, кто хорошо работает, тот – стахановец.

При данном типе придаточных предложений они не могут быть поставлены после главного.

Два однородных субъектных придаточных предложения

Болх бе ца ловр, гIулакх ца дер, – из ладархо ва.

Кто работать не желает, кто дела не делает, тот лодырь.

ГIулакх ца дер, болх бе ца ловр, из ладархо ва.

Кто дела не делает, кто работать не хочет, тот лодырь.

Из, болх бе ца ловр, гIулакх ца дер, из ладархо ва.

Из, гТулакх ца дер, болх бе ца ловр, ладархо ва.

И в данном случае постановка придаточных предложений после главного в ингушском языке не употребительна.

Два однородных масдарных придаточных предложения

Хьо мукъа хилар а, аз билет эцар а, белгалдац вайна.

Неизвестно, будешь ли ты свободен и куплю ли я билет.

Буквально: Что будешь ты свободен, и что куплю я билет, неизвестно нам.

Аз билет эцар а, хьо мукъа хилар а, белгалдац вайна.

Неизвестно, куплю ли я билет, и будешь ли ты свободен.

Белгалдац вайна, хьо мукъа хилар а, аз билет эцар а.

Белгалдац вайна, аз билет эцар а, хьо мукъа хилар а.

Два однородных объектных придаточных предложения при глаголах: со значением “чувствовать, сознавать”

Сона хезад, из хъавоагIа яхаш а, ер дIавода яхаш а.

Я слышал, что он приезжает, а тот уезжает.

Я слышал, что один приезжает, а другой уезжает.

Сона хезад, ер дIавода яхаш а, из хъавоагIа яхаш а.

Я слышал, что тот уезжает, а он приезжает.

Я слышал, что первый уезжает, а второй приезжает.

Сона хезад, из хъа а воагIа, ер дIо а вода яхаш.

Из хъавоагIа яхаш а, ер дIавода яхаш а, хезад сона.

Ер дIавода яхаш а, из хъавоагIа яхаш а, хезад сона.

Из хъа а воагIа, ер дIа а вода яхаш, хезад сона.

Сона хов цо дика дешилга а, укхо болх дика белга а.

Я знаю, что он хорошо учится, а тот хорошо работает.

Я знаю, что первый хорошо учится, а второй хорошо работает.

Сона хов, укхо болх дика белга а, цо дика дешилга а.

Я знаю, что тот хорошо работает, а он хорошо учится.

Цо дика дешилга а || дешиийла а, укхо болх дика белга а, хов сона.

Укхо болх дика белга а, цо дика дешилга а, хов сона.

Два однородных придаточных обстоятельства времени

Хьо болх баь а, со яздаь а ваьнначул тlехьагla, театре гlоргда вай
После того, как ты кончишь работать и я кончу писать, мы
пойдем в театр.

Со яздаь а, хьо болх баь а ваьнначул тlехьагla, театре гlоргда вай
После того, как я кончу писать и ты кончишь работать, мы
пойдем в театр.

Театре гlоргда вай, хьо болх баь а, со яздаь а ваьнначул тlехьагla.

Театре гlоргда вай, со яздаь а, хьо болх баь а ваьнначул тlехьагla.

Хьо болх баь а, со яздаь а ваьлча, театре гlоргда вай.
Мы пойдем в театр, когда ты кончишь работать, а я писать.

Со яздаь а, хьо болх баь а ваьлча, театре гlоргда вай.
Мы пойдем в театр, когда я кончу писать, а ты работать.

Театре гlоргда вай, хьо болх баь а, со яздаь а ваьлча.
Театре гlоргда вай, со яздаь а, хьо болх баь а ваьлча.

la болх а беш, аз яз а деш, даьглар вай цlaгla.
Ты – работая, а я – занимаясь писанием, сидели мы дома.

Аз яз а деш, la болх а беш, даьглар вай цlaгla.
Я – занимаясь писанием, а ты – работая, сидели мы дома.

Вай цlaгla даьглар, la болх а беш, аз яз а деш. |
Мы сидели дома: ты – работая, а я – занимаясь писанием.

Вай цlaгla даьглар, аз яз а деш, la болх а беш.

В последнем примере однородные придаточные предложения выражают одновременность, в предыдущих же примерах они выражают предшествование во времени, причем действие обоих придаточных предложений происходит одновременно. Этот случай в ингушском языке следует строго отличать от таких придаточных предложений обстоятельства времени, в которых действия происходят не одновременно, а последовательно друг за другом. В последнем случае изменение порядка придаточных предложений друг относительно друга невозможно, и потому мы считаем эти предложения неоднородными (см. ниже, стр. 467 и сл.).

Два однородных косвенных вопроса

Сона хац, из горODE воагIулга а || воагIуйла а, ер балха водилга а.
Я не знаю, приезжает ли он в города и идет ли тот на работу.

Сона хац, из балха водилга а, ер горODE воагIулга а.
Я не знаю, идет ли он на работу и приходит ли тот в города.

Из горODE воагIуй а, ер балха водий а, хац сона.
Из балха водий а, ер горODE воагIуй а, хац сона.

Из примеров видно, что в случае однородных придаточных предложений мы можем произвольно менять их порядок друг относительно друга без изменения смысла всего сложноподчиненного предложения в целом. В придаточных предложениях обстоятельства времени этот порядок может быть изменен лишь в том случае, если оба придаточных предложения выражают действия, происходящие одновременно. Следовательно, однородными придаточными предложениями обстоятельства времени мы признаем лишь такие, которые выражают одновременно происходящие в придаточных предложениях действия (одновременность же этих действий с действием главного предложения не обязательна).

Цепь последовательно соподчиненных придаточных предложений. В том случае, если два или несколько придаточных предложений представляют собой цепь последовательного соподчинения, порядок расположения этих предложений друг относительно друга не может быть изменен без ущерба или без полной потери смысла всего предложения в целом. Приведем примеры:

Дукха Iажаш болаш йолча бешагахъа кор а долаш долча цIагIа ваъхар со.

Я жил в доме, окно которого выходило в сад, в котором было много яблонь.

ЦIагIа ваъхар со, дукха Iажаш болаш йолча бешагахъа кор а долча.

В данном примере мы имеем два определительных придаточных предложения, которые относятся к двум разным определяемым, хотя и одинаковы по форме. Первое придаточное относится к определяемому *беш* 'сад', которое входит в состав второго придаточного предложения, а второе придаточное предложение определяет слово *цIа* 'дом' – слово, которое входит в состав главного предложения. Таким образом, первое придаточное предложение подчинено второму, а это последнее

подчинено, в свою очередь, главному предложению. Следовательно, в данном случае мы имеем придаточные определительные предложения, хотя и одинаковые по форме, но представляющие собой цепь последовательного соподчинения. Приведенные выше примеры показывают, что порядок придаточных предложений друг относительно друга в этом случае не может быть изменен. Однако мы можем изменить в ингушском языке порядок обоих придаточных предложений в отношении главного: главное предложение может быть поставлено как в начале, так и в конце сложноподчиненного предложения. Такое изменение порядка в данном примере невозможно в русском языке. Приведем еще примеры на цепь последовательного соподчинения придаточных предложений:

Бешлоамах ЙодоагIаш долча Тийрко кхесташи йолча, хьоар охьача хьарара хьоар дера оаха.

Хьоар охьача хьарара хьоар дера оаха, Бешлоамах ЙодоагIаш долча Тийрко кхесташи йолча.

Мы привезли муку с вальцовой мельницы, которую двигает Терек, текущий с Казбека.

Второе из приведенных здесь предложений может быть буквально переведено по-русски следующим образом:

С вальцовой мельницы муку привезли мы, с Казбека сюда текущий Терек крутит которую.

Цепь соподчиненных придаточных обстоятельства времени

Шун бригадо болх а боя, Ia xIама а юиэ, театре долх вай.

После того, как ваша бригада поработает и ты покушаешь, мы идем в театр.

Трактористаша лаьтта а оахе, колхозхоша фу а тоссе, тха бригадо макхаши доах.

После того, как трактористы вспашут землю и колхозники посеют семена, наша бригада боронит.

Шун бригадо болх а баь, Ia са а леIа, театре Iаггда вай.

После того, как ваша бригада поработает и ты отдохнешь, мы пойдем в театр.

Из дахча тийда́, эттIада́ь, со дIадилаи ваьннав (слитное придаточное предложение).

Когда он кончил рубить и колоть дрова, я закончил их укладку.

Дешархоша шоай книжкаш а деша, урокаш а яздойя, цар даъшеи-ноаношеи ловза бохийт уж (слитное придаточное предложение).

Когда ученики прочтут свои книжки и напишут уроки, родители отпускают их играть.

Из хъа а вена, барцкъаши дIа а даъха, Io а хайна, язде волаვენнав (слитное придаточное предложение).

Войдя, раздевшись и сев, он начал писать.

Из язде волаვენнав, хъа а вена, барцкъаши дIа а даъха, Io а хайна (слитное придаточное предложение).

В данных примерах действия, выражаемые формой причастия прошедшего совершенного времени, имеющей здесь значение деепричастия того же времени, протекают последовательно одно перед другим. Следовательно, несмотря на однородные придаточные формы, мы имеем в данном случае цепь последовательно протекающих во времени придаточных форм сказуемого, выражающих предшествование во времени. В первом предложении это будут самостоятельные придаточные предложения, в остальных же примерах — несколько сказуемых при одном подлежащем, т.е. слитные придаточные предложения.

И в данном случае порядок всех вместе взятых придаточных предложений в отношении главного в ингушском языке может быть изменен, что, однако, не употребительно в русском языке. Порядок же придаточных предложений друг относительно друга, как и порядок сказуемых в слитном придаточном предложении, в данном случае не может быть изменен ни в ингушском, ни в русском языке без заметного ущерба для смысла предложения.

Из хъа а веча, цо барцкъаши дIа а даъхча, из Io а хайча, хабар дувца а волавелча, язде волавелар со.

Со язде волавелар, из хъа а веча, цо барцкъаши дIа а даъхча, из Io а хайча, хабар дувца а волавелча.

Когда он пришел, разделся, сел и начал рассказывать, я начал писать

В данном примере в ингушском языке употребляется деепричастная придаточная форма прошедшего совершенного времени, так как подлежащие в слитном придаточном предло-

жений и в главном различные. Здесь мы тоже имеем придаточное обстоятельство времени, в котором каждое сказуемое выражает предшествование во времени по отношению к последующему.

Из хъа а вена, барцкъаш дла а даъха, Io а хайна, хабар дувца волавенначул тIехъагIа, язде волавелар со.

После того, как он пришел, разделся, сел и начал рассказывать, я начал писать.

В данном примере падежное окончание причастия и слово *тIехъагIа*, приобретающее здесь значение относительного союза, присоединяются только к последнему сказуемому. Этот стилистический прием употребляется вообще и в слитных придаточных предложениях, имеющих одинаковую форму сказуемого, и в случае однородных придаточных предложений, и в случае последовательно соподчиненных придаточных предложений, имеющих одинаковую грамматическую форму сказуемых (еще примеры см. выше, стр. 466).

Порядок придаточных предложений в отношении главного. Ингушские придаточные предложения, как это видно из предыдущих примеров, обычно могут свободно менять свой порядок в отношении главного предложения. Этот закон прямо вытекает из произвольного порядка слов в ингушском простом предложении. Порядок расположения придаточных предложений в отношении главного подчинен в ингушском языке в общем тем же правилам, каким подчиняется порядок тех членов простого предложения, в роли которых выступают данные придаточные предложения. Исключением из этого правила являются условные по форме придаточные предложения с обобщенным значением. Так, например, в приведенных на стр. 463 примерах этого рода предложений порядок их в отношении главного вообще не может быть изменен. Это исключение, однако, трудно объяснить, так как условные и уступительные придаточные предложения, от которых исторически происходит условная форма с обобщенным значением, допускают свободное изменение порядка придаточных предложений в отношении главного (пример см. на стр. 464). Менее употребительно в ингушском языке также изменение порядка субъектных придаточных предложений в отношении главного (пример см. на стр. 464). Однако и в этом случае порядок придаточных предложений в отно-

шении главного может быть изменен при условии добавления в состав придаточного предложения союза *а*:

Из ладархо ва, болх бе ца ловр, гъулакх а ца дер.

Кто и работать не желает, и дело не делает, тот лодырь.

Таким образом, в отношении порядка придаточных и главного предложений ингушский язык допускает большую свободу, чем даже русский язык, в котором некоторые типы придаточных предложений (например, определительные, некоторые разновидности субъектных, объектных и т.п. предложений) скованы определенным порядком расположения их в отношении главного.

Стилистически, однако, во многих случаях не безразлично, поместить ли придаточное предложение на своем обычном месте или в конце главного. Для таких перемещений в ингушском языке можно применить следующее правило: если придаточное предложение состоит из немногих слов (неразвитое, нераспространенное придаточное предложение), то оно предпочтительно ставится на своем обычном месте (например, в начале или середине главного); если же придаточное предложение состоит из многих слов (развитое, распространенное придаточное предложение), то оно обычно переносится в конец главного. Это правило легко подтверждается, например, на материале причастных определительных придаточных предложений.

ЛР №040103 от 18.02.97. Издательство "Академия" при участии редакции журнала «Вестник Российской академии наук» 117810, Москва, Крымский вал. Мароновский переулок, 26. Тел./факс: 238-25-10, тел. 238-21-23, 238-21-44. Электронная почта: apriori@oss.ru

Главный редактор издательства В. А. ПОПОВ

Редактор М. А. АЛЕКСЕЕВА

Художественный редактор Е. Ю. САЛТЫКОВА

Корректор Л. В. ЧЕРЕПАННИКОВА

Редактор-организатор Г. Н. УГЛЕВА

Ответственная за выпуск Л. В. ЛЮБОЧКИНА

Подписано в печать 26.12.2000. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсет. № 1. Печ. л. 29,5. Уч.-изд. л. 41,3.

Тираж 500 экз. Заказ 7784

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИПНИТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

Тел. 554-21-86